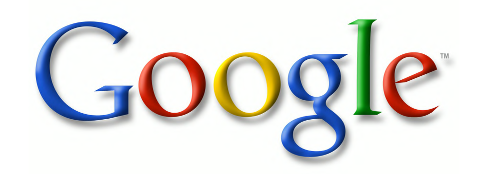
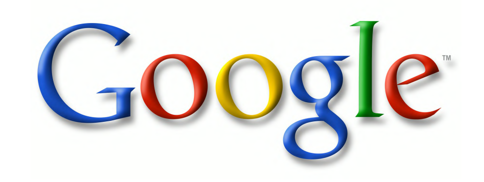


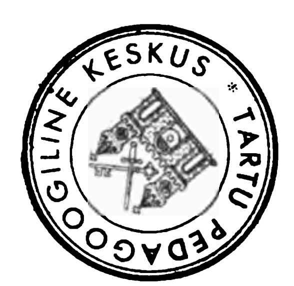


Stanford University Libraries
3 6105 126 585 343

СБОРНИКЪ
женской гимназіи
А. С. Пушкина

въ

г. Юрьевѣ.



Томъ I.

Подъ редакціею предсѣдателя Педагогическаго Совѣта

А. Н. Ясинскаго.

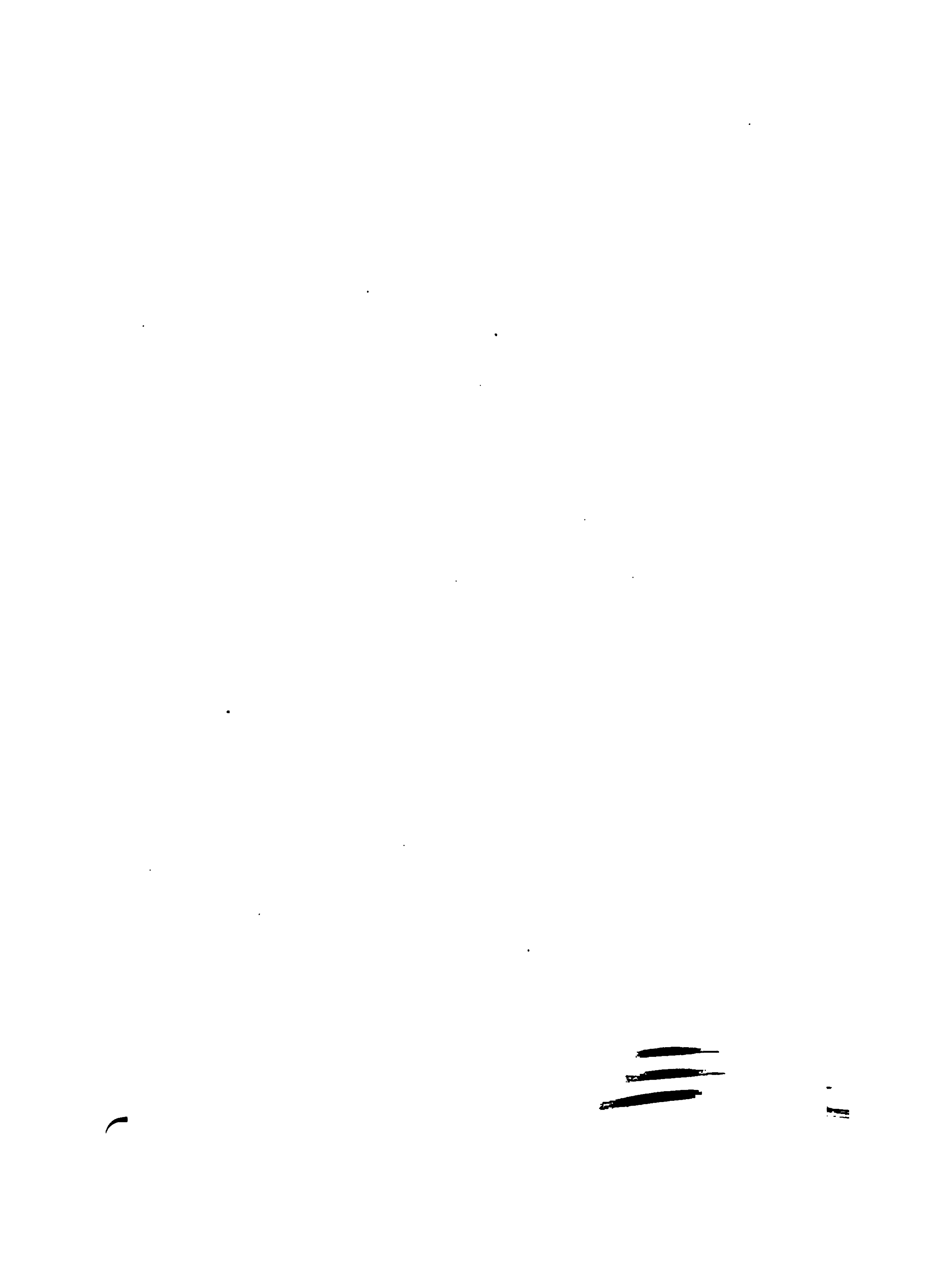
ЮРЬЕВЪ.
Типографія Эд. Бергмана, Рыцарская 17.
1906.

Дозволено цензурою. — Юрьевъ, 10 iюня 1906 г.

Содержаніе.

Оффиціальная часть.

Неоффиціальная часть.



[illegible] въ мужскомъ училищѣ 24 августа
[illegible] 5 сентября.
[illegible] льбѣ трехъ училищъ представляло суще-
[illegible] ѣе, что помѣщенія городскаго училища не
[illegible] потому 21 ноября 1891 года, по ходатайству
[illegible] овало разрѣшеніе г. министра о передачѣ
[illegible] мужской гимназіи дома, въ которомъ
[illegible] овительные классы послѣдней, въ пользо-
[illegible] женскаго начальнаго училища, съ пере-
[illegible] ихъ классовъ въ главное зданіе гимназіи

[illegible] классное училище находилось подъ особымъ
[illegible] печителя М. Н. Капустина, какъ усматривается
[illegible] пруга его, С. Н. Капустина, въ 1889 году по-
[illegible] въ триста рублей для учрежденія одной сти-
[illegible] ератрицы Екатерины II, а въ слѣдующемъ году
[illegible] А. Казариновъ пожертвовалъ капиталъ въ сто
[illegible] для учрежденія при училищѣ стипендіи имени
[illegible] см. приложенія, № 5—7).
[illegible] ѣ М. Н. Капустина, попечителѣ Н. А. Лавровскомъ,
[illegible] образованіе этого женскаго двухкласснаго училища
[illegible] женское училище, съ 1 іюля 1894 г., согласно Высо-
[illegible] нію, состоявшемуся 1 февраля того же года. На со-
[illegible] нскаго училища повелѣно было отпускать ежегодно
[illegible] Государственнаго казначейства по двѣ тысячи семи сотъ
[illegible] руб., съ зачисленіемъ въ эту сумму 1290 руб. 20 коп.,
[illegible] шіяся прежде на содержаніе упраздненнаго двухкласснаго
[illegible] съ отнесеніемъ остальной части расхода въ размѣрѣ
[illegible] на спеціальныя его средства (см. приложенія, № 9).
[illegible] вскому училищу были даны уставъ и штаты Якобштадт-
[illegible] ріинскаго училища, учрежденнаго 17 декабря 1890 года.
[illegible] училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія,
[illegible] ующія преимущественно на Кавказѣ и въ Средней Азіи,
[illegible] цѣлью доставлять общее элементарное образованіе дѣвицамъ
[illegible] сословій и вѣроисповѣданій и открываются въ составѣ 4 классовъ
[illegible] нымъ курсомъ ученія въ каждомъ. Уставъ ихъ составленъ
[illegible] нтельно къ Положенію 1870 г. о женскихъ гимназіяхъ: они
[illegible] Попечительный и Педагогическій Совѣты такого же состава
[illegible] же компетенціи, какъ и въ женскихъ гимназіяхъ; непосред-
[illegible] управленіе каждымъ училищемъ ввѣряется смотрительницѣ,
[illegible] іи Педагогическаго Совѣта, состоящаго подъ ея предсѣ-
[illegible] омъ, но уставъ предоставляетъ начальству учебнаго округа,
[illegible] ѣ признанной необходимости, назначать предсѣдателемъ

ство уступило въ собственность зданія съ принадлежащими къ нимъ земельными участками, а изъ казны Высочайше повелѣно было отпускать на содержаніе, начиная съ 1 января 1896 г., по 2000 руб. въ годъ и единовременно 1900 р. на приспособленіе уступленныхъ городомъ зданій для помѣщенія гимназіи. Сверхъ двухъ непремѣнныхъ членовъ, начальницы и предсѣдателя, въ Попечительный Совѣтъ этой гимназіи должны были входить 4 члена, изъ которыхъ два по избранію Митавскаго городскаго управленія, а два другихъ — по назначенію попечителя изъ числа учителей мѣстныхъ учебныхъ заведеній. 8 іюня 1898 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи Либавскаго городского женскаго училища II разряда въ женскую гимназію, съ назначеніемъ пособія изъ средствъ Государственнаго казначейства по двѣ тысячи руб. въ годъ, въ дополненіе къ 3000 р., жертвуемымъ на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ городскихъ средствъ.

Преобразованіе городскихъ училищъ по опредѣленію городскихъ обществъ, съ отведеніемъ гимназіямъ зданій и назначеніемъ на ихъ содержаніе пособій изъ городскихъ средствъ, свидѣтельствовало въ полной мѣрѣ о томъ, что широкіе круги мѣстнаго населенія не считали возможнымъ удовлетворяться существовавшими уже высшими городскими женскими училищами устарѣлаго типа, и что правительственныя женскія гимназіи были признаны со стороны мѣстнаго населенія болѣе пригодными въ дѣлѣ воспитанія и образованія подростающаго женскаго поколѣнія.

Въ 1899 году возникаетъ и въ городѣ Юрьевѣ правительственная женская гимназія, являющаяся въ отношеніи помѣщенія, инвентаря, отпуска суммъ изъ Государственнаго казначейства и стипендіальныхъ капиталовъ преемницей нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ этомъ городѣ (см. приложенія, №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10).

По ходатайству попечителя М. Н. Капустина и представленію Министерства, 9 іюня 1889 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи Дерптской первой учительской семинаріи и ежегодномъ отпускѣ изъ казны 2015 руб. 20 коп. въ распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія на содержаніе въ г. Дерптѣ двухъ начальныхъ училищъ, мужского и женскаго. Г. министръ разрѣшилъ 10 августа того же года указанную сумму распредѣлить слѣдующимъ образомъ: на содержаніе одноклассного училища для мальчиковъ 810 руб. въ годъ, а на содержаніе двухклассного училища для дѣвочекъ 1290 р. 20 к. въ годъ, при чемъ плата за ученіе была установлена въ мужскомъ училищѣ по 8 руб. въ годъ съ каждаго ученика и въ женскомъ по 6 руб. въ годъ съ каждой ученицы. Оба эти училища были учреждены при Дерптскомъ городскомъ

училищѣ, и ученіе началось въ мужскомъ училищѣ 24 августа 1889 года, а въ женскомъ — 5 сентября.

Размѣщеніе въ одной усадьбѣ трехъ училищъ представляло существенныя неудобства тѣмъ болѣе, что помѣщенія городскаго училища не отличались обширностью, а потому 21 ноября 1891 года, по ходатайству попечителя округа, послѣдовало разрѣшеніе г. министра о передачѣ принадлежащаго Дерптской мужской гимназіи дома, въ которомъ были размѣщены приготовительные классы послѣдней, въ пользованіе правительственнаго женскаго начальнаго училища, съ переводомъ приготовительныхъ классовъ въ главное зданіе гимназіи (см. приложенія, № 8).

Это женское двухклассное училище находилось подъ особымъ покровительствомъ попечителя М. Н. Капустина, какъ усматривается это изъ того, что супруга его, С. Н. Капустина, въ 1889 году пожертвовала капиталъ въ триста рублей для учрежденія одной стипендіи имени Императрицы Екатерины II, а въ слѣдующемъ году мѣстный купецъ А. А. Казариновъ пожертвовалъ капиталъ въ сто пятьдесятъ рублей для учрежденія при училищѣ стипендіи имени М. Н. Капустина (см. приложенія, № 5—7).

При преемникѣ М. Н. Капустина, попечителѣ Н. А. Лавровскомъ, послѣдовало преобразованіе этого женскаго двухкласснаго училища въ Маріинское женское училище, съ 1 іюля 1894 г., согласно Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 1 февраля того же года. На содержаніе Маріинскаго училища повелѣно было отпускать ежегодно изъ средствъ Государственнаго казначейства по двѣ тысячи семи сотъ семидесяти руб., съ зачисленіемъ въ эту сумму 1290 руб. 20 коп., отпускавшихся прежде на содержаніе упраздненнаго двухкласснаго училища и съ отнесеніемъ остальной части расхода въ размѣрѣ 1000 руб. на спеціальныя его средства (см. приложенія, № 9).

Юрьевскому училищу были даны уставъ и штаты Якобштадтскаго Маріинскаго училища, учрежденнаго 17 декабря 1890 года. Маріинскія училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, существующія преимущественно на Кавказѣ и въ Средней Азіи, имѣютъ цѣлью доставлять общее элементарное образованіе дѣвицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій и открываются въ составѣ 4 классовъ съ годичнымъ курсомъ ученія въ каждомъ. Уставъ ихъ составленъ примѣнительно къ Положенію 1870 г. о женскихъ гимназіяхъ: они имѣютъ Попечительный и Педагогическій Совѣты такого же состава и той же компетенціи, какъ и въ женскихъ гимназіяхъ; непосредственное управленіе каждымъ училищемъ ввѣряется смотрительницѣ, при участіи Педагогическаго Совѣта, состоящаго подъ ея предсѣдательствомъ, но уставъ предоставляетъ начальству учебнаго округа, въ случаѣ признанной необходимости, назначать предсѣдателемъ

Педагогическаго Совѣта инспектора мѣстныхъ мужскихъ городскихъ училищъ или кого либо изъ опытныхъ учителей этихъ училищъ. Въ Маріинскихъ училищахъ преподаются: Законъ Божій, русскій и церковно-славянскій языки, ариѳметика и элементарныя свѣдѣнія изъ геометріи, географія, исторія, краткій курсъ естествовѣдѣнія, рукодѣліе, рисованіе, чистописаніе и пѣніе, но, кромѣ этихъ предметовъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, могутъ быть преподаваемы и предметы дополнительные. Такъ, напр., въ Юрьевскомъ Маріинскомъ училищѣ было введено преподаваніе нѣмецкаго и французскаго языковъ. Таблица числа часовъ учебныхъ занятій въ Якобштадтскомъ Маріинскомъ училищѣ, по образцу котораго было основано Юрьевское, отличается отъ соотвѣтствующей таблицы 4 первыхъ классовъ гимназіи слѣдующими чертами: 1) рисованіе и пѣніе въ училищахъ введены въ качествѣ основныхъ предметовъ, тогда какъ въ гимназіяхъ они относятся къ числу необязательныхъ, и на преподаваніе этихъ предметовъ отведено въ два раза бóльшее число часовъ въ училищѣ, чѣмъ въ гимназіи; 2) на преподаваніе Закона Божія, русскаго языка и математики положено на одинъ часъ болѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ; 3) естествовѣдѣніе преподается, начиная со II класса, по два часа въ каждомъ классѣ; 4) географія изучается только начиная со II класса; 5) на преподаваніе чистописанія полагается 9 часовъ и на преподаваніе рукодѣлія 18 часовъ во всѣхъ классахъ училища, тогда какъ въ 4 классахъ гимназіи на первый предметъ положено 6 часовъ, а на второй — только 4 часа (по два въ III и IV классахъ).

Изъ этого сопоставленія организаціи Маріинскихъ училищъ и женскихъ гимназій и сравненія ихъ таблицъ недѣльныхъ часовъ можно видѣть, что Маріинскія женскія училища, считаясь съ потребностями малокультурной среды, стремились доставить дѣвицамъ законченное элементарное образованіе, приспособленное нѣсколько къ практическимъ запросамъ простого быта. Съ другой же стороны, имѣя родственныя черты сходства съ женскими прогимназіями, Маріинскія училища безъ особаго труда преобразовываются въ гимназіи, какъ только появляются запросы на полное среднее образованіе женщинъ. Такъ, напр., въ городахъ Маргеланѣ и Самаркандѣ Маріинскія училища были преобразованы въ женскія гимназіи.

Въ городѣ Юрьевѣ были на лицо всѣ условія, необходимыя для основанія женской гимназіи, и не было недостатка въ лицахъ, стремившихся доставить своимъ дочерямъ не только среднее, но и высшее образованіе. Кромѣ того, по общимъ культурнымъ условіямъ г. Юрьевъ, располагая двумя высшими и нѣсколькими средними учебными заведеніями, далеко превосходилъ не только города

Кавказа и Средней Азіи, но и захолустный Якобштадтъ, училище котораго было образцомъ для Юрьевскаго.

Въ виду всего этого неудивительно, что основанное Маріинское училище, нисколько не удовлетворяя запросамъ проживавшихъ въ г. Юрьевѣ русскихъ людей, не могло окрѣпнуть и правильно развиваться. Число учащихся въ этомъ училищѣ всегда было незначительно: не превышало 100, не взирая на то, что плата за ученіе взималась въ размѣрѣ 10 р. въ годъ съ каждой ученицы. Располагая поэтому скудными специальными средствами, училище должно было довольствоваться самыми скудными учебными пособіями и бѣдною обстановкою.

Входя въ печальное положеніе училища, округъ возбудилъ ходатайство объ увеличеніи отпуска изъ казны. Это ходатайство увѣнчалось успѣхомъ: 2 декабря 1896 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи съ 1 января 1897 года ежегодно отпускаемой на содержаніе училища изъ Государственнаго казначейства суммы (2770 р.) на 500 руб. Такимъ образомъ, ежегодное пособіе Маріинскому училищу достигло размѣра 3270 руб. Эти значительныя затраты казны на содержаніе училища не оправдывались положеніемъ дѣла: число учащихся уменьшалось и дошло до скромной цифры 70. Уже это одно обстоятельство наводило на мысль о необходимости преобразованія училища.

Попечитель учебнаго округа обратился къ городскому головѣ г. Юрьева съ просьбою (отн. за № 780 отъ 31 января 1897 г.) „внести на ближайшемъ засѣданіи на обсужденіе Юрьевской городской думы вопросъ о томъ, не признаетъ ли дума возможнымъ предоставить готовое помѣщеніе для проектируемой въ г. Юрьевѣ женской гимназіи, а также отпускать ежегодно на содержаніе оной денежное пособіе изъ средствъ города.“ Обосновывая возбужденіе этого вопроса, попечитель ссылался на то обстоятельство, что городское управленіе г. Пернова приняло на себя содержаніе женской гимназіи. Къ этому было присоединено, что въ случаѣ согласія Юрьевской городской думы обезпечить существованіе женской гимназіи, „г. Юрьеву будетъ предоставлено участіе въ завѣдываніи хозяйственною частью сей гимназіи,“ и въ Попечительный Совѣтъ „войдутъ два члена отъ городского управленія.“

Если бы тогдашнее городское управленіе отнеслось сколько-нибудь сочувственно къ мысли объ основаніи въ городѣ Юрьевѣ женской гимназіи и нашло бы возможнымъ предоставить для нея помѣщеніе и отпускать ежегодное пособіе на содержаніе, то вопросъ объ открытіи гимназіи разрѣшенъ былъ бы съ тою быстротою и немедленностью, какъ это было въ Перновѣ, Митавѣ и Либавѣ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ самою жизнью намѣчался во-

просъ о закрытіи Маріинскаго училища и обращеніи значительнаго пособія, отпускаемаго на содержаніе его изъ казны, на нужды гимназіи.

Въ очередномъ засѣданіи Юрьевской городской думы 20 марта 1897 года большинствомъ 41 голоса противъ трехъ было опредѣлено: „отвѣтить г. попечителю, что за неимѣніемъ средствъ и готоваго помѣщенія Юрьевское городское управленіе не въ состояніи удовлетворить его предложенія.“

Заслуживаютъ вниманія пренія, происходившія въ засѣданіи при обсужденіи этого вопроса и завершившіяся столь суровымъ постановленіемъ, принятымъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Докладывая это дѣло, городской голова фонъ Бокъ, основываясь на исчисленіяхъ городского бухгалтера, заявилъ, что „съ 1890 года городскіе доходы постепенно уменьшались и въ настоящее время уменьшились на 11400 руб., въ сравненіи съ прежними годами, а расходы вслѣдствіе увеличенія штата городской полиціи и расквартированія въ г. Юрьевѣ Красноярскаго полка увеличились на сумму около 25000 руб.“ Къ этому онъ присоединилъ замѣчаніе, что „подходящаго подъ женскую гимназію зданія нѣтъ въ настоящее время въ распоряженіи городского управленія.“ Поддерживая мысль о необходимости открытія въ г. Юрьевѣ женской гимназіи, депутатъ отъ православнаго духовенства, профессоръ богословія А. С. Царевскій высказался въ томъ смыслѣ, что городъ могъ бы предоставить гимназіи городское помѣщеніе, отданное подъ частное женское учебное заведеніе г. Грасса, и что „при тщательномъ разсмотрѣніи бюджета окажется возможнымъ сократить нѣкоторыя статьи расхода и добытыя такимъ образомъ суммы употребить на предполагаемую женскую гимназію.“ Одинъ изъ трехъ русскихъ гласныхъ, входившихъ въ составъ тогдашней думы, мѣстный купецъ П. А. Поповъ „указалъ на то, что если въ настоящее время финансовое положеніе города затруднительно, то съ производящеюся переоцѣнкою недвижимостей можно ожидать увеличенія доходовъ, такъ что въ будущемъ можетъ оказаться возможность ассигновать пожертвованіе на предполагаемую женскую гимназію.“ Въ отвѣтъ на это, гласный проф. Энгельманъ указалъ на то, что вслѣдствіе постояннаго паденія квартирныхъ цѣнъ отъ оцѣнки недвижимостей слѣдуетъ ожидать только уменьшенія доходовъ, и что при разсмотрѣніи бюджета можно убѣдиться, что городское управленіе и такъ уже вынуждено отказаться отъ удовлетворенія разныхъ общеполезныхъ начинаній.“ „Что же касается отнятія у г. Грасса отведеннаго ему дома, то оно, по мнѣнію этого гласнаго, было бы несправедливо, такъ какъ училище его за все время существованія пріобрѣло себѣ полное довѣріе; кромѣ того, вышеозначенное зданіе вообще недостаточно для помѣщенія въ немъ женской гимназіи“ (Архивъ канцеляріи Попечителя Риж-

скаго учебнаго округа, 1897 г., дѣло № 212: выпись изъ протокола очереднаго собранія Ю. Г. Д. отъ 20-го марта 1897 года).

Необходимо прибавить, что проф. А. С. Царевскій заявилъ о своемъ особомъ мнѣніи, которое подано было имъ 22-го марта, т. е. на второй день послѣ засѣданія. Въ этомъ своемъ мнѣніи онъ подробно развивалъ свои соображенія о возможности сокращенія расходовъ города для полученія суммы, необходимой для оказанія со стороны города пособія на содержаніе предполагаемой женской гимназіи.

Не входя даже въ оцѣнку всѣхъ доводовъ, высказанныхъ обѣими сторонами во время преній, нельзя все-таки не выразить нѣкотораго удивленія по поводу отрицательнаго отношенія городской думы къ вопросу объ открытіи женской гимназіи, имѣя въ виду болѣе внимательное отношеніе городскихъ управленій другихъ прибалтійскихъ городовъ. Повидимому, подавляющее большинство городской думы (41 противъ 3) исходило изъ тѣхъ главнымъ образомъ соображеній, по которымъ городское управленіе отказалось давать пособіе на содержаніе существовавшаго въ г. Юрьевѣ высшаго женскаго городского училища, при введеніи во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Такъ какъ въ г. Юрьевѣ по закрытіи высшаго городского женскаго училища оставались лишь частныя женскія училища, не представлявшія окончившимъ въ нихъ курсъ ученія никакихъ правъ и по общему строю обученія и духу воспитанія несоотвѣтствующія требованіямъ русскихъ людей, то къ попечителю округа Н. А. Лавровскому неоднократно обращались многія лица со словесными заявленіями о необходимости открытія женской гимназіи, а въ 1897 году были поданы три прошенія, за подписью свыше двухсотъ русскихъ жителей г. Юрьева, имѣвшихъ дочерей школьнаго возраста, объ исходатайствованіи учрежденія правительственной женской гимназіи.

Сочувственно отнесясь къ этимъ ходатайствамъ, попечитель вошелъ 16 октября 1897 года въ Министерство съ представленіемъ о необходимости „въ скорѣйшемъ удовлетвореніи нуждъ русскаго населенія г. Юрьева и особенно лицъ, находящихся на Государственной службѣ, относительно обученія дочерей.“

Усматривая, однако, невозможность содержанія удовлетворительно поставленной правительственной женской гимназіи на одинъ сборъ за ученіе и считаясь съ полнѣйшимъ нежеланіемъ городского управленія оказать пособіе на содержаніе предполагаемой гимназіи и предоставить ей готовое помѣщеніе, попечитель рѣшился ходатайствовать о преобразованіи въ гимназію открытаго въ 1894 году Маріинскаго четырехкласснаго женскаго училища, при чемъ имѣлось въ виду, что домъ, занимаемый Маріинскимъ училищемъ, вполнѣ

достаточенъ для помѣщенія полной гимназіи и можетъ быть для сего приспособленъ при весьма незначительныхъ расходахъ изъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно на строительныя надобности Управленія округа, и что изъ Государственнаго казначейства ежегодный отпускъ будетъ доведенъ до размѣра 8500 руб., включая сюда ежегодно отпускаемыя на содержаніе Маріинскаго училища 3270 рублей. Въ подкрѣпленіе этого ходатайства, было указано въ представленіи, съ одной стороны, на то, что въ существованіи Маріинскаго училища нѣтъ настоятельной надобности, такъ какъ оно не удовлетворяетъ потребности и запросамъ населенія, и число учащихся въ немъ никогда не достигало 100, а въ послѣднее время равняется лишь 70, и что, съ другой стороны, на содержаніе гимназіи не потребуется съ перваго года открытія ея ассигнованія изъ Государственнаго Казначейства полностью 8500 рублей пособія вслѣдствіе того, что на первое время находили достаточнымъ открыть приготовительный и первые 5 классовъ и впослѣдствіи ежегодно открывать по одному слѣдующему старшему классу. Сообразно съ этимъ и для соблюденія экономіи въ расходованіи средствъ Государственнаго Казначейства, попечитель испрашивалъ отпускъ пособія на содержаніе гимназіи въ такой постепенности: въ 1-ый годъ въ размѣрѣ 5650 руб., во 2-ой размѣрѣ 7000 р. и въ 3-ій въ полномъ размѣрѣ 8500 руб., такъ что, въ дополненіе къ отпускаемымъ на Маріинское училище 3270 р., въ 1-ый годъ потребовалась бы сумма только въ 2380 р., во 2-ой — 3730 р. и въ третій годъ — 5230 руб.

Къ представленію былъ приложенъ приблизительный разсчетъ суммъ по содержанію проектируемой гимназіи, основанный на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) доходъ исчисленъ былъ въ суммѣ 16780 р., изъ коихъ 8500 р. пособія изъ суммъ Государственнаго казначейства и 8280 р. сбора платы за ученіе; 2) гимназія была разсчитана на 189 платныхъ учениць, изъ которыхъ 18 учениць приготовительнаго класса должны были платить по 30 р., 81 ученица первыхъ трехъ классовъ — по 40 р. и 90 учениць пяти старшихъ классовъ по 50 р. въ годъ каждая; 3) вознагражденіе преподавательскому персоналу было исчислено въ суммѣ 11970 р., на прочіе же расходы (жалованіе начальницы, пяти классныхъ надзирательницъ, учебныя пособія, содержаніе дома и т. д.) въ суммѣ 4810 р., а всего 16780 р., при чемъ было предположено, что за 14 уроковъ Закона Божія православнаго исповѣданія въ I—VIII классахъ, 8 уроковъ Закона Божія лютеранскаго исповѣданія на нѣмецкомъ и эстонскомъ языкахъ въ IV—VII классахъ и за 73 урока наукъ и языковъ въ IV—VII классахъ будетъ установлена плата по 60 р., за 2 урока Закона Божія православнаго исповѣданія въ приготовительномъ классѣ и за 14 уроковъ рисованія (учителю) — по 50 р., за 8 уроковъ Закона Божія лютеранскаго

исповѣданія на нѣмецкомъ и эстонскомъ языкахъ (учительницѣ), за 75 уроковъ наукъ и языковъ (учительницамъ) и 6 уроковъ пѣнія — по 40 р., за 4 урока чистописанія, 9 уроковъ рукодѣлія и 8 уроковъ танцевъ и гимнастики — по 30 р., за 2 урока Закона Божія православнаго исповѣданія, 2 урока — лютеранскаго исповѣданія и 10 другихъ уроковъ въ педагогическомъ классѣ — по 70 р.; 4) число классныхъ надзирательницъ, съ жалованьемъ по 300 р. каждой, предположено назначать въ томъ или иномъ числѣ по мѣрѣ надобности, сообразно съ общимъ числомъ ученицъ, а вознагражденіе письмоводителю и бухгалтеру (400 р.), библіотекарю и секретарю совѣта (по 100 р.) возвышать постепенно съ увеличеніемъ числа классовъ.

Входя съ представленіемъ объ открытіи въ г. Юрьевѣ женской гимназіи, попечитель предполагалъ возможнымъ открытіе ея съ начала 1898—1899 учебнаго года, но по неизвѣстнымъ причинамъ удовлетвореніе ходатайства замедлилось. Только 20 января 1899 года получилось въ Ригѣ увѣдомленіе со стороны Министерства отъ 16 января того же года за № 1120 о состоявшемся 4-го января Высочайшемъ повелѣніи о преобразованіи съ 1 іюля 1899 года Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію по Положенію 24 мая 1870 года (см. приложенія, № 1).

Въ виду приближавшагося тогда торжественнаго празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія великаго русскаго поэта А. С. Пушкина (26-го мая), попечитель округа 14 мая возбудилъ ходатайство передъ г. министромъ объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія на присвоеніе открываемой въ г. Юрьевѣ женской гимназіи наименованія: „Женская гимназія А. С. Пушкина.“ Это ходатайство было удовлетворено г. министромъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, предложеніемъ за № 12699 отъ 31-го мая 1899 года (см. приложенія, № 2).

До открытія учебныхъ занятій въ августѣ 1899 года необходимо было предпринять рядъ мѣръ для преобразованія Маріинскаго училища въ женскую гимназію: 1) организовать Попечительный Совѣтъ и назначить предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, начальницу, преподавателей, учительницъ и классныхъ дамъ; 2) произвести необходимыя приспособленія въ помѣщеніи училища для открытія классовъ гимназіи и 3) устроить пріемныя испытанія.

Уже на предложеніи г. министра о присвоеніи новой гимназіи наименованія: „Женская гимназія А. С. Пушкина“ послѣдовала 5-го іюня такая резолюція попечителя: „назначить директора Иванова предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта и сообщить ему о наименованіи гимназіи,“ вслѣдствіе чего 13 іюля 1899 года и состоялось назначеніе Н. И. Иванова предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта съ 1-го іюля. Еще ранѣе того, 25-го мая, г. попечитель ходатайство-

валъ о разрѣшеніи образовать при гимназіи Попечительный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ директоровъ или инспекторовъ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ составѣ четырехъ членовъ, а именно: предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, начальницы гимназіи (непремѣнные члены) и двухъ учителей или учительницъ гимназіи.

Возбуждая это ходатайство, попечитель считалъ необходимымъ прибавить, что „порученіе завѣдыванія хозяйственной частью открываемой женской гимназіи предсѣдателю Педагогическаго Совѣта, какъ это имѣетъ мѣсто въ Ревельской женской гимназіи, также содержимой на средства казны, представляется затруднительнымъ, такъ какъ мужскія среднія учебныя заведенія г. Юрьева довольно многолюдны, и управленіе учебной и хозяйственной частями двухъ среднихъ учебныхъ заведеній представляется крайне обременительнымъ." Въ отвѣтъ на это ходатайство, изъ Министерства послѣдовалъ 1-го іюля запросъ, не признаетъ ли попечитель „возможнымъ войти въ сношеніе съ мѣстною городскою думою о назначеніи въ составъ Попечительнаго Совѣта двухъ выборныхъ членовъ отъ городского общества, дабы избѣжать при образованіи сего совѣта отступленій отъ положенія 1870 года." Со стороны г. управляющаго округомъ В. Я. Попова по этому поводу было сообщено слѣдующее: „я признаю совершенно невозможнымъ входить въ сношеніе съ Юрьевскимъ городскимъ управленіемъ относительно назначенія въ Попечительный Совѣтъ Юрьевской Пушкинской женской гимназіи двухъ членовъ отъ г. Юрьева, такъ какъ названное городское управленіе не оказало никакого содѣйствія къ учрежденію упомянутой женской гимназіи. Сверхъ сего, назначеніе двухъ членовъ отъ города противорѣчило бы ст. X Положенія о женскихъ гимназіяхъ 24 мая 1870 г., по которой только тѣ сословія и общества могутъ избирать членовъ въ Попечительные Совѣты женскихъ гимназій, которыя принимаютъ участіе въ содержаніи сихъ гимназій." Отчасти въ силу этихъ соображеній послѣдовало 10 августа распоряженіе объ образованіи Попечительнаго Совѣта въ составѣ пяти членовъ, но съ тѣмъ, чтобы три члена сего совѣта, кромѣ двухъ непремѣнныхъ, назначались начальствомъ учебнаго округа, и чтобы самъ Попечительный Совѣтъ, согласно ст. X Положенія 24-го мая 1870 года, избиралъ себѣ предсѣдателя изъ своей среды (см. приложенія, № 3). Въ виду этого распоряженія, г. управляющій округомъ 24-го августа предложилъ предсѣдателю Педагогическаго Совѣта Н. И. Иванову указать тѣхъ лицъ, на которыхъ можно было бы возложить исполненіе обязанностей членовъ Попечительнаго Совѣта. Въ качествѣ кандидатовъ предсѣдатель Педагогическаго Совѣта представилъ 10 сентября слѣдующихъ лицъ: профессора богословія, протоіерея А. С. Царевскаго, купца I-ой

гильдіи П. А. Попова и инспектора народныхъ училищъ Е. А. Гравита[1]). Всѣ эти лица и были назначены членами Попечительнаго Совѣта на три года, считая съ 25 сентября 1899 года. До времени образованія Попечительнаго Совѣта и даже въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того завѣдываніе хозяйственными дѣлами находилось въ рукахъ предсѣдателя Педагогическаго Совѣта. Даже 29-го октября онъ входитъ съ представленіемъ за № 65 о разрѣшеніи закупать хозяйственнымъ способомъ дрова для отопленія зданія гимназіи. Разрѣшая это ходатайство, г. управляющій округомъ предложеніемъ отъ 12-го ноября за № 8439 указалъ на то, что такъ какъ, согласно разъясненію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 17-го ноября 1892 года за № 19445, должность предсѣдателя Педагогическаго Совѣта женскихъ гимназій не можетъ быть совмѣщаема съ должностью предсѣдателя Попечительнаго Совѣта той же гимназіи, то членамъ Попечительнаго Совѣта надлежитъ нынѣ же избрать изъ своей среды предсѣдателя сего совѣта.“ На эту должность избранъ былъ профессоръ православнаго богословія, протоіерей А. С. Царевскій.

Первымъ дѣломъ Попечительнаго Совѣта была забота о замѣщеніи должности начальницы гимназіи, остававшейся пока вакантной, такъ какъ просившаяся на эту должность начальница Череповецкой Маріинской женской гимназіи З. Н. Востинская и представленная округомъ на утвержденіе г. министра не могла быть утверждена въ виду того, что избраніе лица на должность начальницы гимназіи зависитъ отъ Попечительнаго Совѣта гимназіи (отнош. Департамента отъ 3 сентября за № 21032). Пока образовывался Попечительный Совѣтъ, г-жа Востинская обратилась въ Совѣтъ этотъ съ заявленіемъ о своемъ отказѣ отъ кандидатуры. Поэтому Попечительный Совѣтъ въ засѣданіи 18-го ноября подвергалъ баллотировкѣ на должность начальницы двухъ кандидатокъ, а именно: классную надзирательницу Рижской Ломоносовской гимназіи Людмилу Павлову и вдову б. директора Гатчинской учительской семинаріи, имѣющую званіе

---

1) Профессоръ богословія, протоіерей А. С. Царевскій, за истеченіемъ 3-лѣтняго срока, согласно его желанію, былъ освобожденъ отъ исполненія обязанностей члена и предсѣдателя Совѣта, съ 20 дек. 1902 г., и на его мѣсто былъ назначенъ директоръ учительской семинаріи М. А. Сѣрковъ. Г. Е. Гравитъ выбылъ изъ состава Совѣта по случаю назначенія на должность помощника инспектора студентовъ Юрьевскаго университета, и на его мѣсто былъ назначенъ 20 дек. 1900 г. членомъ проф. А. Н. Филипповъ, остававшійся въ этой должности до назначенія ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета (29 авг. 1903 г.). Преемникомъ его по должности члена Совѣта былъ ректоръ университета Г. В. Левицкій до конца 1905 года, когда послѣдовало освобожденіе его отъ обязанностей члена, согласно собственному его желанію. По представленіи Попечительнаго Совѣта, въ настоящемъ году назначенъ членомъ Совѣта ректоръ университета Е. В. Пассекъ.

домашней наставницы, Марію Воскресенскую. Такъ какъ въ пользу обѣихъ кандидатокъ было подано по ровному числу голосовъ, по 3 изъ общаго числа 4-хъ голосовъ, при чемъ голосъ предсѣдателя Попечительнаго Совѣта былъ поданъ въ пользу той и другой, то постановлено было возбудить ходатайство объ утвержденіи въ должности начальницы одной изъ кандидатокъ, по усмотрѣнію учебнаго начальства. По поводу состоявшагося постановленія непремѣнный членъ Совѣта, предсѣдатель Педагогическаго Совѣта гимназіи, остался при особомъ мнѣніи, находя, что должно быть избрано Попечительнымъ Совѣтомъ на должность начальницы одно лицо, каковымъ онъ считалъ г-жу Воскресенскую. „Признавая съ своей стороны, согласно съ мнѣніемъ предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, г-жу Воскресенскую болѣе достойной, чѣмъ г-жа Павлова, кандидаткой на должность начальницы,“ г. управляющій округомъ возбудилъ ходатайство о назначеніи ея на эту должность 30-го ноября. Предложеніемъ 8-го декабря г. министръ утвердилъ ее въ должности начальницы, согласно избранію Попечительнаго Совѣта гимназіи.

До прибытія М. Н. Воскресенской изъ города Гатчины, гдѣ она проживала, на мѣсто своего служенія обязанности начальницы гимназіи исполняли учительницы: Е. А. Токарская съ 1-го по 10-ое августа и Е. Ѳ. Кувичинская съ 11-го августа по 30-ое декабря.

Замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ учительницъ и классныхъ дамъ не встрѣчало особенныхъ затрудненій уже въ виду того одного обстоятельства, что представлялось желательнымъ многихъ изъ лицъ, служившихъ въ Маріинскомъ училищѣ, оставить на службѣ при гимназіи. Изъ личнаго состава Маріинскаго училища, состава, состоявшаго на службѣ къ 1 іюля 1899 года, не были назначены на должности въ новой гимназіи слѣдующія лица: 1) исполнявшій обязанности предсѣдателя Педагогическаго Совѣта училища учитель Юрьевскаго городского училища Павелъ Сироткинъ; 2) законоучитель православнаго исповѣданія, священникъ Александръ Брянцевъ; 3) Клавдія Аѳанасіева, урожденная Дешевая, вторая учительница; 4) исп. обязанности учительницы рукодѣлія Александра Спасская; 5) испр. обязанности учительницы новыхъ языковъ Алида Миндорфъ, урожденная Михельсонъ; 6) допущенный къ преподаванію уроковъ пѣнія псаломщикъ Николай Линде. Остальныя лица изъ состава служащихъ Маріинскаго училища получили новыя назначенія въ открываемой женской гимназіи, всѣ съ 1-го іюля, а именно: б. смотрительница училища Елена Кувичинская и учительницы Марія Янковичъ и Евгенія Токарская — учительницами и классными надзирательницами, б. учительница приготовительнаго класса училища Марія Цвѣткова — учительницею чистописанія, съ порученіемъ ей преподаванія и рукодѣлія; состоявшій законоучителемъ ев.-лютеранскаго исповѣданія Гугонъ

Трефнеръ — на таковую же должность[1]). Вновь были назначены: имѣющая званіе домашней учительницы Маргарита Бюссъ — учительницею французскаго языка, а Надежда Горушкина и Софія Птицына — классными надзирательницами, всѣ три съ 1 августа; вмѣсто назначенной учительницею приготовительнаго класса и отказавшейся Антонины Кошлаковой — имѣющая званіе домашней учительницы Зиновія Троицкая, съ 1 сентября, съ порученіемъ ей также преподаванія гимнастики[2]). Остальныя должности преподавателей и преподавательницъ не были замѣщены, а по нимъ послѣдовало порученіе преподаванія: учителю Юрьевской мужской гимназіи Ивану Сахарову — преподаваніе 11 уроковъ русскаго языка, словесности и исторіи[3]); законоучителю православнаго исповѣданія той же гимназіи І. Егорову — преподаваніе Закона Божія, съ 1 августа[4]); имѣющей право преподавать рисованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Эмиліи Неезе — преподаваніе рисованія, временно, съ 15 августа, впредь до усмотрѣнія[5]); имѣющей званіе домашней учительницы Маріи ф. Миллеръ, урожд. Кремзеръ, — временно, до 1 января 1900 г., преподаваніе уроковъ нѣмецкаго языка въ трехъ низшихъ классахъ[6]); учителю Юрьевской гимназіи

---

1) Для преподаванія Закона Божія лютеранскаго вѣроисповѣданія на нѣмецкомъ языкѣ въ началѣ 1901—2 учебнаго года былъ допущенъ пасторъ Александръ Краузе, а за его смертью былъ назначенъ прив.-доц. магистръ богосл. Карлъ Гиргенсонъ (съ 5 марта 1903 г.).

2) За увольненіемъ ея, согласно прошенію, 18 сент. 1903 года, учительницею приготовительнаго класса была назначена домашняя наставница Е. Ѳ. Кривуша, урожд. Воротникова, съ 1-го сентября 1903 года.

3) 15 авг. 1900 года преподавателемъ русскаго языка и словесности былъ назначенъ кандидатъ А. Ѳ. Цвѣтковъ, а послѣ перемѣщенія его на должность преподавателя Симбирскаго коммерческаго училища кандидатъ В. Я. Нифонтовъ (съ 20 сент. 1903 г.). По случаю перемѣщенія г. Нифонтова (съ 8 сент. 1905 г.) на должность учителя Юрьевскаго реальнаго училища, преподаваніе русскаго языка и словесности въ IV, VI—VII классахъ приняла на себя начальница гимназіи М. Н. Воскресенская, а уроки въ V классѣ были поручены магистранту М. В. Бречкевичу. Кромѣ г. Сахарова, преподавателями исторіи въ отдѣльныхъ классахъ были отчасти одновременно, отчасти смѣняя друга друга: кандидаты Г. Бауэръ, Вл. Бобровъ и учитель мужской гимназіи Петровъ, пока не былъ назначенъ на должность учителя исторіи кандидатъ Ев. Б. Миллеръ (съ 20 сент. 1903 г.).

4) Съ 20 сент. 1900 г. часть уроковъ была поручена законоучителю мужской гимназіи Стефану Ѳокко. По случаю перемѣщенія на службу въ Петербургъ обоихъ законоучителей, уроки І. Егорова были поручены (съ 11 октября 1903 г.) законоучителю учительской семинаріи свящ. І. Жилову, а уроки о. С. Ѳокко — законоучителю мужской гимназіи — свящ. М. Осипову (съ 20 авг. 1904 г.).

5) Предложеніемъ отъ 21-го января 1900 г. за № 485 назначена учительницею рисованія, съ 1-го января того же года.

6) Предложеніемъ 5 янв. 1900 г. за № 53 назначена учительницею нѣмецкаго языка, съ 1 янв. того же года. Въ 1903 году къ преподаванію нѣмецкаго языка въ одномъ изъ младшихъ классовъ была допущена также домашняя учительница П. Э. Вульфіусъ.

Николаю Скрябину — преподаваніе 2 недѣльныхъ уроковъ географіи въ IV классѣ[1]); ассистентамъ Юрьевскаго университета Александру Ѳомину и Михаилу Косачу — преподаваніе первому естественной исторіи и второму — уроковъ ариѳметики, съ 1 сентября[2]); имѣющему званіе учителя нѣмецкаго языка Генриху Бауеру — временно, впредь до усмотрѣнія, преподаваніе 7 уроковъ нѣмецкаго языка[3]); помощнику классныхъ наставниковъ въ Юрьевской гимназіи Василію Новикову — преподаваніе пѣнія, съ 1 сентября.

Еще въ теченіе перваго учебнаго года въ составѣ этихъ лицъ и распредѣленіи преподаванія произошли нѣкоторыя перемѣны: 1) вмѣсто А. Ѳомина, уѣхавшаго изъ города Юрьева, по случаю назначенія на должность ботаника казеннаго ботаническаго сада въ г. Тифлисѣ, преподаваніе естественной исторіи было поручено помощнику директора ботаническаго сада Юрьевскаго университета Николаю Бушу, съ 1 октября[4]); 2) классная дама Надежда Горушкина была уволена, согласно ея прошенію, съ 25 апрѣля 1900 года, а исправленіе ея должности поручено учительницѣ приготовительнаго класса З. Троицкой; 3) учительницѣ французскаго языка въ младшихъ классахъ Маргаритѣ Бюссъ было поручено преподаваніе этого языка въ IV и V классахъ, впредь до пріисканія преподавателя; 4) начальницѣ гимназіи М. Воскресенской поручено преподаваніе въ 1 классѣ, съ 7 января, 5 недѣльныхъ уроковъ французскаго языка.

---

1) По случаю назначенія Н. А. Скрябина инспекторомъ Ревельской Императора Николая гимназіи уроки географіи въ старшихъ классахъ гимназіи поручены были временно кандидату В. И. Щапкову, а съ октября 1905 года — кандидату физико-математическаго факультета А. В. Дѣтищеву.

2) Кромѣ того, въ слѣдующемъ году г. М. Косачу поручено было преподаваніе физики, а часть уроковъ математики передана была тогда же (13 окт. 1900) кандидату В. И. Сребрянскому, который и былъ 1 іюля 1901 года назначенъ учителемъ математики и физики, по случаю перемѣщенія г. Косача на службу въ Харьковскій университетъ. Преемниками г. Сребрянскаго, назначеннаго 18 авг. 1903 г. на службу въ Новохоперскую женскую гимназію, по преподаванію математики былъ ассистентъ астрономической обсерваторіи І. І. Сикора и по преподаванію физики кандидатъ И. Е. Орловъ (съ 1 окт. 1903 г.). По случаю перемѣщенія г. Сикоры на службу въ г. Ташкентъ, уроки математики поручены были И. Е. Орлову въ началѣ 1905—6 учебнаго года, а уроки физики кандидату А. П. Дѣтищеву, съ октября 1905 г.

3) По случаю перемѣщенія г. Бауэра на службу въ Варшавскій учебный округъ (1 авг. 1903 г.) учителемъ нѣмецкаго языка былъ назначенъ приватъ-доцентъ Петербургскаго университета О. М. Калласъ, съ 1 октября 1903 г., и занималъ эту должность до 1 окт. 1905 года, когда его уроки по случаю перемѣщенія на службу въ мужской гимназіи были поручены приватъ-доценту магистранту Э. Р. Фельсбергу.

4) Съ начала 1900—1 учебнаго года преподаваніе естественной исторіи принялъ на себя проф. С. К. Богушевскій.

Все бремя заботъ по пріисканію лицъ преподавательскаго и воспитательнаго персонала падало на предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, по представленіямъ котораго и были назначены всѣ вышепоименованныя лица. Непосредственно изъ округа были только назначены: законоучитель православнаго исповѣданія І. Егоровъ и классная дама Софія Птицына.

Значительная часть заботъ и по приспособленію помѣщенія училища для открытія классовъ гимназіи возложена была также на Н. И. Иванова, хотя въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ помощника въ въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ Юрьевскаго района Е. А. Гравита, въ завѣдываніи котораго находилось преобразуемое Маріинское училище. Попечитель округа 13 мая писалъ Н. И. Иванову въ своемъ предложеніи за № 3271 слѣдующее: „Предполагая назначить Ваше Высокородіе предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта Юрьевской женской гимназіи, покорнѣйше прошу Васъ обсудить совмѣстно съ инспекторомъ народныхъ училищъ Юрьевскаго района ст. сов. Гравитомъ вопросъ о томъ, какія ремонтныя и строительныя работы необходимо произвести въ зданіи Юрьевскаго Маріинскаго училища для помѣщенія въ ономъ Юрьевской женской гимназіи.“ Какъ видно изъ представленія Е. А. Гравита отъ 19 іюня, имъ, совмѣстно съ Н. И. Ивановымъ, испр. об. предсѣдателя Педагогическаго Совѣта училища П. А. Сироткинымъ и нѣкоторыми членами этого совѣта были осмотрѣны зданіе, помѣщенія и инвентарь Маріинскаго училища и составленъ перечень ремонтныхъ и строительныхъ работъ, къ которымъ были присоединены работы по ремонту старой школьной мебели и заготовкѣ новой. Изъ перечня этихъ работъ усматривается, что комиссія находила собственно необходимымъ только поверхностный ремонтъ зданія (покраска половъ, побѣлка потолковъ, окраска стѣнъ клеевой краской, ремонтъ и покраска желѣзной крыши, оклейка обоями 4 комнатъ квартиры начальницы, смазка печей). Изъ болѣе значительныхъ работъ были намѣчены слѣдующія: 1) устроить ходъ на чердакъ изъ комнаты служителя; 2) снять двѣ стѣны въ классахъ верхняго этажа; 3) снять печь въ одномъ изъ классовъ верхняго этажа и плиту въ мужской уборной; 4) устроить тротуаръ вдоль зданія; 5) приспособить подвалъ зданія для квартиры сторожа. Сверхъ того, было предположено окрасить и ремонтировать столы и скамейки, вѣшалки, перекрасить вывѣску, сдѣлать три классныхъ доски, новую стоячую вѣшалку и 50 новыхъ двухмѣстныхъ, сосновыхъ, съ березовою верхнею доскою, классныхъ столовъ.

По смѣтамъ мѣстныхъ мастеровъ производство всѣхъ этихъ работъ должно было потребовать затраты 1398—1879 руб. Такъ какъ устройство квартиры для сторожа въ подвалѣ не представлялось необходимымъ, половину же расхода по устройству тротуара по

улицѣ, вдоль зданія, городъ принималъ на свой счетъ, а 16 классныхъ столовъ были уже заказаны на остатки отъ специальныхъ средствъ Маріинскаго училища, то смѣтныя исчисленія мѣстныхъ мастеровъ, по мнѣнію Е. Гравита, подлежали сокращенію до суммы 1009—1403 р. Переходя къ вопросу объ источникѣ для покрытія предполагаемыхъ расходовъ, Е. Гравитъ въ своемъ представленіи вошелъ въ обсужденіе состоянія средствъ гимназіи. Оказывается, что изъ отпускаемыхъ на содержаніе Маріинскаго училища 3270 р. въ первое полугодіе было израсходовано 1885 р., т. е. на 250 р. болѣе, чѣмъ причиталось по разсчету, а потому для возстановленія кредита слѣдовало эти 250 р. перечислить изъ спеціальныхъ средствъ Маріинскаго училища. Такимъ образомъ, на содержаніе женской гимназіи во второмъ полугодіи подлежали поступленію слѣдующія суммы: 2380 р. спеціальнаго отпуска на гимназію, 1385 р. изъ отпускавшихся на содержаніе Маріинскаго училища и 250 р. перечисленія изъ спеціальныхъ средствъ этого училища, а всего 4015 р. Имѣя въ виду, что отпускъ изъ суммъ Государственнаго казначейства не можетъ быть расходуемъ на другія надобности гимназіи, кромѣ содержанія личнаго состава, безъ особаго разрѣшенія, и предвидя поступленіе сбора за ученіе во второмъ полугодіи въ суммѣ 2000—2500 р., при предположеніи, что въ 5 классахъ гимназіи будетъ обучаться около 80—100 ученицъ, г. Гравитъ находилъ, что потребная на ремонтъ сумма можетъ быть уплачена изъ этихъ предполагаемыхъ спеціальныхъ средствъ гимназіи. Возбуждая объ этомъ ходатайство, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія на производство всѣхъ работъ хозяйственнымъ способомъ „въ виду краткости срока (5 авг.), къ которому онѣ должны быть произведены и неимѣнія времени, необходимаго на формальную сдачу ихъ съ торговъ“.

Управляющій округомъ разрѣшилъ 6 іюня произвести всѣ указанныя въ представленіи г. Гравита работы хозяйственнымъ способомъ, съ соблюденіемъ возможной экономіи, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью его и директора Юрьевской мужской гимназіи и съ отнесеніемъ расхода въ количествѣ до одной тысячи руб. на спеціальныя средства гимназіи. Изъ этого источника было уплачено впослѣдствіи за исполненныя въ зданіи гимназіи малярныя работы 437 р. 34 к., за столярныя работы и изготовленіе 34 классныхъ стола 510 р. 50 к., а всего 947 р. 84 к.

Въ первыхъ числахъ августа всѣ ремонтныя и подготовительныя работы были окончены, и необходимо было приступить къ устройству пріемныхъ испытаній. Уже 9 іюня въ № 125 мѣстной нѣмецкой газеты было напечатано объявленіе, за подписью Н. Иванова, о томъ, что пріемныя испытанія въ I—V классы Юрьевской женской гимназіи будутъ начаты съ 10 августа. Въ этомъ объявленіи было

указано, что плата за ученіе каждой ученицы назначена въ размѣрѣ 50 р. въ годъ. Другое такое же объявленіе было помѣщено въ той же газетѣ 24 іюля (№ 162). Отъ перваго объявленія это послѣднее отличалось лишь тѣмъ, что гимназіи было придано наименованіе: А. С. Пушкина, и было упомянуто о пріемѣ также и въ приготовительный классъ, на открытіе котораго послѣдовало разрѣшеніе г. министра, согласно ходатайству предсѣдателя, 11-го августа.

Такъ какъ персоналъ преподавательницъ и преподавателей гимназіи не былъ еще утвержденъ, то для производства пріемныхъ испытаній были приглашены учители мужской гимназій: Н. Скрябинъ, П. Невзоровъ, Д. Золотаревъ, Е. Раевскій и реальнаго училища: исп. об. инспектора В. Заицъ, Н. Матвѣевъ, В. Плотниковъ, законоучители православнаго исповѣданія І. Егоровъ, свящ. В. Темномѣровъ, евангелическо-лютеранскаго исповѣданія Г. Трефнеръ и учительницы Е. Кувичинская, Е. Токарская и М. Янковичъ.

Пріемныя письменныя и устныя испытанія для поступающихъ въ приготовительный и первые 4 класса происходили 10—14 августа, при чемъ въ приготовительный классъ было принято 22, въ 1-ый — 21, во 2-ой — 25, въ 3-ій — 18, въ 4-ый — 17 и въ 5-ый классъ — 10 ученицъ, а всего 109. Кромѣ того, были произведены дополнительныя пріемныя испытанія въ сентябрѣ и октябрѣ и по свидѣтельствамъ другихъ гимназій принято 5 ученицъ, поступившихъ въ 5-ый классъ. Такимъ образомъ, въ октябрѣ и къ 1 января 1900 года въ гимназіи состояло 136 ученицъ, распредѣленныхъ по классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ — 25, въ 1-мъ — 24, во 2-мъ — 27, въ 3-мъ — 23, въ 4-мъ — 20 и въ 5-мъ — 17. По вѣроисповѣданіямъ принятыя ученицы распредѣлялись такъ: православныхъ 67 ученицъ или 49,27%, лютеранокъ — 61 или 44,85%, евреекъ 6 или 4,41% и католичекъ 2 или 1,47%. По сословіямъ родителей ученицы распредѣлялись такъ: дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія 52 или 38,24%, сельскихъ сословій 45 или 33,09%, городскихъ сословій 39 или 28,69%. Слѣдовательно, по вѣроисповѣдному составу въ числѣ ученицъ преобладали православныя, составляя половину всѣхъ учащихся, а по общественному положенію родителей въ составѣ учащихся были почти равномѣрно представлены всѣ три группы населенія.

Хотя для начала дѣятельности гимназіи имѣло значеніе соображеніе о необходимости привлеченія достаточнаго числа учащихся, но все-таки были приняты далеко не всѣ дѣти, родители которыхъ подали прошенія. Было подано 175 прошеній. Такъ какъ 5 ученицъ были приняты по свидѣтельствамъ другихъ гимназій, а 9 дѣвицъ не явилось на испытанія, то испытаніямъ подвергалось 161; изъ нихъ 23 не выдержали испытанія, а 7 евреекъ не могли быть зачислены

въ число ученицъ за комплектомъ установленнаго процента. Такимъ образомъ, 14,4% или седьмая часть всѣхъ явившихся на испытанія не удовлетворяла предъявляемымъ экзаменнымъ требованіямъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ послѣдующіе годы процентъ непринятыхъ въ гимназію по невыдержанію испытаній значительно повысился, а именно: въ 1900 году — 26,32%, въ 1901 г. — 30,7%, въ 1902 г. — 38,5%, въ 1903 г. — 28,6%, въ 1904 г. — 38,25% и въ 1905 г. — 48,3%, можно думать, что явившіяся на первыя испытанія были лучше подготовлены, чѣмъ тѣ, которыя являлись впослѣдствіи, но, можетъ быть, нѣкоторое вліяніе въ данномъ случаѣ оказали и другія обстоятельства. Дѣйствительно, по этому поводу въ отчетѣ за 1899 годъ было сказано слѣдующее: „Всѣ принятыя въ гимназію ученицы были вообще достаточно подготовлены къ прохожденію курсовъ соотвѣтственныхъ классовъ. Нѣсколько слабою оказалась подготовка поступившихъ по географіи. Что касается русскаго языка, то по развитію и теоретическому курсу поступившія были вполнѣ достаточно подготовлены, но въ отношеніи свободнаго владѣнія правильною русскою рѣчью нѣкоторыя изъ поступившихъ въ приготовительный и два низшіе класса оказались не вполнѣ подготовленными. Не вполнѣ удовлетворительною оказалась подготовка вновь поступившихъ и въ отношеніи письменнаго изложенія соотвѣтственно классамъ, въ которые онѣ приняты. Нѣкоторыя изъ поступившихъ, и такихъ было не менѣе половины ихъ, оказались вполнѣ хорошо подготовленными по всѣмъ предметамъ соотвѣтственныхъ классовъ."

Первое засѣданіе Педагогическаго Совѣта происходило 14-го августа и посвящено было разсмотрѣнію результатовъ письменныхъ и устныхъ испытаній въ приготовительный и первые 4 класса гимназіи, а на засѣданіи 16-го августа разсмотрѣнъ былъ вопросъ о зачисленіи ученицъ въ 5-ый классъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что на обоихъ этихъ засѣданіяхъ, кромѣ предсѣдателя Н. И. Иванова, присутствовали главнымъ образомъ преподаватели реальнаго училища и мужской гимназіи, приглашенные только для производства пріемныхъ испытаній. Изъ лицъ, опредѣленныхъ уже на службу или допущенныхъ позднѣе къ преподаванію въ 1899—1900 учебномъ году, на обоихъ этихъ засѣданіяхъ, присутствовали: законоучитель лютеранскаго исповѣданія Г. Трефнеръ и учительницы Е. Ѳ. Кувичинская, Е. А. Токарская и М. А. Янковичъ.

Съ открытіемъ гимназіи находили необходимымъ, очевидно, торопиться, а потому уже 17-го августа устроенъ былъ торжественный актъ, на который были приглашены почетныя лица городского населенія, родители и родственники вновь принятыхъ ученицъ и немногочисленный учебно-воспитательный персоналъ гимназіи. По

окончаніи благодарственнаго молебна, г. управляющій Рижскимъ учебнымъ округомъ, окружной инспекторъ В. Я. Поповъ объявилъ гимназію открытою, а предсѣдатель Педагогическаго Совѣта, директоръ мужской гимназіи Н. И. Ивановъ, прочиталъ краткій очеркъ возникновенія гимназіи. Въ этомъ очеркѣ указано было главнымъ образомъ на заслуги бывшаго, тогда уже покойнаго, попечителя Н. А. Лавровскаго въ дѣлѣ основанія женской гимназіи. Кромѣ того, на актѣ былъ прочитанъ списокъ лицъ вновь назначеннаго учебно-воспитательнаго персонала и вновь принятыхъ ученицъ. Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна.

Первыя заботы предсѣдателя и Педагогическаго Совѣта были посвящены разсмотрѣнію вопроса о выборѣ учебниковъ и пріобрѣтеніи необходимыхъ учебныхъ пособій, такъ какъ отъ Маріинскаго училища былъ унаслѣдованъ крайне скудный инвентарь. Не было, напр., такихъ даже пособій, какъ глобусъ на оси (безъ экватора и меридіановъ), нѣмыхъ картъ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ и Россіи, историческихъ картъ и т. д.

Кромѣ того, считаясь съ необходимостью установить на правильныхъ основаніяхъ учебно-воспитательное дѣло въ вновь открытой гимназіи, предсѣдатель Педагогическаго Совѣта предлагалъ на обсужденіе или самолично давалъ на засѣданіяхъ необходимыя указанія и разъясненія по разнымъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла. Такъ, напр., на засѣданіи 6-го сентября имъ были предложены для руководства при преподаваніи необходимые методическіе пріемы объясненія и спрашиванія уроковъ преимущественно въ младшихъ классахъ. Въ дополненіе къ этому, на засѣданіи 5-го ноября, при обсужденіи вопроса о малоуспѣшности ученицъ 1-го класса по одному изъ предметовъ, не соглашаясь съ объясненіями преподавательницы, предсѣдатель предложилъ „осмотрительнѣе вести преподаваніе и не приступать къ изученію новаго, пока удовлетворительно не усвоено данное для изученія, а равно обратить особенное вниманіе на лучшее разъясненіе и по возможности разучиваніе учебнаго матеріала во время самыхъ классныхъ занятій". Тогда же онъ обратилъ вниманіе преподавательницъ русскаго языка на нѣкоторые пріемы при обученіи ученицъ правописанію, при чемъ преимущественно рекомендовалъ письменное изложеніе прочитаннаго, на первыхъ ступеняхъ обученія по вопросамъ, а затѣмъ и безъ вопросовъ. По его мнѣнію, съ которымъ согласился и Педагогическій Совѣтъ, слѣдуетъ „диктантъ примѣнять лишь для повѣрки усвоенныхъ ученицами правилъ орѳографіи и притомъ на матеріалѣ, извѣстномъ ученицамъ изъ объяснительнаго чтенія".

Не меньшее вниманіе удѣлялось и вопросамъ по воспитательной части. Такъ, на засѣданіи 26-го октября обсуждали вопросъ о раз-

рѣшеніи воспитанницамъ посѣщать публичные танцовальные вечера и приняли слѣдующія постановленія: 1) „въ виду того, что танцовальные вечера обыкновенно затягиваются далеко за полночь и участіе въ нихъ ученицъ отвлекало бы ихъ отъ учебныхъ занятій, воспрещать ученицамъ посѣщать въ учебное время означенные вечера; 2) что касается публичныхъ концертовъ и спектаклей, то давать разрѣшенія ученицамъ бывать на таковыхъ не иначе, какъ съ родителями или близкими родственниками по личной или письменной просьбѣ ихъ о томъ, съ воспрещеніемъ ученицамъ принимать участіе въ случающихся послѣ означенныхъ собраній танцахъ; 3) посѣщеніе цирка, въ виду его обычнаго въ г. Юрьевѣ балаганнаго характера, воспретить ученицамъ". На засѣданіи 5-го ноября Педагогическій Совѣтъ опредѣлилъ принять къ руководству указанія предсѣдателя „на неумѣстность поспѣшныхъ и необдуманныхъ подозрѣній относительно виновности той или другой ученицы, безъ надлежащаго разслѣдованія обстоятельствъ дѣла" и на необходимость „постоянныхъ и неослабныхъ наблюденій за поведеніемъ и успѣхами ученицъ, какъ во время классныхъ занятій, такъ и внѣ ихъ въ учебномъ заведеніи". Этимъ постановленіемъ Педагогическій Совѣтъ стремился опредѣлить кругъ обязанностей классныхъ дамъ въ стѣнахъ гимназіи, нисколько не предрѣшая вопроса о внѣшкольномъ наблюденіи за учащимися, проживающими въ городѣ на частныхъ квартирахъ. Эти наблюденія были установлены, въ интересахъ и въ защиту нуждъ учащихся, съ самаго начала учебнаго года. По докладу классныхъ дамъ Педагогическій Совѣтъ въ засѣданіи 26-го октября постановилъ предложить родителямъ 6 ученицъ помѣстить дочерей на болѣе удовлетворительныхъ въ гигіеническомъ и воспитательномъ отношеніяхъ квартирахъ. Эта дѣятельность классныхъ дамъ согласовывалась, очевидно, съ тѣмъ объясненіемъ и изложеніемъ важнѣйшихъ ихъ обязанностей, которое было дано предсѣдателемъ на засѣданіи 6 сентября и принято по постановленію Педагогическаго Совѣта къ свѣдѣнію и руководству.

Помимо того, съ своей стороны г. управляющій учебнымъ округомъ предложеніемъ отъ 8 января 1900 года указалъ на необходимость составленія проекта инструкціи для классныхъ дамъ Юрьевской гимназіи, примѣнительно къ дѣйствующей инструкціи Рижской Ломоносовской гимназіи. По разсмотрѣніи въ комиссіи и Педагогическомъ Совѣтѣ этой инструкціи, она была принята цѣликомъ въ засѣданіи 18 февраля и дополнена лишь слѣдующимъ образомъ: 1) къ § 6 было присоединено примѣчаніе 1 и 2; 2) § 10 былъ дополненъ указаніемъ, что классная дама не должна прерывать занятія преподавателя или преподавательницы своими заявленіями и замѣчаніями; 3) послѣ § 10 поставленъ былъ новый; 4) вновь со-

ставлены также §§ 21 и 22. Въ этомъ видѣ инструкція и была утверждена окружнымъ начальствомъ (см. приложенія, № 11).

Для ознакомленія съ дѣятельностью Педагогическаго Совѣта въ теченіе перваго года существованія гимназіи остается сказать еще объ одномъ его мѣропріятіи, которое внесло измѣненіе въ таблицу числа уроковъ, утвержденную министромъ для женскихъ гимназій въ 1874 году. Обсуждая результаты какъ годичныхъ успѣховъ, такъ и переводныхъ испытаній учениць по русскому языку, Педагогическій Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что „успѣхи ихъ по этому предмету не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, чѣмъ отчасти объясняется малоуспѣшность нѣкоторыхъ учениць и по другимъ учебнымъ предметамъ.“ „Полагая главную причину этого явленія въ инородческомъ, въ значительной степени, составѣ учениць, усвоеніе которыми русскаго языка не встрѣчаетъ поддержки въ ихъ домашнемъ быту, Педагогическій Совѣтъ въ засѣданіи 2 іюня 1900 года опредѣлилъ ходатайствовать объ усиленіи преподаванія русскаго языка въ низшихъ четырехъ классахъ, въ каждомъ классѣ на одинъ урокъ, сверхъ назначенныхъ по нормальной таблицѣ, съ отнесеніемъ вызываемаго означенною мѣрою расхода на специльныя средства гимназіи.“

Это ходатайство было удовлетворяемо Министерствомъ какъ въ этомъ году, такъ и въ каждомъ изъ послѣдующихъ годовъ существованія гимназіи, въ виду повторяемыхъ представленій со стороны Педагогическаго Совѣта.

Для полноты этого очерка необходимо привести здѣсь нѣкоторыя данныя изъ жизни гимназіи за послѣдующіе годы.

Согласно плану, принятому при основаніи гимназіи, ежегодно открываемы были старшіе классы: въ 1900 году — шестой, въ 1901 г. — седьмой и въ 1902 г. — восьмой[1]).

Открытіемъ восьмого дополнительнаго класса завершились труды на пользу гимназіи Н. И. Иванова, перемѣщеннаго въ октябрѣ

---

1) Въ зависимости отъ увеличенія классовъ и числа учениць находилось назначеніе новыхъ классныхъ дамъ. Такимъ образомъ, кромѣ домашней учительницы Раисы Шіянковой, назначенной на мѣсто Н. Горушкиной 1 сентября 1900 г., были назначены на должности классныхъ дамъ: домашняя наставница Вѣра Диденко 1 октября 1900 г., домашнія учительницы Лидія Луговская 1 сентября 1901 г. и Людмила Виноградова 20 сентября 1903 года. Впослѣдствіи на мѣста уволенныхъ отъ службы, согласно прошеніямъ, Вѣры Диденко (съ 1 января 1903 года), Раисы Шіянковой и Лидіи Луговской (съ 1 августа 1904 г.) были опредѣлены: домашняя наставница Елена Гартіеръ съ 1 января 1903 года, домашняя учительница Марія Карзова съ 1 августа 1904 г. и домашняя наставница Людмила Кедринская съ 8 сентября того же года.

1902 года на должность директора Рижской гимназіи Императора Николая I. На его мѣсто былъ назначенъ съ 20 декабря 1902 года директоръ реальнаго училища В. П. Соколовъ, занимавшій должность предсѣдателя Педагогическаго Совѣта до 28 октября 1904 г. и оставившій ее по случаю назначенія на должность инспектора студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета[1]).

Кромѣ Закона Божія и обязательныхъ для всѣхъ ученицъ педагогическихъ предметовъ (педагогика, методика русскаго языка и методика ариѳметики), въ VIII классѣ были установлены 4 спеціальности: русскаго языка, математики, исторіи и географіи. Впослѣдствіи, въ началѣ 1905—6 учебнаго года была введена еще спеціальность нѣмецкаго языка, для преподаванія котораго былъ приглашенъ учитель реальнаго училища Э. Р. Гурландъ. Преподаваніе русскаго языка и его методики принялъ на себя предсѣдатель Н. И. Ивановъ[2]), уроки педагогики поручены были учителю гимназіи А. Цвѣткову[3]), уроки математики и географіи — учителю В. Сребрянскому и Н. А. Скрябину[4]), а для преподаванія исторіи приглашенъ былъ проф. А. Н. Ясинскій[5]). Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ препо аватели VIII класса руководились учебнымъ планомъ, утвержденнымъ г. министромъ 31-го августа 1874 года и указаніями опыта другихъ женскихъ гимназій, пока не введены были съ начала 1904—5 учебнаго года планъ и программы, выработанныя комиссіей рижскихъ преподавателей, подъ предсѣдательствомъ окружнаго инспектора В. Я. Попова (см. приложенія, № 12).

1) 28 октября 1904 года предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта былъ назначенъ проф. А. Н. Ясинскій.

2) Со второго полугодія уроки русскаго языка поручены были учителю А. Цвѣткову и уроки методики этого языка инспектору реальнаго училища С. Кузнецову. Съ сентября 1903 года преподаваніе русскаго языка, уроки котораго сдѣлались вакантными по случаю перемѣщенія на службу въ Симбирское коммерческое училище А. Цвѣткова, принялъ на себя проф. Е. В. Пѣтуховъ. Преемниками С. Кузнецова, назначеннаго окружнымъ инспекторомъ Оренбургскаго учебнаго округа, по преподаванію методики русскаго языка были въ 1904—5 учебномъ году учитель гимназіи В. Нифонтовъ и въ текущемъ году инспекторъ народныхъ училищъ М. А. Тростниковъ.

3) Послѣ перемѣщенія его преподаваніе поручено было В. Нифонтову, а съ начала текущаго года — доценту Н. К. Грунскому.

4) Преемниками В. Сребрянскаго по преподаванію математики были ассистентъ астрономической обсерваторіи I. Сикора и учитель реальнаго училища Е. И. Смирновъ, преподававшій съ начала 1903—4 учебнаго года методику ариѳметики. Преподаваніе географіи послѣ назначенія Н. А. Скрябина инспекторомъ Ревельской Императора Николая гимназіи временно поручено было учителю мужской гимназіи В. Щапкову, а съ октября 1905 года учителю гимназіи А. П. Дѣтищеву.

5) Съ начала 1904—5 учебнаго года уроки исторіи въ VIII классѣ были переданы учителю гимназіи Е. Б. Миллеру.

Въ томъ же 1902 году, когда гимназія достигла полнаго состава классовъ, введено было преподаваніе латинскаго и англійскаго языковъ въ качествѣ необязательныхъ предметовъ для ученицъ старшихъ классовъ. Для преподаванія латинскаго языка былъ приглашенъ учитель мужской гимназіи В. Петровъ[1]), а для преподаванія англійскаго языка домашняя учительница Женни Лейдигъ.

Увеличеніе классовъ гимназіи сопровождалось увеличеніемъ числа учащихся: къ 1 января 1901 г. было уже 199 ученицъ, черезъ годъ — 259, въ 1903 г. — 346, въ 1904 г. — 387 и въ 1905 г. — 408. Этотъ наплывъ учащихся побуждалъ открывать параллельныя отдѣленія сначала при младшихъ классахъ, а потомъ и при нѣкоторыхъ старшихъ. Такъ, въ началѣ 1901—2 учебнаго года открыто было параллельное отдѣленіе при третьемъ классѣ, въ началѣ слѣдующаго года — при второмъ и четвертомъ, а въ началѣ 1903—4 учебнаго года при первомъ классѣ, такъ что къ 1 января 1905 года гимназія, имѣя 408 ученицъ, состояла изъ 13 классовъ: основныя и параллельныя отдѣленія I—IV кл., основныя отдѣленія приготовительнаго, V—VII классовъ и VIII спеціальный классъ.

Собственное помѣщеніе гимназіи по Пеплерской улицѣ очень скоро оказалось недостаточнымъ. Уже въ 1900 году возникла мысль о возможности пріобрѣсти огромный каменный домъ по Прудовой улицѣ, построенный первоначально для помѣщенія табачной фабрики, а потомъ приспособленный подъ квартиры, съ очень большой усадьбою, на выгодныхъ для казны условіяхъ. По этому поводу предсѣдатель Педагогическаго Совѣта Н. И. Ивановъ входилъ съ владѣльцемъ дома въ переговоры и съ окружнымъ инспекторомъ В. Я. Поповымъ — въ переписку. Хлопоты эти не увѣнчались успѣхомъ, какъ можно думать, въ виду не вполнѣ выясненной еще тогда потребности для гимназіи въ новомъ помѣщеніи. Въ отчетѣ за 1901 годъ, на основаніи опыта $2^1/_2$ лѣтъ существованія гимназіи, Н. И. Ивановъ представилъ слѣдующій отзывъ о помѣщеніи учебнаго заведенія: „Что касается зданія гимназіи, то оно должно быть признано совершенно несоотвѣтствующимъ своему назначенію. Ни для библіотеки, ни для кабинетовъ, отдѣльныхъ помѣщеній въ зданіи не существуетъ. Сверхъ того, классныя комнаты при непрерывно возрастающемъ числѣ учащихся оказываются крайне тѣсными. Разсчитанныя лишь на 26—30 человѣкъ, иныя изъ нихъ въ настоящее время заключаютъ въ себѣ отъ 36 до 44 ученицъ, что весьма вредно отражается на

---

1) Преподаваніе латинскаго языка временно прекращено было за отсутствіемъ достаточнаго числа ученицъ, желающихъ обучаться этому языку, но возобновилось съ начала текущаго года, при чемъ преподаваніе поручено было учителю мужской гимназіи П. С. Невзорову.

состояніи воздуха въ этихъ помѣщеніяхъ и не можетъ не отзываться вредно на здоровьѣ учащихся. При естественномъ и довольно быстромъ развитіи гимназіи со стороны численнаго ея состава, Юрьевская женская гимназія должна оказаться въ весьма критическомъ положеніи и, быть можетъ, вынуждена будетъ отказывать въ дальнѣйшемъ пріемѣ учениць, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые изъ своихъ наличныхъ классовъ."

Наконецъ, многочисленныя ходатайства объ отпускѣ денегъ на постройку собственнаго зданія гимназіи были уважены. 26-го мая 1903 года состоялось Высочайшее утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 113 тыс. рублей на покупку участка земли и постройку новаго зданія для Юрьевской женской гимназіи, при чемъ принадлежащее казнѣ старое зданіе гимназіи вмѣстѣ съ состоящимъ при немъ участкомъ земли разрѣшено было продать и вырученную отъ продажи сумму обратить въ рессурсы казны. Осенью того же года былъ пріобрѣтенъ принадлежавшій наслѣдникамъ купца Безносова участокъ земли по Рижской улицѣ за 17 тыс. рублей, мѣрою по плану 1739 кв. саж., а осенью 1905 года начата постройка новаго зданія гимназіи.

Такъ какъ потребность въ расширеніи помѣщенія гимназіи не терпѣла никакого отлагательства, то почти одновременно съ отпускомъ средствъ на постройку новаго зданія послѣдовало разрѣшеніе на наемъ для надобностей гимназіи дома купца Екимова (предложеніе 28 іюня 1902 года за № 4509), гдѣ помѣщены были IV—VII классы гимназіи и физическій кабинетъ, а равно отведена квартира для начальницы. Это новое наемное помѣщеніе пріискано было Попечительнымъ Совѣтомъ въ томъ самомъ домѣ по Прудовой улицѣ, о пріобрѣтеніи цѣликомъ котораго возбуждался вопросъ еще въ 1900 году. Къ существеннымъ неудобствамъ этого помѣщенія относится прежде всего то обстоятельство, что въ этомъ домѣ, кромѣ гимназіи, находятся многочисленныя квартиры, отдаваемыя владѣльцемъ дома въ наймы частнымъ лицамъ, и гимназія не располагаетъ ни однимъ клочкомъ земли въ усадьбѣ для игръ и гулянія учащихся на чистомъ воздухѣ. Такъ какъ помѣщеніе не приспособлено для нуждъ учебнаго заведенія, то нѣкоторыя классныя комнаты оказались проходными. Кромѣ того, классныя помѣщенія размѣщены въ трехъ этажахъ, которые сообщаются лѣстницей, въ холодные дни недостаточно теплой; самыя же помѣщенія хотя удовлетворительной вмѣстимости, но низки и недостаточно свѣтлы.

Впрочемъ, терпѣть всѣ эти неудобства, а равно и другія, вытекающія изъ факта размѣщенія одного учебнаго заведенія въ двухъ зданіяхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга на разстояніи 15 минутъ ходьбы, теперь придется недолго. Новое зданіе, сооруженное на

пріобрѣтенномъ участкѣ земли по Рижской улицѣ, окруженное со всѣхъ сторонъ прекраснымъ садомъ, уже готово вчернѣ, и окончательная его отдѣлка, какъ можно думать, закончится въ теченіе предстоящаго лѣта и осени, такъ что съ 1 января 1907 года гимназія перейдетъ въ свое собственное и болѣе приспособленное для учебнаго заведенія помѣщеніе.

Спросъ на среднее женское образованіе въ г. Юрьевѣ обнаружился въ такой мѣрѣ, что гимназія, располагая двумя помѣщеніями, изъ которыхъ одно находится въ собственномъ старомъ домѣ, а другое — въ наемномъ, вынуждена отказывать многимъ лицамъ, желающимъ помѣстить своихъ дочерей въ одномъ изъ старшихъ классовъ. Считаясь съ неисчислимыми затрудненіями по веденію учебнаго и воспитательнаго дѣла въ гимназіи, затрудненіями, вытекающими изъ слабой подготовки желающихъ поступить въ младшіе классы гимназіи, а равно принимая во вниманіе размѣщеніе классовъ въ двухъ зданіяхъ, изъ которыхъ ни одно притомъ не можетъ быть признано вполнѣ пригоднымъ въ гигіеническомъ и другихъ отношеніяхъ для помѣщенія многочисленнаго числа учащихся, Педагогическій Совѣтъ вынужденъ былъ въ началѣ текущаго года возбудить ходатайство о закрытіи параллельныхъ отдѣленій I и IV классовъ и открытіи, взамѣнъ этихъ двухъ, только одного при V классѣ, вслѣдствіе чего къ 1 января 1906 года гимназія состояла изъ 12 классовъ, въ которыхъ обучалось 374 ученицы.

Всѣ эти факты доказываютъ, что развитіе женской гимназіи А. С. Пушкина протекло болѣе успѣшно, чѣмъ того ожидали самые пылкіе и энергичные дѣятели изъ числа ея устроителей. Опасенія такого рода, что въ гимназію будутъ поступать только дѣти русскаго населенія, что инородцы будутъ неохотно отдавать въ гимназію своихъ дочерей, удовлетворяясь мѣстными частными учебными заведеніями, и что обученіе въ гимназіи окажется по силамъ только немногочисленнному слою зажиточнаго населенія, — не оправдались даже въ самой малой степени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ обратиться къ разсмотрѣнію прилагаемой таблицы о составѣ учащихся въ вѣроисповѣдномъ и сословномъ отношеніяхъ за всѣ годы существованія гимназіи (см. табл. на 28 стр.).

Разсматривая среднія данныя сословнаго состава учащихся (97, 99, 105) и ихъ процентныя отношенія (32, 23; 32, 89; 34, 88), выведенныя изъ цифровыхъ показаній за всѣ 7 лѣтъ существованія гимназіи, нельзя не видѣть, что гимназія въ общемъ равномѣрно удовлетворяетъ запросамъ на женское образованіе всѣхъ трехъ группъ населенія, и что въ средѣ всѣхъ этихъ группъ имѣется одинаковое число людей, обладающихъ средствами, необходимыми для воспитанія дочерей въ гимназіи. Изъ соотвѣтственныхъ же сред-

Годъ.	Общее число учениць къ 1 янв.	Въ томъ числѣ						
		по вѣроисповѣданіямъ:				по сословіямъ:		
		право-слав-наго	люте-ранска-го	іудей-скаго	католи-ческаго	дѣтей дворянъ, чиновн. и лицъ духовн. званія.	дѣтей лицъ сельскихъ сословій.	дѣтей лицъ городск. сословій.
1900	136	67	61	6	2	52	45	39
		49,27%	44,85%	4,41%	1,47%	38,24%	33,09%	28,67%
1901	199	98	87	11	3	78	60	61
		49,25%	43,72%	5,52%	1,51%	39,2%	30,15%	30,65%
1902	259	112	128	13	6	101	84	74
		42,85%	49,42%	5,02%	2,32%	39%	32,43%	28,57%
1903	346	142	183	17	4	105	103	138
		41%	53%	4,9%	1,1%	30,3%	29,8%	39,9%
1904	387	153	210	19	5	115	114	158
		39,5%	54,3%	4,9%	1,3%	29,8%	29,6%	40,6%
1905	408	157	227	20	4	116	163	129
		38,48%	55,64%	4,9%	0,98%	28,43%	39,95%	31.62%
1906	374	161	189	18	5[1]	111	122	141
		43,05%	50,53%	4,81%	1,34%	29,68%	32,62%	37,7%
Сумма	2109	890	1085	104	29	678	691	740
Средн. ариѳм. безъ дробей	301	127	155	15	4	97	99	105
%		42,19%	51,50%	4,98%	1,33%	32,23%	32,89%	34,88%

нихъ данныхъ вѣроисповѣднаго состава можно усмотрѣть, что гимназія удовлетворяетъ главнымъ образомъ нужды православной и лютеранской группъ населенія (42,19% и 51,50%), при чемъ болѣе второй, чѣмъ первой. Принимая же во вниманіе, что по своей численности въ Лифляндской губерніи сельское населеніе значительно превышаетъ городской классъ, почти въ $2^1/_2$ раза, а среди этого послѣдняго классъ людей свободныхъ профессій и служащихъ составляетъ ничтожную часть, приходится, при установленіи факта равномѣрнаго прилива въ число учащихся дѣтей лицъ всѣхъ этихъ группъ, признать, что стремленіе къ доставленію средняго женскаго образованія и возможность къ этому обратно пропорціональны

1) Здѣсь частные итоги не сойдутся съ общимъ, ибо въ графахъ не показана одна ученица нехристіанскаго исповѣданія (караимка).

численности каждой изъ вышеназванныхъ группъ. Съ другой же стороны, незначительный перевѣсъ (около 10%) количества обучавшихся лютеранокъ, по сравненію съ количествомъ православныхъ, въ гимназіи, существующей въ краѣ почти сплошь заселенномъ жителями, исповѣдующими лютеранскую вѣру, свидѣтельствуетъ о томъ, что гимназія пользуется преимущественно довѣріемъ и расположеніемъ со стороны мѣстнаго православнаго населенія, какъ созданная исключительно усиліями русскихъ людей и содержимая на средства Государственнаго Казначейства, безъ всякаго вспомоществованія со стороны мѣстныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій.

Обращаясь къ цифровымъ даннымъ, указаннымъ по годамъ въ первыхъ двухъ рубрикахъ вѣроисповѣднаго состава и во всѣхъ трехъ сословнаго состава учащихся, нельзя не обратить вниманія на колебанія процентнаго отношенія въ предѣлахъ каждой изъ этихъ рубрикъ: процентное отношеніе православныхъ (при среднемъ 42, 19) колеблется въ предѣлахъ 38,48—49,27; лютеранокъ (при среднемъ 51,50) — въ предѣлахъ 43,72—55,64; дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія (при среднемъ 32,23) — въ предѣлахъ 28,43—39,2; дѣтей сельскихъ сословій (при среднемъ 32,89) — въ предѣлахъ 29,60—39,95; дѣтей лицъ городскихъ сословій (при среднемъ 34,88) — въ предѣлахъ 28,67—40,60. Такимъ образомъ, колебанія во всѣхъ этихъ 5 рубрикахъ превышаютъ 10%, но особенно велики колебанія процентнаго отношенія дѣтей лицъ городскихъ сословій и лютеранокъ, достигая для первыхъ разницы въ 12,03%, а для вторыхъ — въ 11,92%. Отсюда вытекаетъ, что составъ учащихся въ гимназіи еще доселѣ не установился прочно, если возможны колебанія процентнаго отношенія, превышающія 10%, и что особенною неустойчивостью въ данномъ случаѣ выдѣляются группы городскихъ жителей и лютеранская. Въ частности замѣчается медленное паденіе процентнаго отношенія православныхъ и столь же медленное возвышеніе процентнаго отношенія лютеранокъ, вплоть до послѣдняго года, когда произошелъ перерывъ отмѣченной тенденціи. Въ двухъ послѣднихъ рубрикахъ сословнаго состава не замѣчается такого плавнаго теченія: отъ одного года до другого процентное отношеніе то повышается, то понижается до того иногда бурно, что на пространствѣ одного или двухъ лѣтъ приходятся минимумъ и максимумъ процентнаго отношенія. Подобныя колебанія или рѣзкія преломленія кривой, изображающей движеніе процентнаго отношенія, могутъ навести на мысль о неправильности самой регистраціи учащихся въ сословномъ отношеніи. Дѣйствительно, нельзя не считаться съ возможностью нѣкоторыхъ ошибокъ при опредѣленіи принадлежности родителей ученицъ къ сословіямъ сельскимъ или городскимъ. Эти ошибки тѣмъ болѣе понятны и простительны, что проистекаютъ

обыкновенно вслѣдствіе довольно распространенной у мѣстныхъ пасторовъ практики обозначать въ метрическихъ свидѣтельствахъ не сословіе родителей, а ихъ занятіе: „рабочій", „лѣсничій", „бухгалтеръ", „мясникъ" или положеніе въ обществѣ: „господинъ", „госпожа". Однако, въ общемъ регистрація заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ показанія метрическихъ записей исправляются путемъ опросовъ учащихся и ихъ родителей, а иногда вытребованіемъ дополнительныхъ оффиціальныхъ документовъ, необходимыхъ для разъясненія возникающихъ въ данномъ случаѣ затрудненій и недоразумѣній.

Кромѣ того, необходимо отказаться отъ объясненія рѣзкихъ колебаній неправильностью или небрежностью регистраціи еще и потому, что можетъ быть установлено извѣстное соотношеніе между данными сословнаго состава и вѣроисповѣднаго распредѣленія учащихся, освѣщаемое бытовыми и статистическими данными края, въ которомъ находится гимназія. Регистрація же учащихся въ вѣроисповѣдномъ отношеніи никогда не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій.

Вскрыть указанное соотношеніе возможно, благодаря сопоставленію рѣзкихъ паденій и возвышеній (максимумы и минимумы) процентныхъ отношеній, показанныхъ въ различныхъ рубрикахъ за одинъ и тотъ же годъ.

Особенно въ этомъ отношеніи бросаются въ глаза данныя, показанныя въ таблицѣ подъ 1905 годомъ, на который приходятся два минимума и два максимума. Пониженіе процентнаго отношенія дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія сопровождается, какъ видно изъ таблицы, пониженіемъ процентнаго отношенія учницъ православнаго исповѣданія въ теченіе всѣхъ первыхъ 6 лѣтъ. Это совпаденіе или зависимость указываетъ на то, что изъ дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ лицъ отдаютъ въ гимназію своихъ дочерей люди русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія. Однако, если бы процентное отношеніе православныхъ всецѣло находилось въ зависимости отъ процентнаго отношенія дѣтей дворянъ и служащихъ лицъ, то повышеніе и пониженіе въ одной изъ рубрикъ вполнѣ бы соотвѣтствовало повышенію и пониженію въ другой. На самомъ дѣлѣ этого не наблюдается. Такъ, напр., процентное отношеніе православныхъ къ 1 января 1903 года уменьшилось, сравнительно съ соотвѣтственными данными предыдущаго года, на 1,85%, а процентное отношеніе дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія — на 8,7%. Съ другой же стороны, такая же неравномѣрность наблюдалась къ началу 1906 года, по сравненію съ данными предыдущаго года, только въ направленіи къ возвышенію: православныхъ увеличилось на $4^1/_2$%, а дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія — только на $1^1/_4$%. Замѣчая, однако, на ряду съ этимъ, что въ 1903 году, сравнительно съ предыдущимъ

годомъ, дѣтей городскихъ сословій увеличилось на 11,33%, а дѣтей сельскихъ сословій уменьшилось на 2,53%, можно этимъ приливомъ городского элемента объяснить сравнительно слабое пониженіе процентнаго отношенія православныхъ, вопреки значительному пониженію процентнаго отношенія дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Этимъ же приливомъ дѣтей городскихъ сословій (на 16%) при соотвѣтствующемъ отливѣ дѣтей сельскихъ сословій (на $7^1/_4$%) объясняется повышеніе въ 1906 году православныхъ на $4^1/_2$%, хотя дѣтей дворянъ и чиновниковъ увеличилось только на $1^1/_4$%. Любопытно также отмѣтить, что минимумъ процентнаго отношенія дѣтей городскихъ сословій, показанный подъ 1902 годомъ, сопровождается значительнымъ и рѣзкимъ паденіемъ процентнаго отношенія православныхъ на 6,4%, по сравненію съ данными предыдущаго года, хотя процентное отношеніе дѣтей дворянъ и чиновниковъ въ то время весьма мало отклонилось отъ своего максимума. Устанавливаемое такимъ образомъ соотношеніе между приливомъ и отливомъ дѣтей городскихъ сословій и увеличеніемъ или уменьшеніемъ процента православныхъ объясняется тѣмъ, что православные люди въ Прибалтійскомъ краѣ проживаютъ преимущественно въ городахъ, занимаясь промыслами и торговлею, тогда какъ среди сельскаго населенія православіе распространено въ самой ничтожной мѣрѣ.

Поэтому также вполнѣ понятно, почему максимумъ процентнаго отношенія лютеранокъ совпадаетъ съ минимумомъ процентнаго отношенія дѣтей дворянъ, чиновниковъ и максимумомъ процентнаго отношенія дѣтей лицъ сельскихъ сословій, какъ это видно изъ данныхъ, показанныхъ въ таблицѣ подъ 1905 годомъ, а минимумъ процентнаго отношенія лютеранокъ сопровождается максимумомъ процентнаго отношенія дѣтей дворянъ, чиновниковъ, какъ это показано подъ 1901 годомъ.

Обращаясь къ даннымъ о движеніи ученицъ, распредѣленныхъ на три сословныя группы, можно замѣтить сравнительно устойчивое положеніе процентнаго отношенія дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія и много колебаній процентнаго отношенія и числа ученицъ двухъ другихъ группъ.

При тенденціи постояннаго въ теченіе первыхъ 6 лѣтъ увеличенія числа лицъ первой изъ трехъ сословныхъ группъ, процентное отношеніе, достигающее наибольшей высоты въ первые три года довольно рѣзко падаетъ, начиная съ 4-го, и нѣсколько увеличивается только въ текущемъ году. Это паденіе произошло отъ того, что къ 1 января 1903 года дѣтей дворянъ, чиновниковъ и лицъ духовнаго званія увеличилось всего только на 4 человѣка, сравнительно съ данными за годъ ранѣе, дѣтей же лицъ сельскихъ сословій увеличилось на 19, а городскихъ сословій — на 64 человѣка, т. е. почти

удвоилось. Такимъ образомъ, послѣдующее паденіе процентнаго отношенія лицъ по первой сословной рубрикѣ объясняется усиленнымъ приливомъ горожанъ и селянъ, начиная со времени пріемныхъ испытаній 1902 года. Другими словами, съ этого времени гимназія, просуществовавшая три учебныхъ года и достигнувъ полнаго состава классовъ, стала широко удовлетворять запросамъ на среднее образованіе, предъявляемымъ со стороны лицъ мѣстнаго происхожденія, заслуживъ, очевидно, своею дѣятельностью ихъ довѣріе и полное сочувствіе. Поворотъ этотъ сказался прежде всего усиленнымъ приливомъ горожанъ, процентное отношеніе которыхъ достигаетъ наибольшей высоты къ 1 января 1903 и 1904 годовъ: къ началу перваго изъ этихъ годовъ, какъ было отмѣчено, число ихъ дѣтей увеличилось на 64 человѣка, а къ началу слѣдующаго года — еще дополнительно на 20 человѣкъ. Вслѣдъ за приливомъ горожанъ послѣдовалъ приливъ и дѣтей сельскихъ сословій, процентное отношеніе которыхъ достигаетъ наибольшей высоты къ 1 января 1905 года. Если въ данномъ случаѣ стремленіе къ опредѣленію дѣтей въ гимназію проявилось прежде всего со стороны горожанъ, то это объясняется рядомъ обстоятельствъ: 1) плоды успѣшной дѣятельности гимназіи были для нихъ ранѣе примѣтны, чѣмъ для лицъ, проживающихъ преимущественно въ селахъ; 2) въ ихъ средѣ находится бóльшее количество лицъ православнаго исповѣданія, всегда сочувственно относившихся къ гимназіи, основанной русскими дѣятелями.

Въ виду недостаточности данныхъ не представляется пока возможнымъ объяснить уменьшеніе числа дѣтей лицъ сельскихъ сословій къ 1 января 1906 года на 41 и процентнаго отношенія на 7,33%, а равно уменьшеніе числа дѣтей лицъ городскихъ сословій къ 1 января 1905 г. на 19 человѣкъ и ихъ процентнаго отношенія на 9%, сравнительно въ каждомъ случаѣ съ предыдущимъ годомъ. Только въ силу накопленія данныхъ за послѣдующіе годы и сопоставленія ихъ съ извѣстными уже нынѣ получится возможность объяснить это пока непонятное явленіе.

Итакъ, мысль объ основаніи женской гимназіи въ г. Юрьевѣ всецѣло принадлежитъ мѣстному русскому обществу, а осуществленіе ея является заслугою бывшаго попечителя Н. А. Лавровскаго, окружнаго инспектора В. Я. Попова и директора мужской гимназіи Н. И. Иванова, бывшаго въ качествѣ перваго предсѣдателя Педагогическаго Совѣта ея устроителемъ и руководителемъ. Постоянное вниманіе, довѣріе и доброжелательное отношеніе къ гимназіи со стороны представителей русскаго общества, имѣющаго право считать

гимназію плодомъ своей культурной дѣятельности, создавали тѣ условія, которыя столь необходимы для плодотворной педагогической работы. Полагаясь на эту поддержку, члены Педагогическаго и Попечительнаго Совѣтовъ гимназіи усердно работали и успѣли постепенно привлечь симпатіи и мѣстнаго инородческаго населенія, относившагося первоначально къ этому учебному заведенію съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

А. Ясинскій.

Приложенія.

№ 1. 4 января 1899 года. О преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія о преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію, мнѣніемъ положилъ:

I. Преобразовать, съ 1 іюля 1899 года, Юрьевское Маріинское женское училище въ женскую гимназію по положенію 24 мая 1870 г.

II. На покрытіе вызываемаго означенною мѣрою (отд. I) расхода ассигновать изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ 3270 руб., отпускаемымъ нынѣ изъ того же источника на преобразуемое училище: въ 1899 г. — двѣ тысячи триста восемьдесятъ руб., въ 1900 г. — три тысячи семьсотъ тридцать руб., и начиная съ 1 января 1901 г., по пяти тысячъ двѣсти тридцати руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы ассигнованіе сего кредита продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ отнести этотъ расходъ на городскія средства.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 4 день января 1899 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

№ 2. 31 мая 1899 г. за № 12699. О присвоеніи Юрьевской женской гимназіи наименованія „Женская гимназія А. С. Пушкина."

По ходатайству управленія округа, г. министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 мая 1897 г., разрѣшилъ присвоить открываемой въ г. Юрьевѣ женской гимназіи, по положенію 24 мая 1870 года, наименованіе „Женская гимназія А. С. Пушкина."

№ 3. 10 августа 1899 г. за № 18967. Объ образованіи Попечительнаго Совѣта и о составѣ членовъ онаго.

По ходатайству управленія округомъ, г. управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ образовать при Юрьев-

ской женской гимназіи А. С. Пушкина Попечительный Совѣтъ въ составѣ пяти членовъ: двухъ — непремѣнныхъ (предсѣдателя Педагогическаго Совѣта и начальницы гимназіи) и трехъ, назначаемыхъ начальствомъ учебнаго округа, — изъ числа лицъ, которыя по своему имущественному достатку или служебному положенію могли бы содѣйствовать матеріальному благосостоянію названной гимназіи, въ виду того, что по ст. XV Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 24 мая 1870 г. на попечительные совѣты сихъ учебныхъ заведеній, кромѣ завѣдыванія хозяйственною частью, возлагаются также заботы о матеріальномъ благоустройствѣ этихъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы самъ попечительный совѣтъ, согласно ст. X того же Положенія, избиралъ себѣ предсѣдателя изъ своей среды.

№ 4. 28 декабря 1899 г. за № 31149. О передачѣ существовавшихъ при б. Юрьевскомъ Маріинскомъ и б. Дерптскомъ правительственномъ 2-классномъ женскихъ училищахъ стипендій.

По ходатайству управленія округомъ, г. министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ передать существовавшія при б. Юрьевскомъ Маріинскомъ и б. Дерптскомъ правительственномъ 2-классномъ женскихъ училищахъ стипендій: при 1-мъ — въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и при 2-мъ — имени Императрицы Екатерины II и имени тайнаго совѣтника М. Н. Капустина въ Юрьевскую женскую гимназію А. С. Пушкина съ тѣмъ, чтобы п. 8 положенія о первой изъ сихъ стипендій былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: въ случаѣ преобразованія или закрытія означенной гимназіи стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе того учебнаго заведенія, которое ее замѣнитъ.

№ 5. 16 октября 1889 года. Объ учрежденіи стипендіи при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при вновь открытомъ Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ, на счетъ пожертвованнаго супругою попечителя Дерптскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Капустина, капитала въ 300 руб., одной стипендіи имени Императрицы Екатерины IIª.

№ 6. 17 ноября 1889 года за № 19224. Объ утвержденіи положенія о стипендіи имени Императрицы Екатерины II при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ.

На основанiи Высочайшаго повелѣнiя 16 октября 1889 года г. министръ Народнаго Просвѣщенiя утвердилъ слѣдующее положенiе о стипендiи имени Императрицы Екатерины II при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ:

1. На основанiи Высочайшаго повелѣнiя, послѣдовавшаго въ 26 день октября 1889 г., учреждается при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ одна стипендiя имени Императрицы Екатерины II на счетъ процентовъ съ капитала въ триста руб., пожертвованнаго женою тайнаго совѣтника Софьею Николаевною Капустиною.

2. Стипендiальный капиталъ, заключающiйся въ трехъ билетахъ восточнаго займа, по 100 руб. каждый, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Рижскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ управленiя Дерптскимъ учебнымъ округомъ.

3. Проценты со стипендiальнаго капитала, за удержанiемъ части, подлежащей по закону о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ поступленiю въ казну, выдаются ежегодно избранной стипендiаткѣ 24 ноября, въ день столѣтней годовщины учрежденiя Императрицею Екатериной II первыхъ начальныхъ русскихъ училищъ въ эсто-латышскомъ краѣ.

4. Стипендiатка избирается учительницей, завѣдующей училищемъ, изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ ученицъ онаго, безъ различiя вѣроисповѣданiя и сословiя, и утверждается директоромъ народныхъ училищъ.

5 Могущiе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенiя стипендiи или по какимъ либо другимъ причинамъ причисляются къ стипендiальному капиталу.

№ 7. 15 ноября 1890 года за № 17987. Объ учрежденiи при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ стипендiи имени тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Капустина.

Г. министръ Народнаго Просвѣщенiя, на основанiи Высочайшаго повелѣнiя 5 декабря 1881 года, разрѣшилъ учредить при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ стипендiю имени тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Капустина и утвердилъ слѣдующее положенiе объ означенной стипендiи:

1. На проценты съ капитала въ сто пятьдесятъ руб., пожертвованнаго Дерптскимъ купцомъ А. А. Казариновымъ, учреждается при Дерптскомъ правительственномъ двухклассномъ училищѣ для дѣвочекъ одна стипендiя имени тайнаго совѣтника Михаила Николаевича Капустина.

2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ восточнаго займа, одна въ 100 руб. и другая въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Дерптскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Дерптскаго правительственнаго двухкласснаго училища для дѣвочекъ.

3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ поступленію въ казну, выдаются ежегодно избранной стипендіаткѣ.

4. Стипендіатка избирается учительницей, завѣдующей училищемъ, изъ числа бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ ученицъ онаго, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, и утверждается директоромъ народныхъ училищъ.

5. Могущіе образоваться остатки отъ временнаго незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

№ 8. 21 ноября 1891 г. за № 19530. О передачѣ дома, принадлежащаго Дерптской гимназіи, Дерптскому правительственному женскому начальному училищу.

По ходатайству попечителя округа, г. министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ принадлежащій Дерптской гимназіи домъ, въ коемъ нынѣ размѣщены приготовительные классы оной, передать въ пользованіе Дерптскаго правительственнаго женскаго начальнаго училища, съ переводомъ упомянутыхъ приготовительныхъ классовъ въ главное зданіе гимназіи.

№ 9. 1 февраля 1894 года. Объ учрежденіи въ г. Юрьевѣ Маріинскаго женскаго училища.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Юрьевѣ Маріинскаго женскаго училища, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1 іюля 1894 г., существующее въ г. Юрьевѣ женское двухклассное училище въ Маріинское женское училище.

2) Къ Юрьевскому Маріинскому женскому училищу (отд. I) примѣнить Высочайше утвержденный, 17 декабря 1890 г., штатъ Якобштадтскаго Маріинскаго училища (собр. узак. 1891 г., № 10, ст. 91), а также ст. 2940—2942, 2943 (кромѣ прим.), 2944, 2945, 2946 (съ прилож.), 2947 и 2948 уст. учебн. зав. (свод. зак. т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.).

3) На содержаніе Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища отпускать ежегодно изъ средствъ государственнаго казначейства,

съ указаннаго въ отд. I срока, по двѣ тысячи семисотъ семидесяти руб., съ зачисленіемъ въ эту сумму 1290 руб. 20 к., освобождающихся вслѣдствіе упраздненія въ г. Юрьевѣ женскаго двухкласснаго училища и съ отнесеніемъ остальной части расхода, потребнаго на содержаніе вновь учреждаемаго училища, въ размѣрѣ 1000 руб. на спеціальныя его средства.

Государь Императоръ означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 1 день февраля 1894 г., Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

№ 10. 10 ноября 1895 года. Объ учрежденіи при Юрьевскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ стипендіи въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Народнаго Просвѣщенія, въ 10 день ноября 1895 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Юрьевскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала въ 150 р., пожертвованнаго членами Педагогическаго Совѣта названнаго училища въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1 августа 1873 г., утверждено нижеслѣдующее положеніе о вышеозначенной стипендіи:

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 10 ноября 1895 г., при Юрьевскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ учреждается одна стипендія въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны на проценты съ капитала въ сто пятьдесятъ руб., пожертвованнаго на сей предметъ членами Педагогическаго Совѣта названнаго училища.

2) Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища. Въ случаѣ выхода въ тиражъ означенныхъ процентныхъ бумагъ Педагогическій Совѣтъ немедленно пріобрѣтаетъ взамѣнъ ихъ новыя таковыя же бумаги.

3) Процентныя деньги съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% въ казну, согласно закону 20 мая 1885 г., выдаются 14 ноября, въ день бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, бѣднѣйшей изъ ученицъ назван-

наго училища безъ различія вѣроисповѣданія, отличающейся примѣрнымъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

4) Право избранія стипендіатки принадлежитъ Педагогическому Совѣту училища съ утвержденія мѣстнаго директора народныхъ училищъ.

5) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

6) Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки отъ процентовъ записываются на книжку мѣстной сберегательной кассы для увеличенія основнаго капитала.

7) Основной капиталъ можетъ увеличиваться также пожертвованіями лицъ, сочувствующихъ развитію училища въ духѣ русскихъ государственныхъ началъ.

8) Въ случаѣ закрытія Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища, стипендія, по представленію Рижскаго директора народныхъ училищъ, передается въ другое Маріинское женское училище Рижскаго учебнаго округа. Если бы же таковаго въ округѣ не оказалось, то Рижскій директоръ народныхъ училищъ дѣлаетъ представленіе о передачѣ стипендіи въ другое правительственное женское учебное заведеніе сего округа.

№ 11. Инструкція для классныхъ надзирательницъ, утвержденная попечителемъ Рижскаго учебнаго округа 1 апрѣля 1900 г.

§ 1. Классныя надзирательницы суть ближайшія помощницы начальницы гимназіи въ попеченіи о нравственности ученицъ ввѣреннаго каждой изъ нихъ класса, и, какъ таковыя, несутъ отвѣтственность за нравственное состояніе своихъ классовъ.

§ 2. Классныя надзирательницы должны сообразовать всѣ свои распоряженія и дѣйствія съ существующими предписаніями высшаго начальства и съ указаніями начальницы заведенія; о всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ ими по собственному почину, онѣ должны докладывать начальницѣ.

§ 3. Для возможно лучшаго достиженія воспитательныхъ цѣлей, классныя надзирательницы обязаны: а) руководить однѣми и тѣми же ученицами въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четырехъ послѣдовательныхъ лѣтъ; б) сноситься въ необходимыхъ случаяхъ съ родителями, родственниками или опекунами своихъ ученицъ; в) посѣщать по временамъ квартиры ученицъ; г) совѣщаться въ необходимыхъ случаяхъ съ другими классными надзирательницами, преподавателями класса и начальницей гимназіи.

§ 4. Классныя надзирательницы обязаны имѣть самыя точныя свѣдѣнія о каждой изъ ученицъ ввѣренныхъ имъ классовъ и до-

кладывать оныя начальницѣ гимназіи при обсужденіи поведенія учениц и вообще всякій разъ по ея требованію.

§ 5. Отъ классныхъ надзирательницъ преимущественно должно ожидать, что онѣ своимъ примѣромъ, строго разсчитаннымъ и цѣлесообразнымъ примѣненіемъ воспитательныхъ и дисциплинарныхъ мѣръ будутъ содѣйствовать какъ искорененію во ввѣренныхъ имъ ученицахъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, такъ и пробужденію и укрѣпленію въ нихъ чувства правды, чести, уваженія къ закону и исполнителямъ его, привязанности къ Государю и отечеству и въ особенности чувства религіознаго.

§ 6. Классная надзирательница обязана являться въ гимназію въ форменномъ платьѣ темносиняго цвѣта къ началу сбора ученицъ и находиться каждая при своемъ классѣ до окончанія уроковъ и до ухода ученицъ изъ гимназіи, за исключеніемъ того времени, когда онѣ обязаны давать уроки не въ своемъ классѣ или замѣщать, по распоряженію начальницы, урокъ отсутствующаго преподавателя, или исполнять обязанности отсутствующей въ классѣ классной надзирательницы.

Примѣчаніе. а) Дежурныя классныя надзирательницы обязаны прибывать въ гимназію не позже, какъ за четверть часа до начала общей предклассной молитвы; б) въ случаѣ невозможности прибыть въ гимназію, классная надзирательница должна до начала уроковъ письменно увѣдомить о томъ начальницу гимназіи.

§ 7. Классныя надзирательницы слѣдятъ за правильнымъ посѣщеніемъ ученицами уроковъ, равно какъ и за своевременнымъ приходомъ ихъ въ классы. При этомъ: а) въ случаѣ отсутствія ученицъ по причинамъ неизвѣстнымъ, классныя надзирательницы не позднѣе слѣдующаго дня увѣдомляютъ о таковомъ отсутствіи родителей или опекуновъ письменно; объ ученицахъ, живущихъ не у родителей или родственниковъ, освѣдомляются, по возможности, самолично; б) если причиной отсутствія ученицы окажется болѣе или менѣе опасная болѣзнь и если таковыя ученицы живутъ не у родителей или ближайшихъ родственниковъ, то классныя надзирательницы докладываютъ начальницѣ заведенія о необходимости оказать имъ медицинскую помощь; въ случаѣ же пропуска уроковъ безъ уважительной причины, по совѣщаніи съ начальницею, принимаютъ надлежащія мѣры къ вразумленію и исправленію лѣнивыхъ и нерадивыхъ ученицъ.

§ 8. Ученицы малоуспѣвающія, а равно односторонне развивающіяся, составляютъ предметъ особенной заботливости классныхъ надзирательницъ; при этомъ онѣ стараются открыть истинныя причины того и другаго и о сихъ ученицахъ особо докладываютъ Педагогическому Совѣту.

§ 9. Ученицамъ, подвергавшимся болѣе или менѣе продолжительной болѣзни, классныя надзирателницы даютъ необходимые въ ихъ положеніи совѣты по учебной части и предоставляютъ имъ нѣкоторыя льготы при повтореніи опущеннаго, по соглашенію съ преподавателями.

§ 10. Классныя надзирательницы наблюдаютъ, чтобы различнаго рода постороннія занятія ученицъ не мѣшали успѣшному ходу ихъ ученія. Классная надзирательница не должна прерывать классныя учебныя занятія съ ученицами преподавателя или преподавательницы или мѣшать спокойному продолженію ихъ какими бы то ни было заявленіями и замѣчаніями.

§ 11. Въ виду вышеизложенныхъ обязанностей по надзору за ученицами во время уроковъ классныя надзирательницы не могутъ заниматься въ означенное время ни собственнымъ чтеніемъ или письмомъ, ни какими либо другими работами, которыя могли бы отвлекать ихъ отъ исполненія ими своихъ прямыхъ обязанностей по надзору за порядкомъ и тишиною и наблюденію за ученицами. Въ отношеніи рукодѣльныхъ работъ во время уроковъ класснымъ надзирательницамъ можетъ быть разрѣшено, по усмотрѣнію начальницы гимназіи, лишь простое вязанье, которое не отвлекаетъ вниманія ни самой вяжущей, ни ученицъ.

§ 12. Классныя надзирательницы доводятъ до свѣдѣнія преподавателей-библіотекарей о тѣхъ ученицахъ своего класса, которыя могутъ пользоваться библіотекой, и по возможности наблюдаютъ, насколько приноситъ пользу ученицамъ домашнее чтеніе, а также — не препятствуетъ ли оно исполненію прямыхъ ихъ обязанностей. Классныя надзирательницы вообще руководятъ выборомъ книгъ для домашняго чтенія ученицъ своего класса, въ чемъ имъ обязаны оказывать содѣйствіе и преподаватели класса.

§ 13. Классныя надзирательницы разъясняютъ своимъ ученицамъ ихъ нравственныя обязанности и правила поведенія и слѣдятъ за ихъ исполненіемъ; своевременно объясняютъ имъ также правила о переводныхъ испытаніяхъ.

§ 14. Классныя надзирательницы могутъ присутствовать при переводныхъ испытаніяхъ своего класса въ видахъ доставленія необходимыхъ свѣдѣній преподавателямъ-экзаменаторамъ о той или другой ученицѣ, но вліянія на оцѣнку познаній ученицъ не имѣютъ.

§ 15. Классныя надзирательницы удостовѣряются при началѣ учебнаго года, имѣютъ ли ученицы ихъ классовъ всѣ необходимые учебники и пособія, и требуютъ, чтобы на каждомъ учебникѣ, а равно и на тетрадяхъ была собственноручная подпись ученицы, съ указаніемъ класса, отдѣленія, полнаго имени и фамиліи.

§ 16. Классныя надзирательницы наблюдаютъ какъ за опрятностію своихъ учениць, такъ и за исправнымъ и опрятнымъ содержаніемъ ими своихъ учебниковъ, классныхъ пособій и тетрадей, а также обращаютъ вниманіе на то, чтобы ученицы не имѣли при себѣ въ классѣ ненужныхъ книгъ или какихъ либо другихъ предметовъ.

Примѣчаніе. Осмотръ книгъ и тетрадей ученицъ по всѣмъ предметамъ долженъ происходить по крайней мѣрѣ ежемѣсячно; дневники же ученицъ приготовительнаго и первыхъ четырехъ классовъ гимназіи должны быть осматриваемы по возможности ежедневно.

§ 17. Классныя надзирательницы наблюдаютъ за надлежащимъ исполненіемъ всѣхъ мѣръ относительно поддержанія чистоты воздуха и соблюденія всѣхъ прочихъ гигіеническихъ условій въ классной комнатѣ и обращаютъ особенно заботливое вниманіе на ученицъ болѣзненныхъ и имѣющихъ тѣлесные недостатки, приглашая къ тому же и преподавателей класса.

§ 18. Воспитанницамъ, замѣченнымъ въ дурномъ поведеніи, классныя надзирательницы дѣлаютъ необходимыя внушенія, стараясь при этомъ дѣйствовать на нихъ болѣе своимъ нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ одними только наказаніями.

Примѣчаніе. Объ ученицахъ, задержанныхъ въ гимназіи, классныя надзирательницы своевременно извѣщаютъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто.

§ 19. Классныя надзирательницы извѣщаютъ родителей или опекуновъ объ успѣхахъ и поведеніи ученицъ: а) еженедѣльно при посредствѣ дневника, въ которой вносятся полученныя ученицею въ теченіе недѣли отмѣтки, и б) каждую четверть года черезъ четвертныя вѣдомости, съ необходимыми для родителей замѣчаніями отъ своего имени, или отъ имени Педагогическаго Совѣта.

§ 20. Классныя надзирательницы удостовѣряются въ томъ, читаются ли родителями или опекунами сообщаемыя имъ отъ гимназіи свѣдѣнія о ихъ дѣтяхъ.

Примѣчаніе. Выставка отмѣтокъ какъ въ недѣльныхъ, такъ и въ четвертныхъ вѣдомостяхъ, а также особыя примѣчанія для свѣдѣнія родителей классными надзирательницами должны быть дѣлаемы собственноручно.

§ 21. Классныя надзирательницы исполняютъ дежурства по гимназіи по назначенію начальницы и въ случаѣ какой либо нужды могутъ мѣняться между собою не иначе, какъ съ ея же разрѣшенія. Между уроками и въ большую перемѣну дежурныя должны находиться въ указанныхъ имъ мѣстахъ для надзора за ученицами и безъ крайней надобности не оставлять своего поста.

§ 22. Дежурныя классныя надзирательницы, по назначенію начальницы гимназіи, наблюдаютъ за ученицами, оставшимися по той или другой причинѣ въ зданіи гимназіи по окончаніи уроковъ.

№ 12. **А. Учебные планы VIII класса.**

Законъ Божій православнаго исповѣданія (2 урока въ недѣлю). Курсъ распадается на два самостоятельныхъ отдѣла: 1) о западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ — критическое обозрѣніе вѣроисповѣдныхъ разностей главнѣйшихъ инославныхъ христіанскихъ обществъ, въ связи съ исторіей возникновенія римско-католичества, лютеранства, реформатства, англиканства, а равно раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ; 2) методика Закона Божія, съ изложеніемъ общихъ основъ и средствъ первоначальнаго религіознаго воспитанія. По второму отдѣлу учебнымъ руководствомъ можетъ служить „Методика Закона Божія" Н. Страхова.

Педагогика (3 урока въ недѣлю). Систематическій курсъ педагогики и дидактики, по возможности съ историческимъ освѣщеніемъ на главнѣйшихъ представителяхъ ея основныхъ положеній, и краткій обзоръ новѣйшей русской педагогики (Пироговъ, Ушинскій, Рачинскій). Руководства: „Общая педагогика" и „Общая дидактика" П. Скворцова.

Примѣчаніе. Предположенное прохожденіе педагогики въ VIII классѣ возможно лишь при томъ условіи, если въ VII классѣ будетъ заложенъ общій фондъ для спеціальнаго ея изученія; съ этой цѣлью предлагается въ VII классѣ на урокахъ педагогики преподавать общія свѣдѣнія изъ элементарной психологіи и логики, удѣливъ одновременно съ тѣмъ по одному часу въ недѣлю въ первое полугодіе на ознакомленіе съ гигіеной, преподаваніе которой поручить врачу. Экзаменъ изъ педагогики въ VII классѣ комиссія признаетъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ по закону не можетъ считаться обязательнымъ.

Русскій языкъ (6 уроковъ въ недѣлю). 1) Общеобязательный курсъ методики русскаго языка (3 урока въ недѣлю) проходится въ предѣлахъ обычныхъ руководствъ по этому предмету, напр., Д. Тихомирова, Солонины; при этомъ ученицы, подъ руководствомъ преподавателя, должны разобрать нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ учебныхъ пособій по курсу начальнаго преподаванія русскаго языка, особенно же тѣ изъ нихъ, въ которыхъ разработанъ вопросъ о наглядномъ обученіи инородцевъ государственному языку. 2) Спеціальный курсъ русскаго языка (3 урока въ недѣлю) обнимаетъ: а) систематическое прохожденіе курса грамматики русскаго языка, въ связи съ церковно-славянскимъ, при чемъ формы и обороты послѣдняго привлекаются постольку, поскольку ими исторически объясняется возникновеніе той или иной особенности въ этимологіи или синтаксисѣ русскаго языка; б) ознакомленіе съ литературой послѣ-Пушкинскаго періода въ слѣдующемъ объемѣ: „общій ходъ развитія литературы до Пушкина и до Гоголя; значеніе Пушкина и Гоголя и ихъ вліяніе на новѣйшую литературу; Бѣлинскій и значеніе его кри-

тики; ознакомленіе съ избранными произведеніями Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Островскаго, Аксакова, Григоровича, А. Толстого". Руководствомъ можетъ служить „Исторія русской литературы" Евстафіева.

Математика (5 уроковъ въ недѣлю). 1) Общеобязательный курсъ (2 урока въ недѣлю) обнимаетъ методику преподаванія начальнаго курса ариѳметики въ предѣлахъ простыхъ, именованныхъ, отвлеченныхъ и составныхъ именованныхъ чиселъ, со включеніемъ вычисленій надъ долями; сравненіе учебныхъ пособій для начальнаго преподаванія ариѳметики. Руководствами могутъ служить учебники методики ариѳметики Гольденберга или Житкова. 2) Спеціальный курсъ: а) дополнительныя статьи изъ систематическаго курса ариѳметики по программѣ VIII класса мужскихъ гимназій, б) дополнительныя статьи изъ алгебры: извлеченіе кубическаго корня, прогрессіи, логарифмы; в) методическія указанія по элементарному курсу геометріи. Руководствами могутъ служить: по ариѳметикѣ — учебники Шапошникова или Серре, по алгебрѣ — Киселева, по геометріи — Острогорскаго.

Исторія (4 урока въ недѣлю). 1) Теоретически-научная часть (3 урока) заключаетъ: а) систематическое повтореніе курса древней исторіи, примѣнительно къ программѣ VIII класса мужскихъ гимназій; б) систематическій курсъ русской исторіи, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на развитіе государственныхъ учрежденій и общественнаго строя, а также на движеніе просвѣщенія. Руководства: а) по древней исторіи — Гуревича, Виноградова, Карѣева; б) по русской исторіи — Елпатьевскаго и конспектъ проф. Ключевскаго. 2) Методическая часть (1 урокъ) содержитъ выясненіе значенія исторіи для общаго образованія и указаніе важнѣйшихъ методическихъ пріемовъ при ея изученіи какъ въ начальномъ, такъ и въ дальнѣйшемъ преподаваніи въ III и IV классахъ женскихъ гимназій. Учебнымъ пособіемъ можетъ служить сборникъ Кролюницкаго.

Географія (4 урока въ недѣлю). 1) Въ теоретическую часть (3 урока) входитъ: а) курсъ общаго землевѣдѣнія; б) курсъ отечествовѣдѣнія. 2) Въ методическую часть (1 урокъ) входитъ выясненіе важнѣйшихъ методическихъ пріемовъ, пріученіе къ примѣненію наглядныхъ пособій для цѣлей элементарнаго курса географіи въ начальныхъ школахъ, а равно и гимназическаго курса въ четырехъ низшихъ классахъ. Руководствами могутъ служить: „Основы землевѣдѣнія" Краснова, „О преподаваніи географіи" Гейки или Ловягина, „Отечествовѣдѣніе" Ловягина.

Новые языки (по 4 урока въ недѣлю). 1) Теоретическая часть обнимаетъ: а) повтореніе и пополненіе ранѣе пройденнаго изъ грамматики, съ письменными упражненіями; б) ознакомленіе съ избранными писателями XIX вѣка и съ общимъ развитіемъ французской и нѣмецкой

литературъ. 2) Методическая часть (1 урокъ) имѣетъ цѣлью сообщить нѣкоторыя методическія указанія относительно преподаванія новыхъ языковъ по натуральному (аналитическому) методу. Преподаваніе сихъ методическихъ указаній слѣдуетъ производить на русскомъ языкѣ. Руководствами могутъ служить: а) по французской грамматикѣ — Margot, Fleury; б) по французской литературѣ — Beugeault, Fleury; в) по методикѣ преподаванія французскаго языка — соч. Фабриціева; г) по нѣмецкой грамматикѣ — Mickwitz, „Grundzüge der deutschen Sprache"; д) по нѣмецкой литературѣ — руководство Koenig (сокр. изд.); е) по методикѣ преподаванія нѣмецкаго языка — сочиненіе А. Мусиновича.

Примѣчаніе. Указанныя въ учебныхъ планахъ руководства приведены главнымъ образомъ для обозначенія объема тѣхъ требованій, который имѣются въ виду при преподаваніи каждаго предмета; въ случаѣ желанія замѣнить ихъ другими, г. г. преподаватели, на общихъ основаніяхъ, входятъ съ заявленіемъ о томъ въ Педагогическій Совѣтъ, предсѣдатель котораго и направляетъ соотвѣтствующее представленіе въ установленномъ порядкѣ; что касается лекціоннаго веденія преподаванія, связаннаго съ обязательнымъ для ученицъ записываніемъ, то необходимо прибѣгать къ оному возможно рѣже, въ виду разнаго рода практическихъ неудобствъ, при чемъ рекомендуется преподавателямъ предварительно выдавать ученицамъ подробный конспектъ предполагаемой лекціи, дабы онѣ могли болѣе сосредоточить свое вниманіе на словахъ лектора.

Б. Таблица недѣльныхъ уроковъ.

Законъ Божій	2	Математика, спеціальн. курсъ	3
Педагогика	3	Исторія	4
Русскій яз., общій курсъ	3	Географія	4
Русскій яз., спеціальный курсъ	3	Французскій языкъ	4
Математика, общій курсъ	2	Нѣмецкій языкъ	4

В. Практическія занятія.

1. По всѣмъ спеціальнымъ предметамъ, а также по педагогикѣ ученицы VIII класса исполняютъ не менѣе двухъ работъ, домашнихъ сочиненій, въ теченіе года, характеръ, равно какъ и темы которыхъ опредѣляются преподавателемъ предмета, а срокъ подачи устанавливается предварительно на конференціи преподавателей VIII класса.

Примѣчаніе. Задачи по математикѣ, пересказы, переводы и т. п. упражненія по новымъ языкамъ не входятъ въ число указанныхъ работъ.

2. Въ часы, свободные отъ занятій, ученицы VIII класса должны присутствовать на урокахъ какъ общеобязательныхъ предметовъ (ариѳметика, русскій языкъ), такъ и избранной ими спеціальности въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи и приготовительномъ классѣ.

3. Ученицы составляютъ конспекты слушанныхъ ими уроковъ и подаютъ ихъ преподавателю-руководителю для просмотра въ

[illegible] спеціальность [illegible] по обще-[illegible] [illegible].

[illegible] даютъ пробные [illegible] предметамъ и [illegible] предварительно. [illegible] въ IV классѣ гим-[illegible] [illegible] уроковъ предварительно [illegible]-руководителемъ, но и [illegible]

Примѣчаніе. [illegible] по общеобязательнымъ предметамъ [illegible] VIII класса, а по специальнымъ — ученицы [illegible] пробный урокъ; за ходомъ пробнаго [illegible], преподаватель-руководитель и [illegible]; кромѣ того, по возможности ихъ [illegible] Педагогическаго Совѣта; обсуждаются пробные [illegible] въ особо для того назначаемые часы, [illegible] Педагогическаго Совѣта, въ присутствіи [illegible] словами „хорошо, удовлетвори-[illegible]

[illegible] VIII класса обязаны въ сво-[illegible] воспитанницами приго-[illegible] гимназіи, по опредѣленію [illegible] классныхъ надзиратель-[illegible] изъ ученицъ [illegible] изучить ее, для чего [illegible] къ концу года пред-[illegible] обсуждается на [illegible]

[illegible] ученицъ VIII класса [illegible] VIII класса, [illegible] Совѣта. Въ томъ же но-[illegible] преподава-[illegible] порядокъ заня-[illegible] сочиненій, конспектовъ, [illegible] сводятся до свѣдѣнія [illegible]

[illegible]

[illegible] ученицъ

[illegible] преподавани-

[illegible] литературы

3) По математикѣ:
   а) устное испытаніе по методикѣ начальнаго преподаванія ариѳметики для всѣхъ учениць.
   б) устное испытаніе изъ систематическаго курса ариѳметики и письменное изъ дополнительнаго курса алгебры для спеціалистокъ.
4) По исторіи и по географіи: устное испытаніе по теоріи предмета и по методикѣ его преподаванія для спеціалистокъ.
5) По французскому и нѣмецкому языкамъ:
   а) письменное испытаніе по курсу французской и нѣмецкой литературы;
   б) устное испытаніе по методикѣ преподаванія французскаго или нѣмецкаго языка (оба для спеціалистокъ).

II.

Записка о состоянии гимназіи въ 1905 году.

Истекшій 1905 годъ выдвинулъ въ жизни гимназіи много новыхъ вопросовъ какъ въ воспитательномъ, такъ и въ учебномъ отношеніяхъ.

Какъ всякое новое, молодое учрежденіе, гимназія при своемъ возникновеніи должна была особенно внимательно присматриваться къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ ей приходилось дѣйствовать, чтобы имѣть возможность отвѣчать нуждамъ мѣстнаго населенія; быстрый ростъ ея является, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ отвѣтомъ на эти ея старанія, но онъ же, этотъ быстрый ростъ, не давалъ возможности въ первые же годы обратить въ достаточной мѣрѣ вниманіе на всѣ стороны учебной и воспитательной дѣятельности школы. Съ тѣмъ большею силою жизнь выдвинула нѣкоторые вопросы теперь, и на эту сторону была направлена дѣятельность Педагогическаго Совѣта въ истекшемъ году. Дѣятельность эта выразилась въ цѣломъ рядѣ засѣданій Совѣта и отдѣльныхъ комиссій, работа которыхъ была направлена къ упорядоченію жизни школы вообще и въ частности къ выработкѣ мѣръ, могущихъ служить къ повышенію физическаго развитія учащихся. Такимъ образомъ, были выработаны правила для ученицъ и правила о взысканіяхъ (см. приложенія Б. и В), проектъ организаціи родительскихъ собраній, программа преподаванія эстонскаго языка и объяснительная къ ней записка и. т. д. На ряду съ этимъ, въ число предметовъ преподаванія были введены латинскій и эстонскій языки въ качествѣ необязательныхъ предметовъ и спеціальность нѣмецкаго языка въ VIII педагогическомъ классѣ, желательность которой давно уже чувствовалась. Сюда же надо отнести и введеніе вечернихъ практическихъ безплатныхъ уроковъ русскаго языка для ученицъ, мало успѣвающихъ въ этомъ предметѣ; эти уроки, судя по отзывамъ преподавателей соотвѣтствуюшихъ классовъ, приносятъ замѣтную пользу ученицамъ, не имѣющимъ дома достаточной практики въ русскомъ языкѣ и потому плохо имъ владѣющимъ. Но передъ Совѣтомъ лежитъ еще обширная задача выработки подробныхъ программъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, необходимость которыхъ (программъ) сильно сказывается.

Введеніе въ число предметовъ преподаванія эстонскаго языка было давнишнимъ желаніемъ многихъ мѣстныхъ жителей, и разрѣшеніе со стороны Мин. Нар. Просв. (10 марта 1905 года) было отвѣтомъ на многочисленныя прошенія; разрѣшеніе это было обусловлено тѣмъ, чтобы плата, взимаемая за обученіе этому предмету, шла на покрытіе расходовъ по вознагражденію труда преподавателя, и чтобы эти уроки были устраиваемы во внѣклассное время.

Въ засѣданіи 2 іюня 1905 г. Совѣтъ заслушалъ вышеупомянутое разрѣшеніе и постановилъ: 1) ввести преподаваніе эстонскаго языка въ качествѣ необязательнаго предмета въ III—VI классахъ, въ количествѣ двухъ недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ, съ распространеніемъ на него всѣхъ относящихся до необязательныхъ предметовъ постановленій и правилъ; 2) принять мѣры къ введенію преподаванія одновременно во всѣхъ указанныхъ классахъ, если окажется достаточное, для покрытія расходовъ по преподаванію, число учениц, или если поступятъ пожертвованія на сей предметъ отъ частныхъ лицъ или обществъ и 3) ходатайствовать объ установленіи платы съ обучающихся въ размѣрѣ 5 рублей въ годъ и о вознагражденіи преподавателя въ размѣрѣ 50 рублей за годовой часъ. Въ этомъ же засѣданіи была заслушана программа преподаванія эстонскаго языка, представленная г. О. Калласомъ и г. Г. Трефнеромъ, по разсмотрѣніи которой Совѣтъ постановилъ просить г. Калласа переработать программу, соотвѣтственно предполагаемому четырехлѣтнему курсу.

Въ засѣданіи 15 сентября Совѣтъ одобрилъ переработанную г. Калласомъ программу и объяснительную къ ней записку (см. приложеніе Г) и постановилъ представить ее на утвержденіе г. попечителя. 8-го октября 1905 года программа была утверждена на текущій годъ, а нѣсколько позднѣе преподавателемъ этого предмета былъ назначенъ г. И. А. Егеверъ.

Однако, практика на первый годъ оказалась не вполнѣ соотвѣтствующей заявленіямъ мѣстныхъ жителей и ожиданіямъ Совѣта, т. к. желающихъ обучаться эстонскому языку оказалось во всѣхъ четырехъ классахъ лишь 29, вслѣдствіе чего явилась возможность открыть лишь двѣ группы (соединенныхъ III—IV и V—VI кл.), да и то лишь потому, что мѣстное эстонское Ссудо-сберегательное Товарищество изъявило готовность ассигновать сумму до 100 р. на покрытіе расходовъ по оплатѣ труда преподавателя[1]).

Преподаваніе латинскаго языка не является новостью въ жизни гимназіи, т. к. въ теченіе 1902-го учебнаго года оно уже было введено,

---

1) Въ текущемъ году (1906) образованный при гимназіи родительскій комитетъ изъявилъ желаніе внести плату за обученіе эстонскому языку за всѣхъ учениц, не уплатившихъ своевременно, представивъ для этой цѣли 32 руб. 80 коп.

но впослѣдствіи прекратилось за недостаткомъ желающихъ обучаться этому языку. Теперь число желающихъ учиться оказалось настолько значительнымъ (35), что можно было возобновить преподаваніе этого предмета, раздѣливъ желающихъ обучаться этому языку на двѣ группы (ученицъ IV—V и VI и VII классовъ).

Въ отчетномъ году было положено основаніе ученическихъ библіотекъ на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ; въ текущемъ (1906 г.) году эти библіотеки были нѣсколько расширены вновь выписанными книгами, но, какъ видно изъ помѣщеннаго въ сборникѣ каталога, количество ихъ еще далеко не достаточно и не соотвѣтствуетъ сильно развитой въ ученицахъ потребности въ чтеніи. Равно ощущается недостаточность пособій при преподаваніи многихъ предметовъ, въ особенности же физики и естественной исторіи, потому что физическій кабинетъ еще очень бѣденъ, а естественно-историческій только теперь сталъ формироваться, и то благодаря нѣкоторымъ пожертвованіямъ.

Для разработки вопроса о повышеніи физическаго развитія учащихся была образована комиссія изъ членовъ Совѣта при участіи гимназическаго врача, доктора І. Ю. Мейера. Эта комиссія признала необходимымъ: 1) ввести во всѣ гимназическіе классы обученіе гимнастикѣ (до отчетнаго года она преподавалась лишь въ приготовительномъ и двухъ младшихъ классахъ) и танцамъ (начиная съ III класса); 2) устроить для дѣтей во внѣшкольное время подвижныя игры на гимназическомъ дворѣ, подъ наблюденіемъ старшихъ воспитанницъ гимназіи. Обѣ эти мѣры были одобрены Педагогическимъ Совѣтомъ и приняты Совѣтомъ Попечительнымъ, послѣ чего вошли въ жизнь школы первая съ осени, а вторая съ весны 1905 г.

Этой же комиссіей было указано на желательность устройства прогулокъ какъ въ ближайшія окрестности города съ ученицами отдѣльныхъ классовъ, такъ и въ болѣе отдаленныя. Совѣтъ, придавая этого рода развлеченіямъ большое педагогическое значеніе, организовалъ весною 1905 года рядъ такихъ прогулокъ, а именно: 13-го мая на пароходахъ въ имѣніе Каббину для ученицъ IV—VI классовъ; 16-го мая въ экипажахъ на мызу г. Фауре и г. Липгарда съ ученицами III класса, при чемъ въ обоихъ имѣньяхъ ученицамъ было предложено подробно осмотрѣть подъ руководствомъ опытныхъ лицъ образцовое хозяйство обѣихъ мызъ, а въ имѣньи г-на Липгарда, по распоряженію любезнаго хозяина, дѣтей угощали пирожными и лимонадомъ; 17-го мая по желѣзной дорогѣ на ст. Эльву съ ученицами приготовительнаго и двухъ младшихъ классовъ. Въ этихъ прогулкахъ принимали участіе многіе члены Педагогическаго Совѣта и учитель гимнастики г. Пунга, организовавшій игры и разнаго рода развлеченія для дѣтей. Что же касается прогулокъ въ ближайшія окрестности

города, то онѣ устраивались въ свободные отъ уроковъ часы съ ученицами отдѣльныхъ классовъ, подъ руководствомъ классныхъ дамъ и иногда при участіи кого-нибудь изъ ученицъ VIII класса. Въ общемъ такихъ прогулокъ было устроено 10.

Считая крайне полезнымъ внесеніе нѣкотораго разнообразія въ школьную жизнь, гимназія принимала мѣры къ тому, чтобы и въ зимнее время устраивать развлеченія для ученицъ. Съ этою цѣлью на дворѣ гимназіи ежегодно устраивается катокъ для безплатнаго пользованья ученицъ, а также организуются чтенія съ туманными картинами для ученицъ разнаго возраста. Въ отчетномъ году такихъ чтеній было устроено 9. Чтенія эти были различнаго содержанія: религіозно-нравственнаго, литературнаго, научнаго, и велись преподавателями гимназіи или гимназическимъ врачемъ. Два чтенія, а именно: „О планетной системѣ“ и „О неподвижныхъ звѣздахъ“, были любезно предложены генералъ-лейтенантомъ Барановскимъ и очень заинтересовали ученицъ.

Ученицы старшихъ классовъ посѣщали подъ руководствомъ преподавателей библіотеку, обсерваторію и музей искусствъ Императорскаго Юрьевскаго университета. Годичный актъ гимназіи 19 октября, а также назначенный на тотъ же день балъ для ученицъ старшихъ классовъ не могли состояться вслѣдствіе безпорядковъ въ городѣ. Отчетный годъ заключился елкой, устроенной 30 декабря для ученицъ приготовительнаго и I—IV классовъ; многіе члены Педагогическаго Совѣта присутствовали на елкѣ, а ученицы VIII класса убирали дерево и руководили играми дѣтей.

Самымъ счастливымъ событіемъ въ жизни гимназіи нужно считать то обстоятельство, что волненія, охватившія учебныя заведенія Имперіи и приведшія къ перерыву занятій въ очень многихъ изъ нихъ, отразились въ гимназіи лишь въ самой слабой степени. Учебныя занятія протекали только съ небольшимъ перерывомъ 2—3 дней, когда въ городѣ происходили безпорядки, и доведены были вплоть до роспуска передъ Рождествомъ. Учебное настроеніе учащихся было настолько устойчивымъ, что общее число пропущенныхъ уроковъ, приходящихся на одну ученицу, оказалось въ 1905 году значительно меньше (46,92), чѣмъ въ 1904 году, когда на одну ученицу приходилось 54,25 пропущенныхъ уроковъ. Еще ярче выразилось это значительнымъ подъемомъ успѣшности во второй половинѣ отчетнаго года, сравнительно съ первой, а именно процентъ успѣвающихъ по всѣмъ предметамъ повысился на 18%, по русскому языку на 14%, по ариѳметикѣ на 15%.

При обзорѣ различныхъ сторонъ жизни гимназіи за годъ необходимо упомянуть еще о томъ, что Педагогическій Совѣтъ, признавая необходимость сближенія семьи и школы, еще въ ноябрѣ 1905 года одобрилъ проектъ организаціи родительскихъ собраній, выработанный

предсѣдателемъ и разсмотрѣнный особой комиссией (см. приложеніе Д). Проекту этому не было дано дальнѣйшаго хода и практическаго осуществленія, въ виду изданія циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 25 ноября за № 25588 (см. приложеніе А). Разрабатывая проектъ организаціи родительскихъ собраній, Педагогическій Совѣтъ постановилъ созвать родителей ученицъ старшихъ классовъ 20-го и младшихъ — 21-го ноября для избранія членовъ родительскаго комитета. Впослѣдствіи на основаніи циркуляра 25 ноября былъ избранъ общимъ собраніемъ 12 января 1906 года предсѣдателемъ этого комитета проф. Б. И. Срезневскій.

Число ученицъ, окончившихъ курсъ VII классовъ въ 1905 году, было 33, а именно: Анни Альма, Брауэръ Зента, Вяльбе Марія, фонъ Гаазе Аделаида, Гриммъ Эдита, Гордонъ Мина, Гравитъ Евгенія, Вальдманъ Марія, Жирова Александра, Капланъ Симхе-Массе, Кулль Алиса, Ленцнеръ Рохель-Леа, Либликъ Елизавета, Лупкина Евгенія, Мейеръ Людмила, Прувли Елизавета, Рейалъ Милла, Рейнгольдъ Альма, Ривошъ Ида, Смѣцюшевская Янина, Снигуровская Марія, Соодла Паулина, Срезневская Елена, Таммъ Вѣра, Унгерсонъ Алида, Худницкая Зинаида, Штакельбергъ Ольга, Эйнъ Альма, Янсонъ Наталья, Меписова Варвара, Киршъ Марта, Эртель Ида. Изъ нихъ награждены золотыми медалями: Брауэръ, Вяльбе, Снигуровская и Худницкая и — серебряными: Вальдманъ, Кулль, Ривошъ, Срезневская, Унгерсонъ и Эртель.

Выслушали курсы дополнительнаго VIII класса и получили свидѣтельства объ окончаніи курса этого класса 18 ученицъ: Ассоръ Марта, Брауэръ Валида, Вахеръ Юлія, Заринь Марія, Іоффе Неса, Кангро Ядвига, Каппъ Зальме, Кашанъ Оттилія, Люткевичъ Оттилія, Левицкая Ольга, Меликъ-Адамова Марія, Можарова Екатерина, Нопсъ Елена, Прощаницкая Агнія, Розенбергъ Агата, Розова Августа, Рыболовская Людмила и Элертъ Луиза. Изъ этихъ 18-ти лицъ двое изъявили желаніе продолжать свое образованіе и 9 выразили намѣреніе посвятить себя практической дѣятельности.

Предметомъ занятій Попечительнаго Совѣта было веденіе и регулироваіе хозяйственной стороны жизни гимназіи, составленіе смѣты, повѣрка суммъ и счетовъ, освобожденіе нѣкотораго % ученицъ отъ взноса платы за ученіе въ полномъ или половинномъ размѣрѣ и т. под. текущія дѣла, но главное вниманіе Совѣта было обращено на наблюденіе за постройкой новаго зданія для гимназіи.

Потребность въ расширеніи помѣщенія гимназіи сказалась уже со второго года ея существованія, и тогда же начались хлопоты объ исходатайствованіи необходимыхъ для этого суммъ. Хлопоты не сразу увѣнчались успѣхомъ: дважды изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія получался отказъ, но ненормальность размѣщенія гимназіи въ двухъ зданіяхъ была такъ очевидна, что третье ходатайство было

удовлетворено и въ 1903 году было разрѣшено отпустить изъ строительныхъ суммъ Мин. Народн. Просв. 113 тысячъ для постройки новаго зданія гимназіи и покупки участка земли для нея. Весною 1904 года былъ пріобрѣтенъ за 17 тысячъ руб. участокъ земли по Рижской улицѣ, а въ слѣдующемъ 1905 году было приступлено къ постройкѣ зданія, которое къ осени того же года было закончено вчернѣ.

Надзоръ за этой постройкой и обсужденіе частностей составленнаго архитекторомъ учебнаго округа плана составляло предметъ особыхъ заботъ Попечительнаго Совѣта въ отчетномъ году, но эти заботы должны продолжаться и въ текущемъ году, когда необходимо будетъ приступить къ внутренней отдѣлкѣ зданія. Вѣроятно, скоро гимназія перейдетъ въ новое свое помѣщеніе, которое, какъ нужно надѣяться, будетъ вполнѣ отвѣчать запросамъ, предъявляемымъ нынѣ педагогикой и гигіеной къ школьнымъ зданіямъ.

М. Воскресенская.

Приложенія.

А.

Циркулярное предложеніе объ организаціи родительскихъ собраній отъ 25-го ноября 1905 года за № 25588.

На основаніи удостоившагося Высочайшаго одобренія постановленія Совѣта Министровъ 13 ноября 1905 г., г. министръ Народнаго Просвѣщенія считалъ необходимымъ ввести слѣдующія мѣры, которыя дали бы возможность упорядочить дѣло школьной жизни до введенія общей реформы законодательнымъ путемъ:

1. Разрѣшить совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній въ установленіи распорядка жизни заведеній руководствоваться уставомъ и своими постановленіями съ предоставленіемъ совѣтамъ права отступать, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, отъ дѣйствующихъ правилъ для учениковъ, правилъ объ испытаніяхъ, инструкцій для клас. настав. и соотвѣтствующихъ циркулярныхъ дополненій и разъясненій.
2. Предоставить совѣтамъ право по своему усмотрѣнію составлять ученическія библіотеки, не ограничиваясь составленными Учен. Комит. спискомъ.
3. Предоставить право присутствія въ засѣданіяхъ совѣта съ рѣшающимъ голосомъ уѣзд. предводителю дворянства или его замѣстителю и городскому головѣ или спеціально для этой цѣли избранному городской думой лицу изъ состава гласныхъ.
4. Разрѣшить образованіе при каждомъ сред. учеб. завед. совѣщаній родителей учениковъ всей школы и отдѣльныхъ ея классовъ, съ предоставленіемъ родителямъ правъ организаціи родительскаго комитета, въ составъ коего должны входить члены, избранные на 1 годъ родителями учениковъ каждаго класса, а предсѣдателемъ его должно быть лицо, избранное общимъ собраніемъ родителей для предсѣдательствованія въ общихъ собраніяхъ и комитетѣ. Предсѣдателю родительскаго комитета должно быть предоставлено право участія съ рѣшающимъ голосомъ какъ въ

Педагогическомъ Совѣтѣ, такъ и въ хозяйств. комитетѣ учебн. заведенія. Постановленія общаго родительскаго совѣщанія и родительскаго комитета, въ случаѣ внесенія ихъ въ Педаг. Совѣтъ, должны быть въ немъ обсуждаемы. Общія родительскія совѣщанія должны созываться по постановленію родительскаго комитета или Педагог. Совѣта. — Въ послѣднемъ случаѣ совѣщаніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ директора и на немъ долженъ присутствовать педагогическій персоналъ.

При этомъ г. министръ считалъ долгомъ обратить вниманіе Педаг. Совѣтовъ, что, находя необходимымъ для упорядоченія школьной жизни поднятіе ихъ авторитета и полномочій, онъ вполнѣ увѣренъ, что они окажутся на высотѣ своего призванія и въ своихъ постановленіяхъ будутъ руководствоваться исключительно педагогическими соображеніями, не допуская внесенія въ жизнь школы такихъ, напримѣръ, явленій, какъ ученическія организаціи, съ притязаніями образованія власти учениковъ надъ учениками или съ цѣлями предъявленія тѣхъ или другихъ требованій къ администраціи школы. Ненормальныя явленія эти, возникшія на почвѣ отстраненія семьи отъ школы, съ введеніемъ вышеуказанныхъ мѣръ, не должны имѣть мѣста. При этомъ Педагогическіе Совѣты могутъ быть увѣрены, что въ своемъ отстаиваніи истинно-педагогическихъ основаній строя школьной жизни они найдутъ твердую и полную поддержку Министерства. Что касается родительскихъ совѣщаній, то, во избѣжаніе недоразумѣній, г. министръ считалъ долгомъ присовокупить, что право участія на нихъ принадлежитъ только родителямъ учениковъ, ихъ опекунамъ и директорамъ и воспитателямъ пансіона-пріюта (гдѣ таковые имѣются), и вышеозначенными лицами никому это право передовѣряемо быть не можетъ. Педагогическій персоналъ учебнаго заведенія можетъ присутствовать на родительскомъ совѣщаніи въ случаѣ приглашенія предсѣдателемъ собранія или самимъ собраніемъ. Созываться родительскія совѣщанія должны чрезъ повѣстки, а не путемъ газетныхъ публикацій, такъ какъ только такой способъ созыва обезпечитъ освѣдомленность всѣхъ родителей о предстоящемъ собраніи.

Б.

Правила для ученицъ женской гимназіи А. С. Пушкина.

Правила для учащихся, предусматривающія главныя стороны школьной дисциплины и порядка и установленныя въ видахъ наилучшаго достиженія задачъ воспитанія и обученія, принятыхъ на себя школою, отнюдь не исключаютъ для учащихся необходимости безусловно подчиняться всѣмъ другимъ распоряженіямъ и наставле-

ніямъ лицъ, коимъ ввѣрены учебная и воспитательная части въ гимназіи. Ученицы же, съ своей стороны, должны прилагать всяческія усилія для развитія въ своей средѣ чувства чести, правдивости, товарищества и дѣятельной помощи другъ другу въ приготовленіи уроковъ и другихъ случаяхъ школьной жизни. Внѣ школы ученицы обязаны вести себя всегда вполнѣ прилично и благовоспитанно, а въ храмахъ — съ подобающимъ святынѣ благоговѣніемъ.

§ 1. Въ высокоторжественные дни ученицы православнаго исповѣданія собираются въ зданіи гимназіи въ парадной формѣ и отправляются въ церковь съ дежурной классной дамой.

§ 2. Для обязательнаго говѣнья ученицъ православнаго исповѣданія назначается страстная седмица. Въ другое же время ученицы отпускаются для говѣнія не иначе, какъ съ разрѣшенія начальницы, по просьбѣ лицъ, на попеченіи которыхъ онѣ находятся. Такимъ же порядкомъ освобождаются отъ посѣщенія уроковъ ученицы ев.-лютеранскаго исповѣданія для приготовленія къ конфирмаціи.

§ 3. При опредѣленіи въ гимназію ученицы ев.-лютеранскаго исповѣданія требуется письменное заявленіе родителей или опекуновъ о томъ, на нѣмецкомъ ли или эстонскомъ языкѣ ученица будетъ изучать въ гимназіи Законъ Божій.

§ 4. Ученицы, для присутствія на общей передъ началомъ уроковъ молитвѣ, должны являться въ гимназію въ 8 ч. 40 м. утра.

§ 5. Послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій ученицы обязаны являться въ назначенный начальствомъ срокъ, при чемъ находившіяся въ отпуску должны возвратить классной надзирательницѣ выданные имъ отпускные билеты. Въ случаѣ невозможности для ученицы явиться своевременно, родители или опекуны должны представить начальницѣ гимназіи письменное увѣдомленіе о причинѣ неявки.

§ 6. Въ случаѣ невозможности явиться на уроки по болѣзни или другой уважительной причинѣ должно быть прислано по возможности въ тотъ же день о томъ увѣдомленіе начальству гимназіи.

§ 7. До окончанія всѣхъ своихъ ежедневныхъ уроковъ ученицы не должны уходить изъ гимназіи безъ разрѣшенія начальницы. На другой же день должна быть доставлена отъ родителей или опекуновъ записка о времени, когда отпущенная до окончанія уроковъ ученица прибыла домой.

§ 8. Ученица, пропустившая въ теченіе года треть или болѣе всего числа уроковъ, не переводится въ слѣдующій классъ безъ испытанія.

§. 9. Ученицы обязаны являться на уроки со всѣми необходимыми книгами, тетрадями и прочими учебными принадлежностями и

предъ началомъ каждаго урока до прихода преподавателя или преподавательницы приготовить тѣ изъ нихъ, кои имъ понадобятся.

§ 10. Въ свои дневники ученицы обязаны со всею точностью записывать то, что задано къ слѣдующему уроку.

§ 11. Каждая ученица занимаетъ въ классѣ заранѣе назначенное ей мѣсто и самовольно, не испросивъ на то разрѣшенія классной надзирательницы, не должна перемѣнять этого постояннаго мѣста. Временное же перемѣщеніе ученицъ во время уроковъ зависитъ отъ соображеній лицъ преподающихъ.

§ 12. Послѣ звонка, предъ началомъ урока, ученицы должны немедленно и безъ шума занимать свои мѣста и отнюдь не нарушать тишины и порядка въ классѣ какимъ бы то ни было способомъ, находясь въ ожиданіи прихода преподавателя или преподавательницы.

§ 13. Въ присутствіи старшихъ, коимъ ввѣрено ихъ воспитаніе и обученіе, ученицы безъ разрѣшенія или приказанія не должны сходить со своихъ мѣстъ. Выходить изъ класса во время уроковъ безъ разрѣшенія лицъ преподающихъ или классныхъ дамъ воспрещается. Также воспрещается ученицамъ оставаться въ классныхъ комнатахъ во время перемѣнъ, когда открываются окна и форточки для освѣженія воздуха.

§ 14. Ученицы обязаны при входѣ лицъ, состоящихъ на службѣ въ гимназіи по воспитательной или учебной части, а также при выходѣ ихъ изъ класса вставать со своихъ мѣстъ. При встрѣчѣ же съ этими лицами на улицѣ или въ иномъ общественномъ мѣстѣ ученицы обязаны ихъ привѣтствовать вѣжливымъ поклономъ.

§ 15. Строжайше воспрещается употребленіе ученицами какихъ либо неприличныхъ словъ и выраженій и всякое подстрекательство къ какимъ либо дурнымъ поступкамъ, а тѣмъ болѣе къ безпорядкамъ сообща.

§ 16. За порчу, хотя бы неумышленную, принадлежащихъ подругамъ вещей, а также имущества гимназіи, ученица обязана возмѣстить причиненный ущербъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ начальствомъ, и можетъ, сверхъ того, подвергнуться особому взысканію, смотря по мѣрѣ и роду своей вины.

§ 17. Въ учебное время ученицы должны являться въ классъ въ темно-коричневомъ платьѣ и черномъ шерстяномъ передникѣ, а въ праздничные и высоко-торжественные дни въ бѣломъ передникѣ безъ всякихъ излишнихъ украшеній въ одеждѣ и прическѣ. Вышеупомянутая форма должна соблюдаться и при посѣщеніи общественныхъ мѣстъ.

§ 18. Ученицы могутъ выходить на улицу осенью и зимою позже семи часовъ вечера, а весною и лѣтомъ позже девяти часовъ

вечера не иначе, какъ въ сопровожденіи старшихъ, на попеченіи коихъ онѣ находятся, или другихъ лицъ по уполномочію послѣднихъ.

§ 19. Дежурная по классу обязана наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ класса и за тѣмъ, чтобы было на готовѣ все, что нужно для преподаванія какого-нибудь предмета. На дежурную ученицу отнюдь не возлагаются обязанности наблюденія за поведеніемъ подругъ; всякаго же рода наговоры старшимъ на соученицъ считаются крайне предосудительными. Строго воспрещается ученицамъ открывать окна и форточки, а равно и находиться въ классныхъ комнатахъ во время вентиляціи ихъ.

§ 20. При началѣ каждаго учебнаго года родителямъ и опекунамъ предоставляется заявлять, какіе именно изъ необязательныхъ предметовъ должны быть изучаемы ихъ дочерьми и воспитанницами. Избранные такимъ образомъ предметы становятся въ теченіе того года обязательными для ученицы, если на освобожденіе ихъ отъ изученія этихъ предметовъ не послѣдовало разрѣшенія Педагогическаго Совѣта.

§ 21. Освобожденіе отъ занятій гимнастикой и танцами допускается не иначе, какъ по представленіи свидѣтельства отъ врача гимназіи, опредѣляющаго болѣзненное состояніе ученицы, препятствующее тому или иному изъ этихъ занятій; въ случаяхъ же временнаго недомоганія — съ разрѣшенія начальницы гимназіи.

§ 22. Ученицы могутъ вступать въ качествѣ членовъ только въ тѣ общества, которыя преслѣдуютъ цѣли благотворительности, спорта, физическаго развитія и усовершенствованія въ искусствѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальницы гимназіи и съ согласія родителей или опекуновъ. Дозволяется присутствовать на засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, учрежденныхъ на законномъ основаніи, но съ согласія родителей и опекуновъ и разрѣшенія всякій разъ начальницы гимназіи.

§ 23. Посѣщеніе ученицами общественныхъ танцовальныхъ вечеровъ, маскарадовъ и баловъ воспрещается. Посѣщеніе же театра, цирка, концертовъ допускается не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія начальницы гимназіи и въ сопровожденіи старшихъ. Ученицы же VIII класса могутъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія начальницы гимназіи, въ сопровожденіи старшихъ, на попеченіи коихъ онѣ находятся, посѣщать танцовальные вечера и балы.

§ 24. Родители или родственники, не живущіе въ городѣ Юрьевѣ, обязаны заявлять начальницѣ гимназіи, кому они поручаютъ своихъ дочерей или родственницъ, и избирать квартиры для нихъ лишь изъ числа тѣхъ, кои содержатся лицами, имѣющими на то разрѣшеніе отъ учебнаго начальства.

B.

Правила о взысканіяхъ съ учащихся въ женской гимназіи А. С. Пушкина.

1. Общія положенія.

§ 1. Ученица подвергается взысканію только въ томъ случаѣ, если въ ея виновности не можетъ быть никакого сомнѣнія, но для признанія какой-либо ученицы виновною отнюдь не слѣдуетъ вынуждать собственное ея признаніе угрозами, а тѣмъ болѣе поощрять подругъ къ сообщенію имени виновной.

§ 2. Родъ взысканія и размѣръ его должны въ точности соотвѣтствовать мѣрѣ вины, почему должны быть предварительно раскрыты всѣ обстоятельства совершеннаго проступка, причины и побужденія къ совершенію его.

§ 3. При назначеніи взысканій, строго принимаются во вниманіе также: возрастъ ученицы, степень ея развитія и прочія индивидуальныя ея свойства, а также прежнее ея поведеніе и успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Никакое нарушеніе правилъ, установленныхъ для ученицъ, не должно быть оставляемо безъ соотвѣтственнаго замѣчанія, внушенія, увѣщанія и даже взысканія.

§ 5. Въ случаѣ совершенія какого-либо проступка, несовмѣстнаго съ честью учебнаго заведенія или особенно вреднаго и упорнаго нежеланія виновной или виновныхъ сознаться, не смотря на предварительныя увѣщанія даже самой начальницы гимназіи или предсѣдателя Педагогическаго Совѣта, можетъ быть подвергнутъ взысканію по опредѣленію Педагогическаго Совѣта цѣлый классъ за отсутствіе желанія побудить виновныхъ къ раскаянію и сознанію.

§ 6. О всякомъ взысканіи, наложенномъ классной дамой, преподавателемъ или преподавательницею, сообщается по возможности немедленно начальницѣ гимназіи.

2. Роды взысканій.

§ 7. Взысканія раздѣляются на взысканія словомъ и дѣйствіемъ.

§ 8. Взысканія, какъ словомъ такъ и дѣйствіемъ, могутъ быть нижеслѣдующія:

1) Выговоръ преподавателя или преподавательницы или классной надзирательницы.

2) Стояніе ученицы на мѣстѣ, впрочемъ непродолжительное, во время урока, за скамьею или у скамьи, и стояніе ея у двери.

3) Одиночное сидѣніе въ классѣ на какой-либо скамьѣ въ продолженіе нѣсколькихъ уроковъ.

Примѣчаніе. Наказаніе это назначается преимущественно за упорную болтовню, за неуживчивость съ подругами, за неопрятность и нечистоплотность и за подсказываніе.

6) Оставленіе въ гимназіи не болѣе какъ на $^1/_2$ часа по окончаніи уроковъ, со внесеніемъ этого случая въ дневникъ или оповѣщеніемъ о томъ родителей въ тотъ же день какимъ либо инымъ способомъ.

Примѣчаніе: Наказаніе это назначается за повторительное, безпричинное опаздываніе, обнаруживающее лѣность и нерадивость, за неприготовленіе уроковъ или письменной работы, за списываніе работы у подругъ, словомъ, за лѣность дома или въ классѣ.

7) Выговоръ начальницы гимназіи наединѣ, или выговоръ начальницы гимназіи передъ цѣлымъ классомъ, со внесеніемъ въ дневникъ и кондуитъ и съ оповѣщеніемъ родителей.

8) Отдѣленіе на время отъ общества подругъ какъ въ классное, такъ и въ рекреаціонное время.

9) Выговоръ отъ имени Педагогическаго Совѣта: а) передъ цѣлымъ классомъ, съ пониженіемъ отмѣтки за поведеніе въ четвертной вѣдомости и лишеніемъ на слѣдующее полугодіе права на освобожденіе отъ платы или на полученіе стипендіи или пособія, и б) передъ цѣлымъ классомъ, съ предвареніемъ родителей о томъ, что если они не примутъ съ своей стороны самыхъ энергичныхъ мѣръ къ исправленію ученицы, то, въ случаѣ дальнѣйшаго ея неисправленія, Педагогическій Совѣтъ прибѣгнетъ къ увольненію ея изъ учебнаго заведенія.

10) Временное удаленіе ученицы изъ гимназіи на срокъ не свыше 2 недѣль.

Примѣчаніе. Мѣра эта примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда начальница гимназіи и предсѣдатель Педагогическаго Совѣта считаютъ дальнѣйшее посѣщеніе уроковъ со стороны виновной опаснымъ въ нравственномъ и воспитательномъ отношеніяхъ или могущимъ повлечь серьезное нарушеніе порядка въ гимназіи. О наложеніи такого взысканія сообщается Педагогическому Совѣту, отъ рѣшенія коего зависитъ установленіе срока временнаго удаленія виновной или назначеніе ей взысканія другого рода.

§ 11. Удаленіе изъ гимназіи двоякаго рода: а) родителямъ предлагается взять ученицу по прошенію, или б) ученица увольняется изъ гимназіи по особому постановленію Педагогическаго Совѣта.

§ 12. Взысканія, коимъ можетъ быть подвергнутъ цѣлый классъ:

1) Выговоръ начальницы гимназіи, со внесеніемъ всѣхъ ученицъ поименно въ дневникъ и кондуитный журналъ.

2) Выговоръ отъ имени Педагогическаго Совѣта, съ уменьшеніемъ всѣмъ ученицамъ класса отмѣтки за поведеніе въ ближайшей четвертной вѣдомости.

Г.

Программа преподаванія эстонскаго языка.

III классъ, 2 ур.

1. *Чтеніе* прозаическихъ статей и стихотвореній съ пересказомъ прочитаннаго. Сказки. Заучиваніе наизусть стихотвореній.

2. *Грамматика. 1-ое полугодіе.* Падежныя окончанія. Образованіе множественнаго числа. Понятіе о склоненіяхъ. Примѣры склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ. *2-ое полугодіе.* Дѣленіе звуковъ на гласные и согласные. Три степени долготы. Измѣненія въ основахъ словъ подъ вліяніемъ падежныхъ окончаній. Склоненіе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и именъ числительныхъ.

3. *Письменныя упражненія.* Диктовка. Упражненія въ склоненіяхъ. Изложеніе легкихъ статей, прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ.

4. *Руководство:* Jakobson, Kooli lugemise raamat, I. *Пособія:* Einer, Eesti keele õpetus. Jõgewer, Eesti keele õpetus. Hermann, Eesti keele grammatika. Weske, Eesti keele healte õpetus. Kreutzwald, Eesti rahwa ennemuistesed jutud. Kampmann, Kirjalikud harjutused.

IV классъ, 2 ур.

1. *Чтеніе* прозаическихъ статей и стихотвореній, въ особенности Kalewipoeg'a съ пересказомъ, заучиваніемъ наизусть стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ изъ книги для чтенія.

2. *Грамматика:* глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе.

3. *Письменныя упражненія.* Диктовка. Упражненія въ спряженіяхъ. Изложеніе статей, прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ. Краткія изложенія по данному плану.

4. *Руководства:* Jakobson, Kooli lugemise raamat, II. Kalewipoeg (изд. П. Оргъ). *Пособія* тѣ же, что для III класса.

V классъ, 2 ур.

1. *Чтеніе. 1-ое полугодіе.* Народныя пѣсни (миѳическія, эпическія и лирическія). Сказки. Пословицы и поговорки (по учебнику T. Sander, Eesti kirjanduse ajalugu I.: Rahwaluule). Объясненія изъ миѳологіи, насколько это необходимо для пониманія произведеній народной словесности, сообщаются учителемъ при чтеніи. — *2-е полугодіе.* Чтеніе отрывковъ изъ образцовыхъ литературныхъ произведеній и краткія біографическія свѣдѣнія объ ихъ авторахъ. Прочитываются слѣдующіе отрывки по Hermann, Eesti kirjanduse ajalugu: G. Müller, Jutlus 17 juulil 1603; H. Stahl, Ewang. Luc. 16, 19—31; „Sest korgkest taiwast tullen minna; Eesti keele õpetus (главныя особенности въ правописаніи); J. Rossihnius, Ewangelium ehsimetzel Joulo-pöhal. Luc. 2.; A. Winkler — R. Brocmann, „Kus ollex Jummal erra sihdt;" Forselius — Boecler: Суевѣрные обряды эстонцевъ; H. Göseken, „пословицы;" J. Gutslaff, „Woda Picker; A. Wirginius (одинъ отрывокъ изъ перевода Ветхаго Завѣта); J. Hornung, Ewang. Luc. 14, 16—24 (главныя особенности въ правописаніи Горнунга); Gutsleff — Thor-Helle: „пословицы," повѣсти; полный переводъ Библіи (отрывки изъ преди-

словія къ Библіи); „Hanso ja Mardi jut"; A. W. Hupel, народныя пѣсни; F. G. Arwelius, повѣсти; R. W. Willmann, басни; P. Frey, стихотворенія; J. W. L. Luce, Saaremaa juturaamat; J. H. Rosenplänter, отрывки изъ сочиненій; A. F. J. Knüpffer, народныя пѣсни; R. J. Winkler, стихотворенія и басни; O. W. Masing, „Нарвская битва;" „Pühapäewa wahelugemised"; Graf Manteuffel, „Ajawiide peeru walgusel" и „Willem Nawi elupäewad".

2. *Грамматика. 1-ое полугодіе:* понятіе о суффиксѣ и флексіи; наиболѣе употребительные суффиксы. *2-ое полугодіе:* синтаксисъ простого предложенія; слитное предложеніе.

3. *Письменныя упражненія.* Упражненія въ составленіи простыхъ предложеній, нераспространенныхъ и распространенныхъ. Переводы съ русскаго языка на эстонскій и обратно. Изложеніе статей, прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ и по данному плану.

4. *Руководства:* Hermann, Lause õpetus. Sander, Eesti kirjanduse ajalugu. *Пособія:* Hermann, Eesti kirjanduse ajalugu. Hurt, Vana kannel. W. Reimann, Eesti muinasusk. Kampmann, Kirjalikud harjutused.

VI классъ, 2 ур.

1. *Чтеніе* отрывковъ изъ образцовыхъ литературныхъ произведеній и краткія біографическія свѣдѣнія объ ихъ авторахъ. Прочитываются слѣдующіе отрывки: (*1-ое полугодіе*) Fählmann, Koit ja Hämarik (Hermann, стр. 346—348); стихотворенія (Hermann, 353—355); E. Ahrens, грамматика (главныя особенности правописанія въ сравненіи съ Горнунгомъ); H. Neus, народныя пѣсни (Hermann, 366—376); Fr. R. Kreutzwald, стихотворенія (Kunder, Eesti wanemad laulikud, стр. 11—28); „Rahunurme lilled", „Lembitu"; J. W. Jannsen, стихотворенія (Kunder, стр. 28—33), собраніе повѣстей; L. Koidula, стихотворенія (Kunder, стр. 34—45), „Emajõe ööpik", „Säärane mulk"; M. Weske, стихотворенія (Kunder, 46—53), „Rahwalaulud"; C. R. Jakobson, „Linnutaja laulud" (Kunder, стр. 54—60), „Artur ja Anna", „Teadus ja seadus põllul"; Fr. Kuhlbars, стихотворенія (Kunder, стр. 71—79); A. Reinwald, стихотворенія (Kunder, стр. 80—91); J. Pärn, „Oma tuba oma luba"; J. Kunder, „Algupäralised luuletused", „Eesti muinasjutud", „Kroonu onu"; P. Jakobson, „Udumäe kuningas"; Juhan Liiw, Сборникъ сочиненій; P. Südda, Suur Tõll; (*2-ое полугодіе*) J. Hurt, Vana Kannel, Setu laulud; M. J. Eisen, Kõu ja Pikker; сборники народныхъ сказокъ; O. Kallas, Lutsi maarahwas, Kraasna maarahwas; E. Wilde, повѣсти („Külmale maale", „Mahtra sõda", „Linda aktsiad"); Brunnberg, повѣсти („Tasuja", „Willu wõitlused"); E. Peterson, повѣсть „Ei iialgi"; Kannike, повѣсть „Möldri saladus"; L. Suburg, повѣсть „Liina"; Jürgenstein, повѣсть въ стихахъ „Juta"; сборники стихотвореній: K. E. Sööt, Anna Haawa, J. Bergmann, Jakob Tamm, S. E. Luiga, Piirikiwi; R. S.

Kallas, Perekonna raamat; W. Reimann, Eesti Piibli ümberpanemise lugu; Kapp, Eesti ema.

2. *Грамматика.* Синтаксисъ сложнаго предложенія. Періоды. Рѣчь прямая и косвенная. Знаки препинанія. Краткія сообщенія изъ теоріи словесности: описаніе, повѣствованіе, разсужденіе; понятіе о прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ; главные виды поэтическихъ произведеній (эпосъ, лирика, драма).

Примѣчаніе. Ученіе о слогѣ литературныхъ произведеній — стилистика — проходится при чтеніи и разборѣ поименованныхъ выше для V и VI классовъ отрывковъ изъ писателей.

3. *Письменныя упражненія.* Переводы съ русскаго языка на эстонскій и обратно. Письменное изложеніе статей прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ. Сочиненія на свободныя темы.

4. *Руководства:* Hermann, Lause õpetus. *Пособія:* Hermann, Eesti kirjanduse ajalugu. Kunder, Eesti wanemad laulikud. Kampmann, Kirjalikud harjutused.

Объяснительная Записка къ программѣ эстонскаго языка.

Ближайшею цѣлью преподаванія эстонскаго языка должно быть теоретическое и практическое изученіе литературнаго эстонскаго языка, съ примѣненіемъ, гдѣ это окажется возможнымъ и умѣстнымъ, сравненія его законовъ и формъ съ таковыми же въ русскомъ языкѣ.

Весь учебный матеріалъ, указанный программой эстонскаго языка проходится теоретическимъ путемъ и при помощи практическихъ упражненій.

Къ теоретическимъ занятіямъ относятся:

1. Грамматика (этимологія и синтаксисъ), при чемъ учащіеся выводятъ грамматическія правила, работая надъ предложеннымъ преподавателемъ матеріаломъ или занимаясь разборомъ читаемаго произведенія, а также путемъ сознательнаго заучиванія формъ и правилъ по учебнику грамматики.

2. Ознакомленіе съ произведеніями народной словесности (сказки, пѣсни, въ особенности Kalewipoeg, пословицы — по руководствамъ и пособіямъ, поименованнымъ въ программѣ) и съ образцовыми литературными произведеніями изъ числа поименованныхъ въ программѣ для V и VI классовъ (для III и IV классовъ матеріалъ для чтенія выбирается изъ Jakobson: Kooli lugemise raamat, I, II). При изученіи каждаго произведенія учащіеся знакомятся съ содержаніемъ произведенія (которое читается въ классѣ или на дому) въ такой мѣрѣ, чтобы могли безъ затрудненія подробно изложить прочитанное устно или письменно. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе на построеніе (планъ) сочиненія и изучается произведеніе со стороны языка, слога и литературной формы, т. е. дѣлается грамматическій,

стилистическій и литературный разборы. Сущность грамматическаго разбора должна состоять въ указаніи тѣхъ этимологическихъ, орѳографическихъ и синтаксическихъ особенностей, которыми отличается языкъ разбираемаго произведенія. Сущность стилистическаго разбора должна состоять въ указаніи лексическихъ особенностей, т. е. въ характеристикѣ произведенія со стороны чистоты, правильности, точности и изобразительности слога. При этомъ обращается вниманіе учащихся на различіе между поэтическимъ способомъ выраженія мыслей и прозаическимъ. Сущность разбора со стороны литературной формы должна главнымъ образомъ состоять въ указаніи тѣхъ признаковъ, по которымъ разбираемое произведеніе можетъ быть отнесено къ извѣстному роду или виду прозаическихъ или поэтическихъ произведеній. При этомъ учащимся сообщаются краткія историко-литературныя свѣдѣнія, относящіяся къ разбираемому произведенію, а при чтеніи образцовъ народной словесности даются краткія объясненія изъ миѳологіи, необходимыя для пониманія произведеній народной словесности.

Практическія упражненія при изученіи эстонскаго языка дѣлятся на устныя и письменныя.

Къ устнымъ практическимъ упражненіямъ относятся: 1) пріученіе учащихся къ бѣглому, сознательному и выразительному чтенію; 2) пересказъ прочитаннаго и объясненнаго въ классѣ; 3) заучиваніе наизусть образцовыхъ произведеній и выразительное ихъ произношеніе; 4) упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ и составленіе примѣровъ на разныя грамматическія формы рѣчи. Къ письменнымъ упражненіямъ относятся: 1) упражненія въ склоненіи и спряженіи; 2) составленіе простыхъ, слитныхъ, сложныхъ предложеній и простыхъ періодовъ; 3) диктовка обяснительная и провѣрочная; 4) переводы съ русскаго языка на эстонскій и обратно; 5) изложеніе легкихъ статей, прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ; краткія изложенія по данному плану; сочиненія на темы изъ пройденнаго и на свободныя темы, сообразно съ возрастомъ и знаніями учащихся.

Вообще преподаватель прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы свѣдѣнія, получаемыя учащимися на урокахъ эстонскаго языка, вошли въ гармоническую связь со свѣдѣніями, получаемыми ими на урокахъ русскаго языка, и посему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это окажется удобнымъ и исполнимымъ, долженъ приводить сравненія изъ области знаній, сообщаемыхъ на урокахъ русскаго языка.

Д.

Проектъ организаціи родительскихъ собраній.

1. Родительскія собранія, сообразно своему составу, бываютъ: 1) общія, 2) многоклассныя, 3) классныя, 4) комитетскія, 5) собранія родительскихъ кружковъ.

2. Присутствуютъ и имѣютъ право голоса во всѣхъ родительскихъ собраніяхъ слѣдующія лица: 1) отцы или матери учащихся; 2) опекуны или опекунши учащихся; 3) совершеннолѣтніе и дѣеспособные члены семьи, по письменной довѣренности родителей или опекуновъ учащихся; 4) воспитатели, получившіе отъ родителей или опекуновъ соотвѣтствующую довѣренность, подлежащую разсмотрѣнію въ Педагогическомъ Совѣтѣ.

Примѣчаніе 1. На учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ не распространяются права лицъ, указанныхъ въ пунктахъ 3 и 4 этой статьи. Исключенія допускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда по сему поводу состоится особое постановленіе Педагогическаго Совѣта.

Примѣчаніе 2. Присутствуютъ и имѣютъ право голоса въ различныхъ родительскихъ собраніяхъ лица, указанныя въ статьѣ 11-ой.

3. Приглашенія на классныя собранія разсылаются проживающимъ въ г. Юрьевѣ родителямъ (отцу или матери) учащихся каждаго отдѣльнаго класса или лицамъ, заступающимъ мѣсто родителей, а равно упомянутымъ въ примѣчаніи 2 предыдущей статьи. Предметами занятій классныхъ собраній являются слѣдующія дѣла: 1) избраніе членовъ комитета отъ каждой группы родителей даннаго класса; 2) разсмотрѣніе вопросовъ о постановкѣ учебной и воспитательной жизни класса для внесенія на разсмотрѣніе Педагогическаго Совѣта соотвѣтствующихъ ходатайствъ; 3) разсмотрѣніе вопросовъ и дѣлъ, внесенныхъ по постановленію Педагогическаго Совѣта или постановленію комитета родителей; 4) изысканіе средствъ къ матеріальному улучшенію постановки обученія и воспитанія въ данномъ классѣ и матеріальнаго быта учащихся класса.

4. Группа родителей, имѣющая право избрать своего члена въ комитетъ, должна состоять по меньшей мѣрѣ изъ 7 лицъ; состоя же изъ 20 или болѣе лицъ, она имѣетъ право избрать двухъ или болѣе членовъ комитета, пропорціонально своей численности (одного отъ 10 довѣрителей). Если среди родителей не могутъ сложиться такія группы, то кандидаты намѣчаются записками и подвергаются закрытой баллотировкѣ, въ которой принимаютъ участіе всѣ присутствующіе на засѣданіи класснаго собранія. Тѣмъ же порядкомъ избираются члены комитета отъ каждой группы, не пришедшей къ соглашенію при избраніи своего представителя, но обязательно изъ числа лицъ этой же группы.

5. Обсужденію и рѣшенію комитета подлежатъ слѣдующія дѣла: 1) избраніе изъ своей среды, примѣнительно къ составу учащихся, не болѣе трехъ представителей, имѣющихъ право голоса въ Педагогическомъ Совѣтѣ; 2) избраніе изъ своей среды секретарей для веденія протоколовъ родительскихъ собраній; 3) разсмотрѣніе во-

просовъ о постановкѣ учебной и воспитательной дѣятельности гимназіи для внесенія на разсмотрѣніе Педагогическаго Совѣта ходатайствъ; 4) разсмотрѣніе вопросовъ, внесенныхъ по постановленію Педагогическаго Совѣта; 5) изысканіе средствъ къ матеріальному улучшенію гимназіи и матеріальнаго быта учащихся; 6) устройство и организація родительскихъ кружковъ.

6. Для законности и дѣйствительности засѣданій всѣхъ родительскихъ собраній, кромѣ собраній родительскихъ кружковъ, необходимо присутствіе $^{1}/_{3}$ лицъ, имѣющихъ право присутствія и голоса.

7. Представители съ правомъ голоса въ Педагогическомъ Совѣтѣ, члены комитета и секретари родительскихъ собраній избираются въ теченіе перваго учебнаго мѣсяца академическаго года срокомъ на одинъ годъ. Въ случаѣ выбытія или отказа кого-либо изъ перечисленныхъ лицъ выборы производятся установленнымъ порядкомъ.

8. Руководительство засѣданіями родительскихъ собраній, созываемыхъ предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта, принадлежитъ всегда ему-же, но по его желанію можетъ быть передано начальницѣ гимназіи или одному изъ членовъ комитета.

9. Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта созываетъ классныя собранія въ теченіе перваго учебнаго мѣсяца каждаго академическаго года и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовало письменное заявленіе двухъ членовъ комитета, съ указаніемъ вопроса или дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію. Онъ же созываетъ собранія комитета не менѣе двухъ разъ въ годъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поступило письменное заявленіе со стороны 5 членовъ комитета, съ указаніемъ вопроса или дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію. Общія и многоклассныя родительскія собранія предсѣдатель Педагогическаго Совѣта созываетъ, согласно постановленію Педагогическаго Совѣта.

10. Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта, начальница гимназіи и три члена Педагогическаго Совѣта, по избранію послѣдняго, присутствуютъ и имѣютъ право голоса во всѣхъ родительскихъ собраніяхъ, созванныхъ предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта. Классныя дамы присутствуютъ и имѣютъ право голоса въ соотвѣтствующихъ классныхъ собраніяхъ. Прочіе же члены Педагогическаго Совѣта присутствуютъ и имѣютъ право голоса въ общихъ и многоклассныхъ собраніяхъ. Члены Педагогическаго Совѣта не могутъ быть избираемы въ члены комитета.

11. Въ засѣданіяхъ общихъ и многоклассныхъ собраній постоянную коммиссію, обязанную помогать предсѣдателю въ руководитель-

ствѣ засѣданіями, составляютъ: начальница гимназіи, три члена совѣта по его избранію, представители комитета и секретари. Въ засѣданіяхъ классныхъ собраній такую комиссію составляютъ начальница гимназіи, классная дама и члены комитета отъ соотвѣтствующаго класса и одинъ изъ секретарей родительскихъ собраній. Въ составъ такой же комиссіи на засѣданіяхъ комитета входятъ слѣдующія лица: начальница гимназіи, представители комитета и одинъ изъ секретарей.

12. Въ каждомъ засѣданіи могутъ быть разсматриваемы и обсуждаемы тѣ лишь дѣла, которыя назначены къ слушанію по программѣ засѣданія. Устное возбужденіе въ засѣданіи новыхъ дѣлъ и вопросовъ не допускается. Въ случаѣ производства выборовъ избранными считаются тѣ кандидаты, которые получили большинство голосовъ, а при наличности нѣсколькихъ лицъ, получившій наибольшее число голосовъ. Если же два или нѣсколько кандидатовъ получили одинаковое число голосовъ при баллотировкѣ на одну вакансію, то допускается перебаллотировка. Если при баллотировкѣ никто изъ кандидатовъ не окажется избраннымъ, то выборы считаются не состоявшимися.

13. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданіе, опредѣляетъ очередь вопросовъ, руководитъ преніями, ставитъ вопросы для голосованія и наблюдаетъ за порядкомъ на засѣданіи. Присутствующіе на засѣданіи обязаны подчиняться всѣмъ распоряженіямъ предсѣдателя, которому, въ случаѣ отказа подчиниться его законнымъ требованіямъ, предоставляется лишать такихъ лицъ права голоса при обсужденіи въ этомъ собраніи одного или всѣхъ вопросовъ.

14. На засѣданіяхъ, на которыхъ присутствуетъ болѣе 50 человѣкъ, членъ собранія пользуется правомъ слова по одному и тому же вопросу нѣсколько разъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда противъ этого высказалась постоянная комиссія. При обсужденіи дѣлъ отнюдь не допускается уклоненія отъ существа обсуждаемаго вопроса. Всѣ дѣла въ засѣданіи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ, но при равенствѣ ихъ дѣло считается нерѣшеннымъ въ этомъ засѣданіи. При избраніяхъ отсутствующіе родители или заступающія ихъ мѣста лица (статья 2) изъ числа проживающихъ въ г. Юрьевѣ, могутъ передавать свои голоса другимъ членамъ собранія, при чемъ послѣдніе могутъ располагать, кромѣ своего, только однимъ голосомъ; о таковой передачѣ должно быть доведено письменно до свѣдѣнія предсѣдателя передъ началомъ засѣданія, съ обозначеніемъ лица, которому голосъ передается. На многоклассныхъ и общихъ собраніяхъ лица, имѣющія дѣтей въ числѣ ученицъ нѣсколькихъ классовъ,

пользуются при закрытомъ голосованіи такимъ количествомъ голосовъ, которое соотвѣтствуетъ, сообразно характеру собранія, числу обучающихся въ этихъ классахъ или во всей гимназіи ихъ дѣтей.

15. Правила эти имѣютъ силу лишь въ тѣхъ родительскихъ собраніяхъ, которыя созываются предсѣдателемъ Педагогическаго Совѣта, нисколько не предрѣшая порядка родительскихъ собраній, созываемыхъ на основаніи общихъ законовъ или созываемыхъ по постановленію комитета.

III.

Законы и распоряженія объ устройствѣ и порядкѣ учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ.

Родители, желающіе опредѣлить своихъ дочерей въ гимназію или подготовляющіе ихъ дома къ испытаніямъ на полученіе свидѣтельствъ о знаніи курса того или другого класса, весьма часто не знаютъ ни порядка, установленнаго относительно подачи соотвѣтственныхъ прошеній, ни условій пріема и перевода учащихся изъ класса въ классъ, ни правъ, предоставленныхъ окончившимъ курсъ гимназіи и прогимназіи, ни дѣйствующихъ программъ преподаванія. Сверхъ того, они довольно часто обращаются съ просьбами объ указаніи принятыхъ въ гимназіи учебниковъ и руководствъ, сообразуя съ этимъ подготовку своихъ дѣтей къ пріемнымъ испытаніямъ.

Существующіе въ продажѣ сборники дѣйствующихъ постановленій и распоряженій по женскимъ гимназіямъ М. Родевича (Спб., 1884) и Д. Кузьменка (Смоленскъ, 1905) содержатъ въ себѣ, конечно, всѣ необходимыя свѣдѣнія, но прежде всего эти сборники довольно дороги (напр., сборникъ Кузьменка стоитъ 4 руб.), а потому и малодоступны частнымъ лицамъ. Сверхъ того, въ этихъ сборникахъ, сообразно съ ихъ назначеніемъ, помѣщенъ законодательный матеріалъ и его циркулярныя разъясненія, относящіяся ко всѣмъ сторонамъ жизни и управленія женскихъ гимназій, тогда какъ родителей и учащихся преимущественно интересуютъ вопросы объ устройствѣ и порядкѣ учебнаго дѣла. Нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что въ упомянутыхъ сборникахъ, помимо дѣйствующихъ распоряженій, помѣщены и такія, которыя цѣликомъ или частью уже отмѣнены. Не отрицая важности и необходимости ознакомленія съ такого рода матеріаломъ для лицъ, состоящихъ на службѣ при женскихъ гимназіяхъ или интересующихся вообще постановкою женскаго образованія въ гимназіяхъ, необходимо все-таки признать, что разобраться въ этомъ обиліи матеріала представляется

дѣломъ довольно труднымъ для большинства частныхъ лицъ, и что на этой почвѣ возникаютъ недоразумѣнія или различныя ошибочныя толкованія.

Во вниманіе къ указаннымъ нуждамъ, было признано крайне желательнымъ помѣстить въ издаваемомъ Сборникѣ важнѣйшія распоряженія объ устройствѣ и порядкѣ учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ, примѣнительно къ мѣстнымъ запросамъ, обнаруженнымъ жизнью за время существованія гимназіи А. С. Пушкина.

А. Я.

I. Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(Высочайше утвержденное 24 мая 1870 года.)

1(2680)[1]. Женскія гимназіи и прогимназіи вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣютъ счастіе состоять подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.

2(2681). Женскія гимназіи и прогимназіи суть заведенія, предназначенныя для приходящихъ ученицъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

3(2682). Женскія гимназіи и прогимназіи состоятъ въ главномъ вѣдѣніи Попечителей учебныхъ округовъ и открываются, съ ихъ разрѣшенія, въ городахъ, гдѣ только представится возможность обезпечить ихъ существованіе посредствомъ общественныхъ или частныхъ пожертвованій.

4(2683). Женскія гимназіи состоятъ изъ семи классовъ съ годичнымъ для каждаго класса курсомъ; но для приготовляющихся къ педагогической дѣятельности можетъ быть учреждаемъ при женскихъ гимназіяхъ еще восьмой дополнительный классъ, также съ годичнымъ, а гдѣ окажется возможнымъ, и съ двухгодичнымъ курсомъ ученія (ст. 27 и 28).

15(2695). Права и обязанности Попечительнаго Совѣта суть слѣдующія: 1) выборъ попечительницы и начальницы; 2) изысканіе средствъ къ матеріальному улучшенію гимназіи или прогимназіи; 3) составленіе ежегодной смѣты расходовъ по гимназіи и прогимназіи; 4) опредѣленіе жалованія начальницѣ и прочимъ должностнымъ лицамъ; 5) наблюденіе за правильнымъ употребленіемъ училищныхъ суммъ; 6) опредѣленіе размѣра платы за ученіе, которая во всякомъ случаѣ должна быть въ прогимназіяхъ ниже, чѣмъ въ гимназіяхъ; 7) увольненіе отъ платы за ученіе недостаточныхъ ученицъ; 8) покровитель-

---

1) Здѣсь перепечатаны тѣ статьи, которыми опредѣляются назначеніе, характеръ женскихъ гимназій и устройство учебной части. Первая цифра обозначаетъ порядокъ статей Положенія, а вторая, поставленная въ скобкахъ, порядокъ статей въ XI т., ч. 1 Св. Зак.

ство и пособіе бѣднѣйшимъ ученицамъ, отличающимся прилежаніемъ и благонравіемъ; 9) попеченіе вообще объ установленіи и постоянномъ сохраненіи въ гимназіи и прогимназіи надлежащаго порядка и благоустройства.

Примѣчаніе. Высочайше повелѣно: лицамъ, какъ служащимъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, такъ и прослужившимъ въ нихъ не менѣе десяти лѣтъ, если сіи послѣднія представятъ свидѣтельство о бѣдности, предоставить право безплатнаго обученія дочерей ихъ въ сихъ заведеніяхъ.

19(2699). Обсужденію и рѣшенію Педагогическаго Совѣта подлежатъ слѣдующія дѣла: 1) пріемъ ученицъ и переводъ ихъ изъ класса въ классъ; 2) выдача аттестатовъ ученицамъ, съ успѣхомъ окончившимъ общій курсъ ученія, а также свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ — выслушавшихъ спеціальный дополнительный курсъ; 3) опредѣленіе наградъ ученицамъ, отличившимся поведеніемъ, прилежаніемъ и успѣхами; 4) избраніе изъ преподавателей секретаря Совѣта и библіотекаря; 5) составленіе правилъ о порядкѣ храненія и выдачи книгъ изъ библіотеки; 6) разсмотрѣніе годичнаго отчета по учебной части; 7) правила о взысканіяхъ съ учащихся; 8) опредѣленіе объема задаваемыхъ каждымъ учителемъ уроковъ, и 9) всѣ постановленія о порядкѣ преподаванія и воспитанія, которыя не будутъ опредѣлены въ статьяхъ 1—45 и въ особой инструкціи Министра Народнаго Просвѣщенія.

23(2703). Предметы преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ раздѣляются на обязательные и необязательные.

25(2705). Въ курсѣ женскихъ гимназій обязательны слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій; 2) русскій языкъ (грамматика и знакомство съ важнѣйшими произведеніями словесности); 3) ариѳметика, съ приложеніемъ къ счетоводству, и основанія геометріи; 4) географія всеобщая и русская; 5) исторія всеобщая и русская; 6) главнѣйшія понятія изъ естественной исторіи и физики, съ присовокупленіемъ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству и гигіенѣ; 7) чистописаніе; 8) рукодѣлья и 9) гимнастика, если заведеніе имѣетъ необходимые къ тому способы.

26(2706). Къ необязательнымъ предметамъ гимназій и прогимназій принадлежатъ: языки французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе.

Примѣчаніе 1. За ученье необязательнымъ предметамъ вносится особая плата, количество которой опредѣляется Попечительнымъ Совѣтомъ.

Примѣчаніе 2. Высочайше повелѣно: включить въ число необязательныхъ предметовъ женскихъ гимназій и прогимназій языки латинскій и греческій, а равно педагогику, съ тѣмъ: 1) чтобы преподаваніе сихъ предметовъ было вводимо въ женскія гимназіи и прогимназіи по ходатайству Попечительныхъ Совѣтовъ сихъ учебныхъ заведеній, и 2) чтобы имъ обучались только желающія изъ дѣвицъ по волѣ своихъ родителей.

27(2787). Сверхъ общаго семилѣтнаго курса, при женскихъ гимназіяхъ можетъ быть учреждаемъ специальный курсъ (ст. 4) для лицъ, желающихъ пріобрѣсти право на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

28(2708). Учащимся въ специальномъ курсѣ объясняются главныя положенія о воспитаніи, а равно пріемы и методы преподаванія предметовъ учебнаго курса женскихъ гимназій. Сверхъ того, онѣ упражняются въ педагогической практикѣ, подъ руководствомъ учителей и преподавательницъ, на основаніи особыхъ правилъ, утверждаемыхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

29(2709). Объемъ преподаванія предметовъ, распредѣленіе ихъ по классамъ, число уроковъ по каждому предмету, правила испытанія ученицъ при поступленіи, переводѣ изъ класса въ классъ и по окончаніи курса, а равно и другія подробности, относящіяся къ учебному дѣлу, опредѣляются особою инструкціею Министерства Народнаго Просвѣщенія.

30(2710). Отличнѣйшія изъ ученицъ, съ успѣхомъ окончившія полный общій курсъ ученья въ женскихъ гимназіяхъ, награждаются книгами и медалями, золотыми и серебряными, число которыхъ опредѣляется всякій разъ мѣстнымъ Педагогическимъ Совѣтомъ.

31(2711). Для обученія русской грамотѣ, при женской гимназіи и прогимназіи можетъ быть учреждаемъ приготовительный классъ тамъ, гдѣ окажется въ томъ необходимость.

43(2722). Ученицы, награжденныя, при окончаніи общаго курса ученья женской гимназіи, медалями золотою или серебряною, а сверхъ того и выслушавшія особый специальный курсъ дополнительнаго класса, пріобрѣтаютъ званіе домашнихъ наставницъ.

44(2723). Ученицы, не удостоенныя награды медалями, но получившія одобрительный аттестатъ объ окончаніи общаго курса гимназіи и выслушаніи особаго специальнаго курса въ дополнительномъ классѣ, пользуются правами домашнихъ учительницъ.

45(2724). Ученицамъ, хотя не получившимъ медалей, но окончившимъ общій курсъ гимназіи, предоставляется право на званіе первоначальныхъ учительницъ и учительницъ народныхъ училищъ. Тѣмъ же правомъ пользуются ученицы, получившія одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи курса въ прогимназіи или въ низшихъ трехъ классахъ гимназіи, если, по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста, будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ.

2. Правила испытаній, при поступленіи ученицъ въ женскія гимназіи и прогимназіи, переводѣ изъ класса въ классъ, окончаніи курса и относительно другихъ подробностей учебнаго дѣла [1]).

(Утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 31 августа 1874 г.)

1) Общій пріемъ ученицъ бываетъ передъ началомъ учебнаго года въ августѣ мѣсяцѣ, по назначенію Педагогическаго Совѣта женской гимназіи; но Педагогическій Совѣтъ можетъ дозволять пріемъ и въ теченіе всего года, съ тѣмъ условіемъ, чтобы поступающія знали весь пройденный до этого времени курсъ того класса, въ который онѣ желаютъ поступить.

2) Для поступленія въ I классъ гимназіи требуется возрастъ отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ, во II — отъ 10-ти до 13-ти, въ III — отъ 11-ти до 14-ти, въ IV — отъ 12-ти до 15-ти и. т. д. Педагогическому совѣту гимназіи предоставляется допускать въ этомъ отношеніи отступленія по уважительнымъ причинамъ.

3) Попечительные совѣты, сообразуясь со своими средствами, могутъ учреждать при гимназіи и прогимназіи приготовительный классъ, для поступленія въ который требуется возрастъ не менѣе 8-ми лѣтъ; только по особо уважительнымъ причинамъ можетъ быть допущенъ пріемъ имѣющихъ не менѣе 7-ми лѣтъ.

4) Прошеніе о принятіи дѣвицъ подается на имя начальницы, на простой бумагѣ, по слѣдующей формѣ:

Начальницѣ (такой-то) женской гимназіи или прогимназіи.

Отъ (чинъ или званіе, имя и фамилія).

Прошеніе.

Желая опредѣлить (въ такую-то) женскую прогимназію или гимназію (дочь, племянницу и т. п.) мою (имя), родившуюся (годъ, мѣсяцъ и число) и обучавшуюся (дома или въ такой-то школѣ) въ число ученицъ, имѣю честь у сего представить прилагаемые документы.

Подпись просителя.

5) Къ прошенію о поступленіи прилагаются метрическое свидѣтельство и засвидѣтельствованная копія съ онаго, и свидѣтельство о привитіи оспы.

6) Для поступленія въ первый классъ гимназіи или прогимназіи требуются: знаніе главнѣйшихъ молитвъ (молитва Господня, Царю Небесный, Богородице Дѣва, молитва къ Ангелу Хранителю, Спаси Господи люди твоя, молитва передъ обѣдомъ и послѣ обѣда), сим-

1) Приведены здѣсь статьи правилъ 1874 года, не отмѣненныя послѣдующими распоряженіями.

вола вѣры въ связи съ краткимъ разсказомъ о двунадесятыхъ праздникахъ и 10 заповѣдей, умѣнье правильно и ясно читать по-русски, списывать съ книги и производить четыре дѣйствія надъ числами отъ 1 до 100. Въ прочіе же классы принимаются дѣвицы, имѣющія соотвѣтственныя классу познанія, согласно съ прилагаемыми къ сему программами.

7) Экзамены пріемные, переводные и выпускные производятся комисіями по назначенію педагогическаго совѣта гимназіи или прогимназіи.

9) Дѣвицы, окончившія съ успѣхомъ полный курсъ ученія въ гимназіи, получаютъ аттестатъ съ правами, опредѣленными Положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ. Отличныя изъ нихъ по успѣхамъ и поведенію награждаются золотыми и серебряными медалями.

10) Получившія на окончательномъ испытаніи въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ обязательныхъ предметовъ 5, или не менѣе $4^3/_4$, и притомъ по каждому отдѣльному предмету не менѣе 4, награждаются золотыми медалями; получившія же въ среднемъ выводѣ не менѣе $4^1/_2$ и въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе 4, награждаются серебряными медалями. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ по поведенію требуется не менѣе 5 балловъ.

11) Окончившія курсъ въ прогимназіяхъ и неуспѣшно окончившія и неокончившія курса въ гимназіяхъ дѣвицы могутъ, если пожелаютъ, получить свидѣтельство, съ обозначеніемъ предметовъ, которымъ онѣ обучались, своихъ успѣховъ въ нихъ и времени пребыванія въ заведеніи.

13) Учебный курсъ въ женской гимназіи и прогимназіи начинается съ 15 августа.

15) Учащіяся должны являться въ заведеніе за четверть часа до начала уроковъ для общей молитвы предъ ученіемъ. Въ случаѣ невозможности прибыть на уроки по болѣзни, или иной вполнѣ уважительной причинѣ, родители или опекуны ученицы обязаны извѣстить начальницу гимназіи или прогимназіи о причинѣ ея отсутствія, безъ чего она подвергается взысканію, какъ опустившая уроки самовольно и безъ уважительной причины.

16) Родителямъ или опекунамъ предоставляется заявлять начальницѣ гимназіи или прогимназіи, желаютъ ли они, чтобы дѣвицы, состоящія на ихъ попеченіи, не были отпускаемы изъ заведенія однѣ, безъ присланныхъ за ними отъ родителей или опекуновъ провожатыхъ; въ семъ случаѣ начальница наблюдаетъ, чтобы таковыя дѣвицы не выходили изъ учебнаго заведенія, по окончаніи уроковъ, однѣ безъ присланныхъ за ними лицъ, которыя обязаны предъявлять каждый разъ особый билетъ, выдаваемый для сего родителямъ или опекунамъ отъ гимназіи или прогимназіи.

17) Родители или родственники, не проживающіе въ томъ городѣ, гдѣ находится гимназія или прогимназія, обязаны заявлять начальницѣ, кому они поручаютъ своихъ дочерей или родственницъ.

18) Попечительнымъ совѣтамъ женскихъ гимназій и прогимназій предоставляется устраивать при нихъ, съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, пансіоны или же общія квартиры учениць, на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ, на какихъ устраиваются пансіоны или ученическія квартиры при мужскихъ гимназіяхъ съ соотвѣтствующими перемѣнами.

20) Объемъ преподаванія каждаго предмета въ каждомъ классѣ обозначенъ въ прилагаемыхъ къ сему учебныхъ планахъ и примѣрныхъ программахъ каждаго предмета.

Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

I. Учебный планъ Закона Божія [1]).

Такъ какъ въ низшихъ пяти классахъ женскихъ гимназій на Законъ Божій назначено то же число уроковъ, какъ и въ мужскихъ гимназіяхъ, то преподаваніе можетъ быть ведено по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ для сихъ послѣднихъ. Въ шестомъ классѣ должно быть пройдено по той же программѣ: исторія христіанской православной церкви, но съ большими біографическими подробностями о прославленныхъ святыхъ вселенской церкви вообще и русской въ особенности, а также о святыхъ женахъ и дѣвахъ, такъ какъ въ VI классѣ женскихъ гимназій полагается на Законъ Божій однимъ часомъ болѣе, нежели въ мужскихъ гимназіяхъ. 2 урока по Закону Божію въ VII классѣ посвящаются на повтореніе всего пройденнаго, при чемъ читаются дѣвицами по церковно-славянски и объясняются законоучителемъ Евангеліе и воскресныя апостольскія посланія. Все преподаваніе Закона Божія должно быть направлено къ тому, чтобы возбудить и развить въ дѣвицахъ расположеніе духа и образъ мыслей истинно христіанскіе.

1) Учебники: Чельцовъ, Начальное наставленіе. Ц. 30 к. (пр. кл.); М. Соколовъ, Ветхій завѣтъ, Ц. 35 к. (I кл.); его же, Новый Завѣтъ, Ц. 00 к. (II кл.); Темномѣровъ, Чтеніе о богослуженіи, Ц. 40 к. (III кл.); Филаретъ, Православный катехизисъ, Ц. 15 к. (IV и V кл.); П. Смирновъ, Исторія христіанской православной церкви, Ц. 1 р. 15 к. (VI и VII кл.); Oettingen, Katechismus mit Sprüchen. 20 к.; его же, Kernlieder, 40 к.; Plutte, Biblische Geschichten, 45 к. (приг., I, II, III и IV кл.); Lipp, Katekiskmus õpetaja, 25 kop. (приг. кл.); Kurtz, Biblische Geschichte, 80 к. (IV, V, VI и VII кл.); Werbatus, Leitfaden durch die Geschichte der christlichen Kirche, 80 к. (VI и VII кл.); Mohrfeldt, Piibli lood, 40 к. (приг., I, II, III и IV кл.); Ederberg, Piibli teadus. Lipp, Piibli lugu, 25 к. (V кл.); Lipp, Kristliku kiriku lugu, 75 к. (VI и VII кл.).

2. Учебный планъ русскаго языка и словесности[1]).

Курсъ отечественнаго языка и словесности въ женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія дѣлится на два періода или степени, соотвѣтственно тому, какъ это сдѣлано въ мужскихъ гимназіяхъ того же Министерства. Въ первомъ періодѣ, обнимающемъ пять классовъ (приготовительный, 1, 2, 3 и 4-й), воспитанницы обучаются русской грамматикѣ, а во второмъ (5, 6 и 7-й классы) русской словесности. Преподаваніе того и другого предмета постоянно сопровождается какъ письменными, такъ и другого рода практическими упражненіями съ цѣлью выработки слога и пріобрѣтенія умѣнья излагать свои мысли не только грамматически правильно, но и въ логическомъ порядкѣ.

Приготовительный классъ.

Чтеніе. — Пріученіе дѣтей не къ одному удовлетворительному механическому чтенію, но и къ толковому. Читаемое должно быть объясняемо настолько, насколько это нужно для пониманія смысла.

Краткіе устные и письменные отвѣты на задаваемые преподавателемъ вопросы изъ прочитаннаго и объясненнаго въ классѣ.

Ученіе наизусть небольшихъ стихотвореній.

Списываніе съ книги.

1-й классъ (4 урока).

Составъ простого предложенія; главныя и второстепенныя его части, безъ раздѣленія послѣднихъ на виды.

Этимологія (значеніе частей рѣчи и ихъ главнѣйшія измѣненія — склоненія и спряженія).

Практическія упражненія.

Объяснительное чтеніе съ разборомъ частей простаго предложенія и этимологическимъ.

Устный пересказъ прочитаннаго или разсказаннаго.

Чтеніе наизусть небольшихъ стихотвореній.

Писаніе наизусть выученнаго. Диктовка прочитанныхъ и объясненныхъ статей.

---

1) Горбуновъ. — Посадовъ. Ясная звѣздочка. Ц. 50 к. (пр. кл.). — В. Соколовъ. Родная рѣчь. ч. I., Ц. 1 р. — П. Васильевъ. Русская этимологія. Ц. 40 к. (I и II кл.) — В. Соколовъ. Родная рѣчь. ч. 2-ая. Ц. 1 р. 50 к. — П. Васильевъ. Русскій синтаксисъ. (III кл. и IV кл.). — Галаховъ. Русская хрестоматія. Ц. 2 р. 30 к. (IV, V, VI и VII кл.). — Карскій. Грамматика древняго церковно-славянскаго яз. Ц. 50 к. (IV кл.) — П. Смирновскій. Теорія словесности. Ц. 75 к. (V кл.). — Галаховъ. Исторія русской словесности. Ц. 1 руб. 25 коп. (VI и VII кл.).

2-й классъ (4 урока).

Окончаніе этимологіи и повтореніе оной, а также упражненіе дѣвицъ въ пониманіи церковно-славянскаго языка съ чтеніемъ для сего отрывковъ изъ Евангелія.

Практическія упражненія.

Объяснительное чтеніе съ разборомъ этимологическимъ и состава простыхъ предложеній.

Ученіе наизусть басенъ и другихъ небольшихъ стихотвореній и произношеніе оныхъ не только толковое, но и выразительное.

Устный и письменный пересказъ небольшихъ статей повѣствовательнаго содержанія.

Писаніе наизусть выученнаго. Диктантъ, какъ въ примѣненіи къ проходимому, такъ и повѣрочный.

Примѣчаніе. При обученіи этимологіи непосредственно за ея правилами объясняются и основанныя на нихъ правила орѳографіи, какъ это сдѣлано въ учебникахъ Кирпичникова и Поливанова. Эти учебники служатъ также указаніемъ того размѣра, въ какомъ должна быть пройдена этимологія.

3-й классъ (3 урока).

Синтаксисъ простого предложенія.

Понятіе о составѣ сложнаго предложенія; значеніе предложеній главныхъ, придаточныхъ и вводныхъ.

Практическія упражненія.

Объяснительное чтеніе съ разборомъ какъ этимологическимъ, такъ и синтаксическимъ.

Ученіе наизусть избранныхъ стихотвореній. Диктантъ (такой же, какъ и въ предыдущемъ классѣ).

Устное и письменное изложеніе статей повѣствовательнаго содержанія.

Описаніе предметовъ извѣстныхъ учащимся.

Письменный разсказъ о видѣнномъ или слышанномъ.

4-й классъ (3 урока).

Синтаксисъ сложнаго предложенія (сочетаніе предложеній по способу подчиненія и по способу сочиненія). Повтореніе всего синтаксиса.

Важнѣйшія этимологическія особенности церковно-славянскаго языка по двумъ или тремъ небольшимъ отрывкамъ изъ Остромірова Евангелія, на сколько эти особенности нужны для сравненія ихъ съ этимологическими формами языка русскаго и для лучшаго уясненія послѣднихъ.

Практическія упражненія.

Объяснительное чтеніе съ разборами синтаксическимъ и этимологическимъ.

Ученіе наизусть выбранныхъ сочиненій и выразительное произношеніе выученнаго.

Диктантъ провѣрочный.

Устное и письменное изложеніе прочитанныхъ описаній и разсказовъ.

Составленіе собственныхъ описаній и разсказовъ.

Переводы съ иностраннаго языка.

Примѣчаніе 1-е. При обученіи синтаксису, непосредственно за его правилами, объясняются и правила постановки знаковъ препинанія, какъ это и сдѣлано въ учебникѣ Кирпичникова, могущемъ также служить указаніемъ, въ какомъ размѣрѣ долженъ быть проходимъ синтаксисъ.

Примѣчаніе 2-е. Содержаніе этимологіи и синтаксиса должно быть передаваемо практическимъ способомъ, то-есть, изъ разбора примѣровъ должны быть выводимы правила, для укрѣпленія которыхъ въ памяти и сознаніи учащіяся сами пріискиваютъ на нихъ примѣры въ книгахъ или составляютъ свои собственные.

Примѣчаніе 3. Касательно практическихъ упражненій нужно замѣтить, что преподаватель выбираетъ изъ нихъ тѣ, которыя находитъ сообразными съ составомъ класса, съ развитіемъ ученицъ и съ временемъ, назначеннымъ на предметъ.

5-й классъ (3 урока).

Логическій и стилистическій разборъ литературныхъ произведеній, при чемъ сообщаются нижеслѣдующія элементарныя свѣдѣнія изъ логики и теоріи словесности.

Изъ логики.

Представленіе. — Образованіе понятія изъ представленій. — Опредѣленіе понятія. — Содержаніе понятія. — Признаки существенные и случайные. — Объемъ понятія. — Понятія родовыя и видовыя, подчиненныя и соподчиненныя. — Отношеніе между объемомъ и содержаніе понятія.

Образованіе и опредѣленіе сужденія. — Главные виды сужденія.

Образованіе и опредѣленіе простого умозаключенія (полнаго и неполнаго).

Понятіе объ опредѣленіи и главномъ его правилѣ. Отличіе опредѣленія отъ описанія.

Понятіе о дѣленіи и главныхъ его правилахъ. — Отличіе логическаго дѣленія отъ разложенія цѣлаго на составныя части.

Примѣчаніе. Объясненіе этихъ логическихъ свѣдѣній всего удобнѣе передать при разборѣ разсужденій.

Изъ теоріи словесности.

Значеніе и свойства языка образнаго.

Главнѣйшія свѣдѣнія изъ версификаціи.

Понятіе о родахъ сочиненій прозаическихъ и поэтическихъ.

Примѣчаніе. Эти свѣдѣнія сообщаются также не догматически, а выводятся изъ чтенія и разбора образцовъ, подъ руководствомъ учителя.

Практическія упражненія.

Письменныя упражненія должны служить примѣненіемъ тѣхъ выводовъ, какіе объяснены во время урока. Темы (описательныя, повѣствовательныя и судительныя), задаваемыя ученицамъ для сочиненій, сначала должны быть однородны со статьями, разобранными учителемъ въ классѣ, а потомъ даются темы и другого рода. На сочиненія, имѣющія предметомъ своимъ сужденія, слѣдуетъ, начиная съ этого класса, обращать особенное вниманіе, такъ какъ они наиболѣе пріучаютъ учащихся къ умѣнью излагать мысли въ логическомъ порядкѣ.

Переводы.

6-й (3 урока) и 7-й (3 урока) классы.

Эти классы назначаются для изученія важнѣйшихъ произведеній русской литературы, преимущественно новаго ея періода. Примѣрная программа литературныхъ образцовъ, предлагаемыхъ для чтенія и разбора, напечатана въ объяснительной запискѣ къ учебному плану русскаго языка и словесности въ мужскихъ гимназіяхъ (Сборникъ постановленій по гимназіямъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 210—217). Къ этимъ образцамъ можно присоединить еще нѣкоторыя сочиненія И. С. Тургенева, графа Л. Н. Толстого и И. Гончарова. При разборѣ сообщаются и теоретическія свѣдѣнія о томъ родѣ или видѣ прозы или поэзіи, къ которому относится разбираемое сочиненіе, и свѣдѣнія историческія, служащія для объясненія содержанія литературнаго образца.

Послѣ разборовъ, въ 7-мъ классѣ полезно сообщить краткій систематическій обзоръ всей исторіи русской литературы, преимущественно новой (съ Ломоносова).

Практическія занятія.

Письменныя упражненія въ 6-мъ и 7-мъ классахъ состоятъ въ сочиненіяхъ (описаніяхъ, разсказахъ и особенно разсужденіяхъ) и въ переводахъ.

3 Учебный планъ математики [1]).

I-й классъ (3 урока въ недѣлю).

а) Ариѳметика. Нумерація. Всестороннее разсмотрѣніе чиселъ отъ 1 до 100 и четыре дѣйствія надъ этими числами (устно). Сложеніе и вычитаніе чиселъ цѣлыхъ, отвлеченныхъ и простыхъ (несоставныхъ) именованныхъ (письменно). Ознакомленіе учащихся съ простыми счетами, а также съ мѣрами длины, вѣса и монетами.

б) Наглядное ознакомленіе съ геометрическими протяженіями. Прямая линія и окружность круга: уголъ, параллельныя линіи. Измѣреніе прямыхъ линій, дугъ и угловъ.

II. классъ (3 урока).

а) Ариѳметика. Умноженіе и дѣленіе цѣлыхъ отвлеченныхъ и простыхъ именованныхъ чиселъ. Ознакомленіе учащихся съ остальными русскими мѣрами. Четыре дѣйствія надъ остальными именованными числами.

Примѣчаніе. Въ двухъ младшихъ классахъ гимназіи обращается особое вниманіе на вычисленія устныя, и въ слѣдующихъ классахъ вездѣ, гдѣ только къ тому представится случай, дѣйствія надъ небольшими числами производятся устно.

б) Наглядное ознакомленіе съ геометрическими фигурами. Треугольники, четыреугольники, многоугольники. Разсмотрѣніе правильныхъ фигуръ. Мѣры квадратныя. Измѣреніе поверхностей прямолинейныхъ фигуръ (квадрата и прямоугольника).

III-й классъ (3 урока).

а) Ариѳметика. Дроби обыкновенныя и десятичныя; примѣненіе ихъ къ дѣйствіямъ надъ числами отвлеченными и именованными.

б) Наглядное ознакомленіе учащихся съ геометрическими тѣлами. Мѣры кубическія. Измѣреніе поверхностей и объемовъ простѣйшихъ тѣлъ [2]).

IV-й классъ (3 урока).

Ариѳметика. Отношенія и пропорціи. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ правиламъ тройнымъ, простымъ и сложнымъ, товарищества и смѣшенія; вычисленіе процентовъ и учетъ векселей.

Системы мѣръ и монетъ иностранныхъ государствъ наиболѣе замѣчательныя. Приложеніе ариѳметики къ счетоводству.

---

1) Гольденбергъ. Сборникъ ариѳметич. задачъ и примѣровъ. Ц. 30 к. (пр. кл.). — Верещагинъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Ц. 80 к. (I, II, III и IV кл.). — Киселевъ. Систематическій курсъ ариѳметики. (I, II, III и IV кл.). — Киселевъ. Геометрія Ц. 1 р. 20 к. (V, VI и VII кл.). — Киселевъ. Алгебра. Ц. 1 р. 20 к. (V, VI и VII кл.). — Бычковъ. Сборникъ задачъ и примѣровъ. Ц. 1 р. 50 к. (V, VI и VII кл.)

2) Упражненія въ вычерчиваніи геометрическихъ фигуръ и тѣлъ могутъ быть отнесены къ классамъ рисованія.

V-й классъ (3 урока).

а) Алгебра. Упражненія, служащія для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ; алгебраическое знакоположеніе. Нахожденіе численныхъ величинъ алгебраическихъ количествъ. Соединеніе подобныхъ членовъ. Сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе одночленовъ.

б) Геометрія. Элементарныя свѣдѣнія изъ лонгиметріи; численныя приложенія къ теоремамъ и задачамъ этого отдѣла; рѣшеніе геометрическихъ задачъ построеніемъ.

VI-й классъ (4 урока).

а) Алгебра. Четыре дѣйствія надъ алгебраическими одночленами и многочленами. Возвышеніе одночленовъ въ квадратъ и кубъ. Возвышеніе многочленовъ въ квадратъ; извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ. Рѣшеніе опредѣленныхъ уравненій первой степени съ одною и со многими неизвѣстными. Рѣшеніе уравненій второй степени съ одною неизвѣстною.

б) Геометрія. Планиметрія. Численныя приложенія къ измѣренію площадей фигуръ.

VII-й классъ (4 урока).

а) Ариѳметика. Повтореніе всего пройденнаго курса ариѳметики съ необходимыми дополненіями.

б) Алгебра. Возвышеніе многочленовъ въ 3-ю степень.[1])

в) Геометрія. Стереометрія. Численныя приложенія къ измѣренію поверхностей и объемовъ тѣлъ.

4—5. Учебный планъ исторіи и географіи въ женскихъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ I классѣ *прогимназіи* сообщаются краткія предварительныя свѣдѣнія изъ математической географіи и дѣлается обозрѣніе земного шара по глобусу или плоскошаріямъ.

Во II классѣ проходится Европа.

Въ III „ „ Россія.

Въ этомъ же третьемъ классѣ изъ исторіи проходится: краткій эпизодическій курсъ Русской исторіи (съ дополненіями изъ Всеобщей).

Въ *гимназіи*.

I. По *географіи:*

Въ IV классѣ изучаются Азія, Африка, Америка и Австралія.

Въ VII классѣ повторяется и дополняется географія Россіи и Европы и, сверхъ того, проходится математическая географія.

---

1) См. Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. XIV, стр. 1202 (Цирк. 8 іюня 1906 г. за № 14962).

II. По *исторіи:*

Въ IV классѣ проходится Древняя исторія (Востокъ, Греція и Римъ).

Въ V классѣ проходится Средняя исторія и систематическій курсъ Русской исторіи до Іоанна IV включительно.

Въ VI классѣ проходится Новая исторія до конца XVIII столѣтія и Русская — отъ Іоанна IV до смерти императрицы Екатерины II.

Въ VII классѣ Всеобщая и Русская исторія доводится до 1830 года, обозрѣваются главныя событія въ Европѣ новѣйшаго времени, и повторяется вся исторія.

Программа курса географіи [1]).

Курсъ I-го класса (два урока).

А. Предварительныя краткія свѣдѣнія изъ математической и физической географіи. Горизонтъ и страны свѣта. Видъ земли, ея движеніе. Явленія отъ него происходящія. Изображеніе земли на плоскости и шарѣ. Географическая сѣть. Долгота и широта мѣста. Раздѣленіе земной поверхности между сушею и водою. Раздѣленіе водной поверхности. Океаны. Раздѣленіе суши. Материки и острова. Части свѣта и ихъ величина. Устройство поверхности суши и морского дна. Приливы и отливы. Морскія теченія. Воздухъ и вѣтеръ, климатъ.

Б. Топическое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта по глобусу и плоскошаріямъ.

Курсъ II-го класса (два урока).

Европа.

а) Общее обозрѣніе: величина, географическое положеніе и береговое очертаніе, устройство поверхности, рѣки и озера.

б) Политическое дѣленіе:

Турція и Греція. Италія. Испанія и Португалія. Франція. Бельгія. Нидерланды. Швейцарія. Австро-Венгрія. Германская Имперія. Данія. Швеція и Норвегія. Великобританія.	Границы, устройство поверхности, орошеніе, климатъ, естественныя произведенія, народонаселеніе, промышленность, указаніе на государственное устройство, политическое дѣленіе, важнѣйшія города въ торговомъ и административномъ отношеніи, религія.

1) Ивановъ. Начальный курсъ географіи, ц. 60 к. (I кл.). — Воронецкій, III ч. Европа. I ч. (II кл.). — Барановъ. Географія Россіи, ц. 50 к. (III кл.). — Круберъ, Григорьевъ, Барковъ и Чефрановъ. Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ. Цѣна 1 р. (IV кл.). — Барановъ и Горѣловъ. Учебникъ географіи Россійской имперіи, 60 к. (VII кл.).

Курсъ III-го класса (два урока).

Россійская Имперія.

Граница и пространство. Значеніе границъ сухопутныхъ и морскихъ.

А. Европейская Россія. Устройство поверхности, указаніе плоскихъ возвышенностей въ связи съ распредѣленіемъ почвы; горы, орошеніе, климатъ, народонаселеніе, административное раздѣленіе.

В. Губерніи и области:

Сѣвернаго пространства. Прибалтійскаго. Низменнаго. Мануфактурно-промышленнаго. Уральскаго или горнозаводск. Черноземнаго или земледѣльческаго. Степнаго.	Каждая изъ частей разсматривается со стороны природы, народонаселенія, путей сообщенія и промысловъ, съ поименованіемъ по принадлежности губерній, а въ сихъ послѣднихъ замѣчательныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ.

Азіатская Россія. Кавказскій край. Сибирь. Киргизскій край.	Устройство поверхности, климатъ, народонаселеніе, административное раздѣленіе, замѣчательнѣйшіе города.

Курсъ IV-го класса (два урока).

Общій очеркъ.

Азія. Африка. Америка. Австралія.	Величина, географическое положеніе, береговое очертаніе, устройство поверхности, главнѣйшія рѣки и озера, климатъ, произведенія, народонаселеніе.

Политическое дѣленіе.

a) Китайская имперія. Японская имперія. Остъ-Индія. Иранъ. Туранъ. Азіатская Турція. Аравія.	Положеніе, климатъ и произведенія, населеніе и промышленность, политическое устройство, важнѣйшіе города въ торговомъ и административномъ отношеніи, религія.

б) Египетъ. Фецъ. Марокко. Главныя Феллатскія государства. Республика Либерія. Республика Сіерра-Леонская. Колоніальныя земли.	Положеніе, промышленность, замѣчательнѣйшие города.
в) Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	Пространтство, устройство поверхности, государственное устройство, политическое дѣленіе.
Колоніальныя земли Сѣверной Америки. Мексика. Центральная Америка. Бразильская имперія. Гренадскія республики. Венецуэла. Эквадоръ.	Положеніе, климатъ, естественныя произведенія, населеніе, промышленность, важнѣйшіе города въ торговомъ и административномъ отношеніи, религія.
Перу. Боливія. Чили. Аргентинская республика. Колоніальныя земли.	Положеніе, климатъ, естественныя произведенія, населеніе, промышленность, важнѣйшіе города въ торговомъ и административномъ отношеніи, религія.
г) Новый Южный Валлисъ. Викторія. Южная Австралія. Западная Австралія. Тасманія. Новая Зеландія.	Положеніе, устройство поверхности, климатъ, естественныя произведенія, населеніе, промышленность, наименованіе резиденціи губернатора и замѣчательныя гавани.
Владѣніе французовъ.	Наименованіе важнѣйшей станціи.
Сандвичевы острова. Острова Товарищества.	Положеніе, значеніе ихъ для европейцевъ.

Курсъ VII-го класса (два урока).

А. Математическая географія.

Шаровидность земли. Широта и долгота мѣста на земной поверхности. Истинный видъ земли. Вращеніе земли около оси. Объясненіе кажущагося суточнаго движенія небеснаго свода. Звѣздныя

сутки. Видимое годовое движеніе солнца. Объясненіе этого движенія солнца движеніемъ земли. О календаряхъ. Движеніе луны и ея фазы. Солнечныя и лунныя затменія. Понятіе о движеніи планетъ. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ.

В. Повтореніе географіи Россіи, Европы и сосѣднихъ съ Россіею азіатскихъ странъ.

Примѣчаніе. При преподаваніи географіи въ женскихъ гимназіяхъ, преподавателямъ необходимо имѣть въ виду объяснительную записку къ учебному плану географіи для мужскихъ гимназій, утвержденную г. Министромъ Народнаго Просвященія (см. Сборникъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 280—284).

Программа курса исторіи [1]).

Курсъ III-го класса (2 урока).

Эпизодическое изложеніе Русской исторіи съ нѣкоторыми дополненіями изъ Всеобщей.

1) Византія. Славяне. Кириллъ и Меѳодій. Основаніе Русскаго государства (862). Рюрикъ, Олегъ, Ольга, Святославъ, Владиміръ.

2) Утвержденіе христіанства въ Россіи. Крещеніе Владиміра. Св. Борисъ и Глѣбъ. Ярославъ Мудрый. Начало монашества въ Россіи. Антоній и Ѳеодосій.

3) Удѣлы. Половцы. Владиміръ Мономахъ. Ростовско-Сузда земля. Св. Леонтій. Андрей Боголюбскій.

4) Монголы и Чингисханъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Св. Александръ Невскій. Отношенія его къ ордѣ. Борьба со ш и Ливонскимъ орденомъ.

5) Литовск. княжество. Завоеваніе русск. област. Крещеніе

6) Московское княжество. Іоаннъ Калита и митрополитъ Св. Алексій и Сергій. Мамаево побоище.

7) Турки-Османы. Сраженіе на Коссовомъ полѣ. Взяті града турками.

8) Іоаннъ III. Прекращеніе удѣловъ. Сверженіе ига.

9) Царствованіе Іоанна IV. Воспитаніе и вѣнчаніе на ц Сильвестръ и Адашевъ. Покореніе Казани. Оборона Пскова. ники и митрополитъ Филиппъ. Ермакъ и покореніе Сибири. книгопечатанія въ Европѣ и въ Москвѣ.

---

1) Иловайскій. Русская исторія (средн. курсъ) ц. 40. коп. (III кл.). — Древняя исторія (старшій курсъ) ц. 75 к. (IV). — Его же. Исторія средних (старшій курсъ) ц. 90 к. (V кл.). — Елпатьевскій Русская исторія ц. 1 (V, VI и VIII кл.). — Знойко. Краткій учебникъ всеобщей исторіи. — Его ж исторія ч. I ц. 60 к. (VI) и ч. II ц. 50 к.

сутки. Видимое годовое движеніе солнца. Объясненіе этого движенія солнца движеніемъ земли. О календаряхъ. Движеніе луны и ея фазы. Солнечныя и лунныя затменія. Понятіе о движеніи планетъ. О кометахъ и падающихъ звѣздахъ.

B. Повтореніе географіи Россіи, Европы и сосѣднихъ съ Россіею азіатскихъ странъ.

Примѣчаніе. При преподаваніи географіи въ женскихъ гимназіяхъ, преподавателямъ необходимо имѣть въ виду объяснительную записку къ учебному плану географіи для мужскихъ гимназій, утвержденную г. Министромъ Народнаго Просвященія (см. Сборникъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 280—284).

Программа курса исторіи [1].

Курсъ III-го класса (2 урока).

Эпизодическое изложеніе Русской исторіи съ нѣкоторыми дополненіями изъ Всеобщей.

1) Византія. Славяне. Кириллъ и Меѳодій. Основаніе Русскаго государства (862). Рюрикъ, Олегъ, Ольга, Святославъ, Владиміръ.

2) Утвержденіе христіанства въ Россіи. Крещеніе Владиміра. Св. Борисъ и Глѣбъ. Ярославъ Мудрый. Начало монашества въ Россіи. Антоній и Ѳеодосій.

3) Удѣлы. Половцы. Владиміръ Мономахъ. Ростовско-Суздальская земля. Св. Леонтій. Андрей Боголюбскій.

4) Монголы и Чингисханъ. Битва при Калкѣ. Нашествіе Батыя. Св. Александръ Невскій. Отношенія его къ ордѣ. Борьба со шведами и Ливонскимъ орденомъ.

5) Литовск. княжество. Завоеваніе русск. област. Крещеніе Литвы.

6) Московское княжество. Іоаннъ Калита и митрополитъ Петръ. Св. Алексій и Сергій. Мамаево побоище.

7) Турки-Османы. Сраженіе на Коссовомъ полѣ. Взятіе Цареграда турками.

8) Іоаннъ III. Прекращеніе удѣловъ. Сверженіе ига.

9) Царствованіе Іоанна IV. Воспитаніе и вѣнчаніе на царство. Сильвестръ и Адашевъ. Покореніе Казани. Оборона Пскова. Опричники и митрополитъ Филиппъ. Ермакъ и покореніе Сибири. Начало книгопечатанія въ Европѣ и въ Москвѣ.

---

1) Иловайскій. Русская исторія (средн. курсъ) ц. 40. коп. (III кл.). — Его же. Древняя исторія (старшій курсъ) ц. 75 к. (IV). — Его же. Исторія среднихъ вѣковъ (старшій курсъ) ц. 90 к. (V кл.). — Елпатьевскій Русская исторія ц. 1 р. 60 коп. (V, VI и VIII кл.). — Зноймо. Краткій учебникъ всеобщей исторіи. — Его же. Новая исторія ч. I ц. 60 к. (VI) и ч. II ц. 50 к.

10) Іоаннъ Гуссъ. Первоначальная проповѣдь христіанства на славянскомъ языкѣ (Кириллъ и Меѳодій) и слѣды ея въ XIV и XV вѣкахъ. Ученіе Гусса и его мученическая смерть.

11) Лютеръ и Кальвинъ. Основаніе протестанскихъ церквей. Игнатій Лойола и орденъ іезуитскій.

12) Іезуиты въ Литвѣ. Унія Люблинская и Брестская.

13) Самозванщина. Гермогенъ. Мининъ и Пожарскій. Новая династія.

14) Алексѣй Михайловичъ: присоединеніе Малороссіи (Богданъ Хмѣльницкій).

15) Петръ Великій. Воспитаніе. Первое путешествіе за границу. Шведская война: Карлъ XII; основаніе Петербурга; Полтавская битва; Ништадтскій миръ. Кончина Петра.

16) Преемники и преемницы Петра В. Анна Іоанновна и побѣды Миниха; первая ода Ломоносова. Елизавета Петровна: учрежденіе Университета и Ломоносовъ. Война съ Фридрихомъ II: Цорндорфъ и Кунерсдорфъ.

17) Императрица Екатерина II. Побѣды Румянцева; Чесменскій бой. Покореніе Крыма. Потемкинъ и Суворовъ. Паденіе Польши и возсоединеніе русскихъ земель; походъ Суворова въ Италію и Швейцарію при Павлѣ I.

18) Императоръ Александръ I и Наполеонъ. Отечественная война и освобожденіе Германіи. Обозрѣніе новѣйшихъ событій. Образованіе Греческаго королевства, освобожденіе Сербіи, турецкая война и Андріанопольскій миръ. Крымская война и защита Севастополя. Смерть императора Николая. Александръ II и его реформы.

Курсъ IV класса (2 урока).

Древняя исторія.

1) Обозрѣніе исторіи Востока: Египетъ, Финикія, Ассирія и Вавилонъ, Персы.

2) Древняя Греція. Важнѣйшіе миѳы и главныя божества. Положеніе женщины въ миѳическій періодъ.

3) Главныя греческія государства. Спарта. Законы Ликурга. Положеніе женщины въ Спартѣ. Первенство Спарты. Аѳины. Законодательство Солона; положеніе женщины въ Аѳинахъ. Главные моменты изъ исторіи борьбы аристократіи и демократіи. Главнѣйшія греческія колоніи. Милетъ.

4) Борьба съ Персами. Возстаніе малоазіатскихъ грековъ. Походы Персовъ въ Грецію. Мараѳонъ и Мильтіадъ. Ѳемистоклъ и Саламинъ. Платея и Павзаній.

5) Первенство Аѳинъ. Аристидъ. Кимонъ. Периклъ и его время въ Аѳинахъ. Философы, поэты и художники, храмы и театръ.

6) Пелопонезская война и упадокъ Греціи. Причины борьбы между Спартой и Аѳинами. Первый періодъ войны (смерть Перикла, Никій).

Алкивіадъ и второй періодъ войны. Взятіе Аѳинъ. Правленіе 30 тирановъ и возстановленіе демократіи. Эврипидъ, Аристофанъ, Сократъ.

7) Первенство Спарты. Киръ Младшій и отступленіе 10.000 грековъ. Возстаніе грековъ противъ спартанскаго господства. Анталкидовъ миръ.

8) Возвышеніе Ѳивъ. Эпаминондъ и Пелопидъ. Упадокъ Греціи. Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

9) Македонскій періодъ. Филиппъ II и Демосѳенъ. Покореніе Греціи. Александръ Македонскій, его монархія и главныя государства, образовавшіяся изъ нея.

10) Географія древней Италіи. Основаніе Рима и періодъ царей. Устройство Римскаго государства. Реформы Сервія Туллія. Начало республики.

11) Борьба патриціевъ и плебеевъ. Удаленіе на священную гору, народные трибуны. Коріоланъ и его мать. Децемвиры. Нашествіе Галловъ. Камиллъ и Манлій. Уравненіе сословій. Положеніе женщины въ цвѣтущій періодъ республики.

12) Распространеніе Римскаго владычества. Покореніе Италіи. Пуническія войны. Регулъ. Аннибалъ и Сципіонъ. Разрушеніе Карѳагена. Перечисленіе другихъ завоеваній. Перемѣна нравовъ. Оптиматы и пролетаріи. Гракхи (ихъ мать).

13) Упадокъ республики. Борьба Марія и Суллы. Первый тріумвиратъ. Борьба Цезаря съ Помпеемъ. Покореніе Галліи. Диктатура и смерть Цезаря. Второй тріумвиратъ. Октавій и Антоній.

14) Римская имперія и ея границы. Правленіе Августа. Упадокъ язычества. Появленіе христіанства. Неронъ и первое гоненіе. Веспассіанъ и Титъ (разрушеніе Іерусалима). Діоклетіаново гоненіе. Константинъ Великій и торжество христіанства. Участіе женщинъ въ распространеніи христіанства. Ѳеодосій Великій и его сыновья, раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную.

Курсъ V класса (3 урока).

А. Всеобщая исторія.

1) Переселеніе народовъ и паденіе Западной Римской имперіи. Кельты. Романизація галловъ. Германцы. Начало великаго переселенія. Аттила. Готы. Аларихъ, конецъ имперіи.

2) Государства, основанныя германцами. Өеодорикъ Великій. Лонгобарды. Папы и начало церковной области. Франки, Хлодовикъ, Меровинги, Карлъ Мартеллъ. Пепинъ. Крещеніе англосаксовъ и св. Бонифацій.

3) Византія и арабы, характеръ Византійской исторіи. Юстиніанъ Великій. Преемники его. Иконоборство. Македонская династія и раздѣленіе церквей. Аравія и Магометъ. Первые калифы. Омайяды и Абассиды. Распаденіе калифата.

4) Времена Каролинговъ. Карлъ Великій и его завоеванія. Распаденіе Франкской монархіи. Развитіе и утвержденіе феодализма. Норманны въ Англіи, Вильгельмъ Завоеватель.

5) Борьба императоровъ съ папами. Саксонская династія. Оттонъ Великій и пріобрѣтеніе Италіи. Франконскій домъ и возвышеніе папской власти. Григорій VII и Генрихъ IV. Гогенштауфены и Вельфы. Фридрихъ II и паденіе Гогенштауфеновъ.

6) Крестовые походы. Святая земля. Первый походъ. Іерусалимское королевство. Второй походъ. Третій походъ. Ричардъ Львиное Сердце. Четвертый походъ и Латинская имперія. Крестовые походы въ Европѣ. Альбигойская война. Тевтонскій орденъ.

7) Франція и Англія во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Капетинги и городскія общины. Филиппъ II и Людовикъ IX. Филиппъ IV и Бонифацій VIII. Плантагенеты въ Англіи. Столѣтняя война. Жанна д'Аркъ. Торжество монархіи во Франціи. Война Алой и Бѣлой Розы. Шотландія.

8) Германія во время Габсбурговъ. Первые Габсбурги и Швейцарскій союзъ. Люксембургскій домъ. Гусситы. Фридрихъ III и Максимиліанъ I. Бранденбургъ. Венгрія.

9) Италія, Испанія и Скандинавія. Миланъ; Флоренція; Венеція и Генуя. Начало королевствъ Испанскаго и Португальскаго. Скандинавія и Норманны; образованіе трехъ королевствъ.

10) Западные Славяне. Чехо-Моравы. Кириллъ и Меөодій. Великоморавская держава, династія Пшемысловичей. Карлъ IV. Гусситская эпоха и Юрій Подѣбрадъ. Поляки. Династія Пястовъ. Ядвига и Ягайло. Полабскіе Славяне.

11) Южные Славяне и паденіе Византіи. Дунайскіе Болгары. Сербы. Османскіе Турки. Коссовская битва. Тамерланъ. Флорентійская унія. Взятіе Константинополя. Византійская образованность.

12) Средневѣковой бытъ. Феодализмъ и рыцарство. Города и цехи. Крестьяне. Монашескіе ордена. Просвѣщеніе и искусства.

Б. Русская исторія.

1) Восточная Европа и начало Руси. Характеръ страны. Древнѣйшая исторія. Славяне. Литва. Финны. Турецко-татарскіе народы.

Происхожденіе Русскаго государства. Олегъ, Игорь, Ольга, Владиміръ. Введеніе христіанства. Сыновья Владиміра. Ярославъ. Русская правда.

2) Развитіе удѣльно-вѣчевой системы. Сыновья Ярослава I. Родословная таблица. Событія при внукахъ Ярослава. Мономаховичи и Ольговичи. Суздальская земля, Черниговская и Сѣверская, Муромская и Рязанская, Полоцкая, Смоленская, Волынская и Галицкая. Новгородская община. Ливонскій орденъ.

3) Монгольское иго.

Битва на Калкѣ; нашествіе Батыя. Золотая орда. Русь сѣверо-восточная. Судьба юга-западной Руси.

4) Внутреннее состояніе удѣльно-вѣчевой Руси. Князь. Дружина. Смерды. Холопы. Судопроизводство. Торговля и искусства. Церковь и борьба съ язычествомъ. Монашество. Просвѣщеніе.

5) Юго-западная Русь подъ владычествомъ Литвы. Литва. Миндовгъ. Гедиминъ. Ольгердъ. Ягайло и введеніе католичества. Витовтъ. Соединеніе съ Польшею.

6) Сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы. Тверское княжество. Суздальское или Нижегородское. Московское. Борьба между Москвою и Тверью. Іоаннъ Калита. Дмитрій Донской и Куликовская битва. Василій I. Василій II Темный. Вѣчевыя общины. Казань и Крымъ. Казаки.

7) Уничтоженіе удѣльно-вѣчевого порядка въ сѣверо-восточной Руси и успѣхи монархической власти въ Московскомъ государствѣ.

8) Іоаннъ III. Паденіе Новгорода. Присоединеніе Твери и другихъ областей. Уничтоженіе татарскаго ига. Бракъ съ Софьею Палеологъ и его слѣдствія. Правительственная дѣятельность. Судебникъ. Василій III и послѣдніе удѣлы. Войны съ Литвою и Татарами. Внутренняя политика.

9) Іоаннъ IV Грозный. Елена и времена боярскаго правленія. Правительственная дѣятельность. Іоаннъ IV: Судебникъ, Стоглавый соборъ. Покореніе Казани. Сибирское царство. Война за Ливонію Эпоха казней. Разгромъ Новгорода.

Курсъ VI-го класса (3 урока).

А. Всеобщая исторія.

1) Великія изобрѣтенія и открытія. Іоаннъ Гуттенбергъ и книгопечатаніе. Огнестрѣльное оружіе. Открытіе Португальцевъ (Васко де-Гама). Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Завоеваніе Мексики и Перу. Торговля неграми.

2) Борьба за Италію. Возрожденіе наукъ и искусствъ. Карлъ VIII и Савонаролла. Людовикъ XII и Фердинандъ Католикъ. Александръ VI Борджіа. Францискъ I и его соперничество съ Карломъ V (Маринь-

яно, Павія, плѣнъ, взятіе Рима войсками коннетабля Бурбона). Изученіе классическихъ памятниковъ. Леонардо да-Винчи. Микель-Анджело. Рафаэль. Тассо. Макіавелли.

3) Реформація.

Гуманисты. Рейхлинъ. Эразмъ Роттердамскій. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Лютеръ. Вормсскій сеймъ. Крестьянское возстаніе. Церковныя реформы. Союзъ протестантовъ. Морицъ Саксонскій. Аугсбурскій миръ. Цвингли и Кальвинъ. Отличіе кальвинизма отъ лютеранства и распространеніе его во Франціи, Шотландіи, Нидерландахъ и Польшѣ.

4) Католическая реакція.

Основаніе и устройство Іезуитскаго ордена. Политика Филиппа II. Инквизиція. Нидерланды. Герцогъ Альба. Вильгельмъ Оранскій. Непобѣдимая армада. Нидерландская республика. Нидерландская живопись. Состояніе Испаніи. Сервантесъ.

5) Торжество католицизма и монархіи во Франціи. Гугеноты и Гизы. Екатерина Медичи. Карлъ IX. Варѳоломеевская ночь. Три Генриха. Осада Парижа. Король Генрихъ IV Бурбонъ. Нантскій эдиктъ. Сюлли. Смерть Генриха IV. Людовикъ XIII и Ришелье. Мазарини и Фронда. Успѣхи искусствъ и литературы. Первая газета. Корнель.

6 Англія при Тюдорахъ и Стюртахъ. Генрихъ VIII и введеніе реформаціи. Епископальная церковь. Марія Тюдоръ. Елизавета и Марія Стюартъ. Шекспиръ. Бэконъ. Іаковъ I. Пороховой заговоръ. Борьба Карла I съ парламентомъ. Междоусобная война. Кромвель и республика. Реставрація Стюартовъ. Карлъ II. Виги и Тори. Іаковъ II и революція 1688 года. Вильгельмъ III. Мильтонъ. Ньютонъ.

7) Скандинавія, Польша и Пруссія. Христіанъ II. Стокгольмская кровавая баня. Густавъ Ваза. Реформація въ Швеціи. Преемники Густава (Карлъ IX, Густавъ Адольфъ, королева Христина, Карлъ X).

Польша. Послѣдніе Ягеллоны. Люблинская унія. Избирательный сеймъ. Стефанъ Баторій. Сигизмундъ III. Церковная унія. Отдѣленіе Малороссіи. Liberum veto. Прусское герцогство. Бранденбургъ. Великій курфюрстъ и возвышеніе Пруссіи.

8) Тридцатилѣтняя война. Возстаніе Чеховъ и Бѣлогорская битва. Тилли, Валленштейнъ и Густавъ Адольфъ. Участіе французовъ въ войнѣ. Вестфальскій миръ.

9) Вѣкъ Людовика XIV. Самодержавіе Людовика XIV. Кольберъ и Лувуа. Личность короля. Мольеръ, Расинъ, Фенелонъ. Войны и коалиціи. Отмѣна Нантскаго эдикта. Война за испанское наслѣдство. Истощеніе Франціи. Утрехтскій миръ.

10) Романская Европа въ XVIII вѣкѣ. Регентство во Франціи. Джонъ Ло и его банкъ. Людовикъ XV. Состояніе Франціи. Судопроизводство. Подати. Буржуазія. Монтескье, Вольтеръ, Руссо. Энциклопедисты. Женщины. Португалія: Помбаль, землетрясеніе и іезуиты. Испанія: Елизавета Пармская и Альберони; Карлъ III, Аранда и удаленіе іезуитовъ.

11) Англія и Сѣверо-Американскіе штаты. Три Георга. Вальполь и парламентскіе подкупы. Питтъ. Остъ-индская кампанія. Сѣверо-Американскія колоніи. Вашингтонъ и Франклинъ, республика Соединенныхъ Штатовъ. Англійскіе поэты, романисты и историки XVIII вѣка.

12) Германія въ XVIII вѣкѣ. Возвышеніе Пруссіи. Вильгельмъ I и Фридрихъ II. Война за австрійское наслѣдство. Марія-Терезія. Семилѣтняя война. Правленіе Фридриха II. Іосифъ II, его реформы и внѣшнія предпріятія. Княжескіе дворы. Движеніе нѣмецкой образованности. Гёте и Шиллеръ.

13) Сѣверная и восточная Европа въ XVIII столѣтіи. Швеція (Карлы XI и XII). Густавъ III. Стокгольмскій переворотъ. Война съ Россіей. Струэнзе и реформы въ Даніи (Польша).

Б. Русская исторія.

1) Смутное время. Θеодоръ Іоанновичъ и прекращеніе династіи. Годуновъ правитель. Прикрѣпленіе крестьянъ. Царевичъ Димитрій. Царь Борисъ и Лжедимитрій I. Царствованіе Шуйскаго. Лжедимитрій II. Междуцарствіе. Пожарскій и Mининъ.

2) Западная Русь въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка. Польское вліяніе. Люблинская унія. Вторженіе католицизма. Братства. Кіевская академія. Брестская церковная унія. Западно-русское дворянство. Положеніе крестьянъ. Евреи. Малороссійское казачество. Запорожская сѣчь. Казацкія возстанія.

3) Эпоха первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ. Очищеніе государства отъ непріятелей. Борьба съ сосѣдями. Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. Смоленскъ и Азовъ. Алексѣй Михайловичъ. Морозовъ и внутреннія смуты. Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Разинъ. Патріархъ Никонъ и расколъ.

Малороссійскій вопросъ. Богданъ Хмѣльницкій и присоединеніе Малороссіи. Θеодоръ Алексѣевичъ. Уничтоженіе мѣстничества.

4) Царствованіе Петра Великаго или эпоха государственныхъ реформъ. Стрѣлецкій бунтъ. Правленіе Софіи. Воспитаніе Петра и паденіе Софіи. Азовскіе походы. Путешествіе за границу. Великая сѣверная война. Полтава. Мазепа и Прутъ. Ништадтскій миръ. Сословныя и административныя реформы. Хозяйство, войско, учи-

лица. Семейный бытъ. Духовенство и расколъ. Характеръ и значеніе Петровой реформы. Сотрудники Петра. Дѣла семейныя и личность преобразователя.

5) Первые преемники Петра Великаго. Екатерина I и Петръ II. Меньшиковъ и Долгорукіе. Анна Іоанновна. Время Бирона. Дѣла внутреннія и внѣшнія. Іоаннъ VI. Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Елизавета Петровна. Участіе въ семилѣтней войнѣ. Шуваловъ и Ломоносовъ, литература и наука.

6) Дальнѣйшее развитіе государственнаго единства и политическаго могущества Россіи.

Петръ III и его правительственныя мѣры. Екатерина II и главные дѣятели ея царствованія. Законодательная комиссія и учрежденіе о губерніяхъ. Сословныя и экономическія мѣры. Училища и литературное движеніе.

Первая турецкая война. Чума и Пугачевъ. Крымъ и новыя войны. Возвращеніе западно-русскихъ областей. Диссидентскій вопросъ и Барская конфедерація. Заднѣпровская Украйна. Конституція 3 мая и паденіе Польши.

Курсъ VII класса по Всеобщей и Русской исторіи (2 урока въ недѣлю).

1) Французская революція.

Людовикъ XVI. Реформа Тюрго. Неккеръ. Національное собраніе. Эмиграція. Якобинцы. Новое государственное устройство. Пруссаки во Франціи. Конвентъ и республика. Коалиція. Вандея. Терроръ. Директорія. Наполеонъ Бонапартъ. Его итальянскія кампаніи. Новыя республики. Экспедиція въ Египтъ. Вторая коалиція. Императоръ Павелъ I. Итальянскій походъ Суворова.

2) Борьба Европы и Россіи съ Франціей.

18-ое брюмера. Консульство. Маренго. Имперія (во Франціи). Императоръ Александръ I и его главные сотрудники. Третья коалиція. Ульмъ и Аустерлицъ. Рейнскій союзъ. Пруссаки и Іена. Тильзитское свиданіе. Война Россіи съ Швеціей. Континентальная система. Пій VII. Французы въ Испаніи. Датскій флотъ. Эрфуртъ. Война Наполеона съ Австріей. Реформы въ Пруссіи. Состояніе Франціи и Германіи. Война Россіи съ Турціей. Нашествіе Наполеона на Россію, отечественная война. Война съ Наполеономъ въ 1813 и 1814 годахъ. Отреченіе Наполеона и возстановленіе Бурбоновъ. Сто дней. Ватерлоо. Вѣнскій конгрессъ и священный союзъ.

3) Внутреннія дѣла въ царствованіе Александра I. Административныя преобразованія. Учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта, дѣятельность Сперанскаго. Училища, крестьяне и политика послѣднихъ лѣтъ. Николай I и его внутренняя политика.

4) Война Россіи съ Персіей и Паскевичъ Эриванскій. Греческое возстаніе и борьба Сербіи съ турками. Адріанопольскій миръ. Паденіе Карла X во Франціи. Образованіе Бельгійскаго королевства. Возстаніе въ Польшѣ. Отмѣна уніи.

5) Краткій обзоръ дальнѣйшихъ событій. Паденіе Людовика-Филиппа во Франціи. Имперія Наполеона III. Возстаніе венгровъ и отношеніе къ нему австрійскихъ славянъ. Венгерскій походъ. Восточная война. Защита Севастополя.

Императоръ Александръ II. Покореніе Кавказа и пріобрѣтенія въ Азіи. Отмѣна условій Парижскаго мира. Война Германіи съ Франціей и новая Германская имперія. Реформы Александра II. Уничтоженіе крѣпостного права, новые суды, земскія учрежденія.

Примѣчаніе 1-е. Указанія на педагогическія и дидактическія задачи, которыя нужно имѣть въ виду при преподаваніи исторіи, а равно указанія, на какія событія изъ всеобщей (средней, новой) и отечественной исторіи должно быть обращено особенное вниманіе и какія хронологическія данныя должны быть утверждены въ памяти ученицъ, также и методическія указанія изложены въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи для мужскихъ гимназій, утвержденному г. Министромъ Народнаго Просвѣщеніе (см. Сборникъ постановленій по гимназіямъ, стр. 247—279)

Примѣчаніе 2-е. Желательно было бы, чтобы при обозрѣніи событій изъ новой, всеобщей и русской исторіи преподаватели останавливались, насколько это не вредитъ общему курсу, на тѣхъ женщинахъ, которыя прославились или особенною заботливостію о воспитаніи своихъ дѣтей, или своимъ самоотверженіемъ въ качествѣ сестеръ милосердія, или же основаніемъ благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій.

6. Учебный планъ естественной исторіи [1]).

На естественную исторію въ женскихъ гимназіяхъ полагается 4 урока, по два въ IV и V классахъ. Задача этого краткаго курса должна состоять въ ознакомленіи ученицъ съ важнѣйшими изъ тѣлъ природы и ихъ взаимными отношеніями. При этомъ необходимо заботиться не только о простомъ сообщеніи свѣдѣній, но и о развитіи ученицъ, обращая вниманіе на естественно-историческій методъ. Уроки слѣдуетъ распредѣлять по слѣдующему плану: 1) общій очеркъ строенія земного шара; 2) измѣненія въ строеніи земной коры, вызываемыя вліяніемъ вулканическихъ явленій, атмосферы, воды и ор-

1) Л. С. Севрукъ. Начальный курсъ естествовѣдѣнія, 3-е. изд. Спб. 1906 года, цѣна 1 руб. 40 коп.

ганической природы; 3) краткое обозрѣніе важнѣйшихъ горныхъ породъ, минераловъ ихъ составляющихъ и въ нихъ вкрапленныхъ; 4) понятіе о строеніи и жизни растеній, съ краткою характеристикою важнѣйшихъ формъ; 5) общая характеристика класса млекопитающихъ животныхъ, содержащая въ себѣ понятія о строеніи ихъ тѣла и отправленіи различныхъ органовъ; 6) сравнительное обозрѣніе другихъ позвоночныхъ животныхъ; 7) понятіе о главнѣйшихъ представителяхъ типовъ царства животныхъ, и 8) очеркъ системы царства животныхъ.

Примѣрною программою для преподаванія можетъ служить программа, указанная для мужскихъ гимназій (см. Сборникъ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ, стр. 245, изд. 1874 года).

7. Учебный планъ физики[1]).

Желательно, чтобы физика между предметами естествознанія заняла главное мѣсто въ женскихъ гимназіяхъ и преподавалась въ нихъ по возможности въ томъ же объемѣ, какъ и въ мужскихъ гимназіяхъ; и потому изъ 10 уроковъ, назначенныхъ на естествознаніе, 6 уроковъ отдѣляются на физику, по 3 въ VI и VII классахъ. На этомъ основаніи и программа физики для женскихъ гимназій должна быть та же, какъ и для мужскихъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо ввести въ курсъ физики описаніе метеоровъ теплородныхъ, электрическихъ и оптическихъ, и сообщить въ этомъ же курсѣ понятіе о главнѣйшихъ химическихъ явленіяхъ.

Согласно предыдущимъ замѣчаніямъ, предлагается нижеслѣдующая программа физики для женскихъ гимназій.

VI-й классъ (3 урока).

Предварительныя понятія.

Три состоянія тѣлъ: твердое, жидкое и газообразное.

Общія свойства тѣлъ.

О силахъ. Законъ дѣйствія и противодѣйствія. Сложеніе и разложеніе силъ. О тяжести и вѣсѣ. Центръ тяжести и равновѣсіе вѣсомыхъ тѣлъ. Рычагъ. Вѣсы обыкновенные и Роберваля. Блокъ, воротъ, зубчатыя колеса, наклонная плоскость, клинъ и винтъ.

О центробѣжной силѣ.

Нахожденіе удѣльнаго вѣса твердыхъ и жидкихъ тѣлъ.

О жидкостяхъ. Законъ передачи гидростатическаго давленія, форма равновѣсія жидкости подъ вліяніемъ силы взаимнаго притяженія частицъ. Равновѣсіе вѣсомой жидкости, давленіе ея на дно и стѣнки сосуда. Сообщающіеся сосуды. Равновѣсіе вѣсомыхъ

---

1) Краевичъ. Курсъ физики.

тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. Тѣла плавающія. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ гидростатическимъ взвѣшиваніемъ. Ареометры съ постояннымъ вѣсомъ, спиртомѣръ.

Законы смачиванія и волосности. Смѣшиваніе и просачиваніе жидкостей.

О газахъ. Вѣсъ и давленіе атмосфернаго воздуха. Потеря вѣса тѣлъ въ воздухѣ; ареометры. Простѣйшіе барометры. Приложенія барометра. Пневматическая машина. Сгустительный насосъ. Манометры.

Всасывающій и нагнетательный водяные насосы. Понятіе о гидравлическомъ прессѣ. Сифонъ, ливеръ, Маріотовъ сосудъ. Диффузія газовъ.

Теплородъ. Расширеніе при нагрѣваніи; устройство и употребленіе термометровъ. Нагрѣваніе жидкостей и газовъ. Понятіе о лучистой теплотѣ. Теплопроводность. Понятіе о количествѣ и единицѣ теплоты. Опредѣленіе средней температуры смѣшенія. Теплоемкость, калориметръ Фавра и Зильбермана. Переходъ тѣлъ изъ одного состоянія въ другое. О скрытомъ теплородѣ. Понятіе о нахожденіи коэффиціента расширенія твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ. О парахъ; понятіе объ опредѣленіи ихъ упругости. Испаренія жидкостей въ газахъ. Законъ Дальтона. О влажности; гигрометръ Реньо и гигрометръ Соссюра. Приложенія упругости водяного пара: котелъ Папина и паровая машина. Источники тепла и холода.

Магнетизмъ. Магниты естественные и искусственные. Намагничиваніе желѣза и стали. Гипотеза магнитныхъ жидкостей. Магнетизмъ земного шара.

Краткій очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій. Описаніе химическихъ и физическихъ свойствъ и важнѣйшихъ химическихъ соединеній кислорода, водорода, хлора, сѣры, азота, фосфора и углерода. Законы химическихъ явленій. Металлы. Понятіе объ основаніи, кислотѣ и соли.

VII-й классъ (3 урока).

Электричество отъ тренія. Проводники и непроводники электричества. Взаимное дѣйствіе наэлектризованныхъ тѣлъ. Два рода электричества. Электроскопъ. Гипотеза электрическихъ жидкостей. Распространеніе электричества въ тѣлахъ. Электричество чрезъ вліяніе. Электрофоръ. Электрическая машина. Конденсаторъ и приложеніе его къ лейденской банкѣ и электроскопу.

Гальванизмъ. Освобожденіе электричества при химическихъ явленіяхъ. Термины гальваническаго тока. Гальваническіе элементы. Дѣйствіе гальваническаго тока на магнитную стрѣлку. По-

нятіе о гальванометрахъ. О гальваническихъ батареяхъ. Дѣйствіе гальваническаго тока на организмъ. Нагрѣваніе проводниковъ. Химическое дѣйствіе тока. Гальванопластика. Электромагнетизмъ. Электромагнитный телеграфъ. Индукція черезъ замыканіе и размыканіе гидроэлектрической цѣпи и чрезъ намагничиваніе и размагничиваніе желѣза гальваническимъ токомъ или магнитами. Спираль Румкорфа.

О свѣтѣ. Прямолинейное распространеніе и скорость свѣта. Законы силы свѣта. Фотометръ Румфорда. Законы отраженія свѣта. Отраженіе отъ одного и двухъ плоскихъ зеркалъ. Свѣтъ разсѣянный и правильно отраженный. Отраженіе въ сферическихъ зеркалахъ. Законы преломленія свѣта. Полное внутреннее отраженіе. Камера-люцида. Преломленіе въ срединахъ, ограниченныхъ плоскостями. Преломленіе свѣта въ сферическихъ стеклахъ. Камера-обскура, волшебный фонарь; солнечный микроскопъ. Хроматизмъ. Объясненіе естественныхъ красокъ. Окрашенныя средины. Фраунгоферовы линіи. Понятіе о спектральномъ анализѣ. Возможность устройства ахроматическаго и апланатическаго стекла. О глазѣ и зрѣніи. Очки. Простой и сложный микроскопъ. Трубы: Кеплера, подзорная и Галилея. Понятіе о катоптрическихъ телескопахъ. О лучахъ теплородныхъ и химическихъ. Понятіе о фотографіи.

О движеніи вообще. Разные виды движенія. Скорость и ускореніе. Сопротивленіе движенію. Свободное паденіе. Машина Атвуда. Движеніе брошенныхъ тѣлъ. Маятникъ. Вытеканіе жидкостей чрезъ малыя отверстія. Волнообразное движеніе воды.

О звукѣ. Высота, скорость, сила, отраженіе и интерференція звука. Діатоническая гамма. Законы дрожанія струнъ и воздуха въ духовыхъ инструментахъ. Резонаторы. Камертонъ Дека. Оттѣнки звука.

Приложеніе физики къ объясненію атмосферныхъ явленій (метеоровъ). Измѣненіе температуры въ продолженіе сутокъ и года. Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ климатъ мѣста. Водяные метеоры. О вѣтрахъ. Источники, рѣки и озера. Атмосферное электричество. Полярныя сіянія. Оптическіе метеоры. Вліяніе атмосферы на нагрѣваніе земной поверхности.

8. Учебный планъ новыхъ иностранныхъ языковъ [1]).

1) Изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, содѣйствуя умственному развитію дѣвицъ, должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть

1) Berlitz. Livre bleu. Ц. 1 р. 50 к. (I кл.). — Его же, ч. I-я. ц. 1 р. 50 к. (II и III кл.). — Larousse. Grammaire, cours moyen. Ц. 75 к. (II, III, IV, V кл.). — Berlitz

имъ возможность ознакомиться съ литературными произведеніями другихъ образованныхъ народовъ. Отъ дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, слѣдуетъ преимущественно требовать полнаго пониманія нетрудныхъ исторических сочиненій и умѣнья переводить, безъ грубыхъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ, съ русскаго языка на французскій или нѣмецкій легкія статьи историческаго и вообще повѣствовательнаго содержанія. При этомъ весьма желательно, чтобы дѣвицы, оканчивающія курсъ, достигали умѣнья объясняться по крайней мѣрѣ на одномъ изъ этихъ языковъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ предназначаетъ себя къ званію гувернантокъ въ частныхъ домахъ. Достиженіе этой цѣли, разумѣется, возможно только тогда, если ученицы будутъ имѣть возможность объясняться на иностранныхъ языкахъ съ начальницею гимназіи и классными дамами.

2) Грамматическій матеріалъ, разнообразные виды практическихъ упражненій и самый способъ преподаванія французскаго и нѣмецкаго языковъ подробно и обстоятельно указаны въ учебномъ планѣ, который утвержденъ для преподаванія новыхъ языковъ въ мужскихъ гимназіяхъ, и съ большимъ успѣхомъ можетъ быть примѣняемъ и въ женскихъ гимназіяхъ. Только относительно распредѣленія учебнаго матеріала должно ввести слѣдующія измѣненія, сообразно учебной табели, составленной для женскихъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія:

а) Такъ какъ въ женскихъ глмназіяхъ на изученіе иностранныхъ языковъ въ I-мъ и во II-мъ классахъ полагается по 5-ти уроковъ въ недѣлю, то вся этимологія съ соотвѣтствующими практическими упражненіями можетъ быть пройдена въ этихъ двухъ классахъ.

б) Простѣйшія синтаксическія указанія въ мужскихъ гимназіяхъ начинаются уже со II-го класса, а въ подробности синтаксисъ оканчивается въ VI. Такъ какъ главнѣйшія синтаксическія объясненія необходимы при началѣ практическихъ упражненій, то здѣсь они дѣлаются уже въ первомъ классѣ, а весь синтаксисъ оканчивается также въ VI.

II-eme livre. Ц. 1 р. 80 к. (III кл.). — Xavier de Maistre. Prascovie ц. 40 к. (V кл.). Anspach. Nouvelle chréstomatie francaise. Ц. 2 р. 20 к. (VI и VII). — Bach. Lesebuch I и II, 60 коп. (1 кл.). — Hesse. Lesebuch I ч. — Hesse. Grammatik (II кл.). — Hesse. Lesebuch II ч. 95 к. — Drehme und Masing. Grammatik 1 р. 15 к. (III кл.) — Hesse. Deutsches Lesebuch IV ч. 1 р. 40 к. — Masing und Brehme Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten. 1 р. 15 к. (IV кл.), — Hauffs Märchen, 30 к. (V кл.). — Stohn-Violet. Lehrbuch der deutschen Litteratur, 1 р. 65 к. (VI и VII кл.)

Berlitz I book. 1 р. 40 к. (IV кл.) — Его же. II book (1 р. 50 к.). Brief grammar 24 к. (V иVI кл.). — Scott Dolcleish. Great Authors from Chauser to Pofe. — The brief english grammar and Analysis 25 к. (VI и VII).

в) Увеличеніе числа уроковъ, сравнительно съ мужскими гимназіями, въ III-мъ и V-мъ классахъ открываетъ преподавателю полнѣйшую возможность вести дѣло обученія единовременно и теоретически, и практически, выбирая изъ грамматики для каждаго класса то, что, по относительной легкости или трудности, отвѣчаетъ возрасту и степени развитія дѣвицъ.

г) Было бы весьма желательно, чтобы дѣвицы въ VI-мъ и VII-мъ классахъ могли познакомиться съ нѣкоторыми изъ образцовыхъ произведеній французской или нѣмецкой литературы, при чемъ должны быть сообщены имъ на соотвѣтственномъ языкѣ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ и тѣ историческія данныя, которыя необходимы для вѣрнаго пониманія изучаемаго произведенія.

д) Преподаватель долженъ заботиться о томъ, чтобы съ самаго начала пріучить слухъ дѣвицъ къ французской и нѣмецкой рѣчи, и какъ только удостовѣрится, что онѣ въ состояніи понимать французскую или нѣмецкую рѣчь, говорить съ ними не иначе, какъ по-французски или по-нѣмецки.

е) Въ VI-мъ или VII-мъ классахъ дѣвицы упражняются въ составленіи простыхъ писемъ и сочиненій на темы изъ окружающаго ихъ быта на изучаемомъ ими иностранномъ языкѣ.

9. Учебный планъ древнихъ классическихъ языковъ [1]).

Преподаватели древнихъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ должны руководствоваться въ точности учебнымъ ихъ планомъ для мужскихъ гимназій и объяснительною къ нему запискою (стр. 221—233 Сборника постановленій по гимназіямъ) съ нижеслѣдующими отмѣнами.

А. По латинскому языку:

1) Въ низшихъ двухъ классахъ на письменныя упражненія полагается не по 2 урока, какъ въ мужскихъ гимназіяхъ, а по 1 уроку въ недѣлю.

2) Въ V-мъ классѣ на чтеніе въ одно полугодіе Цезаря или Саллюстія, а въ другое — Цицерона, полагается также по 1 уроку.

3) Въ VI-мъ классѣ въ оба полугодія полагается по 1 уроку на чтеніе Цицерона.

4) Чтеніе же Тита Ливія переносится исключительно въ VII-й классъ, съ назначеніемъ на него также по 1 уроку въ недѣлю.

Б. По греческому языку:

1) Въ IV-мъ классѣ поочередно въ одну недѣлю посвящается по 2 урока на чтеніе греческой хрестоматіи или Ксенофонта, а въ другую — 1 урокъ на это чтеніе и 1 — на письменныя упражненія.

[1] Сѣроѣчковскій. Латинская грамматика 55 к. — П. Сидоровъ и Э. Кесслеръ. Латинская грамматика, 1 р. 40 к. (IV, V, VI и VII кл.).

2) Въ VI-мъ классѣ въ оба полугодія употребляется по 1 уроку на чтеніе Memorabilia Ксенофонта.

3) Въ VII-мъ классѣ читаются Геродотъ по 2 урока и Иліада по 3 урока въ недѣлю, и одинъ урокъ употребляется на устныя и письменныя упражненія въ синтаксисѣ.

10. Рисованіе и 11. Чистописаніе.

Преподаватели этихъ предметовъ руководствуются въ точности соотвѣственными программою и наставленіемъ, изданными для мужскихъ гимназій и напечатанными въ Сборникѣ постановленій и распоряженій по гимназіямъ: по рисованію на стр. 298—307, а по чистописанію на стр. 308—336.

12. Учебный планъ педагогики (2 урока) въ VII-мъ классѣ.

Въ курсъ педагогики должны войти слѣдующіе вопросы:

1) *Изъ общей педагогики* о воспитаніи физическомъ, умственномъ, нравственномъ и религіозномъ; 2) изъ *дидактики* о методахъ общенаучныхъ и методахъ спеціально педагогическихъ; 3) изъ *методики* о пріемахъ обученія чтенію, письму, Закону Божію (при домашнемъ преподаваніи), родному языку, ариѳметикѣ, элементарному черченію и элементарной географіи.

Отдѣлъ о *физическомъ воспитаніи* долженъ состоять изъ ряда правилъ гигіеническихъ, которыхъ могли бы держаться ученицы при исполненіи своихъ будущихъ обязанностей въ качествѣ воспитательницъ; при этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на вопросы о питаніи и пищѣ для грудныхъ дѣтей и для дѣтскаго возраста, о значеніи чистаго воздуха для здоровья дѣтей, объ уходѣ за кожей, о покоѣ и движеніи и объ обычныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ.

Въ отдѣлъ о *воспитаніи умственномъ* должны быть внесены въ большихъ размѣрахъ, какъ это принято въ существующихъ распространенныхъ учебникахъ по педагогикѣ, свѣдѣнія изъ психологіи и логики, на которыхъ и должны основываться педагогическія положенія; положенія же, касающіяся *воспитанія нравственнаго и религіознаго*, сверхъ того, должны быть по возможности чаще подкрѣпляемы а) примѣрами изъ практики воспитательной какъ у народовъ новыхъ, такъ и древнихъ классическихъ, б) мнѣніями замѣчательныхъ педагогическихъ писателей новыхъ и древнихъ временъ.

Въ отдѣлѣ *педагогики* необходимо главнымъ образомъ останавливаться на уясненіи пріемовъ начальнаго обученія языку и ариѳметикѣ. Въ вопросѣ объ обученіи письму и чтенію необходимо указать на то, по какому методу составлены распространенныя у насъ азбуки Ушинскаго, Паульсона, барона Корфа, Главинскаго и

священника Никольскаго. Руководство для учениц: Рощина „Очеркъ главнѣйшихъ практическихъ положеній педагогики, дидактики и медотики". Второе исправленное изданіе. Москва, 1873 г.

3. 14 февраля 1902 г. за № 5196. Объ измѣненіи порядка производства испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ отмѣну утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1891 и 1895 г. г. правилъ о переводныхъ испытаніяхъ учениковъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и циркулярнаго предложенія Министерства отъ 11 марта 1901 г., за № 6713, по тому же предмету, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ необходимымъ установить нынѣ нижеслѣдующія правила:

1. Ученики гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, получившіе въ общую годовую отмѣтку по каждому предмету не менѣе трехъ (3), переводятся въ слѣдующій классъ безъ испытанія, причемъ Педагогическому Совѣту, въ случаѣ усмотрѣнной имъ малоуспѣшности ученика по какому-либо изъ сихъ предметовъ, предоставляется, не останавливая разрѣшеннаго перевода такого ученика въ слѣдующій классъ, назначать ему на вакантное время дополнительную работу, не взирая на полученный имъ удовлетворительный баллъ.

2. Ученики, получившіе неудовлетворительную отмѣтку (2 или 1) за годъ по одному или двумъ изъ научныхъ предметовъ, а въ реальныхъ училищахъ — изъ научныхъ предметовъ, черченія и рисованія, допускаются, по опредѣленію Педагогическаго Совѣта, къ испытаніямъ изъ тѣхъ предметовъ, въ коихъ они оказали неудовлетворительные успѣхи. Въ исключительныхъ случаяхъ Педагогическому Совѣту, въ виду полной безуспѣшности ученика въ изученіи хотя бы одного изъ предметовъ и безнадежности прохожденія имъ дальнѣйшаго курса, предоставляется оставлять такого ученика на повторительный курсъ, но не иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія Попечителя округа.

3. Ученики, имѣющіе неудовлетворительную отмѣтку болѣе чѣмъ изъ двухъ поименованныхъ въ п. 2 предметовъ, не допускаются къ испытаніямъ и оставляются на повторительный курсъ. Но въ особо исключительныхъ случаяхъ Педагогическій Совѣтъ, съ разрѣшенія Попечителя учебнаго округа, можетъ допускать и такихъ учениковъ къ переводнымъ испытаніямъ; послѣднія производятся также лишь изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ ученики получили неудовлетворительную отмѣтку.

4. Означенныя въ пп. 2 и 3 испытанія производятся послѣ лѣтнихъ каникулъ. Переводныя испытанія весною могутъ быть назначаемы по окончаніи учебныхъ занятій лишь отдѣльнымъ ученикамъ, имѣющимъ не болѣе одной неудовлетворительной годовой

отмѣтки, и при томъ въ исключительныхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, случаяхъ. Подвергавшіеся въ указанныхъ случаяхъ весеннимъ испытаніямъ къ экзаменамъ послѣ каникулъ уже не допускаются.

5. Ученики, переводимые въ слѣдующій классъ безъ экзамена и удовлетворяющіе по своему поведенію и годовымъ успѣхамъ требованію § 38 правилъ объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ и про гимназіяхъ и § 30 правилъ объ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ, не лишаются права на награду.

6. Относительно времени начала и продолжительности каникулъ остаются въ силѣ нынѣ дѣйствующія правила.

Во всемъ остальномъ для переводныхъ испытаній, а равно по отношенію къ испытаніямъ пріемнымъ, выпускнымъ и окончательнымъ, а также, къ экзаменамъ, производимымъ на основаніи циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 29 января 1897 г., за № 2518, остаются въ силѣ правила, дѣйствовавшія въ 1901 г. Все вышеизложенное въ полной мѣрѣ примѣняется и къ женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, не касаясь лишь вступительныхъ и окончательныхъ испытаній въ VII и VIII классахъ; циркулярное предложеніе 5 апрѣля 1900 г. за № 9888 отмѣняется.

Примѣчанія къ п. 5 предложенія 14-го февраля 1902 года:

1) § 38 Правилъ объ испыт. учен. гим. и прогимн. 12 марта 1891 г.: „Для полученія награды I-ой степени (книги и похвальнаго листа) требуется: при отличномъ (5) поведеніи, имѣть въ среднемъ выводѣ (изъ экзаменаціонныхъ отмѣтокъ по предметамъ, по коимъ было испытаніе, и изъ годовыхъ отмѣтокъ по предметамъ, по коимъ онаго не было по всѣмъ обязательнымъ для всѣхъ предметамъ, не менѣе $4^1/_2$, не имѣть 3 ни по одному предмету, и имѣть въ общемъ выводѣ изъ годовой и экзаменной отмѣтокъ по одному изъ древнихъ языковъ 5 и по русскому языку или по математикѣ тоже 5; для полученія награды 2-ой степени (похвальнаго листа) требуется: при отличномъ же поведеніи, имѣть полныхъ 4 въ среднемъ выводѣ по обязательнымъ для всѣхъ предметамъ и не менѣе 4 въ общемъ выводѣ по каждому изъ вышепоименованныхъ предметовъ".

2) § 30 Правилъ объ испыт. учен. реальн. уч. 1895 г. п. б.: „Награда I степени (книга и похвальный листъ) присуждается ученику, имѣющему, при отличномъ поведеніи, въ общемъ выводѣ изъ окончательныхъ отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ не менѣе $4^1/_2$ и не менѣе 4-хъ по каждому предмету отдѣльности. (Окончательною называется отмѣтка, выводимая изъ годовой и экзаменной по предметамъ, по которымъ было испытаніе, и только годовая, — по пред-

метамъ, по которымъ испытанія не было). Для полученія награды 2 степени (похвальнаго листа) требуется соблюденіе предыдущаго правила съ тою разницею, что общій выводъ по всѣмъ предметамъ долженъ быть не менѣе 4-хъ.

Примѣчаніе 1. Ученики, оказавшіе отличные успѣхи по рисованію и имѣющіе по всѣмъ другимъ предметамъ въ среднемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$ за годъ, могутъ быть награждаемы особыми подарками.

3) § 39 Правилъ объ испытаніи ученицъ гимназій и прогимназій Московскаго учебнаго округа (утвержденныя г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 27 марта 1898 г.): „При переводѣ изъ одного класса въ другой, лучшія ученицы удостоиваются наградъ книгами и похвальными листами (награда 1-ой степени) или только похвальными листами (награда 2-ой степени) на слѣдующихъ основаніяхъ:

Для полученія награды I-ой степени требуется: при отличномъ поведеніи (5), имѣть въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ окончательныхъ отмѣтокъ по обязательнымъ научнымъ предметамъ не менѣе $4^1/_2$ и не имѣть 3 ни по одному изъ всѣхъ научныхъ предметовъ въ окончательномъ выводѣ. Для полученія награды 2-ой степени требуется имѣть, при отличномъ поведеніи (5), не менѣе 4-хъ по каждому изъ научныхъ предметовъ.

Примѣчаніе 1-е. Для ученицъ, переведенныхъ по § 37 безъ испытанія, отмѣтки годовыя считаются окончательными, при чемъ такія ученицы не лишаются права на полученіе наградъ.

Примѣчаніе 2-е. Неудовлетворительныя отмѣтки въ окончательномъ выводѣ по чистописанію, рукодѣлію и рисованію лишаютъ ученицъ права на полученіе наградъ.

Примѣчаніе 3-е. Ученицы, оказавшія отличные успѣхи по рукодѣлію, рисованію, пѣнію и музыкѣ, а также за постоянное и усердное участіе въ церковномъ хорѣ, гдѣ таковой имѣется, могутъ быть награждаемы особыми наградами, выдаваемыми на годичномъ актѣ.

4) Постановленіе Педагогическаго Совѣта женской гимназіи А. С. Пушкина (17 мая 1905 г.). Руководствуясь при присужденіи наградъ и медалей пунктами 9, 10 и 12 правилъ объ испытаніяхъ, утвержденныхъ г. Министромъ 31 авг. 1874 г. (см. выше, стр. 75), принять въ нижеслѣдующемъ практику Ломоносовской Рижской женской гимназіи:

1) установить награды книгами и похвальными листами (1-ая степень) или только похвальными листами (награда 2-ой степени); 2) обученіе необязательнымъ предметамъ не считать необходимымъ условіемъ для полученія наградъ и медалей; 3) награду присуждать ученицѣ въ томъ случаѣ, если, она по каждому отдѣльному предмету, включая въ число ихъ и необязательные предметы, имѣетъ баллъ не менѣе 4.

30 апрѣля 1902 г. за № 11767. О порядкѣ перевода учащихся изъ класса въ классъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 14 февраля 1902 г. за № 5196 отмѣнены переводныя испытанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и установлены новыя правила относительно порядка перевода учащихся въ слѣдующіе классы. Въ виду поступившихъ въ Министерство отъ Попечителей нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ запросовъ по поводу означеннаго предложенія, г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, въ дополненіе и поясненіе таковаго, преподалъ нижеслѣдующія указанія:

1) Учебныя занятія въ I—VII классахъ гимназій и въ I—V классахъ реальныхъ училищъ должны оканчиваться не ранѣе 20 числа мая мѣсяца; продолженіе ихъ послѣ этого срока до конца мая хотя и представляется желательнымъ, но должно быть постановлено въ зависимость отъ возможности совмѣщенія въ данномъ учебномъ заведеніи правильныхъ учебныхъ занятій съ производствомъ испытаній выпускныхъ, пріемныхъ и установленныхъ циркулярнымъ предложеніемъ отъ 29 января 1897 года за № 2518. Эти послѣднія испытанія могутъ быть производимы какъ въ концѣ учебнаго года (съ 20 мая до 7 іюня), такъ и передъ началомъ учебныхъ занятій.

2) Вновь установленныя правила перевода учащихся на основаніи ихъ годовыхъ балловъ не распространяются на приготовительные классы, ученики которыхъ, по дѣйствующему закону, должны быть принимаемы въ 1 классъ по конкурсному испытанію наравнѣ съ поступающими со стороны. Пріемъ ихъ въ 1 классъ по конкурсу годовыхъ балловъ представлялся бы несправедливымъ по отношенію къ поступающимъ со стороны вслѣдствіе неравенства условій, при которыхъ происходила бы въ этомъ случаѣ оцѣнка познаній, требуемыхъ отъ поступающихъ въ 1 классъ.

3) Изъ указанія, даннаго въ п. 6 циркулярнаго предложенія за № 5196, что по отношенію къ испытаніямъ выпускнымъ и окончательнымъ остаются въ силѣ правила, дѣйствовавшія въ 1901 году, слѣдуетъ, что и въ текущемъ учебномъ году на переводныхъ и и выпускныхъ испытаніяхъ въ гимназіяхъ не должны быть назначаемы письменныя работы по древнимъ языкамъ, и что порядокъ назначенія темъ для письменныхъ испытаній по прочимъ предметамъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ долженъ быть оставленъ тотъ, который указанъ въ циркулярѣ отъ 11 марта 1901 г. за № 6713.

Примѣчаніе къ п. 3-му предложенія отъ 30 апрѣля 1902 года.

Пунктъ 4-ый предложенія 11 марта 1901 года за № 6713:

Для письменныхъ испытаній, не исключая выпускныхъ и окончательныхъ испытаній зрѣлости, каждымъ преподавателемъ заблаго-

временно представляются начальству учебнаго заведенія по нѣсколько (3—4) темъ или задачъ, изъ коихъ начальникъ дѣлаетъ свой выборъ и сообщаетъ о немъ преподавателю передъ началомъ испытанія. При составленіи темъ и задачъ соблюдаются указанія, данныя въ §§ 29 и 58 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій и въ §§ 25, 41 и 51 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ. Кромѣ того, директору или инспектору, по принадлежности, предоставляется самимъ предлагать темы и задачи не изъ числа предположенныхъ преподавателемъ.

16 ноября 1903 года за № 35802. О пріемныхъ испытаніяхъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ установить слѣдующія правила для пріемныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1. Лица, получившія на весеннемъ испытаніи для поступленія въ среднее учебное заведеніе одну неудовлетворительную отмѣтку, могутъ быть допущены къ новому испытанію въ томъ же учебномъ заведеніи передъ началомъ учебнаго года, при чемъ, въ случаѣ заявленнаго желанія экзаменоваться, должны подвергнуться экзамену по всѣмъ предметамъ курса, кромѣ тѣхъ, изъ коихъ они получили на первомъ испытаніи не менѣе четырехъ. Однако зачисляемы въ въ число учениковъ вышеозначенныя лица могутъ быть не иначе, какъ при наличности вакансій, оставшихся по окончаніи пріема тѣхъ лицъ, которыя выдержали пріемное испытаніе безъ переэкзаменовки, какъ весною, такъ и осенью.

2. Къ повторному испытанію могутъ быть допускаемы и лица, не выдержавшія пріемнаго испытанія передъ началомъ учебнаго года, но новое испытаніе должно быть производимо имъ не ранѣе января слѣдующаго года, и при томъ по всѣмъ предметамъ, въ объемѣ курса предшествующихъ классовъ, а также и пройденнаго въ данномъ классѣ.

3. Вышеизложенныя правила могутъ быть распространены на всѣ учебныя заведенія, подвѣдомственныя Министерству Народнаго Просвѣщенія.

29 января 1897 г. за № 2517. О правилахъ для испытаній лицъ домашняго образованія.

Согласно дѣйствующимъ правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій (§§ 40, 41 и 43) и реальныхъ училищъ (§§ 33 35 и 45), лицамъ домашняго воспитанія предоставлено право держать экзаменъ вмѣстѣ съ учениками сихъ заведеній въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ — изъ курса IV, VI и VIII классовъ и въ реальныхъ училищахъ — изъ курса IV, V и VI классовъ и изъ курса дополнительнаго класса. Выдаваемыя означеннымъ постороннимъ лицамъ, въ случаѣ удовлетворительности испытанія, свидѣтельства предоста-

вляютъ имъ всѣ права, какія присвоены какъ гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности, а равно въ отношеніи поступленія въ высшія учебныя заведенія окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Нынѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія, желая предоставить родителямъ, воспитающимъ своихъ сыновей у себя дома, способы давать имъ возможно болѣе правильное образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а съ другой стороны, желая поставить получающихъ таковое домашнее образованіе въ условія, по возможности одинакія съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, признало цѣлесообразнымъ распространить означенный порядокъ испытанія для лицъ домашняго образованія на всѣ классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, съ соблюденіемъ для руководства въ подобныхъ случаяхъ нижеслѣдующихъ правилъ:

1. Лица домашняго воспитанія могутъ, по желанію ихъ родителей, родственниковъ или опекуновъ, въ теченіе времени, назначеннаго въ упомянутыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для переводныхъ испытаній, подвергаться испытаніямъ изъ всѣхъ предметовъ въ объемѣ учебныхъ программъ тѣхъ классовъ, курсъ которыхъ пройденъ ими при домашнемъ обученіи.

2. Указанныя въ п. 1 испытанія производятся во всемъ согласно съ правилами, установленными для испытаній пріемныхъ. Такъ, напр., лицо, желающее подвергнуться испытанію изъ курса трехъ первыхъ классовъ, подвергается какъ бы пріемному испытанію въ четвертый классъ, а желающіе подвергнуться испытанію за пять классовъ подвергаются какъ бы пріемному испытанію въ шестой классъ и т. д.

3. Одно и то же лицо, подвергаясь нѣсколько разъ послѣдовательно указаннымъ испытаніямъ, должно каждый разъ сдавать испытаніе въ полномъ объемѣ курса тѣхъ классовъ, за которые оно испытанію еще не подвергалось. Испытаніе таковыхъ лицъ производится особенно тщательно и отнюдь не можетъ ограничиваться отвѣтомъ на одинъ случайно взятый билетъ, а должно производиться по всѣмъ отдѣламъ курса даннаго предмета. Не выдержавшіе испытаній изъ какого бы то ни было предмета или не окончившіе ихъ, если пожелаютъ быть допущенными въ слѣдующемъ году къ испытаніямъ въ знаніи курса тѣхъ же классовъ или и слѣдующаго класса, подвергаются испытаніямъ изъ всѣхъ предметовъ въ объемѣ пройденнаго въ сихъ классахъ.

4. Лица, выдержавшія испытаніе изъ курса какого-либо класса и получившія въ томъ свидѣтельство, при испытаніи изъ курса слѣдующаго класса не подвергаются испытаніямъ изъ курса всѣхъ пре-

дыдущихъ классовъ лишь въ томъ случаѣ, если со времени полученія ими свидѣтельства прошло не болѣе двухъ лѣтъ.

5. При вторичномъ испытаніи подвергающійся оному долженъ представить выданное ему свидѣтельство о предыдущемъ экзаменѣ, которое педагогическимъ совѣтомъ уничтожается, съ отмѣткой объ этомъ въ новомъ свидѣтельствѣ; то же повторяется и при всѣхъ послѣдующихъ испытаніяхъ.

6. Къ каждому изъ этихъ испытаній допускаются лица домашняго воспитанія по достиженіи ими наименьшаго нормальнаго возраста, который положенъ для соотвѣтственныхъ классовъ; такъ, напр., лицо, желающее подвергнуться испытанію за два класса гимназіи, должно имѣть отъ роду не менѣе 12 лѣтъ и т. д. Впрочемъ недочетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ (3—4) до означеннаго возраста не можетъ служить препятствіемъ для допущенія къ испытанію, если наружный видъ сихъ лицъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи ихъ здоровья. По отношенію къ бывшимъ ученикамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и одинаковыхъ съ ними по курсу другихъ учебныхъ заведеній, подавшимъ прошенія о допущеніи ихъ къ испытаніямъ въ качествѣ постороннихъ лицъ, соблюдаются § 42 дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и § 37 правилъ объ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ. Постороннія лица, выдержавшія испытаніе и подавшія затѣмъ прошенія о принятіи ихъ въ соотвѣтствующій классъ учебнаго заведенія, въ отношеніи возраста и прочихъ условій подчиняются установленнымъ для пріема воспитанниковъ правиламъ, при чемъ таковыя лица могутъ быть приняты въ учебное заведеніе безъ новаго испытанія лишь въ томъ случаѣ, если со времени полученія ими свидѣтельства о выдержаніи испытанія прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

7. Лица, желающія, чтобы дѣти ихъ подвергались какому либо изъ вышеозначенныхъ испытаній, за мѣсяцъ до наступленія экзаменовъ должны подать о томъ прошеніе начальнику того учебнаго заведенія, въ которомъ желаютъ экзаменовать своихъ дѣтей. Если же учебныхъ заведеній этого типа въ городѣ нѣсколько, то прошеніе подается на имя попечителя учебнаго округа, который и препровождаетъ прошеніе, по своему усмотрѣнію, въ то или другое учебное заведеніе увѣдомляя о томъ просителей. Къ прошенію прилагается узаконенное свидѣтельство о возрастѣ подвергающагося испытанію, свѣдѣнія о его домашнемъ обученіи (съ обозначеніемъ фамилій преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, если таковые давали частные уроки экзаменующемуся), свидѣтельство, указанное въ п. п. 4 и 5 сихъ правилъ, если таковое имѣется, двѣ фотографическія карточки испытуемаго и 10 рублевый взносъ въ пользу экзаменаторовъ, который ни въ какомъ случаѣ не возвращается и распредѣляется между экзаме-

наторами на основанiи дѣйствующихъ правилъ. Въ случаѣ удовлетворительности испытанія одна фотографическая карточка припечатывается съ соотвѣтственной на ней надписью къ выдаемому свидѣтельству, другая же остается въ дѣлахъ учебнаго заведенія.

8. О результатахъ испытанія выдается отъ учебнаго заведенія свидѣтельство, съ обозначеніемъ въ немъ, въ случаѣ удовлетворительности испытанія, что свидѣтельство это предоставляетъ тѣ же права, какія предоставлены какъ по гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности лицамъ, окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

9. Относительно испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ, выпускныхъ и окончательныхъ испытаній въ реальныхъ училищахъ лица домашняго воспитанія вполнѣ подчиняются дѣйствующимъ нынѣ правиламъ.

13 марта 1905 г. за № 7856. О производствѣ испытаній въ августѣ лицъ домашнаго образованія, кои не выдержали или не окончили ихъ въ маѣ.

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ слѣдующіе вопросы: 1) могутъ ли лица домашнаго образованія, не выдержавшія или не окончившія въ маѣ мѣсяцѣ установленныхъ для нихъ испытаній, подвергаться въ августѣ того же года экзаменамъ изъ курса не тѣхъ же классовъ или слѣдующаго, а низшихъ, и 2) слѣдуетъ ли принимать мѣры, и какія именно, противъ обхода тѣми же посторонними лицами правила о недопущеніи повторенія лицами, экзаменовавшимися въ маѣ, означенныхъ повѣрочныхъ испытаній (изъ курса тѣхъ же классовъ) въ августѣ того же года.

По разсмотрѣніи сихъ вопросовъ Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло, 1) что такъ какъ повѣрочныя испытанія должны производиться во всемъ согласно съ правилами, установленными для испытаній пріемныхъ (п. 2 циркуляра 29 января 1897 г., за № 2517), то испытательной комиссіи, при производствѣ означенныхъ испытаній, надлежитъ, въ случаѣ неудовлетворительнаго результата испытанія, примѣнительно къ § 16 прав. объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ 12 марта 1891 г., опредѣлять, какому изъ низшихъ курсовъ соотвѣтствуютъ обнаруженныя даннымъ лицомъ познанія; при такихъ условіяхъ отпадаетъ и самый вопросъ о новомъ испытаніи въ августѣ для лицъ, не выдержавшихъ повѣрочнаго испытанія весною, и 2) что запрещеніе лицамъ, державшимъ повѣрочныя испытанія изъ курса извѣстныхъ классовъ въ маѣ, повторять таковыя испытанія въ августѣ того же года должно ограничить, примѣнительно къ § 7 правилъ 12 марта 1891 г., тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, при которомъ данное лицо держало экзамены въ маѣ.

При этомъ считаю необходимымъ объяснить, что въ случаѣ признанія, на одномъ изъ послѣдующихъ испытаній, познаній экзаменующагося ниже тѣхъ, кои были обнаружены этимъ лицомъ на произведенномъ ранѣе испытаніи и значатся въ выданномъ ему свидѣтельствѣ, послѣднее не замѣняется новымъ свидѣтельствомъ, а сохраняетъ силу и на будущее время.

4. 18 февраля 1899 г. за № 4428. О выдачѣ свидѣтельствъ лицамъ, которыя не приняты въ учебныя заведенія по неимѣнію вакансій или по другимъ причинамъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ возможнымъ дополнить циркулярное предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 29 января 1897 года еще однимъ (10-мъ) пунктомъ слѣдующаго содержанія:

„Лица домашнаго образованія, державшія при среднемъ учебномъ заведеніи экзаменъ съ цѣлью поступить въ это заведеніе и удовлетворительно выдержавшія пріемныя испытанія, но не поступившія въ заведеніе по неимѣнію вакансіи или по другимъ причинамъ, также могутъ получать свидѣтельства, подобныя означеннымъ въ пунктахъ 4-мъ и 8-мъ приведеннаго циркуляра, при чемъ прошенія о выдачѣ таковыхъ свидѣтельствъ должны быть подаваемы на точномъ основаніи пункта 7-го сего циркуляра со всѣми указанными въ этомъ пунктѣ приложеніями."

О перемѣнѣ оканчивающими курсъ въ женскихъ гимназіяхъ аттестатовъ на свидѣтельства домашнихъ наставницъ и учительницъ.

(Предл. управ. Минист. г. Товарища Министра отъ 3 августа 1901 г. за № 20460.)

По п. б. ст. 19 Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 24 мая 1870 г., обсужденію и рѣшенію педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій подлежитъ выдача свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ воспитанницамъ, выслушавшимъ спеціальный дополнительный курсъ.

Между тѣмъ изъ возбужденныхъ предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія бывшими воспитанницами упомянутыхъ учебныхъ заведеній ходатайствъ о назначеніи за службу пенсій и единовременныхъ пособій усматривается, что многія изъ этихъ лицъ не заботятся своевременно, по полученіи аттестатовъ объ окончаніи гимназическаго курса, о пріобрѣтеніи свидѣтельствъ на званіе домашней учительницы или наставницы, вслѣдствіе чего не могутъ пользоваться пенсіонными правами за время педагогической дѣятельности, протекшее до полученія таковыхъ свидѣтельствъ.

Въ виду изложеннаго имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить педагогическимъ совѣтамъ женскихъ

гимназій ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа, чтобы они указывали оканчивающимъ курсъ педагогическихъ классовъ сихъ заведеній на послѣдствія неимѣнія сими лицами свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

О безусловномъ прекращеніи назначенія домашнимъ наставникамъ, наставницамъ, учителямъ и учительницамъ пенсій, внѣ правилъ, изъ Государственнаго Казначейства.

(Циркуляръ Минист. Нар. Просв. отъ 22 августа 1889 г., № 14405).

На основаніи 409—439 ст. Свод. зак. Т. III (изд. 1876 г.) Уст. о пенс. и един. пос. лицамъ, пріобрѣвшимъ званія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ и занимающимся обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей въ частныхъ домахъ съ постояннымъ жительствомъ въ сихъ домахъ, предоставлено право на выслугу пенсій и единовременныхъ пособій изъ находящагося въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія капитала призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, но при обязательномъ, во первыхъ, имѣніи означенныхъ свидѣтельствъ на учительское званіе, а во вторыхъ, исполненіи въ точности предписанныхъ для нихъ правилъ въ отношеніи отчетности въ таковыхъ занятіяхъ передъ училищнымъ начальствомъ. Правила эти не на столько сложны, чтобы невозможно было ихъ выполнить, такъ какъ они заключаются лишь въ томъ, чтобы при поступленіи въ частный домъ для обученія и воспитанія дѣтей, а равно, при переходѣ съ этою цѣлью изъ одного дома въ другой, было заявляемо мѣстнымъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и директорамъ народныхъ училищъ о таковомъ поступленіи въ частные дома и что-бы за симъ были представляемы ежегодно тѣмъ же должностнымъ лицамъ свидѣтельства, взятыя отъ частныхъ лицъ, о педагогическихъ занятіяхъ въ ихъ домахъ и отчеты таковыхъ занятіяхъ.

Между тѣмъ многія изъ домашнихъ наставницъ и учительницъ по окончаніи курса въ институтахъ и гимназіяхъ, а равно въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, не позаботившись предварительно пріобрѣтеніемъ отъ Попечителя учебнаго округа узаконеннаго свидѣтельства на одно изъ означенныхъ званій, поступаютъ въ частные дома для обученія дѣтей по свидѣтельствамъ или аттестатамъ, выданнымъ изъ учебныхъ заведеній, въ коихъ онѣ получили образованіе и такимъ образомъ, за исключеніемъ воспитанницъ спеціальныхъ классовъ при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Александровскихъ училищахъ, выпущенныхъ изъ сихъ заведеній съ званіемъ наставницъ, лишаютъ себя права на зачетъ въ пенсіонную выслугу времени до пріобрѣтенія свидѣтельства на учительское званіе, другія же хотя поступаютъ въ частные дома со свидѣтельствами на званіе домашней

наставницы или учительницы, но вовсе не исполняютъ предписанныхъ для нихъ правилъ въ отношеніи отчетности передъ училищнымъ начальствомъ, т. е. не заявляютъ своевременно о поступленіи въ частные дома и не представляютъ свидѣтельствъ и ежегодныхъ отчетовъ о своихъ педагогическихъ занятіяхъ и этимъ упущеніемъ совершенно лишаютъ себя, а иногда и свои семейства, права на пенсію.

До настоящаго времени нѣкоторымъ изъ сей категоріи домашнимъ наставницамъ и учительницамъ, обращавшимся со всеподданнѣйшими на Высочайшее Государя Императора Имя прошеніями о пенсіи, были жалуемы въ путяхъ Монаршаго милосердія, таковыя пенсіи изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Но вслѣдствіе заявленія Министра Финансовъ, что расходы на пенсіи изъ суммъ Государственнаго Казначейства лицамъ, имѣющимъ право на полученіе таковыхъ изъ этого источника, а также на усиленныя имъ пенсіи, настолько съ каждымъ годомъ возрастаютъ, что приходится постоянно увеличивать по смѣтѣ Департамента Государственнаго Казначейства кредитъ на пенсіонныя выдачи, и что по закону домашнія наставницы и учительницы вовсе не пользуются правомъ на полученіе изъ казны пенсій, дальнѣйшее назначеніе имъ новыхъ пенсій изъ сего источника безусловно будетъ прекращено. Такимъ образомъ отнынѣ единственнымъ источникомъ для назначенія пенсій и пособій домашнимъ наставницамъ и учительницамъ, будетъ служить лишь спеціальный на сей предметъ капиталъ призрѣнія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, при разсмотрѣніи же правъ на таковыя пенсіи и пособія Министерство Народнаго Просвѣщенія вынуждено строго держаться дѣйствующихъ пенсіонныхъ правилъ.

Статьи XI тома, части I-ой, Свода Законовъ о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ на званія домашнихъ наставницъ и учительницъ.

3797. Свидѣтельство на званіе домашняго наставника и домашняго учителя выдается Попечителемъ учебнаго округа, по представленіи какъ аттестата объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній или свидѣтельства о выдержаніи испытанія на званіе домашняго учителя, такъ и удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о поведеніи и нравственныхъ качествахъ, отъ тѣхъ заведеній, въ коихъ кто воспитывался и отъ начальствъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто находился на жительствѣ, а относительно иностранцевъ, сверхъ того, свидѣтельствъ отъ русскихъ Миссій.

3798. Попечитель, по удостовѣреніи изъ всѣхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ, способностяхъ и познаніяхъ представленнаго ему кандидата, снабжаетъ его особымъ за своимъ подписомъ свидѣтельствомъ на званіе домашняго учителя, и въ случаѣ, если онъ принадлежалъ къ бывшему податному состоянію, объ исключеніи изъ оклада сносится съ Казенною Палатою.

Примѣчаніе. Домашніе учители бывшаго податнаго состоянія, установленнымъ въ сей 3798 статьѣ порядкомъ изъ оклада исключенные, но по истеченіи двухъ лѣтъ не вступившіе въ отправленіе должности своего званія, или оказавшіеся неблагонадежными къ исполненію своихъ обязанностей, обращаются въ первобытное состояніе, или избираютъ другой родъ жизни на основаніи дѣйствующихъ для сего правилъ.

3813 *). (По Прод. 1902 г.). Правила объ освобожденіи отъ испытаній на званія домашней учительницы или наставницы изложены въ приложеніи къ примѣчанію 3 (по Прод.) къ статьѣ 1516.

3814. Подходящія подъ силу предшедшей (3813) статьи, для полученія свидѣтельства, представляютъ установленнымъ порядкомъ аттестатъ свой и требуемыя удостовѣренія.

О соблюденіи относительно учениць, окончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, порядка выдачи свидѣтельствъ на званія домашнихъ наставницъ и учительницъ.

(Предл. г. Управ. Мин. Нар. Просв. отъ 3 ноября 1873 г.).

Вслѣдствіе возбужденнаго начальствомъ С.-Петербургкаго учебнаго округа вопроса, г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія далъ знать начальству округа, что существующій порядокъ выдачи попечителями учебныхъ округовъ свидѣтельствъ на званія домашнихъ наставницъ и учительницъ, со взиманіемъ при этомъ установленной пошлины, долженъ быть соблюдаемъ и въ отношеніи учениць, кончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и аттестаты ихъ объ окончаніи курса, равно какъ и засвидѣтельствованія о выслушаніи ими спеціальныхъ дополнительныхъ курсовъ, каковыя засвидѣтельствованія могутъ быть дѣлаемы на тѣхъ же аттестатахъ, должны быть разсматриваемы только какъ документы, дающіе право на полученіе помянутыхъ званій домашней наставницы и учительницы. Вслѣдствіе сего, вводить особую форму свидѣтельствъ о выслушаніи ученицами гимназій спеціальныхъ дополнительныхъ курсовъ не представляется необходимымъ.

---

*) Приложеніе къ примѣчанію 3 (по Прод. 1902 г.) статьи 1516. Правила о спеціальныхъ испытаніяхъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, пунктъ 13: „Окончившія полный курсъ въ такихъ женскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія перваго разряда или гимназіяхъ, при которыхъ существуютъ педагогическіе совѣты, а также въ женскихъ институтахъ, женскихъ гимназіяхъ и въ Маріинскомъ и Александро-Маріинскомъ училищахъ попечительства о бѣдныхъ въ городѣ Москвѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, освобождаются отъ испытаній и получаютъ званія домашней учительницы или наставницы по одобрительнымъ свидѣтельствамъ, выданнымъ изъ означенныхъ заведеній".

Объ исключеніи изъ подушнаго оклада лицъ женскаго пола податнаго состоянія, получившихъ свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

(Предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 10 марта 1892 г. за № 4017).

Начальство одного изъ учебныхъ округовъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о разъясненіи, подлежатъ ли лица женскаго пола, принадлежащія къ податному состоянію и получающія свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ, исключенію изъ подушнаго оклада наравнѣ съ лицами мужскаго пола, а также могутъ ли означенныя свидѣтельства служить видомъ на жительство.

По первому изъ упомянутыхъ вопросовъ Министерство Народнаго Просвѣщенія входило съ предложеніемъ въ Правительствующій Сенатъ, которымъ въ указѣ отъ 10 февраля сего года, № 1441, разъяснено, что лица женскаго пола, принадлежащія податному состоянію, по полученіи свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ, подлежатъ, согласно ст. 318 т. V, Св. Зак. Уст. о подат., исключенію изъ оклада наравнѣ съ лицами мужскаго пола.

Что же касается вопроса о томъ, могутъ ли свидѣтельства на учительскія званія служить видами на жительство, то изъ сдѣланнаго по сему предмету Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сношенія выяснилось, что таковыя свидѣтельства служатъ лишь удостовѣреніемъ учительскаго званія, а по тому лица, получившія ихъ, должны имѣть особый видъ на жительство.

О выдачѣ свидѣтельствъ на званіе учительницъ народныхъ училищъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ или въ трехъ низшихъ классахъ гимназій.

(Предложеніе г. Министра Нар. Просв. отъ 29 марта 1897 г., № 8117).

На основаніи ст. 45 Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, ученицы, получившія одобрительныя свидѣтельства объ окончаніи курса въ прогимназіи или въ низшихъ трехъ классахъ гимназіи, пріобрѣтаютъ право на званіе первоначальной учительницы и учительницы народныхъ училищъ, если, по достиженіи 16 лѣтняго возраста, будутъ исполнять въ теченіе полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при какомъ либо начальномъ училищѣ. Такъ какъ приведенный выше терминъ „одобрительный“ можетъ допускать различныя толкованія, то г. Министръ Нар. Пр. предложеніемъ отъ 29 марта сего года, за № 8117, разъяснилъ, что законъ не требуетъ, чтобы успѣхи упомянутыхъ лицъ въ прохожденіи прогимназическаго курса были непремѣнно по всѣмъ предметамъ оцѣнены отмѣтками не ниже 4 (четырехъ). Посему свидѣтельства на званіе учительницъ народныхъ училищъ могутъ быть выдаемы,

при соблюденіи прочихъ установленныхъ условій, и такимъ ученицамъ, которыя окончили прогимназическій курсъ съ удовлетворительными успѣхами.

О томъ, чтобы за свидѣтельства на званіе домашней наставницы взыскивалось 12 руб.

(Отношеніе Департамента Народн. Просв. отъ 16 іюля 1898 г. за № 18002).

Вслѣдствіе возникшей переписки относительно размѣра пошлинъ, взимаемыхъ со свидѣтельствъ на званіе домашнихъ наставницъ по 15 руб., какъ и съ домашнихъ наставниковъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отношеніемъ отъ 16 іюля 1898 года, за № 18002 и въ дополненіе къ предложенію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27 марта 1898 г., за № 8321, увѣдомилъ Управленіе Московскаго Учебнаго Округа, что по закону 15 руб. взыскивается лишь за свидѣтельства на званіе домашнихъ наставниковъ, такъ какъ размѣръ пенсіи симъ лицамъ установленъ въ 270 руб. Подводить подъ эту категорію домашнихъ наставницъ нѣтъ никакого законнаго основанія, ибо онѣ по пенсіи не пользуются правами домашнихъ наставниковъ, а сравнены съ домашними учителями и учительницами, съ коихъ взыскивается при выдачѣ свидѣтельствъ лишь по 12 руб., а потому и за свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ надлежитъ взимать ту же плату.

О томъ, что свидѣтельства на званіе домашней наставницы и учительницы должны быть выдаваемы окончившимъ курсъ гимназіи по представленіи подлинныхъ аттестатовъ.

(Предл. г. Мин. Нар. Просв. отъ 3 декаб. 1899 г. за № 29347).

На основаніи ст. 3814 уст. учебн. завед. т. XI ч. I Св. Зак. (изд. 1893 года), свидѣтельства на званіе домашней наставницы лицамъ женскаго пола, окончившимъ курсъ женскихъ гимназій и равныхъ съ ними учебныхъ заведеній, должны быть выдаваемы по предъявленіи сими лицами аттестатовъ объ окончаніи ими курса ученія. Между тѣмъ, до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія дошло, что таковыя свидѣтельства выдаются иногда по представленіи лишь копій съ аттестатовъ.

Вслѣдствіе сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 3 декабря 1899 года за № 29347 увѣдомилъ г. попечителя, для руководства по учебному округу, что свидѣтельства на званіе домашней наставницы и учительницы упомянутымъ лицамъ должны быть выдаваемы по предъявленіи подлинныхъ аттестатовъ, на коихъ должна быть дѣлаема надпись о времени выдачи свидѣтельства.

О присвоеніи права на полученіе свидѣтельства на званіе учительницы начальнаго училища лицамъ, выдержавшимъ испытаніе изъ курса женской прогимназіи.

(Предл. за Мин. Нар. Просв. г. Товарища Министра отъ 8 іюня 1901 г. за № 15177).

Начальствомъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ вопросъ о томъ, могутъ ли лица, получившія домашнее воспитаніе и выдержавшія испытаніе изъ курса женской прогимназіи, пользоваться правомъ на полученіе свидѣтельства на званіе учительницы начальнаго училища на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ этимъ правомъ пользуются ученицы, окончившія курсъ женской прогимназіи (ст. 45 Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ).

Означенный вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министертва Народнаго Просвѣщенія, который мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ его высокопревосходительствомъ г. Министромъ призналъ, что такъ какъ лица, получившія домашнее воспитаніе и выдержавшія испытаніе изъ курса женской прогимназіи, по образовательному цензу своему равны лицамъ, въ дѣйствительности прошедшимъ прогимназическій курсъ, то они должны пользоваться одинаковыми съ присвоенными этимъ послѣднимъ правами и преимуществами.

О правѣ лицъ, окончившихъ три класса женской прогимназіи — получать свидѣтельства на званіе начальныхъ училищъ.

(Отнош. Деп. Нар. Просв. отъ 19 августа 1904 г., за № 1114).

Вслѣдствіе отношенія отъ 28-го минувшаго іюля, за № 15725, и по приказанію г. Товарища Министра, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что лица, окончившія три класса женскихъ прогимназій, а также выдержавшія испытанія въ знаніи курса трехъ классовъ сихъ учебныхъ заведеній, могутъ получать свидѣтельства на званіе начальныхъ учительницъ, согласно существующимъ правиламъ для лицъ, окончившихъ курсъ трехъ классовъ женскихъ гимназій.

Неоффиціальная часть.

Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго.

Изъ курса исторiи педагогики, читан. въ VIII кл. Юрьев. жен. гимназiи въ 1905 г.

Съ именемъ К. Д. Ушинскаго, этого неутомимаго труженика эпохи императора Александра II на нивѣ родного просвѣщенiя, тѣсно связана вся послѣдующая исторiя нашего воспитанiя и образованiя. Въ лицѣ К. Д. Ушинскаго недавнее прошлое дало намъ такого руководителя, который сумѣлъ сплотить запросы русской школы и заставилъ смотрѣть на ея дѣло, какъ на великую задачу, требующую систематически упорнаго труда.

Всѣ усилiя этого идеалиста были настойчиво и упорно направлены на поиски возможности воспитанiя въ свое время такого „человѣка", на котораго съ гордостью можно бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безупречной дорогѣ котораго можно бы вести смѣло наши поколѣнiя. Горячо любя людей, прекрасно понимая силу и значенiе воспитанiя и образованiя, Ушинскiй умѣлъ это сконцентрировать въ своей всеобъемлющей педагогической идеѣ. Въ нее онъ вложилъ свою душу, свои беззавѣтные идеалы и стремленiя. Главное достоинство его идеи было въ томъ, что она, не теряя своей красоты и художественности, въ то же время далеко не была фантастична, не была способна обманывать себя и другихъ заоблачностью мечтанiй. Она была строго и трезво обдумана, правдива, и вполнѣ жизненна. Эта жизненность, которая била въ ней ключемъ, въ свое время, охвативъ собою семью и школу, учащихъ и учащихся, взрослыхъ и малолѣтнихъ, не утратила силы своего чарующаго обаянiя и до нашихъ дней.

Въ настоящее время даже въ самыхъ глухихъ провинцiальныхъ захолустьяхъ обширной Руси трудно найти грамотнаго человѣка, которому такъ или иначе много свѣта и тепла не дала любящая душа и сила таланта Ушинскаго. Куда бы ни забросила судьба русскаго образованнаго человѣка, въ какомъ бы медвѣжьемъ углу ни пришлось ему жить, но если ему не чуждъ дѣтскiй мiръ, ему всегда близко и дорого имя Ушинскаго. . .

Русской женщинѣ особенно должно быть дорого имя К. Д. Ушинскаго: онъ указалъ, разъяснилъ ей ея великое значеніе какъ матери, жены и активнаго члена общества, онъ былъ искреннимъ другомъ ея и ея ребенка; самое возникновеніе нашихъ женскихъ гимназій въ очень многомъ было обязано К. Д., этому, можно сказать, основателю болѣе методическаго и систематическаго образованія русской женщины.

I.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій происходилъ изъ древней малороссійской дворянской фамиліи. Онъ хотя и родился въ г. Тулѣ (въ 1824 г.), но Малороссію всегда считалъ своей родиной, любилъ ее страстно и вспоминалъ о ней всегда съ восторгомъ. Его лучшіе годы, дѣтство и юность, прошли среди чудной и поэтичной малороссійской природы. Вблизи Новгородъ-Сѣверска, почти на городской окраинѣ, на возвышенномъ берегу Десны, широко раскинулась барская усадьба Ушинскихъ, это былъ красивый и уютный уголокъ. Отецъ и мать Ушинскаго, люди образованные и жившіе очень дружно, стремились обставить культурными условіями и дать возможно болѣе серьезную и прочную постановку домашнему воспитанію своихъ дѣтей. У нихъ была довольно хорошая библіотека. Не чужой глазъ и не наемныя руки, а ихъ нѣжно-любящее руководство служило дѣтямъ воспитательнымъ средствомъ. Маленькій Костя особенно горячо любилъ свою мать и навсегда сохранилъ о ней теплыя воспоминанія. Судя по многимъ даннымъ, семейная обстановка въ пору дѣтства Ушинскаго способствовала тому идеальному отношенію, которое проявлялъ онъ впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ къ значенію семьи въ дѣлѣ воспитанія и въ частности къ ея естественной руководительницѣ — женщинѣ матери. И вообще жизни своей семьи, а главнымъ образомъ вліянію своей матери, женщины любящей, мягкаго и кроткаго характера, Ушинскій былъ обязанъ развитіемъ тѣхъ идеальныхъ задатковъ, которые всегда проявлялъ одинаково въ своихъ произведеніяхъ и въ практической дѣятельности.

На той же почвѣ получила свое коренное развитіе и любовь Ушинскаго къ природѣ, деревнѣ и народу. Отецъ К. Д. былъ большимъ любителемъ садоводства. Бо́льшую часть своего досуга онъ имѣлъ обыкновеніе посвящать уходу за своимъ садомъ и привлекалъ къ возможно дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ и дѣтей.

Тѣ взгляды на воспитательное вліяніе природы, которые Ушинскій высказывалъ впослѣдствіи въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, получили свое непосредственное начало здѣсь, въ старомъ и тѣнистомъ саду его отца, откуда открывался живописный видъ на Десну и ея окрестности; здѣсь прежде всего на себѣ самомъ Ушин-

скій испыталъ силу и значеніе воспитательности общенія съ природой, почему и былъ впослѣдствіи такимъ убѣжденнымъ сторонникомъ воспитательнаго вліянія природы на развитіе молодой души.

По натурѣ крайне впечатлительный, К. Д. росъ мечтательнымъ, страстнымъ любителемъ книгъ и романтической обстановки. Библіотека его отца, старый, тѣнистый садъ и живописная Десна были первой почвой, изъ которой выработался впослѣдствіи общій складъ поэтичной личности нашего перваго педагога-художника. Вспоминая свое былое счастливое время, Ушинскій замѣчаетъ: „Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ рѣкой, какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна. Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющаяся полынья у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи — все это было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія и „впечатлѣнія бытія“ до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный“. Отсюда можетъ быть вполнѣ понятнымъ, почему Ушинскій всегда твердо вѣрилъ, что живыя и сильныя впечатлѣнія природы имѣютъ ни съ чѣмъ несравнимое воспитывающее вліяніе на нѣжную душу ребенка. „Зовите меня варваромъ по педагогикѣ“, замѣчаетъ Ушинскій, „но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ тоже воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога, что день проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіяся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“. Послѣ уже будетъ поздно воспользоваться этимъ, говоритъ Ушинскій въ другомъ мѣстѣ, „когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой“.

Привольная жизнь К. Д. въ семьѣ по счастливой для него случайности не получила какого либо ощутительнаго, существеннаго измѣненія, когда настало для него время школьной поры. Благодаря своимъ хорошимъ природнымъ способностямъ, домашней подготовкѣ, а также немало съ дѣтства развитой любви къ чтенію, К. Д. безъ особаго труда имѣлъ возможность 11 лѣтъ поступить въ 3 классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ то время во главѣ этой гимназіи стоялъ бывшій профессоръ харьковскаго университета, Илья Фе-

доровичъ Тимковскій. Подъ руководствомъ этой свѣтлой личности Новгородъ-Сѣверская гимназія получила въ своемъ родѣ извѣстность и считалась въ ту пору одной изъ лучшихъ. Тимковскій, человѣкъ извѣстный среди ученаго міра своего времени, былъ глубоко преданъ интересамъ науки и умѣлъ внушить уваженіе къ ней своимъ воспитанникамъ, не прибѣгая для этого къ какого либо рода репрессіямъ. Чиновничій формализмъ ему, повидимому, былъ совершенно чуждъ. Впослѣдствіи, какъ на одну изъ хорошихъ сторонъ своей гимназической жизни, К. Д. указывалъ на сравнительно болѣе допущенную въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи свободу и возможно меньшее развитіе формализма. Пр. Тимковскій былъ первымъ педагогомъ, который привилъ К. Д. зачатки идеальнаго взгляда на истинное значеніе учительства. И. Ф. Тимковскій, какъ свидѣтельствуютъ его современники, могъ быть названъ вполнѣ педагогомъ по призванію. Конечно, въ ту пору, при всѣхъ личныхъ научныхъ заслугахъ Тимковскаго, трудно было ожидать особой выдающейся научной постановки руководимой имъ гимназіи и учебное дѣло ея не въ силахъ было подняться выше общаго уровня. Вообще школа наша дореформеннаго времени сильно страдала отъ недостатка одинаково въ учителяхъ и учебникахъ въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Обширное поле русской педагогіи еще только изрѣдка, кое-когда, освѣщалось отдѣльными свѣтлыми лучами. Въ общемъ же это было полнѣйшее царство схоластики. Вѣковая рутина сдѣлала передачу знаній въ нашей школѣ мертвой, безжизненной. Само знаніе обыкновенно облекалось въ такія неуклюжія и неудобопонятныя формы, что въ большинствѣ случаевъ заставляло особо усердныхъ учениковъ буквально изнемогать подъ тяжестью своей суровой книжной мудрости. Достоинства гимназіи, руководимой Тимковскимъ, заключались благодаря ему въ ея воспитательномъ строѣ. Тимковскій благосклонно смотрѣлъ какъ на устройство учениками общихъ прогулокъ, такъ и на ихъ общія товарищескія собранія, которыя организовывались молодежью съ цѣлью самообразованія. Разумно допускаемая свобода давала возможность молодежи расширять свой умственный кругозоръ и отражалась не менѣе благотворно и въ нравственномъ отношеніи, о чемъ можно было вполнѣ судить по отзывамъ самого же Ушинскаго. „Случалось мнѣ видѣть и такія заведенія, говоритъ Ушинскій, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастовства для воспитанниковъ, и такія, гдѣ 15-лѣтній мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто, и разсчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такія, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе порусски, считаются чинами и породами своихъ родныхъ, и гдѣ одинъ воспитан-

никъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчаются молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой нибудь наукѣ, но которые презрительно отзываются о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ..., тогда я по достоинству оцѣнилъ и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ университетъ". Всегда отличавшійся хорошими способностями, К. Д. тѣмъ не менѣе во все теченіе гимназическаго курса не стоялъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Рано развившаяся мечтательность, страстная любовь къ чтенію и природѣ съ трудомъ могли совмѣщаться у него съ сухостью гимназическаго обученія того времени. И вотъ, исключительно благодаря лишь природной даровитости ему удалось поступить въ университетъ, минуя полученіе аттестата объ окончаніи гимназіи.

На выпускномъ гимназическомъ экзаменѣ К. Д. потерпѣлъ пораженіе, но, не унывая, онъ рѣшилъ энергично готовиться, и въ томъ же году (въ 1840 г.) успѣлъ выдержать экзаменъ на юридическій факультетъ въ Москвѣ.

40 г. были однимъ изъ блестящихъ періодовъ въ жизни московскаго университета. Въ стѣнахъ его тогда гремѣла слава такихъ ученыхъ, какъ Грановскій, Рѣдкинъ, Чивелевъ и др. Лекціи этихъ профессоровъ живыя, построенныя на глубоко-философскихъ началахъ, не только привлекали, но буквально обладали способностью увлекать пылкую молодежь.

У К. Д. Ушинскаго особой симпатіей пользовался въ то время пр. Рѣдкинъ, читавшій энциклопедію законовѣдѣнія и государственное право. Идеалистъ, искренно и страстно преданный наукѣ и беззавѣтно ее любившій, пр. Рѣдкинъ обладалъ именно той особенностью, которая всегда обаятельно дѣйствуетъ на пылкую молодежь: онъ обладалъ истинно юношескимъ воодушевленіемъ и жаромъ и, въ то же время, твердостью и глубиной убѣжденій.

Основной тезисъ его, въ который онъ твердо вѣрилъ, былъ тотъ, что наука и цивилизація только дадутъ міру свободу и счастье, что онѣ единственный путь для уничтоженія на землѣ зла. Самъ твердо вѣря, онъ умѣлъ незамѣтно внушать и передавать свою вѣру и слушателямъ. Одушевленныя лекціи Рѣдкина сильно привлекали своей философской основой, безъ которой этотъ профессоръ не считалъ даже возможнымъ изученіе самого государственнаго права.

Рѣдкинъ — любимый профессоръ К. Д., во многомъ проявилъ на немъ вліяніе своихъ воззрѣній. И если впослѣдствіи въ каждомъ зани-

мавшемъ его явленіи Ушинскій всегда стремился прежде всего искать философскую подкладку, въ томъ проявлялась не малая доля вліянія Рѣдкина. Рѣдкину же К. Д. посвятилъ и свое первое капитальное произведеніе „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія".

Быстро промелькнули для Ушинскаго университетскіе годы. Его выдающіяся способности и богатая память заставили въ университетѣ обратить на него общее вниманіе и дали ему полную возможность безъ особаго труда переходить съ курса на курсъ.

Всегда прямой, откровенный, врагъ одинаково какъ всякой пошлости, такъ заискиванія и низкопоклонства, прекрасный товарищъ, Ушинскій съ полнымъ правомъ могъ пользоваться расположеніемъ своихъ друзей.

Его наклонность къ общенію съ людьми, къ тѣснымъ товарищескимъ связямъ, довольно сильно проявлявшаяся въ гимназическій періодъ, въ университетской жизни нашла себѣ тѣмъ болѣе широкое примѣненіе, хотя независимость характера и привычка высказывать всегда прямо и откровенно свои убѣжденія, конечно, приносили ему довольно непріятностей и, какъ на студенческой скамьѣ, такъ и впослѣдствіи въ жизни, пріобрѣтали ему не мало враговъ, но кто хорошо узнавалъ его, тотъ не могъ его не полюбить. Товарищи частенько побаивались его остраго языка, но всегда отдавали ему должную дань уваженія за свѣтлый умъ и отзывчивое сердце, всегдашнюю готовность посильно выручить и помочь товарищу въ бѣдѣ и нравственно, и матеріально.

Не долюбливали Ушинскаго и, въ свою очередь, съ его стороны пользовались нелюбовью студенты выскочки, — франты, которые процвѣтали и процвѣтаютъ въ университетской средѣ во всякое время. Имъ приходилось довольно таки претерпѣвать отъ его чисто малороссійскаго добродушнаго и въ то же время сильно дававшаго себя почувствовать юмора. Тонко подмѣтить, найти смѣшную сторону и тѣмъ поставить человѣка въ комичное положеніе — эта особенность студента Ушинскаго хорошо была знакома его товарищамъ выскочкамъ. Что же касается товарища-бѣдняка, то онъ всегда могъ быть твердо увѣренъ, что Ушинскій весь къ его услугамъ и въ трудную минуту подѣлится съ нимъ послѣднимъ.

Къ этому времени средства отца К. Д. сильно пошатнулись, и К. Д. на личномъ опытѣ пришлось испытать жизнь студента, принужденнаго бѣгать за грошовыми уроками. Хотя Ушинскій не имѣлъ еще и 20 лѣтъ, но онъ успѣлъ уже воспитать въ себѣ твердую волю, привычку относиться ко всему сознательно; онъ выработалъ въ себѣ умѣнье настойчиво и упорно работать тамъ, гдѣ находилъ это необходимымъ. Трудъ не тяготилъ его. Ушинскій пришелъ къ сознанію его неизбѣжности, необходимости, какъ глав-

наго средства независимости. Въ ту пору, несмотря на свою молодость, К. Д. былъ опредѣленной и уже сформировавшейся личностью, съ болѣе или менѣе выработанными взглядами и вкусами. Поклонникъ Пушкина, Гете, Гофмана, Жанъ-Поля Рихтера, онъ увлекался ихъ художественными произведеніями такъ-же, какъ и драматическимъ искусствомъ въ исполненіи Мочалова и Щепкина — корифеевъ московскаго театра того времени.

1844 годомъ для Ушинскаго закончился его университетскій періодъ. Съ этой поры начинается вступленіе К. Д. въ жизнь, гдѣ на его долю пришлось много горечи и испытаній; тѣмъ не менѣе онъ навсегда остался тѣмъ же убѣжденнымъ энтузіастомъ, стойко оставшимся вѣрнымъ тому, чего держался на университетской скамьѣ.

Первымъ дебютомъ на поприщѣ общественной дѣятельности для Ушинскаго явился Ярославскій Демидовскій лицей. Въ это время возникло предположеніе преобразовать Демидовскій лицей въ камеральный факультетъ, и проявилось стремленіе обновить его преподавательскій персоналъ свѣжими силами. И вотъ, въ числѣ наиболѣе талантливыхъ, окончившихъ въ 1844 г. московскій университетъ, былъ приглашенъ сюда и Ушинскій. Ему была предложена каѳедра энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго и финансоваго права.

Молодой профессоръ со всѣмъ пыломъ своей еще юношеской души отдался живой и новой для него дѣятельности. Свои лекціи Ушинскій старался и умѣлъ излагать живо, ясно и образно. Лекторомъ онъ оказался дѣйствительно хорошимъ и его лекціи вполнѣ достигали своей цѣли. Уже не говоря о томъ, что онѣ нравились и увлекали слушателей, онѣ побуждали ихъ также и серьезно работать. Самъ молодой жрецъ науки показывалъ въ томъ наглядный примѣръ, смотря на свою дѣятельность, какъ на неизбѣжно требующую постояннаго и упорнаго труда.

Но начатая такъ блестяще въ стѣнахъ Демидовскаго лицея ученая карьера Ушинскаго, къ сожалѣнію, не могла такъ же продолжаться. Задуманная реформа лицея не удалась и организація камеральнаго факультета не получила желаннаго развитія.

Насталъ тотъ неблагопріятный поворотъ въ русской общественной жизни, который знаменовалъ собою конецъ 40-хъ и 50 гг. Русская общественная мысль замѣтно приходила все болѣе и болѣе въ застой. Въ русской жизни того времени сильно наблюдалось общее стремленіе подогнать всѣ ея явленія подъ опредѣленную шаблонную мѣрку, предрѣшить и предугадать каждый ея шагъ и обставить его строго размѣренными рамками. Вполнѣ естественно, что общій отголосокъ проникъ и въ Демидовскій лицей. Саму науку стремились одѣть въ мундиръ и вооружить ее вѣсами и аршиномъ. Что же

касается жрецовъ ея, для нихъ вырабатывались строгія предписанія не выходить изъ предусмотрѣннаго высшимъ начальствомъ трафарета. Не говоря уже о низшей и средней школѣ, гдѣ „отъ сихъ и до сихъ" являлось прежде всего, но и высшая школа, ея профессора должны были представлять на усмотрѣніе начальства не только свои программы въ общемъ, но и въ частности, когда и что намѣрены цитировать и изъ какихъ источниковъ.

Вполнѣ понятно, что предъявленіе такого рода требованій нашло себѣ мало апологетовъ среди молодыхъ ученыхъ Демидовскаго лицея. Напрасны были всѣ усилія Ушинскаго доказать, что ученая дѣятельность несовмѣстима съ формализмомъ, который способенъ только убить живое дѣло, что преподавателю нельзя не сообразоваться прежде всего со своими слушателями, а не съ рамками программы; его же горячая защита свободы науки привела лишь къ тому, что Ушинскій въ числѣ другихъ преподавателей, не сумѣвшихъ избѣжать столкновеній съ начальствомъ, принужденъ былъ оставить лицей.

Въ 1850 г. уже видимъ Ушинскаго въ Петербургѣ, куда онъ переселился съ цѣлью пріискиванія дѣла. Въ это время ему пришлось претерпѣть довольно лишеній. Матерьяльныя средства его сильно истощились, попытки продолжать педагогическую дѣятельность не находили себѣ поощренія со стороны педагогическаго начальства и Ушинскому не удалось въ Петербургѣ занять даже мѣсто учителя уѣзднаго училища, чего К. Д. тогда просилъ, не желая разставаться съ педагогическимъ дѣломъ.

Полный недостатокъ матерьяльныхъ средствъ, заставилъ Ушинскаго ухватиться за первое, самое незначительное мѣсто, какимъ и была должность мелкаго чиновника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Въ этотъ періодъ на долю К. Д. пало довольно передрягъ и испытаній въ погонѣ буквально за кускомъ насущнаго хлѣба.

Не говоря уже о томъ, что ничего не имѣвшій общаго съ чиновничествомъ, Ушинскій сильно тяготился своей службой, но и само его мѣсто настолько плохо оплачивалось (400 р. въ годъ), что онъ принужденъ былъ всѣми мѣрами изыскивать посторонній заработокъ. Вскорѣ по переселеніи въ столицу, Ушинскій къ тому же женился, а семейная жизнь постоянно требовала болѣе расходовъ. К. Д. началъ дѣлать тогда первые попытки выступить на литературномъ поприщѣ. Первые шаги Ушинскаго на этомъ поприщѣ были въ „Современникѣ" и затѣмъ въ „Библіотекѣ для чтенія". Здѣсь онъ началъ помѣщать сначала компиляціи, переводы, критическія статьи, а затѣмъ уже и оригинальныя.

Вполнѣ естественно, что, какъ каждому новичку, хотя и съ

большими данными, ему пришлось долго и упорно трудиться, чтобы завоевать себѣ должную оцѣнку. Первый, кто указалъ и далъ оцѣнку литературнаго таланта Ушинскаго, былъ И. С. Тургеневъ, которому очень понравилась оригинальная статья К. Д., помѣщенная въ Современникѣ (1852 г.), „Поѣздка на Волховъ", написанная умѣлымъ перомъ и проникнутая присущимъ автору воодушевленіемъ. Но, несмотря на многія свои достоинства, вся литературная работа Ушинскаго этого періода была въ сущности работою литературнаго поденщика. Эта работа на спѣхъ и по заказу грозила ему той судьбой, которая уже успѣла погубить не одну талантливую натуру.

Само по себѣ некрѣпкое здоровье Ушинскаго въ силу испытанныхъ лишеній, жизненныхъ передрягъ и усиленныхъ занятій было уже сильно подорвано. Все, повидимому, слагалось неблагопріятно и только благодаря счастливой случайности, которая выдвинула Ушинскаго на его настоящую дорогу, ему удалось избѣжать печальной участи.

Случайная встрѣча съ бывшимъ директоромъ Демидовскаго лицея, Голохвастовымъ, дала возможность Ушинскому получить мѣсто преподавателя въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Голохвастовъ всегда отдавалъ должное Ушинскому, какъ профессору, и потому, когда самъ получилъ мѣсто директора Гатчинскаго института, смѣло могъ рекомендовать графу Ланскому, почетному опекуну института въ то время, хорошо извѣстнаго ему преподавателя. И вотъ, въ 1855 г. Ушинскій занимаетъ сначала мѣсто преподавателя словесности въ институтѣ, а затѣмъ вскорѣ и инспектора классовъ.

Гатчинскій сиротскій институтъ того времени, представляя собою закрытое учебное заведеніе, состоялъ изъ цѣлаго постепеннаго ряда отдѣленій, начиная отъ первоначальнаго обученія до высшихъ классовъ, гдѣ читалось уже законовѣдѣніе. Въ сущности Гатчинскій институтъ имѣлъ для Ушинскаго большое значеніе: онъ послужилъ для него, какъ для педагога, первой настоящей школой. Здѣсь Ушинскій вполнѣ уже понялъ свое настоящее призваніе и съ этихъ поръ рѣшилъ посвятить свою дѣятельность воспитанію.

Помогла немало въ опредѣленіи истиннаго призванія Ушинскаго и довольно обширная библіотека, которую онъ нашелъ въ стѣнахъ института. Еще задолго до появленія въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскаго мѣсто инспектора занималъ нѣкто Гугель, „чудакъ-мечтатель", „человѣкъ не въ своемъ умѣ", какъ характеризовали его современники. Память о немъ уже давно успѣла исчезнуть и только простая случайность заставила Ушинскаго обратить вниманіе на оставленное этимъ безслѣдно исчезнувшимъ въ жизненной пучинѣ неудачникомъ богатое наслѣдство, которое онъ, какъ оказалось, составлялъ и собиралъ съ большой любовью. Это наслѣдство —

2 довольно большихъ шкафа, запечатанные послѣ смерти Гугеля и съ тѣхъ поръ совершенно забытые, заброшенные, покрытые толстымъ слоемъ пыли, наконецъ снова увидѣли свѣтъ и были оцѣнены по достоинству.

„Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ", писалъ Ушинскій впослѣдствіи, „и, Боже мой, отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще. Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекался имъ".

Благодаря этой библіотекѣ Ушинскій получилъ возможность основательнаго знакомства и изученія педагогической литературы, начиная съ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта включительно. Въ ту пору Ушинскій и началъ свои первые педагогическо-литературные опыты въ журналѣ „Воспитаніе".

Словомъ, въ Гатчинскомъ институтѣ начался одинъ изъ свѣтлыхъ періодовъ въ жизни Ушинскаго, когда капризная фортуна, заманчиво улыбаясь, поворачивалась къ нему лицомъ.

Въ качествѣ инспектора, въ роли, такъ сказать, педагога-администратора, Ушинскій пріобрѣталъ возможность дать болѣе широкій просторъ своей дѣятельности, примѣняя на практикѣ тѣ вопросы, которые раньше занимали его въ теоріи.

Къ тому же самое вѣяніе времени тогда, хотя еще слабо, но уже начинало требовать большаго вниманія къ педагогическимъ вопросамъ. Въ нашемъ обществѣ уже начинали возникать проблески недовольства и сознанія несовершенства существовавшей педагогической системы, почему и дѣятельность Ушинскаго этого періода могла имѣть до извѣстной степени откликъ.

Въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскій положилъ довольно упорнаго и настойчиваго труда; здѣсь счастье ему продолжало благосклонно улыбаться и дѣятельность его находила себѣ должную оцѣнку. Дѣятельность эта обратила на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія того времени, Норова, и способствовала тому, что, въ качествѣ зарекомендовавшаго себя педагогомъ-администраторомъ, Ушинскій былъ приглашенъ занять мѣсто инспектора Смольнаго института.

Въ виду все болѣе и болѣе возникавшей у насъ потребности расширенія умственнаго кругозора, развитія и образованія женщины, въ тў пору возникло намѣреніе преобразовать это привиллегированное женское учебное заведеніе.

Смольный институтъ или, иначе, Смольный монастырь представлялъ собою обширное закрытое учебное заведеніе не менѣе

какъ на 700 воспитанницъ. Названіе монастыря онъ могъ сохранить за собою съ полнымъ правомъ, такъ какъ время ученія здѣсь было временемъ буквальнаго заточенія. Двери заведенія были строго замкнуты для воспитанницъ во все теченіе 9 л. курса, совершенно изолируя ихъ не только отъ міра, но даже отъ семьи. Ни на каникулы, ни на большіе праздники дѣти домой не отпускались.

Заведеніе это имѣло своеобразную особенность, дѣлясь на двѣ части: благородную и неблагородную, гдѣ программа преподаванія была неодинакова. Затѣмъ для неуспѣвающихъ здѣсь существовали также такъ называемыя параллельныя отдѣленія, которыя при существовавшей постановкѣ учебнаго дѣла совершенно не оправдывали своего назначенія.

Преподаваніе того времени, въ общемъ отличавшееся крайней рутинностью и схоластичностью, естественно, давало въ результатѣ очень немного, принимая во вниманіе особенно количество затраченнаго воспитанницами времени. Если воспитанница Смольнаго, послѣ 9 л. пребыванія въ его стѣнахъ, выходила отсюда съ далеко необременительнымъ научнымъ багажемъ, явленіе это не могло быть удивительнымъ; тѣмъ не менѣе, при всемъ своемъ несовершенствѣ, Смольный институтъ той поры считался всетаки однимъ изъ лучшихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Онъ до извѣстной степени выполнялъ возложенныя на него требованія современнаго общества.

Въ ту пору, когда образованіе русской женщины стояло вообще далеко не на высокомъ уровнѣ, на женщину было принято смотрѣть, какъ на существо слабое, хрупкое, эфирное. Въ то же время въ этомъ находили ея главную прелесть, ея такъ называемую „женственность". На женщину возлагалось тогда общее требованіе быть олицетвореніемъ всего изящнаго и потому ея сферой полагалось болѣе опоэтизированное искусство, чѣмъ матеріалистичная и потому казавшаяся болѣе грубой наука. Согласно взглядамъ времени, наука для женщины, да еще въ избыткѣ, мало того, что казалась безполезной, но прямо даже вредной.

Пока русская женщина безвыходно сидѣла въ теремѣ, жизнь ея однообразная, монотонная, не выходила изъ будничной домашней рутины. Женщина подчинялась спеціально выработанному для нея узкому кодексу морали и права. Атмосфера, въ которой она воспитывалась, была слишкомъ душной и спертой, не было простора для свободнаго индивидуальнаго развитія, не было стимуловъ для самостоятельности. Невѣжественная, часто неграмотная, русская женщина, лишь какъ исключеніе, могла выдвигать изъ своей среды единичныя явленія. Но вотъ настало время, когда двери терема открылись и женщина получила возможность войти въ общество. Для этого, конечно, прежде всего явилось обязательнымъ умѣнье вести себя въ

обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно расширялся умственный кругозоръ ея и являлась необходимость въ образованіи. У насъ начали постепенно возникать женскія учебныя заведенія. Но, если и въ далеко шедшей впереди насъ Западной Европѣ постановка и организація женскаго образованія имѣла такъ много слабыхъ сторонъ и дефектовъ, чего же можно было ждать отъ насъ, въ этомъ отношеніи стремившихся подражать Западу? Женщина считалась образованной, если она получала возможность болѣе или менѣе свободно и непринужденно болтать въ обществѣ обо всемъ, не попадая при этомъ въ смѣшное положеніе, быть знакомой съ изящными искусствами. Что же касается серьезнаго умственно-нравственнаго образованія и развитія женщинъ вообще, это долго казалось лишнимъ. Вполнѣ естественно. что при такого рода данныхъ наши привиллегированныя женскія учебныя заведенія, институты „благородныхъ дѣвицъ", главные разсадники средняго образованія женщинъ, преслѣдуя современный идеалъ „свѣтской женщины", сводили все свое обученіе исключительно къ внѣшней дрессировкѣ. „Благородныя дѣвицы", предназначенныя для блистанія въ гостиныхъ, должны были умѣть болтать на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ діалектѣ, граціозно танцовать, производить эфектъ салонной музыкой, знать изящныя рукодѣлья. Какова въ сущности была подготовка для жизни большинства нашихъ, считавшихся образованными, женщинъ, характерно было выражено еще современникомъ Екатерины II Новиковымъ, который по этому поводу иронически замѣтилъ: „умѣть нравиться — въ этомъ всѣ наши заключаются науки". На развитіе этой стороны и направлялись всѣ усилія. Что же касается настоящей науки, то она далеко не была въ фаворѣ, и какъ предметъ неизящный, допускалась для женщинъ въ аптекарскомъ размѣрѣ, дабы не лишить ихъ „женственности". Понятно, если наука отодвигалась на второй планъ въ привиллегированныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то чего же въ этомъ отношеніи можно было ожидать отъ существовавшихъ въ то время женскихъ пансіоновъ, духовныхъ училищъ и т. п., здѣсь ужъ вполнѣ учили „чему нибудь и какъ нибудь".

Такого рода образованіе женщинъ царило у насъ довольно долгое время, пока не насталъ для насъ знаменательный конецъ 50 г., заставившій наше общество сильно встряхнуться. Несчастная для насъ Севастопольская кампанія обнаружила вдругъ многіе наши государственные и общественные недуги, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчали.

Севастопольскій погромъ былъ тѣмъ ударомъ, который сразу заставилъ проснуться наше сладко дремавшее сознаніе. Онъ горько разочаровалъ наше общество въ самомъ себѣ и указалъ ему неожи-

данно на полную отсталость передъ Европой. Эта сильная встряска заставила насъ проснуться и болѣе здравыми глазами взглянуть вокругъ себя, что и вызвало неизбѣжную реакцію, которая внесла въ жизнь бодрость, оживленіе и дѣятельность, надолго оставившія по себѣ глубокіе слѣды.

Вполнѣ понятно, что въ тѣсной связи съ обновляемой жизнью народа, долженъ былъ получить также новыя основы съ своей стороны и вопросъ о нашемъ просвѣщеніи той поры. Въ тѣсной зависимости отъ общаго преобразованія явилось коренное и фундаментальное преобразованіе въ этой области. Чтобы не оставаться прежней безпорядочной толпой, массой, а стать передъ лицомъ Европы обществомъ сильнымъ нравственной силой, для насъ явилась неизбѣжной реорганизація просвѣтительнаго дѣла, и педагогическій вопросъ, естественно, выдвинулся на первый планъ, сразу ярко выдѣлились многіе дефекты нашей семьи и школы. Сообразно вѣянію времени самый взглядъ нашъ на женщину и ея назначеніе начиналъ получать существенное и коренное измѣненіе. Горькій опытъ жизни долженъ былъ убѣдить, что назначеніе женщины не свѣтская гостиная, а въ большинствѣ случаевъ скромная семья, гдѣ женщина должна явиться разумной руководительницей и воспитательницей. Эта роль женщины въ семьѣ требовала съ ея стороны проявленія извѣстной доли самостоятельности, а система современнаго женскаго воспитанія и образованія, особенно институтскаго, сама обрекала ее на нравственное и физическое порабощеніе. И вотъ, съ началомъ у насъ великихъ реформъ, когда все старое признавалось черезчуръ обветшалымъ, явилось стремленіе иной постановки и женскаго образованія.

Въ качествѣ горячаго сторонника систематическаго воспитанія и образованія женщины, какъ активнаго члена не только семьи, но и общества, Ушинскій всей душой отдался своему дѣлу въ стѣнахъ Смольнаго института. Въ теченіе трехъ лѣтъ своей здѣсь дѣятельности (съ 1859 г.) онъ успѣлъ сдѣлать довольно преобразованій и заставилъ Смольный зажить новой жизнью. Прежде всего Ушинскій постарался прежній 9-лѣтній курсъ его сократить въ 7-лѣтній и уравнять программу преподаванія въ обоихъ отдѣленіяхъ. Такимъ образомъ получалось уравненіе правъ „благородныхъ“ и „неблагородныхъ“ и менѣе страдало дѣтское самолюбіе.

При существовавшемъ въ Смольномъ характерѣ преподаванія Ушинскій видѣлъ ясно, что дѣти не получаютъ здѣсь надлежащаго развитія. Преподаваніе формальное, ведшееся отрывочно, естественно, не могло возбуждать интереса къ себѣ у дѣтей и не было въ силахъ имѣть хорошіе результаты. Всѣ усилія Ушинскаго направлялись потому на то, чтобы придать преподаванію возможно болѣе

систематическій характеръ. Съ этою цѣлью онъ старался сгруппировать вокругъ себя болѣе или менѣе выдающихся преподавателей Смольнаго, и, обмѣниваясь съ ними постоянно наблюденіями, — дружно съ ними работалъ.

Со времени Ушинскаго въ Смольномъ введено было наглядное обученіе въ младшихъ классахъ. Пренебрегаемому дотолѣ родному языку дано было видное мѣсто. Ушинскій стремился даже положить его въ основу образованія и сдѣлать тѣмъ живымъ предметомъ, который бы способствовалъ разностороннему развитію учащихся.

Выдвинувъ на видное мѣсто преподаваніе родного языка въ Смольномъ, Ушинскій не оставилъ безъ вниманія и другіе предметы. Не менѣе родного языка плохую постановку имѣла, какъ въ Смольномъ, такъ и въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и математика, считавшаяся почему то недоступной женскому уму. Математика была лишь терпима, къ тому же она считалась предметомъ черезчуръ сухимъ и скучнымъ. Совершенно иного мнѣнія на этотъ счетъ былъ Ушинскій. Въ его глазахъ математика, не говоря уже о ея практическомъ примѣненіи, предметъ очень важный, какъ развивающій и укрѣпляющій логическое мышленіе. Придавая ей такое значеніе, Ушинскій со своей стороны стремился указать болѣе правильный путь ея преподаванія. Онъ находилъ, что „ариѳметикѣ слѣдуетъ учить такъ, чтобы ее нельзя было забыть: въ противномъ случаѣ она безполезна, потому что хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто не учился ариѳметикѣ". Согласно своей теоріи, Ушинскій считалъ прежде всего необходимымъ давать дѣтямъ наглядное понятіе объ измѣреніяхъ, пройти именнованныя числа, а уже затѣмъ переходить къ числамъ отвлеченнымъ. Самую причину неуспѣшности и даже скуку при изученіи дѣтьми ариѳметики онъ объяснялъ отвлеченностью изложенія ея правилъ. Если же въ ариѳметикѣ, дитя перейдетъ отъ нагляднаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда и безъ скуки". Но, признавая развивающее вліяніе математики, Ушинскій тѣмъ не менѣе далеко не былъ сторонникомъ ея преобладанія. Онъ находилъ, что „исключительное занятіе математикой кладетъ иногда на человѣка особенно вредный въ жизни отпечатокъ, сообщаетъ его мыслямъ математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую то особенную сухость и безжизненность.

Кромѣ того по иниціативѣ Ушинскаго въ Смольномъ впервые положено было начало педагогическому классу, имѣвшему 2 курса: 1 — теоретическій и 2 — практическій, гдѣ преподаваніе велось самими ученицами подъ руководствомъ педагога.

Стараясь устранить недостатки заведенія въ его учебной постановкѣ, Ушинскій не упускалъ изъ виду и его воспитательную часть. Противникъ институтской замкнутости и обособленности, этого перваго разсадника всѣхъ превратныхъ и фантастическихъ толкованій дѣйствительной жизни, Ушинскій горячо ратовалъ за отпуски институтокъ домой на большіе праздники, каникулы, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть вреднаго отчужденія ихъ отъ семьи и общества. Но, несмотря на всѣ свои старанія, онъ этого не достигъ во время своего пребыванія въ Смольномъ. Тѣмъ не менѣе Ушинскій былъ первымъ иниціаторомъ отпуска институтокъ въ семью, ему онѣ этимъ прежде всѣхъ обязаны.

Что энергія Ушинскаго внесла жизнь въ прежній рутинный Смольный, это было безспорно и потому нисколько не удивительно, что объ этомъ институтѣ заговорили въ ту пору въ обществѣ, въ печати. Смольный сталъ предметомъ общаго вниманія. Ушинскій достигъ того, что этимъ учебнымъ заведеніемъ заинтересовались родители, наконецъ, чего болѣе всего добивался онъ, дѣти перестали тяготиться ученьемъ, перестали считать его „противнымъ". Ушинскій вполнѣ по праву могъ принять ту признательность, которую выражали ему въ то время многіе изъ родителей.

Реформа Смольнаго получила свое отражаніе и въ другихъ институтахъ имперіи, куда также проникли эти нововведенія. Преобразованіе Смольнаго было въ то же время и преобразованіемъ всей системы нашего женскаго средняго образованія.

Благодаря той жизни, которую Ушинскій успѣлъ ввести въ современное педагогическое дѣло, имя его получило вполнѣ заслуженную популярность, о размѣрахъ которой можно было судить уже по одному тому, что Ушинскому предложено было высказать письменно свое мнѣніе относительно воспитанія наслѣдника престола и затѣмъ редактированіе журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Занимавшій въ ту пору постъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ находилъ необходимыми преобразованія въ средней и низшей школѣ, и съ этою цѣлью имѣлъ намѣреніе сдѣлать подвѣдомственный ему Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія органомъ обсужденія различнаго рода педагогическихъ вопросовъ и въ то же время органомъ ихъ распространенія. Пригласивъ въ качествѣ редактора реформируемаго журнала Ушинскаго, онъ не ошибся въ выборѣ.

Со свойственнымъ увлеченіемъ Ушинскій занялся этимъ дѣломъ. Дѣятельно работая въ журналѣ съ 1860 г. до ноября 1861 г., Ушинскій успѣлъ помѣстить въ немъ цѣлый рядъ своихъ статей, возбудившихъ цѣлый рядъ толковъ.

Ушинскій обладалъ рѣдкой способностью писать о самыхъ серьезныхъ вопросахъ такъ общедоступно и увлекательно, умѣлъ облекать ихъ въ такую живую, интересную и образную форму, что его сочиненія являлись понятными каждому. Возьмите любое изъ его произведеній и вы увидите, какимъ чистымъ литературнымъ языкомъ они всѣ написаны. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія безспорно привлекъ въ то время къ себѣ общее вниманіе нашей читающей публики. Этотъ еще такъ недавно сухой оффиціальный сборникъ правительственныхъ распоряженій и мало кого интересовавшихъ чисто спеціальныхъ статей вдругъ превратился въ живой педагогическій органъ, чутко откликавшійся на всѣ вопросы и событія по дѣлу современнаго просвѣщенія.

Нельзя сказать чтобы современная критика отнеслась съ полнымъ безпристрастіемъ къ Ушинскому. Въ большинствѣ она или не поняла, или не оцѣнила его идей. Часть ея ехидно осмѣивала Ушинскаго за его, по ея мнѣнію, квасной патріотизмъ и лицемѣрную религіозность, другая же съ неменьшей яростью стремилась нападать на проявленіе съ его стороны крайняго реализма. При этомъ не трудно было замѣтить, что нападки не столько были направлены противъ убѣжденій автора, сколько въ большинствѣ противъ самой его личности. Горькій опытъ долженъ былъ убѣдить неисправимаго идеалиста, что мы еще далеки отъ того, чтобы уважать личность человѣка, чьи убѣжденія мы не раздѣляемъ.

Завѣдываніе Ушинскаго журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія закончилось съ вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія графа Н. П. Путятина, который возымѣлъ намѣреніе измѣнить программу журнала. Онъ предполагалъ превратить этотъ журналъ въ періодическое изданіе вродѣ французскаго Journal des Savants, нѣчто подобное пантеону наукъ. Ушинскій счелъ для себя непосильнымъ редакторство такимъ органомъ и остался въ немъ только сотрудникомъ. Въ это же время Ушинскій заканчивалъ одинъ изъ своихъ капитальныхъ трудовъ „Дѣтскій Міръ". Въ 1862 г. мы уже видимъ Ушинскаго въ числѣ учредителей перваго русскаго педагогическаго общества, гдѣ онъ энергично работаетъ, своимъ воодушевленіемъ привлекая туда стариковъ и молодежь, женщинъ и мужчинъ.

Но, къ сожалѣнію, его дѣятельность здѣсь была очень непродолжительна. Усиленный трудъ, главнымъ образомъ, жизненныя передряги замѣтно подорвали его силы и ощутительно расшатали здоровье. Пріобрѣтенная популярность черезчуръ дорого стоила Ушинскому самому лично.

Безспорно, Ушинскій имѣлъ, въ числѣ его знавшихъ, довольно людей, оцѣнивавшихъ по заслугамъ его достоинства, понимавшихъ

его и безусловно ему сочувствовавшихъ, тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, непреодолимое тяготѣніе къ отжившей рутинѣ, съ другой — просто личная непріязнь и людская зависть заставляли Ушинскаго съ большими личными усиліями итти напроломъ и нерѣдко буквально съ боя завоевывать каждый свой шагъ. Къ тому же для него, какъ для человѣка не обладавшаго дипломатическимъ тактомъ и никогда не умѣвшаго итти на компромиссы, всѣ труды и преобразованія стоили черезчуръ дорого. Настойчиво добиваясь намѣченныхъ цѣлей, Ушинскій не зналъ, да и не искалъ никогда окольныхъ путей. Отъ разъ выработанныхъ убѣжденій онъ не отступалъ уже ни на шагъ, причемъ часто, совершенно не желая, задѣвалъ чужое самолюбіе, чему также не мало помогала и его нервозность, положительно доходившая до болѣзненной раздражительности. Потому у Ушинскаго на ряду съ сильными друзьями всегда бывали и опасные враги. Въ то время какъ друзья шли съ готовностью на помощь его разумнымъ начинаніямъ, враги писали на него доносы, обвиняя этого самоотверженнаго человѣка во многихъ крайне неблаговидныхъ поступкахъ. Такого рода тактика враговъ и заставила Ушинскаго покинуть Смольный.

По оставленіи Смольнаго, благодаря императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая лично знала и цѣнила Ушинскаго, К. Д. былъ причисленъ къ 4 отдѣленію собственной канцеляріи Его Величества съ сохраненіемъ прежняго жалованья и вскорѣ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ постановкой тамъ педагогическаго дѣла въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

И вотъ, до 1867 г. Ушинскій живетъ за границей, только временами появляясь на родину. Поселившись съ семьей за границей, онъ бóльшую часть своей командировки провелъ въ Швейцаріи и Германіи, гдѣ занялся изученіемъ школьной организаціи вообще. Тамъ Ушинскій успѣлъ ознакомиться съ устройствомъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій. Сознавая настоятельную необходимость подобнаго рода школъ и для Россіи, онъ старался въ этомъ направленіи возбудить вниманіе своихъ соотечественниковъ. Къ тому же настала знаменательная пора, наши 60 гг., когда освободительныя реформы давали возможность съ надеждой смотрѣть на свѣтлое будущее. „Теперь именно настаетъ пора, писалъ Ушинскій изъ за-границы, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные, — много, много школъ нужно. Иначе свобода крестьянъ и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба

объ ледъ. Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ".

Голосъ Ушинскаго „изъ прекраснаго далека" и его призывы въ ту пору скорѣе, чѣмъ когда либо, могли найти себѣ отклики. У насъ насталъ въ то время какъ разъ періодъ страдной поры. Наши 60 годы, безспорно. были преисполнены добрыхъ и гуманныхъ намѣреній и безкорыстнаго стремленія къ общему благу, тѣмъ не менѣе ихъ главный недостатокъ коренился въ совершенномъ отсутствіи объединенности направленія, что̀ и сказывалось во всемъ вообще и въ педагогическомъ дѣлѣ въ частности. Въ ту пору, когда вся наша жизненная обстановка подвергалась существеннымъ, кореннымъ измѣненіямъ, когда на смѣну шатающимся вѣрованіямъ появлялись новыя, въ области педагогическаго дѣла не было еще намѣчено опредѣленныхъ педагогическихъ цѣлей и задачъ, потому и сама работа велась или отдѣльными группами, или же отдѣльными лицами. Каждый по своему преслѣдовалъ свои стремленія, углублялся, погружался въ нихъ. Одинъ разсчитывалъ поэтому найти помощь и научиться педагогикѣ у своихъ западныхъ, болѣе компетентныхъ въ этой области сосѣдей, другой пытался уврачевать свои недуги домашними средствами. Появлялись изданія педагогическихъ журналовъ и сочиненій, составлялись учебники, устраивались различныя школы, возникали педагогическіе съѣзды, шли дѣятельныя хлопоты объ устройствѣ педагогическихъ кружковъ, объ общемъ или частномъ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ и, несмотря на все это, чего-то не хватало. Необходимъ былъ объединяющій элементъ, который связалъ бы въ одно общее цѣлое, соединилъ бы въ общій потокъ всѣ эти ручейки педагогическаго теченія. Необходимо было выяснить вполнѣ отношеніе педагогическаго дѣла къ потребностямъ времени и дать ему болѣе правильную научную основу.

Исторія постоянно указываетъ намъ на то, что во всѣ времена каждаго жизненнаго пробужденія, въ связи съ развитіемъ и пробужденіемъ народнаго самосознанія, человѣчество всегда выдвигаетъ изъ своей среды сторонниковъ и воодушевленныхъ проповѣдниковъ какой либо опредѣленной идеи. Великія же реформы всегда порождали самихъ этихъ великихъ поборниковъ, которые вводили ихъ въ жизнь. Такимъ великимъ поборникомъ своей идеи въ области педагогіи эпохи преобразованія былъ К. Д. Ушинскій. Какъ человѣкъ, убѣжденный въ правотѣ своихъ воззрѣній, онъ, въ числѣ немногихъ, выступилъ на свою дорогу, горячо и смѣло доказывая и отстаивая свои положенія.

Хорошо ознакомившись и изучивъ педагогическое дѣло на западѣ, Ушинскій дѣятельно стремился вводить новыя педагогическія

начала на родинѣ при необходимомъ условіи ихъ тѣснаго сближенія съ нашими чисто мѣстными народными требованіями. Въ этомъ главнымъ образомъ и былъ секретъ его послѣдующаго значенія.

Плодомъ заграничной поѣздки оказались два капитальныхъ труда Ушинскаго, — его „Родное Слово", до сихъ поръ внѣ конкуренціи наша настольная книга при первоначальномъ обученіи, и „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія", опытъ педагогической антропологіи, произведеніе, обладающее всѣми необходимыми свойствами, чтобы привлечь своимъ содержаніемъ вниманіе каждаго интеллигентнаго читателя вообще и педагога въ частности. Для человѣка, посвятившаго себя учебно-воспитательному дѣлу, не слѣдуетъ прежде всего забывать тѣхъ великихъ началъ, которыя такъ талантливо высказаны нашимъ первымъ „учителемъ учителей" на страницахъ его продуманнаго и прочувствованнаго труда.

По возвращеніи изъ за-границы бо́льшую часть времени Ушинскій провелъ въ Петербургѣ (до 1870 г.), дѣятельно продолжая работать въ принятомъ направленіи. Онъ пишетъ различнаго рода статьи по педагогическимъ вопросамъ, посѣщаетъ педагогическія собранія и диспуты.

Въ его статьяхъ находили себѣ откликъ всѣ наиболѣе назрѣвшие вопросы современной школы, здѣсь находили себѣ мѣсто и ихъ рѣшенія. Ушинскій касался вопросовъ о національномъ образованіи, о народной школѣ и о нравственномъ значеніи воспитанія. Дѣятельность только что возникавшаго въ Россіи земства была очень симпатична Ушинскому. Онъ съ интересомъ началъ слѣдить за ней и горячо привѣтствовалъ ея успѣхи по народному образованію. Ушинскій съ свѣтлой надеждой смотрѣлъ на наше будущее.

Благодаря своимъ капитальнымъ произведеніямъ, онъ получилъ, наконецъ, возможность быть вполнѣ матеріально обезпеченнымъ. Семейныя его условія сложились также хорошо, и, повидимому, настало вполнѣ заслуженное время тихой, счастливой пристани для этого самоотверженнаго борца за благо своего народа. Но судьба никогда не была справедливой въ отношеніи его, она только временами и то не надолго привѣтливо ему улыбалась, а въ большинствѣ случаевъ жестоко и капризно отворачивалась, поражая неожиданностями. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Едва Ушинскій получилъ возможность свободно вздохнуть полной грудью, едва получилъ было надежду на благопріятный исходъ своихъ недуговъ, слѣпой случай сразу безжалостно разбилъ и уничтожилъ все. Проведя весну 1870 г. для укрѣпленія своего здоровья въ Крыму, окрѣпшій, счастливый общимъ вниманіемъ, онъ уже началъ мечтать сдѣлать многое. Онъ собирался произвести поправки и нѣкоторыя измѣненія въ своемъ „Родномъ Словѣ", чтобы лучше приспособить

его къ примѣненію въ народной школѣ. Но своихъ желаній ему не удалось осуществить. Возвратившись въ родное имѣніе Богданку, гдѣ проживала его семья, Ушинскій попалъ какъ разъ на похороны своего любимца, старшаго сына, случайно застрѣлившагося на охотѣ. Этотъ очень способный, подававшій большія надежды юноша только что кончилъ курсъ 2 петербургской гимназіи. Внезапная смерть его страшно поразила отца. И какъ ни старался Ушинскій стойко выдержать этотъ ударъ судьбы, надломленныя и расшатанныя силы его на этотъ разъ не выдержали и сломились окончательно. Въ концѣ того же 1870 г., 21 декабря, Ушинскаго не стало. Онъ умеръ сравнительно не старымъ (на 47 году жизни).

II.

Основныя руководящія идеи Ушинскаго рельефно выступаютъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Литература и наука въ лицѣ своихъ компетентныхъ представителей уже сказали свое авторитетное слово относительно достоинствъ этихъ идей.

Въ основу идей Ушинскаго легли настоящія живительныя начала науки и просвѣщенія.

Въ основу педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго легло требованіе, чтобы воспитательно-образовательное дѣло жило, развивалось и дѣйствовало за одно съ обществомъ и его насущными требованіями и запросами. Ушинскій чутко прислушивался къ голосу жизни, потому его идеи и пріобрѣли общественно-историческое значеніе. Что же касается того, насколько Ушинскій смотрѣлъ впередъ, и насколько идеи, которыхъ онъ былъ пророкомъ, опередили свое время, достаточно ясно говоритъ то, что до сихъ поръ многія изъ нихъ составляютъ злобу дня, которую еще только намѣревается осуществить современная намъ дѣйствительность.

Ушинскій первый указалъ намъ путь для созданія твердой системы какъ нашего національнаго образованія, такъ и самой нашей педагогики. Его съ полнымъ правомъ можно считать основателемъ нашей научной педагогики. Онъ далъ нашей педагогикѣ сравнительно болѣе твердую постановку, которой до тѣхъ поръ она не имѣла. Для достиженія этой цѣли Ушинскій обладалъ широкими данными. У него было основательное знаніе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство со многими выдающимися ихъ представителями, затѣмъ и само непосредственное наблюденіе политической и соціальной жизни наиболѣе развитыхъ и цивилизованныхъ націй, а также не менѣе основательное знакомство и съ педагогикой всѣхъ культурныхъ народовъ.

Глубоко философскій умъ давалъ Ушинскому полную возмож-

ность строго критическаго отношенія ко всѣмъ существовавшимъ въ его время педагогическимъ системамъ. „Системы общественнаго воспитанія“, говоритъ Ушинскій, „у всѣхъ европейскихъ народовъ представляютъ при первомъ взглядѣ на нихъ большое сходство не только въ предметахъ ученія, которые вездѣ одни и тѣ же, но даже въ самой организаціи учебныхъ заведеній, дидактическихъ пріемахъ и законахъ школьной дисциплины. Это сходство прежде всего, конечно, зависитъ отъ той разумности воспитательныхъ мѣръ, которая опредѣляется болѣе или менѣе общей для всѣхъ народовъ цѣлью воспитанія и единствомъ психологическихъ законовъ, вездѣ служащихъ основой для всякой воспитательной дѣятельности“. „Но это чисто внѣшнее сходство недолго можетъ вводить въ заблужденіе внимательнаго наблюдателя, и онъ скоро убѣдится, что въ каждой странѣ подъ общимъ названіемъ общественнаго воспитанія и множества общихъ педагогическихъ формъ кроется свое особенное характеристическое понятіе, созданное характеромъ и исторіей народа“.

Дѣлая общій выводъ, Ушинскій приходитъ къ тому заключенію, что всѣ воспитательныя системы, при общности ихъ формъ и единствѣ учебныхъ предметовъ, все же оказываются различными. Эта рознь вытекаетъ изъ самой идеи воспитанія у каждаго народа. „Нѣмецъ, англичанинъ, французъ, американецъ требуютъ отъ воспитанія не одного и того же, и подъ именемъ воспитанія заключаются у каждаго народа различныя понятія. Различіе это, не выражаясь опредѣленно, тѣмъ не менѣе проглядываетъ во множествѣ особенностей, иногда мелкихъ, но характеристическихъ, показывающихъ направленіе общественнаго воспитанія у каждаго народа и ту не высказываемую цѣль, къ которой оно стремится, и которая опредѣлила самыя его формы“.

Въ школахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, хотя и преподается одна и та же математика, одна и та же исторія, греческая или латинская грамматика, тѣмъ не менѣе „всякій народъ“, говоритъ Ушинскій, „ищетъ и находитъ въ этихъ всемірныхъ учителяхъ особенную пищу, сообразную его національности. Несмотря на сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ, у каждаго изъ нихъ своя особенная національная система воспитанія, своя особая цѣль и свои особыя средства къ достиженію этой цѣли“. Такимъ образомъ, каждая изъ существующихъ педагогическихъ системъ прежде всего является отраженіемъ духа ея націи. Эта мысль была излюбленной мыслью Ушинскаго. Какъ человѣкъ, обладавшій глубокимъ философскимъ образованіемъ, онъ мало того, что всегда умѣлъ ее ярко освѣтить, но также и доказать. Свой взглядъ онъ основывалъ на извѣстномъ философско-историческомъ ученіи, по которому каждый народъ, а тѣмъ болѣе получившій уже историческую извѣстность и значеніе, въ той же мѣрѣ обладаетъ свойственной

ему ясно выраженной народностью, какъ и каждый вполнѣ сложившійся человѣкъ своеобразной индивидуальностью.

Въ народности Ушинскій видѣлъ главную базу, единственное и незамѣнимое жизненное начало, имѣющее въ самомъ широкомъ смыслѣ слова значеніе въ дѣлѣ развитія. „Народность является единственнымъ источникомъ жизни народа въ исторіи,“ замѣчаетъ онъ. Только въ силу особенностей своей идеи, вносимой въ исторію, народъ и является исторической личностью. Каждому народу суждено играть въ исторіи свою особую роль, и, если онъ забылъ эту роль, то долженъ удалиться со сцены: онъ болѣе не нуженъ. Народъ безъ народности — тѣло безъ души, которому только и остается подвергнуться закону разложенія и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою самостоятельность“. Все пестрое разнообразіе народностей имѣетъ въ лицѣ христіанства и науки тѣ связывающіе и объединяющіе элементы, которые сообщаютъ единство всему человѣчеству. Оба эти великіе элемента одинаково ведутъ человѣчество къ конечному совершенству и общему счастью; значеніе ихъ — общечеловѣческое. Подобно же тому, какъ каждый народъ необходимо выигрываетъ отъ гармоническаго сочетанія дарованій и талантовъ отдѣльныхъ личностей, такъ способно повыситься и само человѣчество отъ общаго въ него взноса особенно исторически извѣстныхъ уже націй.

Такъ какъ „всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ“, то „воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника“. На этомъ основаніи, по мнѣнію Ушинскаго, въ народности заключается главная и существенная сторона воспитанія. Гдѣ эта сторона будетъ отсутствовать, тамъ воспитаніе не только не можетъ считаться полнымъ, но можетъ даже оказаться извращеннымъ. Такимъ образомъ, основы, цѣль и направленіе воспитанія у каждаго народа должны быть необходимо самобытны, почему оказывается и полная невозможность общей системы воспитанія для всѣхъ націй.

Возможно, что педагогическая система какого либо изъ культурныхъ народовъ получитъ разностороннюю разработку, будетъ хорошо обдумана, но, какъ бы заманчива она ни была сама по себѣ, перенесенная на чуждую почву, она утратитъ свое настоящее значеніе. Такого рода явленіе можно наблюдать, когда какая либо воспитательная система одного народа цѣликомъ, во всей своей полнотѣ, пересаживается въ страну чужую. При всѣхъ своихъ данныхъ эта система никогда не оправдаетъ возложенныхъ на нее надеждъ и упованій и даже вмѣсто ожидаемой пользы способна будетъ принести вредъ. Дѣйствительно, у насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, полезно было напомнить о вредѣ слѣпого подражанія чужимъ образцамъ.

Успѣвши основательно ознакомиться и изучить господствовавшія системы воспитанія за границей, Ушинскій, при доказательствѣ своей идеи о необходимости національизма въ воспитаніи, дѣлаетъ характеристику всѣхъ системъ воспитанія — нѣмецкой, французской, англійской и американской.

По словамъ Ушинскаго, нѣмцы болѣе другихъ народовъ претендуютъ на компетентность въ воспитаніи и вообще въ педагогическомъ дѣлѣ. „Но несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ воспитаніемъ человѣка вообще, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, нѣмецкая педагогика — наука чисто нѣмецкая". Говоря объ этой педагогикѣ, Ушинскій дѣлаетъ очень тонкую и мѣткую обрисовку обще-нѣмецкаго характера. По самой своей натурѣ, нѣмецъ прежде всего философъ. „Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ его философскую сторону и всякое дѣло свое начинаетъ и заканчиваетъ философскою мыслью", замѣчаетъ Ушинскій. „Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать".

Затѣмъ, какъ на не менѣе характерную нѣмецкую особенность, Ушинскій указываетъ на стремленіе во всѣхъ явленіяхъ жизни искать гармоніи и связи, „все возводить въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекать." „Нѣмецъ не считаетъ для себя достаточнымъ понимать какую либо вещь, ему непремѣнно нужно опредѣлить ее и дать ей мѣсто въ системахъ своихъ знаній".

Нѣмецкая склонность къ абстракціи и философіи общеизвѣстна. Способствуя появленію въ Германіи цѣлаго ряда геніевъ ума, она получила уже міровое значеніе. Но каждая медаль, къ сожалѣнію, всегда имѣетъ свою оборотную сторону, такъ и въ данномъ случаѣ. Нѣмецкая склонность къ абстракціи, доведенная иной разъ до крайности, получала неизбѣжное слѣдствіе — стремленіе къ методичности и всегда къ строго опредѣленнымъ рубрикамъ; поэтому та же склонность къ абстракціи способствовала на ряду съ геніями мысли появленію различнаго рода сухихъ и узкихъ формалистовъ и педантовъ. „Вся литература Германіи", говоритъ Ушинскій, „въ которой сосредоточились почти всѣ результаты ея исторической дѣятельности, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ".

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ общей постановкой школьнаго дѣла въ Германіи, при изученіи программъ и учебныхъ плановъ нѣмецкихъ гимназій и университетовъ можно было наблюдать ихъ общее стремленіе къ всесторонности и систематичности познаній. Для нѣмецкаго педагога вообще наука и ученость, по словамъ Ушинскаго, были тѣми идеалами, въ жертву которымъ нѣмецкій педагогъ готовъ былъ приносить все. Какое же могло быть общее воспитаніе,

если всѣ старанія школы были въ сущности направлены на то, чтобы какъ можно болѣе нагрузить голову своего питомца количествомъ знаній!

Нѣмецкая педагогика въ сущности мало заботилась о душѣ ребенка и ея запросахъ. Въ этой педагогикѣ во всемъ прежде всего фигурировала выработанная системой указка, которой и должны были подчиняться учитель и ученикъ.

Переходя отъ нѣмецкой педагогики къ англійской, Ушинскій находилъ, что на послѣдней являлась возможность отдохнуть душой. Здѣсь не было такого подавленія личности, и была уже возможность дѣйствительнаго проявленія самостоятельности. Въ самихъ воспитательныхъ идеалахъ обѣихъ этихъ націй оказывалась громадная разница. Насколько нѣмцы стремились достигать великой учености, настолько же идеаломъ для англичанъ былъ великій характеръ. Характеръ, привычка владѣть собой — считается отличительной чертой каждаго англійскаго джентльмена, потому и вниманіе англійской педагогики было сосредоточено главнымъ образомъ на этой сторонѣ. Англійскія коллегіи вполнѣ наглядно опредѣляли свое назначеніе, говоря, что „ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги".

Ушинскій замѣчаетъ, что англійская педагогика поставила себѣ аксіомой изреченіе Локка: „чѣмъ ранѣе начнете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ взрослымъ человѣкомъ, тѣмъ онъ скорѣе человѣкомъ сдѣлается".

Всѣ заботы англійской семьи и школы были одинаково направлены на то, чтобы пріучать ребенка съ ранней поры къ самоуправленію. Это, конечно, далеко ничего не имѣло общаго съ развитіемъ въ ребенкѣ самоуправства. Ребенокъ пріучался не смѣшивать оба эти понятія. Англійскій ребенокъ съ дѣтства утверждался въ сознаніи своихъ правъ и въ то же время не долженъ былъ забывать и своихъ обязанностей.

Для человѣка, не привыкшаго къ системѣ англійскаго воспитанія, можетъ показаться очень страннымъ полное соблюденіе своего достоинства и проявленіе самостоятельности со стороны важно разсуждающихъ десятилѣтнихъ джентльменовъ. Даже самъ девизъ англійской школы — это круговая порука. На обязанность самихъ учениковъ возлагается поддерживать дисциплину, выработанную опредѣленными правилами и законами. Въ англійской школѣ, замѣчаетъ Ушинскій, „виновный чаще всего наказывается самими товарищами и наказывается съ такой строгостью, которую долженъ умѣрять наставникъ. Но за то и воспитанники крѣпко стоятъ за свои права, признанныя письменнымъ положеніемъ или давно укоренившимся обычаемъ".

Американская система воспитанія самая оригинальная. Здѣсь очень многое способно поражать иностранца. Эта система воспитанія

во многомъ сходна и имѣетъ много общаго съ англійской. Но на стремленіе въ ней къ проявленію самостоятельности Ушинскій указываетъ уже какъ на преувеличеніе, впадающее нерѣдко въ односторонность.

Если дѣти-англичане способны поражать непривычнаго человѣка своимъ самостоятельнымъ видомъ, то дѣти американцы тѣмъ болѣе. Они въ этомъ отношеніи доходятъ до крайностей. Такъ бываютъ примѣры, что дѣти съ самымъ серьезнымъ видомъ обсуждаютъ вопросы политики или по своему могутъ принимать участіе въ публичныхъ митингахъ. По мнѣнію Ушинскаго, такого рода система „воспитанія скоро стираетъ ту золотую пыль наивности, которою природа осыпала легкія крылья дѣтства, и если не дѣлаетъ недозрѣлыхъ философовъ систематиковъ, за то производитъ ту раннюю сдержанность и замкнутость, которая, конечно, полезна въ жизни, но дышетъ холодомъ во взросломъ человѣкѣ и непріятно поражаетъ въ ребенкѣ".

Что же касается своеобразности этой системы въ видѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ и незнакомой намъ свободы учащейся дѣвушки, то положительную сторону этого Америка доказываетъ наглядно. Американская дѣвушка, говоритъ Ушинскій, мужественная и независимая, доказала, что она можетъ быть прекрасной матерью, женой и хозяйкой. Возможны, конечно, примѣры, что „нѣкоторыя изъ нихъ гибнутъ жертвами ранней свободы, но едва ли число этихъ жертвъ значительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ женщины охраняются почти что монастырскими стѣнами до 16 или 18-лѣтняго возраста".

Въ чемъ видѣлъ Ушинскій главнымъ образомъ положительную сторону французской школы, это — въ постановкѣ техническаго образованія. Въ этомъ отношеніи французская школа, по его мнѣнію, могла дать образецъ для всей Европы. „Французъ съ любовью занимается математикой, находя въ ней гимнастику для своего разсудка, но исторію и географію чужихъ государствъ онъ пробѣгаетъ мелькомъ". Ни одно техническое учебное заведеніе не въ силахъ конкурировать съ Парижской политехнической школой, которая наглядно доказала свое значеніе для родины, выпуская изъ своихъ стѣнъ столько талантливыхъ техниковъ, архитекторовъ, инженеровъ, математиковъ и т. п.

„Но образованіе хорошихъ техниковъ составляетъ ли единственную задачу общественнаго воспитанія? Образцовый техникъ будетъ ли онъ образцовымъ семьяниномъ или гражданиномъ?"

По мнѣнію Ушинскаго, французы менѣе другихъ націй цѣнятъ пользу воспитанія. Французское общество всегда проявляетъ охотно готовность сбросить съ себя школьную тяготу, если не на руки правительства, то на руки отцовъ-іезуитовъ. Вообще французская система воспитанія произвела на Ушинскаго въ общемъ невыгодное впечатлѣніе.

Въ числѣ непривлекательныхъ сторонъ французской системы воспитанія для Ушинскаго было главнымъ образомъ само ея основное стремленіе къ внѣшнему блеску. Онъ не видѣлъ положительныхъ результатовъ для развитія нравственности тамъ, гдѣ на первомъ планѣ неизбѣжно должны было фигурировать тщеславіе, побѣда надъ соперникомъ, стремленіе къ матеріальнымъ благамъ и т. п.

По наблюденіямъ Ушинскаго, вся педагогическая дисциплина во французской школѣ „направлена къ тому, чтобы развить самолюбіе воспитанника и заставить соревновать другъ другу тѣхъ изъ нихъ, которые по природнымъ своимъ способностямъ могутъ выйти на эту арену: остальные должны сидѣть смирно и не мѣшать". Съ одной стороны, вся классная дисциплина въ французской школѣ опирается на принужденіе, съ другой — на самолюбіе. „Въ самолюбіи", замѣчаетъ Ушинскій, „французская школа нашла сильнѣйшій рычагъ и работаетъ имъ безпощадно. Для этой цѣли французскіе наставники изобрѣли множество геніальныхъ средствъ: жалуютъ своихъ воспитанниковъ орденами, производятъ ихъ въ чины и печатаютъ ихъ имена въ газетахъ".

Что особенно не понравилось Ушинскому въ французской системѣ воспитанія — это царившій въ ней въ то время духъ централизаціи. Каждая школа поражала не только своимъ точнымъ повтореніемъ одна другой, но и вырабатывала способность дѣйствовать, какъ одна строго дисциплинированная рота. Школьная регламентація поражала своей крайностью. Не только было указано, сколько необходимо пройти въ извѣстный промежутокъ времени, но указывались точно даже страницы, отъ какихъ и до какихъ поръ надо было перевести изъ авторовъ, сколько выучить наизусть и сколько изъ нихъ прочесть. Темы сочиненій, задачи для всѣхъ школъ задавались общія. И такъ изъ года въ годъ работали французскія школы, какъ заведенныя машины. Если бы чиновнику французскаго министерства, говоритъ Ушинскій, почему либо пожелалось знать, чѣмъ заняты въ опредѣленный часъ школьники, ему, повидимому, не трудно было бы удовлетворить свое любопытство. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ школьной программой онъ безъ труда могъ бы угадать, взглянувъ на часы, какую именно страницу переводятъ въ данный моментъ изъ Цицерона или на какую тему пишутъ сочиненіе многіе десятки французскихъ школьниковъ.

Затѣмъ, не менѣе поражалъ Ушинскаго въ французской школѣ путь изученія какъ древнихъ классиковъ, такъ и родной литературы. Здѣсь особенно рельефно выдѣлялось стремленіе къ внѣшнему блеску и эффекту. Изучались главнымъ образомъ эффектныя мѣста изъ авторовъ, ихъ слогъ, но не ихъ идеи. Большое предпочтеніе отдавалось заучиванію на память. Ученики заучивали наизусть цѣлыя

тирады изъ выдающихся авторовъ и образцово вырабатывали у себя способность писать сочиненія даже слогомъ опредѣленнаго автора. Готовая фраза для француза драгоцѣнна. „Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую“, замѣчаетъ Ушинскій. „Въ богатствѣ фразъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ французскимъ. Оттого такъ пріятно писать на этомъ языкѣ обыденныя вещи, украшая пустѣйшую мысль чужимъ остроуміемъ, и въ то же время такъ трудно выразить съ точностью новую идею, для которой еще не готова фраза“. Такой порядокъ вещей, естественно, былъ несимпатиченъ Ушинскому, какъ человѣку всегда бывшему сторонникомъ всего собственнаго, самобытнаго. По его взгляду, такая выучка хороша для попугая, который не въ состояніи иначе говорить, какъ съ чужого голоса, но для человѣка она положительно вредна.

По мнѣнію Ушинскаго, дѣло школьное — дѣло живое, а доведенная до крайности его регламентація способна только его мертвить. При подобныхъ условіяхъ вполнѣ могло быть понятно какъ механическое и безучастное отношеніе къ своему дѣлу учителя, такъ и вынужденное стремленіе ученика заниматься наукой изъ за страха передъ экзаменомъ или въ виду конечной цѣли — достиженія диплома. На такого рода печальное явленіе Ушинскій вдоволь успѣлъ насмотрѣться и ознакомиться у себя на родинѣ.

Въ свое время Ушинскому приходилось горячо ратовать за возможно большую самостоятельность нашего русскаго воспитанія, потому что въ преобразовательную пору проявлялось довольно попытокъ круто ломать и передѣлывать старую систему воспитанія по западно-европейскимъ образцамъ. Согласно своей основной точкѣ зрѣнія, Ушинскій считалъ, что наше русское воспитаніе и школа необходимо должны прежде всего исходить изъ своихъ національныхъ началъ. Національность же ихъ должна заключаться въ томъ, чтобы оставаться вѣрными языку своего народа, его кореннымъ законамъ и исторіи. Если же воспитаніе и школа будутъ лишены этихъ національныхъ началъ, то при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ, заложенныхъ въ ихъ основаніе, они не будутъ въ силахъ удовлетворить ни нашему міросозерцанію, ни бытовымъ и жизненнымъ потребностямъ, оказавшись, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ то чуждымъ и намъ навязаннымъ.

Въ нашей системѣ воспитанія до Ушинскаго замѣтно было сильное тяготѣніе подражать нѣмцамъ. Сама наша педагогика дореформеннаго времени была до извѣстной степени сколкомъ съ нѣмецкой, а между тѣмъ по самому складу своего характера нѣмецкая система воспитанія была одной изъ наименѣе подходящихъ для насъ, русскихъ. Наша славянская натура какъ то мало имѣетъ склонности къ абс-

тракціи и методичности, съ ея строго опредѣленными рубриками. Что же касается философіи, то тяготѣніе къ ней у насъ наблюдается менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Философія имѣетъ сравнительно слабое развитіе и въ нашемъ университетскомъ преподаваніи.

И вотъ, задаваясь стремленіемъ составить научное руководство по педагогикѣ для своихъ соотечественниковъ, Ушинскій находилъ безполезнымъ слѣдовать въ данномъ случаѣ примѣру нѣмецкихъ ученыхъ. Нѣмецкія руководства по педагогикѣ обыкновенно представляли собой собраніе правилъ воспитательной дѣятельности, научная основа которыхъ коренилась въ различныхъ отрасляхъ философскихъ и антропологическихъ наукъ. При существовавшихъ же условіяхъ нашей педагогической дѣятельности той поры, особенно при скудости познаній самой нашей образованной среды, такое руководство дѣйствительно не оправдывало бы своего назначенія. Являясь въ видѣ какой то педагогической рецептуры, для насъ оно могло быть и мало понятно, и слабо приложимо къ дѣлу. Могло быть еще хуже, если со стороны педагога не оказывалось въ достаточной степени знаній и опыта по отношенію свойствъ и требованій природы воспитанниковъ, — тогда многимъ изъ педагоговъ открывался лишь широкій путь для произвола и заблужденій.

Что же касается нѣмцевъ, то для нихъ являлось вполнѣ возможнымъ удовлетвориться такого рода руководствомъ, и цѣль этими учебниками вполнѣ достигалась, такъ какъ философскія знанія представляютъ всегда собою главную основу высшаго обученія въ Германіи.

Исходя изъ этого положенія, Ушинскій нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ составить для своей родины по возможности болѣе общедоступный и общепонятный учебникъ по антропологіи, такъ какъ знанія антропологическія по праву должны всегда занимать первое мѣсто въ педагогіи.

Глубокое изученіе воспитательнаго дѣла заставило Ушинскаго прійти въ заключеніе къ такому выводу, что педагогику, если разсматривать ее, какъ примѣненіе къ воспитанію общихъ антропологическихъ началъ, можно считать болѣе искусствомъ, чѣмъ наукой. При этомъ Ушинскій сдѣлалъ очень мѣткую характеристику педагогики вообще. Онъ находилъ, что по отношенію входящихъ въ ея составъ наукъ педагогика подобна лѣчебнику по отношенію къ медицинѣ. Допустимо, что многіе лѣчебники могутъ быть прекрасно составлены, полны, обширны, даже образцовы, тѣмъ не менѣе возможность лѣчить, а не знахарствовать, получается только лишь при основательномъ изученіи не лѣчебниковъ, а основъ медицины въ видѣ физіологіи, анатоміи и т. п. Аналогичны явленія и въ педагогикѣ: для начинающаго педагога черезчуръ мало изучать самыя

лучшія педагогическія руководства, если у него не будетъ достаточно знаній антропологическихъ. На этомъ основаніи свой трудъ, „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія", Ушинскій назвалъ не педагогикой, а педагогической антропологіей.

До появленія въ свѣтъ этого сочиненія у насъ не было ничего подобнаго въ нашей учебно-педагогической литературѣ. „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія" былъ результатомъ 5-лѣтняго усиленнаго труда за границей. Во время этой работы Ушинскій массу перечиталъ, стремился основательно изучить произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ философовъ и педагоговъ. Онъ пользовался для этого избранными произведеніями выдающихся западно-европейскихъ ученыхъ мыслителей, стремясь въ своемъ трудѣ дать возможно болѣе ясное и полное понятіе о важнѣйшихъ психологическихъ и педагогическихъ проблеммахъ. Такимъ образомъ, этотъ трудъ, представляя собою популярную философскую и антропологическую энциклопедію, являлся какъ бы итогомъ всего болѣе или менѣе выдающагося въ западно-европейской мысли.

Необходимо кстати сказать, что въ этомъ своемъ трудѣ Ушинскій помимо указанной нами главной цѣли преслѣдовалъ и добавочную. Наблюденія указали ему, что педагогическая терминологія и номенклатура его времени далеко не отличались ясностью, вслѣдствіе чего могла происходить и происходила нерѣдко досадная путаница въ самихъ понятіяхъ. „Читая педагогическіе проэкты, разнаго рода статьи и присутствуя при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ въ различныхъ собраніяхъ, прислушиваясь къ частнымъ спорамъ, мы пришли къ тому убѣжденію", замѣчаетъ Ушинскій, „что всѣ эти толки, споры, проэкты, журнальныя статьи выиграли бы много въ основательности, если бы придавали одно и то же значеніе психологическимъ и отчасти физіологическимъ и философскимъ терминамъ, которые въ нихъ безпрестанно повторялись". И вотъ, стараясь изложить свою педагогическую антропологію возможно болѣе точно и ясно, тѣмъ самымъ авторъ ея пытался изгнать неустойчивость въ нашей педагогической терминологіи и номенклатурѣ.

„Человѣкъ какъ предметъ воспитанія" появился въ свѣтъ въ 1867 г. Первый томъ его заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для педагога по физіологіи и психологіи. Второй томъ былъ изданъ въ 1869 г. и представляетъ собою анализъ чувствованій и воли. Предполагавшійся 3 томъ остался незаконченнымъ. Въ немъ Ушинскій намѣревался закончить анализъ духовныхъ особенностей, составляющихъ отличительную черту психической жизни человѣка. Въ заключеніи, въ видѣ окончательнаго вывода, онъ предполагалъ изложить педагогическія мѣры, правила и наставленія. Вышедшіе два тома этого труда, отличаясь стройностью изложенія,

строгой послѣдовательностью разработки явленій и вопросовъ педагогическаго характера, остротой критики различнаго рода теорій по философіи, психологіи и педагогикѣ, были написаны живо и увлекательно. Что это сочиненіе представляло и представляетъ собой цѣнный вкладъ въ нашу научно-педагогическую литературу и имѣетъ безспорно громадное значеніе для нашего педагога, это — неопровержимый и вполнѣ доказанный фактъ. Но, помимо того, соч. „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія" всегда съ большимъ интересомъ прочтетъ и каждый образованный человѣкъ, которому не чужды вопросы воспитанія.

Коснувшись приверженности Ушинскаго къ націонализму въ воспитаніи, мы не имѣли возможности точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно заключалась въ данномъ случаѣ его база. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ. Въ чемъ Ушинскій хотѣлъ проявить чувство народности и насколько высоко ставилъ это чувство, видно изъ приводимыхъ имъ примѣровъ. „Чувство народности такъ сильно въ каждомъ", говоритъ онъ, „что при гибели всего святаго и благороднаго оно гибнетъ послѣднее. Взяточникъ, подтачивающій, какъ червь, силы своей родины, сочувствуетъ ея славѣ и ея горю. Въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ человѣка". Основываясь на этомъ, Ушинскій считалъ вполнѣ возможнымъ предоставить дѣло воспитанія болѣе этимъ національнымъ основамъ. Сама организація воспитанія при такихъ условіяхъ, по его мнѣнію, менѣе рискуетъ быть въ зависимости отъ случайностей.

Народъ и его направленіе — это одно изъ наименѣе случайнаго. Главное же выраженіе этого направленія рельефнѣе всего выражаетъ всегда языкъ каждаго народа. „Языкъ народа — лучшій, никогда неувядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающійся далеко за предѣлами исторіи". „Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина". „Являясь полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи", говоритъ Ушинскій. Родной языкъ для каждаго народа имѣетъ великое значеніе. По мѣткому опредѣленію Ушинскаго, онъ представляетъ собою ту живую и прочную связь, которая соединяетъ народъ въ одно историческое цѣлое, являясь также связующимъ звеномъ между отжившимъ, живущимъ и будущимъ его поколѣніемъ. Родной языкъ — это сама жизненность народа. „Когда исчезаетъ народный языкъ", замѣчаетъ Ушинскій, „народа нѣтъ болѣе". Народъ

многаго можетъ лишиться и съ теченіемъ времени вновь возстановить, вернуть потерянное. „Отнимите у народа все“, говоритъ Ушинскій, „и онъ все можетъ воротить, но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе не создастъ его. Новую родину даже можетъ создать народъ, но языкъ — никогда. Вымеръ языкъ въ устахъ народа, вымеръ и народъ“. Естественно, что Ушинскій ставилъ высоко изученіе родного языка, его развитіе и процвѣтаніе. По его мнѣнію, родной языкъ являлся первымъ путемъ умственнаго развитія ребенка, такъ какъ „дитя входитъ въ духовную жизнь окружающихъ его людей единственно черезъ посредство отечественнаго языка, и, наоборотъ, міръ, окружающій дитя, отражается въ немъ своей духовной стороной только черезъ посредство той же среды отечественнаго языка“.

На этомъ основаніи Ушинскій считалъ прежде всего необходимымъ научить ребенка говорить на родномъ языкѣ, такъ какъ само „изученіе каждаго предмета передается ребенку, усваивается имъ и выражается всегда въ формѣ слова. Дитя, которое не привыкло вникать въ смыслъ слова, темно понимаетъ или вовсе не понимаетъ его настоящаго значенія и не получило навыка распоряжаться имъ свободно въ изустной и письменной рѣчи, всегда будетъ страдать отъ этого недостатка при изученіи всякаго другого предмета“.

Согласно теоріи Ушинскаго, родной языкъ такимъ образомъ долженъ быть центромъ, вокругъ котораго надо тѣсно сгруппировать остальные предметы первоначальнаго обученія. „Преподаваніе отечественнаго языка въ первоначальномъ обученіи составляетъ предметъ главный, центральный, входящій во всѣ другіе предметы и собирающій въ себѣ ихъ результаты“, говоритъ онъ.

Въ качествѣ убѣжденнаго сторонника и почитателя родного языка, онъ вмѣнялъ въ обязанность преподавателю родного языка не ограничиваться узкой сферой преподаванія грамматики, а имѣть въ виду общее развитіе учащагося. На обязанности преподавателя родного языка лежитъ „сообщить ученику ясное и правильное понятіе объ окружающихъ предметахъ, что очень рѣдко приносится ребенкомъ въ школу, научить его разсуждать о знакомыхъ ему предметахъ и правильно выражать свои мысли“. И вотъ, когда человѣкъ вполнѣ овладѣетъ роднымъ языкомъ, тогда только онъ можетъ приступать къ изученію иностранныхъ.

Солидарный во многихъ педагогическихъ вопросахъ съ Пироговымъ, въ данномъ вопросѣ Ушинскій совершенно съ нимъ расходился. Вполнѣ соглашаясь съ положеніемъ Пирогова, что изученіе организаціи языка можетъ быть лучшимъ средствомъ духовнаго развитія, онъ въ то же время считалъ эту цѣль достижимой лишь въ томъ случаѣ, если вмѣсто выдвинутыхъ на первый планъ Пироговымъ классическихъ языковъ взять свой родной языкъ. Взглядъ Ушинскаго былъ

даже таковъ, что каждое образованіе, преслѣдующее гуманитарныя цѣли, необходимо должно обратить прежде всего свое вниманіе на изученіе роднаго языка, а не чужихъ. „Правда и то, что древніе языки по логичности ихъ постройки могутъ быть признаны за логику языковъ, говоритъ онъ, но правда и то, что изученіе древнихъ языковъ не мало мѣшало намъ при изученіи родного, заставляя насъ смотрѣть сквозь чуждыя очки.“ Въ противоположность Пирогову, Ушинскій являлся противникомъ классицизма, и потому, когда у насъ былъ поднятъ вопросъ о великомъ воспитательномъ значеніи классицизма, онъ открыто выступилъ противъ него. Онъ не соглашался и возражалъ Пирогову по поводу его проповѣди о благотворности вліянія на юношество изученія древне-классическаго міра и наглядно указывалъ на тѣ результаты, которые проявило современное изученіе классическихъ языковъ на разныхъ почвахъ, въ томъ числѣ и у насъ. „Нѣмецъ извлекалъ изъ классиковъ грамматику, археологію и философію, англичанинъ — уроки греческой мудрости, точность и опредѣленность въ мысляхъ и выраженіяхъ, французъ — ловкія фразы, а мы, русскіе, извлекали до сихъ поръ только мертвую семинарщину, и наша проба продолжалась долго — цѣлое столѣтіе. Неужели же начинать снова? Какъ ни плохо у насъ учили классическимъ языкамъ, однако же выучились многіе. Какую же пользу приносило это изученіе у насъ множеству людей, которые три четверти своей молодой жизни потратили на изученіе латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ? Говорятъ, что нельзя винить древніе языки за то, что ихъ преподаютъ дурно; но если по какимъ либо предметамъ могли образоваться хорошіе наставники, то, конечно, по древнимъ языкамъ. Отчего же знаніе классическихъ языковъ и классической литературы не сдѣлало дурныхъ преподавателей этихъ предметовъ хорошими? Видно въ классическомъ мірѣ нѣтъ для насъ образовательной педагогической силы“. По его мнѣнію, средняя школа, въ которой и начинается усиленное изученіе древнихъ классиковъ, менѣе всего можетъ явиться мѣстомъ ихъ глубокаго и настоящаго пониманія.

Вообще классицизмъ не находилъ себѣ сочувствія у Ушинскаго, общій выводъ котораго въ отношеніи классицизма былъ таковъ, „что преимущественное изученіе классической древности, основанное на историческомъ преданіи, отъ котораго не можетъ оторваться Западная Европа, болѣе всего мѣшаетъ до сихъ поръ дѣйствительному соединенію науки и жизни“. Такого рода заключеніе могло найти себѣ объясненіе отчасти въ томъ, что въ качествѣ горячаго поборника идеи христіанства, Ушинскій находилъ міросозерцаніе древне-классическихъ народовъ черезчуръ несовмѣстимымъ съ этой идеей, такъ какъ, основанное на языческихъ понятіяхъ, оно является въ большинствѣ чуждымъ современному человѣку. Взгляды даже та-

кихъ лучшихъ представителей античнаго міра, какъ, напр., Сократъ, Аристотель, Тацитъ, по мнѣнію Ушинскаго, должны казаться современному человѣку во многомъ сходными съ воззрѣніями, если не ирокезца, то, по меньшей мѣрѣ, плантатора Южно-Американскихъ Штатовъ, — таковы ихъ взгляды на женщину, на другіе народы. Тацитъ же особенно своимъ воззрѣніемъ на Бога возмущалъ религіозное чувство Ушинскаго.

Вѣрный своему взгляду на родной языкъ, какъ на основной путь развитія въ дѣтствѣ, Ушинскій стремился доказать это на дѣлѣ, выпустивъ въ свѣтъ свой „Дѣтскій Міръ" и „Родное Слово". Обѣ эти книжки являлись нагляднымъ доказательствомъ идеи ихъ автора. Въ основу этихъ руководствъ для первоначальнаго обученія онъ и положилъ родной языкъ и вокругъ уже него группировалъ, ставя въ тѣсную связь, всѣ другіе предметы обученія.

Назначеніе обоихъ руководствъ было облегчать трудъ первоначальнаго обученія одинаково, какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ. Изъ нихъ „Родное Слово" представляетъ собою раціональное и строго методическое руководство для первоначальнаго обученія; это первая книжка послѣ азбуки. „Дѣтскій Міръ" — книжка вспомогательная для класснаго чтенія. Кто изъ насъ не знавалъ ихъ въ дѣтствѣ? Это наши старые испытанные друзья, которые и теперь читаются и перечитываются многими милліонами ребятишекъ всѣхъ городовъ и селъ обширной Руси.

Ушинскій, составляя обѣ книжки, отнесся съ большимъ вниманіемъ къ силамъ и способностямъ дѣтскаго мышленія. Первую провѣрку своихъ руководствъ онъ сдѣлалъ въ примѣненіи къ обученію собственныхъ дѣтей, за занятіями которыхъ всегда самъ наблюдалъ и слѣдилъ. Достигнуть намѣченной себѣ цѣли, выполнить свою задачу автору этихъ книжекъ было далеко не легко. Какъ онъ и самъ говорилъ, „написать первую книгу послѣ азбуки — едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ". Каждая изъ этихъ книжекъ была плодомъ нѣсколькихъ лѣтъ упорнаго и серьезнаго труда. Для человѣка некомпетентнаго въ воспитательномъ дѣлѣ при чтеніи хотя бы „Дѣтскаго Міра", состоящаго въ сущности изъ самыхъ простыхъ и безыскусственныхъ разсказовъ и описаній, можетъ казаться: какой же трудъ составить такую книжку? Тѣмъ не менѣе Ушинскій потратилъ на нее не даромъ нѣсколько лѣтъ (1858—61) усидчиваго труда, что̀ и показали впослѣдствіи результаты.

Составляя „Дѣтскій Міръ", авторъ имѣлъ въ виду черезъ посредство этой книжки способствовать постепенному развитію вниманія и мыслительной способности ребенка. Поэтому онъ такъ тщательно обдумывалъ и обрабатывалъ книжку во всѣхъ деталяхъ. Къ статьямъ, заимствованнымъ для „Дѣтскаго Міра" изъ русскихъ ав-

торовъ, Ушинскій относился строго критически. Помимо этихъ статей здѣсь было также довольно статей, составленныхъ и имъ самимъ. Всѣ эти свои статьи Ушинскій не только тщательно провѣрялъ и передѣлывалъ по нѣскольку разъ, но и самую форму ихъ изложенія, ихъ языкъ, старался сдѣлать простымъ и въ то же время художественнымъ и логически правильно выражающимъ мысль. Цѣль составителя была достигнута блестяще.

Что же касается „Родного Слова", въ которое авторъ стремился вложить „много новаго какъ въ методѣ, такъ и въ пріемахъ ученія", этотъ трудъ пріобрѣлъ Ушинскому вполнѣ заслуженную популярность и сдѣлалъ само имя его народнымъ. Строго слѣдуя индуктивному методу, Ушинскій стремился этимъ руководствомъ дать ребенку возможно болѣе полное и послѣдовательное знакомство со всѣмъ окружающимъ его въ обыденной жизни и природѣ. Здѣсь же дитя получало и первоначальное знакомство съ основами своей религіи, письмомъ, счисленіемъ и рисованіемъ. Самая форма, которую авторъ придалъ „Родному Слову", строго обдуманная и систематизированная, была искусно приспособлена къ тому, чтобы давать ребенку необходимыя свѣдѣнія и въ то же время укладывать ихъ въ его сознаніи гармонично, не насилуя его природы.

Вмѣсто томительно скучнаго букваря въ рукахъ ребенка появляется разумная книжка, художественно обработанная, умѣло и съ любовью приспособленная къ дѣтскому міру, написанная просто и ясно. Эта книжка заговорила съ нимъ понятнымъ ему роднымъ языкомъ. Вполнѣ естественно, что это былъ тотъ теплый солнечный лучъ, который проникъ, согрѣлъ и оживилъ дотолѣ мрачное и мертвое царство стараго букваря. Отъ книжекъ Ушинскаго повѣяло новымъ бодрящимъ духомъ, въ школѣ затеплилась настоящая жизнь. Ребенокъ былъ заинтересованъ и самъ уже проявлялъ охоту учиться безъ прежнихъ понуканій, наказаній и угрозъ.

Чтобы облегчить трудъ людей, занимающихся обученіемъ дѣтей, Ушинскій въ видѣ приложенія къ „Родному Слову" добавилъ „Книгу для учащихъ", т. е. руководство для преподаванія по „Родному Слову". Здѣсь указывался вполнѣ выработанный методъ первоначальнаго обученія.

Ушинскій не предполагалъ ограничиться даннымъ въ „Родномъ Словѣ". Его мечта была широко расширить программу этой книжки. Онъ мечталъ обратить „Родное Слово" въ обширное практическое руководство, которое охватывало бы собой всю программу начальнаго образованія.

Въ двухъ первыхъ частяхъ „Роднаго Слова" Ушинскій старался только дать возможно болѣе обильный матеріалъ для практическаго изученія роднаго языка, въ послѣдующей части онъ предполагалъ

перейти къ теоріи его изученія — къ грамматикѣ. Выпущенная 3 часть „Роднаго Слова" (1870 г.) представляетъ собой наглядное изложеніе грамматики. Въ особомъ приложеніи Ушинскій сдѣлалъ при этомъ основательный разборъ существовавшаго у насъ способа преподаванія грамматики.

„Такъ какъ грамматика есть результатъ наблюденій человѣка надъ собственнымъ языкомъ, говоритъ онъ, а не языкъ — результатъ грамматики, то самый раціональный пріемъ изученія грамматики будетъ такой, при которомъ стараются обратить вниманіе дитяти на то, какъ оно говоритъ, и только руководятъ его наблюденіями надъ тѣми грамматическими законами, которымъ оно безсознательно подчиняется въ своей рѣчи, усвоенной подражаніемъ, но созданной самосознаніемъ". Полная осмысленность въ данномъ случаѣ — единственно вѣрный и правильный путь, по мнѣнію Ушинскаго. „Руководство наставника при этомъ необходимо, безъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ. „Предоставленное самому себѣ дитя, конечно, не сдѣлаетъ никакихъ наблюденій надъ такимъ сложнымъ, обширнымъ и при томъ невидимымъ явленіемъ, какимъ представляется человѣческое слово во всей его исторической и логической организаціи. Но при этомъ руководствѣ должно сколько возможно болѣе оставлять самодѣятельности ученику". Послѣднее условіе Ушинскій считалъ основнымъ при вполнѣ осмысленномъ преподаваніи грамматики.

Безспорно, труды Ушинскаго были оригинальны по замыслу, талантливы по исполненію, но они были и не менѣе народны по духу.

Въ нихъ нашла себѣ яркое отраженіе душа русскаго человѣка, горячо любившаго свой народъ и понимавшаго его запросы. Ушинскій былъ того мнѣнія, что наше педагогическое дѣло далеко не зависитъ главнымъ образомъ отъ школы, поэтому свое „Родное Слово" въ качествѣ книжки первоначальнаго обученія родному языку составитель имѣлъ намѣреніе приспособить не для однихъ училищъ, но и для домашняго воспитанія, о правильности постановки котораго на родинѣ онъ такъ заботился. „Издавая руководство для учащихся по „Родному Слову" замѣчаетъ онъ, я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь распространено домашнее первоначальное обученіе, и дай Богъ, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрѣвъ множество заграничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, я вынесъ изъ этого осмотра полное убѣжденіе, что первоначальное воспитаніе и ученіе дѣтей, по крайней мѣрѣ до 8-лѣтняго и даже до 10-лѣтняго возраста, болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и что сама школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу". Исходя изъ этого положенія, въ качествѣ первой и лучшей учитель-

ницы ребенка Ушинскій считалъ прежде всего мать, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, педагогическія наклонности „столь свойственны женской природѣ“, и „что женщинѣ врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ даны необходимыя способности, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“. И вотъ своей книжкой Ушинскій хотѣлъ оказать также помощь русской матери-воспитательницѣ при ея первоначальномъ воспитаніи дѣтей: „облегчить для матери и сдѣлать для нея пріятнымъ трудъ первоначальнаго обученія“ и тѣмъ самымъ дать ей болѣе возможности самой понять и оцѣнить то наслажденіе, которое должна испытывать каждая интеллигентная женщина“. „Я желалъ бы, говоритъ Ушинскій, чтобы на моей родинѣ рядомъ съ устройствомъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, не могущихъ по какимъ либо уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученія, развились въ русской женщинѣ наклонность и умѣніе самой заниматься первоначально воспитаніемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала бы этого наслажденія никому безъ необходимости“. Со стороны каждой матери вполнѣ естественно стремленіе возможно больше не разставаться съ своими дѣтьми и потому само наблюдаемое стремленіе матерей поручать воспитаніе и первоначальное обученіе своихъ дѣтей школѣ и вообще чужимъ людямъ Ушинскій объясняетъ только „практической неподготовленностью матерей“. Въ виду этого онъ считалъ воспитательное дѣло лишь въ томъ случаѣ достигающимъ и исполняющимъ свое великое назначеніе, если его вопросы станутъ одинаково важными вопросами какъ для школы даннаго времени, такъ и въ частности для каждой семьи. Въ этомъ случаѣ каждая образованная, сознательно смотрящая на вещи семья неизбѣжно будетъ ставить интересъ педагогическій на ряду съ самыми насущными изъ своихъ интересовъ. Поэтому соединить, тѣснѣе сблизить между собой семью и школу и указать до извѣстной степени необходимость зависимости ихъ между собой — было горячимъ стремленіемъ Ушинскаго.

Идея придать школѣ характеръ большой разумной, хорошо поставленной семьи начала проявляться еще въ самомъ учрежденіи у насъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Первоначальная цѣль ихъ возникновенія — была замѣнить собой ребенку его въ большинствѣ случаевъ еще малокультурную семью. Идея эта возникла у насъ еще въ концѣ 18 столѣтія. Коснувшись того же вопроса, Ушинскій пришелъ къ выводу, что первоначальная цѣль нашихъ закрытыхъ заведеній въ сущности всегда была черезчуръ далека и не достигала своего предполагаемаго воспитательнаго назначенія. Со стороны нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній Ушинскій не считалъ возмож-

нымъ хотя сколько либо замѣнить собою семью уже по одному тому, что всѣ эти заведенія скорѣе напоминали собой огромныя крѣпости или казармы съ многочисленнымъ населеніемъ, чѣмъ желанный, полный свѣта и любви обширный семейный очагъ. Въ какую обстановку попадалъ здѣсь ребенокъ? „Повсюду сердитыя аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду строгая форма, чинность, вѣчная чистка и лакировка", то гробовое молчаніе, то оффиціальный гулъ. Формализмъ ихъ способенъ былъ обезличивать человѣка.

Казарменность условій этихъ закрытыхъ заведеній отразилась и на самомъ дѣленіи ихъ педагоговъ на двѣ совершенно различныя группы: учителей и воспитателей. Здѣсь часто „воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ, замѣчаетъ Ушинскій, всегда два лица, не только различныхъ, но и противоборствующихъ".

Всѣ усилія такого учителя часто направлены исключительно на набиванье дѣтскихъ головъ наукой. „Учитель является въ классъ на урокъ и, уходя съ урока, забываетъ о воспитанникахъ". Смѣняющій учителя воспитатель, своимъ грознымъ „тихо — смирно" стремящійся внѣдрять среди дѣтей формальное благонравіе, проявляетъ болѣе полицейскій, чѣмъ воспитательный характеръ своихъ обязанностей. При такихъ условіяхъ, естественно, трудно разсчитывать на желаемое воспитательное вліяніе образованія и образовательное вліяніе воспитанія. Въ заключеніе „это ведетъ къ тому, говоритъ Ушинскій, что ни воспитатель, ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія".

Рѣзкое дѣленіе на учительство и воспитательство имѣло еще и другую дурную сторону: оно давало возможность появляться здѣсь въ качествѣ воспитателей грубымъ и, что̀ еще хуже, озлобленнымъ невѣждамъ. Сама постановка дѣла, предоставлявшая въ исключительное вѣдѣніе воспитателя наблюденіе за порядкомъ, безъ труда могла избавлять его не только отъ излишняго пристрастія къ наукѣ, но даже отъ сочувствія къ ней. Въ конечномъ результатѣ такіе воспитатели, не вѣдая, что̀ творятъ, коверкали своихъ воспитанниковъ на всю жизнь, заставляя несчастныхъ дѣтей страшно страдать во все теченіе своего менторства.

Къ такого рода печальнымъ наблюденіямъ пришелъ Ушинскій, ознакомившись съ современными ему нашими закрытыми учебными заведеніями. Онъ находилъ, что ихъ черезчуръ форменный казарменный характеръ никогда не былъ въ силахъ отразиться благопріятно на самихъ отношеніяхъ между учащими и учащимися. Развитію такого формальнаго характера способствовала чрезмѣрная скученность дѣтей. Соблюдая порядокъ въ такомъ учебномъ заведеніи, приходится даже невольно обращать жизнь ребенка въ постоянный и заранѣе росписанный церемоніалъ. Формальный характеръ школы,

естественно, устанавливаетъ и формальность отношеній между учащими и учащимися. При такихъ условіяхъ учащему приходится смотрѣть на учащихся въ большинствѣ случаевъ черезъ оффиціальную оболочку, почему и сама внутренняя жизнь ребенка легко можетъ быть скрытой отъ его взора. Дѣти же живутъ и развиваются „гдѣ нибудь тайкомъ отъ воспитателя, въ какомъ нибудь темномъ уголкѣ, куда не проникаетъ его все нивеллирующій взглядъ; въ тихомъ шопотѣ съ товарищемъ, въ тетрадкѣ или игрушкѣ, переданной подъ скамьей, гдѣ нибудь за кустомъ, въ саду проглядываетъ эта жизнь и, конечно, проглядываетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось бы разумному воспитателю. Такимъ образомъ форменная жизнь заведенія идетъ своимъ порядкомъ, а настоящее дѣйствительное воспитаніе блуждаетъ тысячами другихъ путей. Констатируя этотъ печальный фактъ, который ему бросился въ глаза въ жизни привиллегированныхъ учебныхъ заведеній, какими были въ то время наши закрытыя заведенія, Ушинскій указываетъ, на ихъ сухой формализмъ какъ на главную причину ихъ многихъ неудачъ. Убѣжденіе же Ушинскаго было таково, что каждая школа въ силахъ достигнуть своего настоящаго назначенія, только лишь утративъ свой сухой и формальный характеръ.

На жизнь Ушинскій смотрѣлъ, какъ на нѣчто суровое и тяжелое. Въ школьный же періодъ, когда ребенокъ еще не успѣваетъ испытать на себѣ всей жизненной тяготы, священная обязанность его руководителя — дать болѣе возможности душѣ и тѣлу ребенка свободнаго и нормальнаго роста. Измученный и искалѣченный за свой школьный періодъ ребенокъ утрачиваетъ уже много шансовъ на полный расцвѣтъ и исправленіе въ самой дальнѣйшей жизни. Въ виду этого и былъ завѣтъ Ушинскаго всѣмъ руководящимъ воспитаніемъ дѣтей — стремиться всѣми силами сдѣлать школьный періодъ ребенка свѣтлымъ и отраднымъ періодомъ его жизни. Для лучшаго достиженія этой цѣли Ушинскій рекомендовалъ единственную мѣру — проводить болѣе свою идею на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, и въ качествѣ главнаго и могучаго средства указывалъ на необходимость ближе соединить между собою семью и школу, совѣтовалъ привлечь родителей, этихъ естественныхъ воспитателей, къ болѣе дѣятельному участію въ школьномъ воспитаніи и обученіи. Ушинскій горячо ратовалъ за доступъ родителей въ школу и за привлеченіе ихъ къ дѣятельному участію въ различнаго рода школьныхъ преобразованіяхъ. Онъ подалъ при этомъ ту великую мысль, осуществленіе которой только въ наше время является злобою дня.

Мнѣніе Ушинскаго было таково, что наблюденіе за ходомъ школьнаго дѣла далеко недостаточно вручить исключительно школьной администраціи. Дѣло школьное — дѣло черезчуръ трудное, и слѣдить за нимъ, какъ бы слѣдовало, также не легко. Ограничиться

исключительно оффиціальнымъ контролемъ школьной администраціи дѣло это не можетъ по одному уже тому, что оффиціальный контроль часто бываетъ „ненадеженъ и даетъ слабый результатъ", впадая нерѣдко въ односторонность.

Ушинскій вообще былъ того взгляда, что не слѣдуетъ довѣряться главнымъ образомъ своему единоличному опыту и практикѣ, а необходимо въ интересахъ самого дѣла имѣть провѣрку ихъ при посредствѣ людей, въ данномъ дѣлѣ также заинтересованныхъ. И вотъ, чтобы школа не могла оказаться односторонней въ своей теоріи, — какъ на вѣрный путь, онъ указывалъ на необходимость обмѣна мыслями педагоговъ другъ съ другомъ и педагоговъ съ родителями и обществомъ.

Вообще, активное содѣйствіе и участіе общества въ лицѣ родителей и воспитателей для выработки педагогическаго дѣла является очень желательнымъ, по мнѣнію Ушинскаго. „Наставническая и воспитательная дѣятельность, можетъ быть, болѣе чѣмъ какая либо другая нуждается въ постоянномъ воодушевленіи", замѣчаетъ онъ, „а между тѣмъ она болѣе чѣмъ всякая другая дѣятельность удалена отъ взоровъ общества". Ушинскій находитъ, что отъ этого обѣ стороны страдаютъ одинаково. По его очень мѣткому опредѣленію, тамъ, гдѣ общество остается индифферентнымъ къ вопросамъ воспитанія, тамъ, несмотря на количество учебныхъ заведеній, желаемое воспитаніе будетъ въ сущности отсутствовать. Не поможетъ въ данномъ случаѣ даже самая хитрая, образцово выработанная воспитательная система. При всѣхъ своихъ положительныхъ сторонахъ эта система, какъ не исходящая изъ общественнаго убѣжденія, окажется сравнительно безсильной. Она не произведетъ должнаго вліянія одинаково какъ на характеръ отдѣльнаго лица, такъ и на цѣлое общество. Индифферентизмъ общества неизбѣжно отразится застоемъ и спячкой школы. Во избѣжаніе такого рода печальнаго явленія, Ушинскій указывалъ какъ на вѣрное средство, на необходимость широкой гласности общественнаго мнѣнія и въ то же время на возможность развитія и простора педагогической литературы. Эта литература въ данномъ случаѣ является связывающимъ звеномъ между обществомъ и педагогической дѣятельностью.

Являясь до извѣстной степени отголоскомъ мнѣній и требованій общества, педагогическая литература всегда будетъ прочной основой для улучшенія воспитательнаго дѣла. Ушинскій стремился доказать, что, съ одной стороны, педагогическая литература можетъ выработать и установить въ обществѣ бóльшую правильность требованій по отношенію воспитанія, съ другой, она можетъ дать возможность найти необходимые пути и средства для удовлетворенія самихъ потребностей воспитанія. „Педагогическая литература, живая, современная

и обширная вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой, усыпительной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія". Черезъ посредство педагогической литературы каждый воспитатель получаетъ широкую возможность ознакомиться съ разнообразными методами воспитанія и педагогическими мѣрами. Такимъ образомъ, онъ въ силахъ будетъ избѣгнуть той односторонности, которой нерѣдко страдаютъ педагоги, особенно практики. А вѣдь „сколько зла можетъ сдѣлать рутина одного такого педагога, если она ошибочна", — замѣчаетъ Ушинскій.

При посредствѣ же педагогической литературы, когда является возможность выработки общественнаго мнѣнія о назрѣвшихъ педагогическихъ вопросахъ, является и вѣрный путь, который въ силахъ придать педагогической дѣятельности настоящій смыслъ и занимательность, отсутствіе чего обращаетъ ее въ механическое исполненіе своихъ обязанностей. Черезъ посредство педагогической литературы является возможность привлечь и обратить вниманіе общества на дѣло воспитанія и въ то же время указать и выяснить его великое значеніе, а педагогу дать возможность занять то именно мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву и по важности возложенныхъ на него обязанностей. Такимъ образомъ, сдѣлавъ вопросъ школы вопросомъ семьи и общества черезъ посредство широкаго распространенія педагогической литературы, Ушинскій указалъ тѣмъ самымъ болѣе удобный и вѣрный, по его мнѣнію, путь ввести въ семью и общество здравыя и разумныя педагогическія понятія о воспитаніи и обученіи.

Въ глазахъ Ушинскаго школьная дѣятельность не должна была и даже не могла ограничиваться только механической передачей знаній. Не выучка съ цѣлью подготовки къ какой либо профессіи и потому не стремленіе начинять голову ученика опредѣленнаго рода знаніями, а прежде всего развитіе и культивированіе его способностей, вотъ назначеніе настоящей школы, особенно первоначальной. Эту идею великаго Песталоцци Ушинскій считалъ однимъ изъ выдающихся міровыхъ открытій. По мнѣнію его, открытіе Америки принесло менѣе пользы человѣчеству и менѣе для него имѣло значенія, чѣмъ эта великая идея самоотверженнаго энтузіаста Песталоцци, цѣной всей своей многострадальной жизни заплатившаго за то, „чтобы ввести свою идею въ число немногихъ живыхъ и дѣятельныхъ идей, двигающихъ человѣчество". И вотъ, только неуклонно преслѣдуя цѣль, указанную Песталоцци, школа могла считать себя исполняющей свое истинное назначеніе. При этомъ сама ея дѣятельность неизбѣжно должна была явиться и обучающей, и воспитывающей въ одно и то же время.

Поэтому со стороны школы оказывалось вполнѣ естественнымъ обратить прежде всего вниманіе на свойственную ребенку природную любознательность и пытливость. Умѣлое воспитаніе и развитіе обѣихъ этихъ важныхъ способностей человѣка — главный залогъ всего и школьнаго, а впослѣдствіи и его личнаго успѣха.

На каждомъ шагу ребенокъ способенъ проявлять самимъ Творцомъ заложенныя въ его душу любознательность и пытливость. Ребенокъ — существо, для котораго все окружающее еще такъ ново, такъ полно неистощимой занимательности и интереса. Разнообразный міръ Божій мало еще знакомъ ребенку, мало извѣстенъ и потому такъ непреодолимо влечетъ его къ себѣ. Въ пору ранняго дѣтства всегда можно наблюдать болѣе рельефное, болѣе ярко очерченное проявленіе пытливости и любознательности, чѣмъ въ періодъ зрѣлаго возраста, въ періодъ вполнѣ уже окрѣпшей, зрѣлой мысли.

Вполнѣ понятно, что умѣнье со стороны школы поддержать эти врожденныя способности ребенка, пробудить ихъ, если нужно, и удовлетворить ихъ запросамъ — одно изъ главныхъ ея достоинствъ.

Ребенокъ крайне впечатлителенъ и отзывчивъ ко всему окружающему. Эта особенность его, тѣсно связанная съ любознательностью и пытливостью, представляетъ собой тѣ цѣнныя свойства, которыя въ виду своихъ же цѣлей, школа должна стараться бережно и заботливо культивировать, а не подавлять. Утрата этихъ свойствъ для человѣка незамѣнима, у него уже мало будетъ шансовъ на возстановленіе ихъ въ самой жизни. Окунувшись въ жизнь и узнавъ всѣ ея требованія, человѣкъ обыкновенно имѣетъ черезчуръ мало необходимыхъ условій и досуга, для того чтобы возстановить подавленную или заглушенную въ немъ съ ранней поры впечатлительность, отзывчивость и благородную пытливость. Современная жизнь въ большинствѣ случаевъ заставляетъ людей прежде всего тяжелымъ трудомъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба. Сами условія жизни оказываются черезчуръ искусственными и человѣку нерѣдко приходится не искать вовсе смысла въ той или другой работѣ, а исполнять ее болѣе механически.

Вполнѣ естественно, что каждое дѣло, каждая работа, если она исполняется въ силу необходимости, а тѣмъ болѣе по принужденію, далеко не привлекательна и бываетъ способна даже внушать къ себѣ отвращеніе. Проявленіе этого, конечно, особенно рельефно выражается дѣтскимъ міромъ, что́ и не трудно бываетъ наблюдать, когда неумѣло приступаютъ къ первоначальному обученію дѣтей. При такихъ условіяхъ дѣти являются буквально мучениками науки, которой по неволѣ только подчиняются и которой при первомъ удобномъ случаѣ стремятся мстить по своему.

Совершенно иная картина является, когда занятія съ ребенкомъ умѣло поставлены. Если занятія идутъ живо и интересно для ученика, они всегда оказываются способными привлечь его вниманіе, и само ученіе при этомъ становится привлекательнымъ. Заинтересованный ребенокъ полюбитъ свою работу, она уже не будетъ тяготить его. Ребенокъ самъ безъ всякаго понужденія начнетъ учиться.

Тонкій знатокъ дѣтской души и другъ ребенка, Ушинскій ставилъ поэтому для школы первымъ и необходимымъ условіемъ ея успѣха прежде всего — сдѣлать для ученика работу интересной. Но, рекомендуя школѣ основывать свое обученіе на стремленіи возбуждать у ребенка интересъ къ работѣ, Ушинскій далеко не являлся сторонникомъ ученія, получающаго видъ и характеръ забавы. Онъ даже относилъ къ числу погрѣшностей нѣкоторыхъ педагоговъ ихъ стремленіе придать своему ученію легкій, шутливый характеръ. Ушинскій энергично возставалъ противъ такого способа. Учить ребенка, забавляя его, онъ допускалъ возможнымъ лишь до 7-лѣтняго возраста, когда дѣлаются первыя попытки въ этомъ направленіи. Что же касается дѣтей болѣе взрослыхъ, то съ ними, по мнѣнію Ушинскаго, слѣдуетъ заниматься вполнѣ серьезно и тѣмъ самымъ съ ранней поры пріучать ихъ относиться къ наукѣ съ вполнѣ заслуженнымъ ею уваженіемъ. Какъ на одно же изъ главныхъ средствъ поддерживать всегда интересъ у ребенка къ его школьной работѣ, Ушинскій указываетъ на необходимость ее разнообразить и не дѣлать черезчуръ утомительной и непосильной.

Исходя изъ этого положенія, въ священную обязанность вмѣнялъ онъ школѣ постоянно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы занятія были всегда своевременны и не превышали силъ дѣтей. „Нельзя держать вниманіе ученика въ возбужденномъ состояніи въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени“ замѣчаетъ Ушинскій, а потому, заботясь объ успѣхѣ своего дѣла, школа должна выработать себѣ въ этомъ отношеніи опредѣленную норму, чувство мѣры. Умѣлый и опытный учитель всегда съ успѣхомъ сумѣетъ обойти многіе терніи.

„Дѣтей нельзя утомлять слишкомъ продолжительными для ихъ возраста занятіями въ одномъ направленіи“, говоритъ Ушинскій. „Дѣти еще не способны къ слишкомъ продолжительному вниманію и не могутъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, поэтому учитель долженъ разнообразить предметы занятій, чтобы избѣжать утомленія дѣтей и школьной скуки, которая служитъ источникомъ многихъ дѣтскихъ проступковъ, шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія къ ученію и даже хитрости и лицемѣрія“.

Если школьный учитель лѣнивъ, неумѣло ведетъ занятія или имѣетъ слабое знакомство съ методомъ, который способствовалъ бы ему съ большимъ успѣхомъ поддерживать вниманіе класса, если

онъ будетъ ограничиваться на урокѣ спрашиваніемъ однихъ учениковъ, заставляя въ то же время другихъ или напряженно ждать своей очереди, или же отъ скуки стараться развлечься чѣмъ либо постороннимъ, учитель самъ будетъ способствовать порчѣ ученика. „Такимъ образомъ проводитъ иной счастливый мальчикъ, иронически замѣчаетъ Ушинскій, бо́льшую часть цѣлой недѣли и пріобрѣтаетъ гнусную привычку оставаться цѣлые часы, ничего не дѣлая и ничего не думая". Это вполнѣ удобное время для возможности порчи головы, сердца и нравственности ребенка. Ушинскій держался того взгляда, что обученіе можетъ быть тѣмъ основательнѣе, чѣмъ строже соблюдается пропорціональность между возрастомъ ребенка и количествомъ изучаемыхъ имъ предметовъ. Отсутствіе въ работѣ необходимой привлекательности, ея монотонность и непосильность способны одинаково до извѣстной степени калѣчить ребенка.

Когда руководство преподаваніемъ въ рукахъ умѣлаго учителя, время классовъ безъ ущерба можетъ быть сокращено имъ почти на половину, если для этого является почему либо ощутительная необходимость, но за то „остающаяся половина отниметъ все активное вниманіе класса". Это активное вниманіе и есть первый залогъ успѣха.

Для того чтобы достигнуть его, Ушинскій считаетъ необходимымъ, чтобы учитель давалъ ребенку возможно больше участія въ работѣ самому лично и развивалъ въ немъ сознательное къ работѣ отношеніе. Исходя изъ такого положенія, Ушинскій считалъ священной обязанностью школы употреблять всѣ зависящія отъ нея усилія, чтобы поощрять въ ребенкѣ возможно большую самостоятельность въ работѣ. Поэтому учить ребенка, какъ у насъ обыкновенно принято понимать, онъ не находилъ полезнымъ, а болѣе дѣйствительнымъ — скорѣе умѣло помогать ребенку учиться. Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что каждое знаніе тогда лишь можетъ стать личнымъ достояніемъ, когда оно пріобрѣтено черезъ посредство извѣстной доли усилій, личной работы.

На этомъ основаніи онъ считалъ, что школьное преподаваніе, зорко слѣдя за развитіемъ самодѣятельности ученика и пріучая ученика къ сознательной работѣ, должно избѣгать излишка наводящихъ вопросовъ. Чрезмѣрное усердіе въ этомъ отношеніи, чѣмъ отличалась нѣмецкая педагогія, Ушинскій далеко не считалъ полезнымъ, такъ какъ этотъ путь, по его мнѣнію, могъ не мало способствовать даже развитію умственной лѣни, а тѣмъ болѣе не соотвѣтствовалъ одному изъ основныхъ его требованій отъ школы — пріученію ребенка къ самостоятельной работѣ.

Педагогическая теорія Ушинскаго была такова, чтобы ученикъ подъ умѣлымъ руководствомъ школы, шагъ за шагомъ, самостоятельно преодолѣвалъ въ своей работѣ одну трудность за дру-

гой. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ, чѣмъ больше будетъ со стороны ученика проявленій активности, тѣмъ для него скорѣе работа утратитъ видъ пассивной и вынужденной. Начиная самостоятельно шагъ за шагомъ преодолѣвать въ своей работѣ одну трудность за другой, ребенокъ въ то же время получаетъ возможность болѣе оцѣнить настоящее значеніе своего дѣла, получаетъ при этомъ и извѣстную долю въ немъ интереса и удовольствія.

Вообще насколько возможно раньше Ушинскій совѣтуетъ внушать дѣтямъ болѣе серьезное отношеніе и взглядъ на окружающій ихъ міръ, на жизнь вообще и тѣсно связанный съ ней неизбѣжный трудъ. Указать истинное значеніе труда и развить у учащихся привычку и даже любовь къ нему имѣетъ громадное значеніе въ школьномъ дѣлѣ.

Являясь горячимъ поборникомъ и печальникомъ нашей русской школы, Ушинскій стремился вложить трудъ въ качествѣ одного изъ основныхъ ея началъ. Трудъ въ глазахъ Ушинскаго имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка вообще. Эту одну изъ своихъ излюбленныхъ идей онъ очень удачно выразилъ въ одной своей педагогической статьѣ подъ названіемъ: „Трудъ въ его психологическомъ и воспитательномъ значеніи". Основной его тезисъ былъ въ томъ, что „трудъ сдѣлался довершителемъ законовъ человѣческой природы и необходимымъ условіемъ его [человѣка] тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія; что матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе, но только внутренняя духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности, и счастія". Потому трудъ обязателенъ для каждаго человѣка, въ немъ сама жизнь человѣка и возможность прогрессировать. Потребность труда коренится въ самой натурѣ человѣка и, какъ каждая потребность, въ силу условій можетъ развиваться или заглушаться. „Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, говоритъ Ушинскій, и это требованіе такъ настоятельно, что, если почему бы то ни было у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу, и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ заживо". Къ сожалѣнію, рѣдко кто имѣетъ вполнѣ правильный и вѣрный взглядъ на трудъ и его значеніе. Рѣдко кто сознаетъ вполнѣ, что постоянный неустанный трудъ — обязательный долгъ человѣка, кто бы онъ ни былъ. Въ большинствѣ же люди склонны болѣе избѣгать труда,

скорѣе видѣть въ немъ для себя тяжелую и вынужденную обязанность, обузу, кару, отъ которой при первомъ удобномъ случаѣ спѣшатъ и готовы избавиться. „Трудъ, конечно, бремя“, говоритъ Ушинскій, „но бремя, безъ котораго возможное соединеніе человѣческаго достоинства и счастья невозможно“, и въ то же время это основной элементъ, главный источникъ достоинства человѣка, его счастья и нравственности. „Только тотъ, кто могъ найти въ своей работѣ полное удовлетвореніе, кто получилъ сознаніе приносимой имъ пользы, тотъ только и могъ увѣренно сказать, что онъ трудился. Въ то же время онъ могъ видѣть осмысленность своего существованія, а сама работа его съ полнымъ правомъ могла быть названа почетнымъ именемъ труда“. Это истинное значеніе труда, по мнѣнію Ушинскаго, искажено людьми пошлыми, которые и лишили трудъ его настоящаго смысла, настоящаго нравственнаго значенія, серьезнаго, честнаго и почетнаго.

Совершаясь болѣе въ виду мелкихъ меркантильныхъ интересовъ изъ-за обогащенія или наживы, трудъ, естественно, могъ утратить свое истинное высокое значеніе, — онъ пересталъ быть свободнымъ, тогда какъ понимаемый въ своемъ настоящемъ значеніи — нравственнаго долга и потому исполняемый человѣкомъ всегда сознательно, трудъ не можетъ быть подневольнымъ.

Что же касается дѣйствительно подневольнаго труда, труда изъ подъ палки, то Ушинскій считалъ его унижающимъ само достоинство человѣка, низводящимъ человѣка на степень безсмысленнаго низшаго животнаго.

По наблюденію Ушинскаго, среди нашего общества еще сильно развита положительная боязнь труда, нагляднымъ примѣромъ чего Ушинскій приводитъ родителей, готовыхъ буквально выбиваться изъ послѣднихъ силъ, лишь бы дать возможность своимъ дѣтямъ менѣе трудиться. Каковы же результаты? Въ большинствѣ случаевъ отрицательные и крайне печальные. Дѣти, съ ранней поры, не пріученныя и не привыкшія къ труду, мало того что рѣдко находятъ желанное счастье въ жизни, но привычка къ праздности вырабатываетъ изъ нихъ или вялыхъ неудовлетворенныхъ въ жизни лѣнтяевъ, или же, хуже того, мотовъ и кутилъ. На школу Ушинскій возлагалъ большую надежду. По его мнѣнію, только та школа вправѣ была считать исполняющей до извѣстной степени свое назначеніе по отношенію къ обществу, которая даетъ ему дѣятельныхъ членовъ, глубоко убѣжденныхъ, что жить не трудясь — гадко и подло. Потому одна изъ первыхъ обязанностей школы — пріучить ребенка къ труду и неизбѣжно связанному съ правильнымъ трудомъ порядку.

Если школа не успѣетъ или не сумѣетъ зажечь въ ребенкѣ серьезнаго стремленія къ труду, тѣмъ самымъ она лишитъ его впослѣдствіи многихъ блачъ жизни.

Вполнѣ естественно, что правильная постановка школьнаго дѣла, развивая мыслительныя способности ребенка и пріучая его болѣе думать, тѣмъ самымъ развиваетъ въ немъ и само стремленіе къ умственной дѣятельности и до извѣстной степени привычку къ труду. „Умственный трудъ едва ли не самый тяжелый для человѣка", замѣчаетъ Ушинскій. „Мечтать легко и пріятно, но думать трудно", однако, „человѣкъ, привыкшій трудиться умственно, скучаетъ безъ такого труда, ищетъ его и, конечно, находитъ на каждомъ шагу". И вотъ, для того, чтобы внушить ребенку необходимую привычку къ труду, Ушинскій первымъ условіемъ считаетъ — окружить ребенка благопріятной сферой.

Самымъ опаснымъ и губительнымъ для человѣка, по мнѣнію Ушинскаго, бываетъ то состояніе человѣка, когда онъ оказывается одинаково безъ мысли въ головѣ и безъ работы въ рукахъ. Это состояніе, по мѣткому опредѣленію Ушинскаго, „лакейское", можетъ быть прямымъ слѣдствіемъ образовавшейся у многихъ привычки непроизводительно убивать время. „Какъ будто его дано человѣку слишкомъ много!" съ негодованіемъ замѣчаетъ онъ. Такого рода привычка, укоренившись въ силу условій, и создаетъ впослѣдствіи тѣхъ людей, которые, вступивъ самостоятельно въ жизнь, не знаютъ, что съ собой дѣлать. Кто же виноватъ въ этомъ? Къ сожалѣнію, нерѣдко не одни жизненныя условія, но и сама школа. Она первая можетъ явиться, сверхъ ожиданій, культивирующей привычку убивать время. „Вѣдь, это фразы крайнихъ теоретиковъ и доктринеровъ", говоритъ Ушинскій, „что ученикъ долженъ и можетъ съ увлеченіемъ относиться ко всему, что дѣлается въ классѣ. Въ трудѣ не все доставляетъ удовольствіе. Въ трудѣ всегда можетъ встрѣтиться и скучный моментъ, и подчасъ нѣкоторая сухость, механизмъ и т. п.". Какъ мы уже сказали раньше, говоря о необходимости разнообразія при веденіи школьныхъ занятій, Ушинскій указывалъ, что успѣхъ дѣла необходимо требуетъ смѣны одной работы на другую. Умѣлое чередованіе умственнаго труда съ умственнымъ же, только нѣсколько иного характера, нѣсколько видоизмѣненнымъ, или же съ трудомъ физическимъ служитъ въ одно и то же время и отдыхомъ, и развитіемъ привычки къ труду. Установится эта привычка прочно, человѣкъ полюбитъ самый трудъ, для него утратитъ свою заманчивую привлекательность праздность, и явится вполнѣ разумное отношеніе къ необходимому отдыху. Какъ на примѣръ раціональнаго отношенія школы къ сбереженію времени и пріученію ребенка къ труду, Ушинскій указываетъ на германскія школы, гдѣ свободное время учениковъ всегда занято то хозяйствомъ, то обработкой сада, огорода при школѣ, уборкой класса, или же какого либо рода ремеслами.

Но являясь горячимъ сторонникомъ воспитывающаго значен я труда и противникомъ праздности, Ушинскій въ то же время далеко не былъ противъ различнаго рода развлеченій для ребенка. Онъ безусловно признавалъ ихъ громадное значеніе для дѣтскаго возраста, хотя и несклоненъ былъ смотрѣть на значеніе дѣтскихъ игръ, напр., такъ восторженно оптимистически, какъ педагоги позднѣйшаго времени. Главное, онъ не считалъ полезнымъ для ребенка допускать его въ этомъ отношеніи до пресыщенія, а находилъ необходимымъ только пріучать ребенка добровольно и безъ особаго усилія оставлять игры и развлеченія ради необходимой работы.

Каждый ребенокъ непреодолимо стремится копировать взрослыхъ, среди которыхъ ему приходится жить. На этомъ основаніи, замѣчаетъ Ушинскій, никакія отвлеченныя правила не въ силахъ замѣнить собою ребенку живой примѣръ, единственно могущій оказывать воспитательное вліяніе на ребенка. „Невозможно такъ изолировать воспитаніе, чтобы окружающая его со всѣхъ сторонъ жизнь не имѣла на него вліянія". Запросы и требованія жизни всегда найдутъ въ воспитаніи свое отраженіе. На этомъ основаніи вполнѣ понятно, что тамъ, гдѣ ребенокъ видитъ вокругъ себя главнымъ образомъ стремленіе къ удовольствіямъ, которыя составляютъ какъ бы цѣль жизни для старшихъ, бываетъ очень трудно придать ребенку желанное направленіе. Таковъ, напримѣръ, весь режимъ жизни великосвѣтскихъ людей. У взрослыхъ на первомъ планѣ — театры, маскарады, балы, наука же и ея интересы отступаютъ при этомъ неизбѣжно на второй планъ и болѣе стушевываются. Присматриваясь съ ранней поры къ жизни старшихъ, такой ребенокъ, естественно, привыкаетъ къ ней и находитъ много прелести. Весь складъ жизни большого свѣта приводитъ ребенка къ выводу, „что ученье и учителя изобрѣтены собственно для дѣтей, а для взрослыхъ есть кое-что получше".

Высшій слой общества, по мнѣнію Ушинскаго, видитъ и поощряетъ въ ученіи, главнымъ образомъ, стремленіе къ карьерѣ. Менѣе замѣтно поощрительное отношеніе въ этомъ направленіи среди людей болѣе простыхъ. У простого русскаго народа Ушинскій находилъ въ высокой степени развитую способность къ труду и любовь къ нему, потому у него онъ и рекомендовалъ учиться работать.

Ушинскій чрезвычайно высоко ставилъ педагогическое дѣло и потому считалъ священной обязанностью каждаго, взявшагося за воспитаніе и обученіе дѣтей, стараться оказывать на нихъ благотворное вліяніе. Способность же благотворнаго воспитательнаго вліянія учителя и его умѣніе управлять дѣтьми во многомъ можетъ зависѣть отъ него самого. По мнѣнію Ушинскаго, воспитатель можетъ выработать и развить въ себѣ эту способность, если будетъ чутко

прислушиваться къ потребностямъ дѣтской души, изучать ея запросы. Воспитатель долженъ старательно и заботливо изучать какъ характеры, такъ и душевныя настроенія своихъ воспитанниковъ, зорко наблюдать за тѣмъ или иным проявленіемъ, которое явится слѣдствіемъ различныхъ способовъ его отношеній къ нимъ. Руководствуясь такими воззрѣніями, Ушинскій прежде всего требовалъ отъ педагога-воспитателя, чтобы онъ обладалъ основательными и возможно разносторонними свѣдѣніями о человѣческой природѣ, безъ чего считалъ немыслимымъ и само педагогическое дѣло. „Воспитатель долженъ стремиться узнать человѣка, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, со всѣми его слабостями и во всемъ его величіи, со всѣми его будничными мелкими нуждами и со всѣми его духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ съ своей совѣстью, во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и болѣзни, среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово человѣческаго утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера. Тогда только онъ будетъ въ состояніи почерпать въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія, а средства эти громадны". Педагогическое дѣло, какъ касающееся исключительно человѣка, естественно, прежде всего требуетъ основательнаго изученія и знанія человѣческой натуры. „Если педагогика хочетъ воспитать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчаетъ Ушинскій, то она должна прежде узнать его тоже во всѣхъ отношеніяхъ". Только достигнувъ этой цѣли, можно получить возможность управлять человѣкомъ, согласно своимъ намѣреніямъ. Отсюда прямое слѣдствіе, что приступать къ такому дѣлу возможно не иначе, какъ обладая довольно солиднымъ научнымъ багажомъ.

Каждая воспитательная дѣятельность, какъ тѣсно связанная съ направленіемъ общественной жизни, всегда должна являться дѣятельностью живой. Въ то же время, какъ дѣятельность, необходимо связанная съ наукой и проникнутая умственно культурными элементами, она возможна только при основательной подготовкѣ. Ясно, что педагогъ не можетъ быть мало свѣдущимъ, иначе онъ не въ силахъ исполнять свое назначеніе „двигать науку впередъ". Чтобы не итти въ своемъ дѣлѣ наугадъ или ощупью, педагогъ-воспитатель долженъ пріобрѣсть твердую почву, онъ долженъ быть врачемъ, а не знахаремъ. „Далеко бы ушла медицина, если бы она остановилась на рецептахъ знахарей и случайно открытыхъ врачебныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ медикаментовъ", говоритъ Ушинскій.

Педагогъ-знахарь не менѣе рисковалъ бы искалѣчить многія сотни дѣтскихъ душъ.

„Искусство воспитанія, какъ и искусство врачеванія, требуетъ долговременной, специальной теоретической и практической подготовки.“ „Но въ томъ то и бѣда“, говоритъ Ушинскій, „что немногіе у насъ еще и до сихъ поръ убѣждены, что воспитаніе есть искусство, при томъ искусство не легкое, хотя, казалось бы, результаты, которыхъ мы до сихъ поръ достигали въ воспитаніи, могли убѣдить въ этомъ каждаго.“ И вотъ, въ виду пользы дѣла, Ушинскій не хотѣлъ видѣть въ лицѣ педагога человѣка, односторонне развитого и смотрящаго на все черезъ призму своей спеціальности. Нигдѣ односторонность настолько не вредна, какъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Ушинскій допускалъ возможность односторонности для экономиста, историка, психолога и т. п., но для педагога-воспитателя — ни въ коемъ случаѣ.

„Искусство воспитанія выросло медленнымъ историческимъ путемъ, и тотъ, кто хочетъ воспитывать дѣтей, долженъ посвятить много времени этому искусству“. Если отъ ремесленника требуется не только знаніе его ремесла, но и совершенствованіе въ немъ, тѣмъ болѣе общество въ правѣ требовать отъ человѣка, которому поручаетъ воспитаніе своихъ дѣтей широкаго знакомства съ своимъ предметомъ. Эта важность педагогическаго дѣла и заставляетъ Ушинскаго такъ горячо ратовать за возможность болѣе основательной подготовки и широкаго образованія педагоговъ при посредствѣ организаціи педагогическаго факультета при университетѣ — для средней школы и учительскихъ семинарій, педагогическихъ курсовъ — для низшей. „Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы оно не заслуживало особаго факультета“, говоритъ Ушинскій. „Цѣль педагогическаго факультета могла бы быть даже опредѣленнѣе цѣли другихъ факультетовъ. Этою цѣлью было бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы, со спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія. Практическое значеніе такого педагогическаго или вообще антропологическаго факультета было бы велико. Педагоговъ численно нужно не меньше, а даже еще больше, чѣмъ медиковъ, и, если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ дѣтей нашихъ, ввѣряемъ ихъ душу и вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность нашего отечества“. Отсюда ясно, почему въ качествѣ сторонника и поборника общественнаго воспитанія Ушинскій въ основѣ наукъ для приготовленія къ педагогической дѣятельности ставилъ науку о человѣкѣ, объ обществѣ и всестороннемъ развитіи человѣчества. Поэтому, по его мнѣнію, программа педагогическихъ факультетовъ должна была состоять изъ анатоміи, физіологіи, пато-

логіи человѣка, психологіи, логики, сюда же присоединялись филологія, географія, статистика, политическая экономія, исторія съ подраздѣленіями на исторію религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературъ, искусствъ и собственно воспитанія.

Ушинскій не считалъ возможнымъ для человѣка, занимающагося педагогіей, не быть хорошимъ психологомъ, такъ какъ педагоги — „единственный классъ людей, для практической дѣятельности которыхъ изученіе духовной стороны человѣка является такимъ же необходимымъ, какъ для медика изученіе тѣлесной“. Потому изученіе этого отдѣла для педагоговъ Ушинскій особо подчеркивалъ. Если университеты его времени имѣли факультеты медицинскій, камеральный, а не имѣли педагогическаго, объясненіе такого явленія Ушинскій находилъ въ вѣрномъ признакѣ большей заботы людей о здоровьи своего тѣла и кармана, чѣмъ о здоровьи нравственномъ и разумномъ будущемъ своего молодого поколѣнія. Если общество болѣе обращаетъ вниманіе на спеціальное образованіе, заботясь болѣе о медикахъ, математикахъ, архитекторахъ, техникахъ и т. п., чѣмъ о подготовкѣ воспитателей, то является вполнѣ естественнымъ, что грандіозныя фабрики, великолѣпныя биржи и т. п. далеко не соотвѣтствуютъ нравственному уровню общества.

Мысль Ушинскаго относительно организаціи педагогическихъ факультетовъ не нашла себѣ поддержки у современниковъ. Она показалась имъ излишкомъ увлеченія; съ тѣхъ поръ проэктъ антропологическихъ факультетовъ и постигла печальная участь. Проэктъ этотъ остался только прекрасной мечтой своего времени, мечтой, безнадежно сданной въ архивъ. Узнать о ней мы можемъ только изъ произведеній Ушинскаго. Но, не говоря уже о современникахъ Ушинскаго, много ли мы, позднѣйшее поколѣніе, успѣли почерпнуть изъ этой мечты и перенести въ свою дѣйствительность? Дошли ли мы до сознанія необходимости болѣе широкой подготовки для педагогическаго дѣла, о чемъ такъ горячо ратовалъ и убѣдительно доказывалъ Ушинскій?

Нашъ филологическій факультетъ, прежде всего, не имѣетъ даже каѳедры педагогики. Можетъ ли педагогъ по окончаніи курса обладать основательной подготовкой къ своей дѣятельности, когда онъ прямо со студенческой скамьи переходитъ на каѳедру учителя? А въ сущности, прекрасная мечта Ушинскаго развѣ не могла бы найти себѣ до извѣстной степени осуществленія въ дѣйствительности настоящаго времени при нѣкоторомъ видоизмѣненіи цикла предметовъ нашихъ филологическихъ факультетовъ? Многія изъ тѣхъ наукъ, на необходимость изученія которыхъ для педагоговъ вполнѣ основательно указываетъ Ушинскій, вѣдь имѣются у насъ на другихъ факультетахъ. Сознавая ихъ необходимость для педагоговъ, почему

бы человѣку, готовящемуся къ этому поприщу, не слушать ихъ частью у медиковъ, частью у естественниковъ, частью у юристовъ? При такихъ условіяхъ, конечно, будущій педагогъ получилъ бы несравненно болѣе возможности серьезно и обстоятельно изучить человѣческую природу въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, а если къ тому же студентъ-филологъ будетъ имѣть возможность необходимаго опыта, у насъ менѣе будетъ появляться тѣхъ узкихъ подчасъ спеціалистовъ, которые нерѣдко оказываются теперь среди нашихъ учителей. Мы будемъ имѣть болѣе твердую почву для педагогической подготовки, и завѣты нашего „учителя учителей" выйдутъ изъ области неосуществленной мечты.

Въ сущности педагогическимъ вопросамъ всегда приходится очень медленно выходить изъ своей чисто спеціальной сферы и становиться болѣе вопросами общественными. Однимъ изъ болѣе счастливыхъ изъ этихъ вопросовъ въ пору Ушинскаго оказался вопросъ объ учительскихъ семинаріяхъ. Вопросъ этотъ успѣлъ быстро привиться еще съ перваго времени своего возникновенія. Иниціаторъ и организаторъ его Ушинскій получилъ возможность въ этихъ учрежденіяхъ осуществить и примѣнить многія изъ своихъ педагогическихъ предначертаній.

Какъ человѣкъ, переживщій великую реформу 19 февраля 1861 г., Ушинскій, естественно, въ вопросѣ о народной школѣ и ея учителѣ видѣлъ одинъ изъ вопросовъ первой государственной важности. „Боже мой, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни, писалъ онъ въ ту пору. И не школъ грамотности только, а такихъ, въ которыхъ бы народъ научился употреблять съ пользой для себя и для другихъ свою свободу". Для достиженія же указанной цѣли являлась существенная необходимость правильной подготовки самого народнаго учителя, въ виду чего Ушинскій и указывалъ на учительскія семинаріи, какъ на возможность осуществленія своей мысли. Съ этой цѣлью онъ разработалъ и указалъ основныя начала, на которыя должны были опираться эти учебныя заведенія.

Ушинскій твердо вѣрилъ въ русскій народъ, въ его стремленія къ свѣту и правдѣ, потому такъ горячо стоялъ за интересы народной школы. Основнымъ требованіемъ для нея онъ считалъ подчиненіе требованіямъ народнымъ, съ которыми и долженъ былъ прежде всего необходимо считаться народный учитель. Ушинскій былъ твердо убѣжденъ, что народъ обладаетъ не меньшей способностью понять значеніе школы, чѣмъ большинство нашего общества, и способенъ даже смотрѣть лучше на ея задачу, за что могутъ говорить сами примѣры. Задаваясь стремленіемъ учить народъ тому, что для него необходимо, Ушинскій считалъ небезполезнымъ

для самихъ учителей поучиться многому у народа. „Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ еще не могли измѣрить, что этотъ простой народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ, что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу и сдѣлали ее достойной этого имени.“ Таковъ былъ завѣтъ Ушинскаго народнымъ учителямъ. Принимая во вниманіе будущее народнаго учителя, его жизненныя требованія и обстановку, Ушинскій рекомендовалъ для учительскихъ семинарій образъ жизни болѣе простой и строгій, безъ излишка свѣтскихъ развлеченій. Онъ совѣтовалъ устраивать учительскія семинаріи вдали отъ шумныхъ большихъ городовъ, въ мѣстности, гдѣ была бы возможность лучше наблюдать и изучать природу. Однако это далеко не значило, чтобы Ушинскій желалъ удалить учительскія семинаріи отъ общества, изолировать ихъ и лишить орудій и средствъ къ вполнѣ культурной жизни. Прекрасно понимая тяжелый трудъ и условія жизни будущаго „труженика на нивѣ народной“, Ушинскій стремился только, по возможности, не нарушать его покоя и тѣмъ самымъ не дѣлать еще болѣе тяжелой его будущую дѣятельность. Онъ былъ того мнѣнія, что для народнаго учителя нѣтъ особой необходимости въ обширныхъ свѣдѣніяхъ, и потому самый курсъ семинарій долженъ былъ быть не обширенъ, но въ то же время энциклопедиченъ, ясенъ, точенъ и опредѣленно изложенъ. Основываясь на томъ соображеніи, что народный учитель будетъ руководить умственной жизнью крестьянина, Ушинскій находилъ для него необходимымъ дать элементарное знакомство съ соотвѣтственными науками, искусствами и ремеслами. На практическую дѣятельность рекомендовалось имъ обращать усиленное вниманіе.

Курсъ учительской семинаріи занималъ 2—4 года. Заведенія эти были закрытыми съ цѣлью произвести большее вліяніе на характеръ и нравственное направленіе воспитанниковъ. Религіозно-нравственная сторона олжна была занять въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній видное мѣсто.

Исполняя завѣты Ушинскаго, желающій быть педагогомъ, а тѣмъ болѣе народнымъ, долженъ былъ явиться тѣмъ другомъ своихъ учениковъ, который, заслуживъ ихъ любовь, внушивъ ее къ себѣ, тѣмъ самымъ черезъ свое посредство могъ внушить имъ ее ко всему человѣчеству. Первымъ условіемъ для достиженія этой цѣли Ушинскій считалъ любовь педагога къ своему дѣлу и къ дѣтямъ. Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что, если учитель — человѣкъ чуткій, отзывчивый, то сами его поступки окажутся характерными выразителями его любящаго сердца и чуткой совѣсти. Вліяніе

такого педагога на своихъ воспитанниковъ будетъ безусловно благотворно. Проявленіе въ его поступкахъ чувства любви и совѣсти неизбѣжно проявитъ свое воспитательное вліяніе на всемъ окружающемъ. Какъ мы уже успѣли замѣтить раньше, дѣти обладаютъ способностью и склонностью всегда подражать старшимъ, которые успѣли получить въ глазахъ ихъ авторитетное значеніе. На этомъ же можетъ быть основано послушаніе и повиновеніе ребенка. Простой народъ — тотъ же ребенокъ.

Большее проявленіе простоты, теплоты, искренности въ отношеніяхъ между педагогомъ и его учениками, возможность болѣе тѣсно сблизить, сдружить ихъ — было горячимъ стремленіемъ Ушинскаго. На этотъ путь, въ смыслѣ благотворнаго вліянія, онъ возлагалъ большія надежды. Отсутствіе этихъ необходимыхъ факторовъ успѣха школы всегда ощутительно. Еще нашъ славный хирургъ и педагогъ Пироговъ замѣтилъ разъѣдающую язву нашей школы вообще, язву лжи и притворства, которую энергично стремился отдѣлять своимъ анатомическимъ ножемъ. Статью его по этому поводу „Быть и казаться“ Ушинскій называлъ „золотыми словами“.

Что можетъ быть хорошаго, когда учитель въ школѣ нерѣдко обманываетъ ребенка, стараясь увѣрить его въ томъ, во что самъ не вѣритъ и чего не чувствуетъ. „Мы заставляемъ дитя сочинять о томъ, чего оно не видѣло, не чувствовало, замѣчаетъ Ушинскій, заставляемъ его прикидываться то глубокомысленнымъ, то восторженнымъ, то чувствительнымъ и полагаемъ гибельныя начала двойственности въ его душѣ. Мы заставляемъ ребенка повторять наши мысли, наши чувства и восхищаемся, что дѣти, побуждаемыя желаніемъ понравиться намъ и заслужить нашу похвалу, передразниваютъ насъ такъ ужасно“. Чѣмъ же вызывается въ сущности такое печальное явленіе? Чаще всего тѣмъ, что педагогъ исполняетъ свое дѣло механически, по разъ принятому шаблону, болѣе какъ ремесло. Полнѣе иллюстрируя свою мысль, Ушинскій очень живо рисуетъ картину, которую часто можно наблюдать въ различнаго рода школахъ, гдѣ взявшійся за свое дѣло педагогъ-ремесленникъ впадаетъ въ какую то даже спячку. „Посмотрите на иного преподавателя, говоритъ Ушинскій, который, что называется, втянулся въ свою должность. Онъ, кажется, принимаетъ и живое участье въ томъ, что говоритъ, дѣлаетъ энергическіе жесты, многозначительно улыбается, серьезно хмуритъ брови. Но не вѣрьте этимъ улыбкамъ, этимъ юпитеровымъ бровямъ. Онъ точно такъ же улыбается, точно такъ же стучитъ рукой 20 лѣтъ сряду на каждомъ урокѣ. Онъ сладко дремлетъ и сердито просыпается, когда какой либо шалунъ нарушитъ его спокойствіе. Послѣ лекцій, когда онъ приходитъ домой, серьезныя житейскія заботы, а, можетъ

быть, и преферансъ, смотря по вкусу и лѣтамъ, снова пробуждаютъ его къ жизни. Какъ же требовать, чтобы у такого преподавателя ученики сохранили возбужденное состоянiе, необходимое для всякаго плодотворнаго ученiя: они только сидятъ смирно, боясь разбудить дремлющаго, хотя говорящаго учителя". И такъ изъ года въ годъ ведетъ свое дѣло педагогъ, исполняя его, какъ заведенная машина, а между тѣмъ педагогическое дѣло по своему великому значенiю и отвѣтственности безусловно требуетъ иного, т. е., чтобы человѣкъ исполнялъ его только по призванiю. „Простая добросовѣстность", замѣчаетъ по этому поводу Ушинскiй, „должна удерживать каждаго изъ насъ отъ возложенiя на себя обязанностей, искусство исполненiя которыхъ намъ чуждо".

Считая искусство воспитанiя и обученiя аналогичнымъ медицинскому, Ушинскiй находилъ что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, „одно ученiе не можетъ создать хорошаго медика; для этого, конечно, необходима и врожденная наблюдательность, и многолѣтнiй опытъ. Тѣ же требованiя примѣнимы вполнѣ къ педагогамъ. Быть хорошимъ врачемъ одинаково не въ силахъ каждый, какъ и быть хорошимъ педагогомъ, — въ томъ и другомъ случаѣ необходимо обладать специальными способностями".

Какъ у каждаго врача, такъ и у педагога необходимо должны быть свои твердо выработанныя и опредѣленныя убѣжденiя. Въ сущности убѣжденiя эти и составляютъ собою ту теорiю педагога, безъ которой немыслимо вести педагогическое дѣло вполнѣ твердымъ и вѣрнымъ путемъ. Каждое же дѣло тогда только въ состоянiи быть правильно поставленнымъ и итти хорошо, если оно согласуется съ убѣжденiями его исполняющаго.

Взглядъ Ушинскаго былъ таковъ, что нельзя было назвать удовлетворительнымъ то преподаванiе, гдѣ уже заранѣе былъ предусмотрѣнъ и предупрежденъ каждый шагъ педагога. Этимъ онъ оказывается лишеннымъ въ его дѣлѣ необходимой инициативы и свободы. Если педагогъ является въ качествѣ слѣпого орудiя данныхъ ему предначертанiй, цѣль и идеи которыхъ онъ легко можетъ и не понять иногда, какъ нужно, — въ результатѣ можетъ быть часто вредъ. Сама цѣль даннаго предначертанiя не будетъ выполнена, какъ бы слѣдовало, и отразится прежде всего это на дѣтской натурѣ.

Независимость и свобода личности педагога, по мнѣнiю Ушинскаго, одно изъ главныхъ условiй успѣха школьнаго дѣла. Ушинскiй считалъ вполнѣ возможнымъ допустить, что каждый педагогъ можетъ имѣть свою методу преподаванiя и теорiю воспитанiя. Въ этомъ, по его мнѣнiю, не было ничего опаснаго и страшнаго для школы. Главное условiе — лишь бы метода преподаванiя явилась результатомъ собственнаго опыта педагога, выработанной имъ самимъ,

но не чужой, мало продуманной и болѣе принятой на вѣру. Въ такомъ только случаѣ педагогъ окажется способнымъ внести въ свое дѣло необходимую жизнь и разнообразіе, которыя лишатъ это дѣло сухости и монотонности, неизбѣжныхъ при иныхъ условіяхъ.

Собою лично Ушинскій далъ первый наглядный примѣръ для педагоговъ. Занятый вопросами воспитанія и обученія, онъ изучалъ все относящееся къ этимъ вопросамъ у другихъ культурныхъ народовъ, тѣмъ не менѣе его нельзя было упрекнуть въ слѣпой подражательности имъ въ чемъ-либо. Онъ всегда былъ самостоятеленъ, того же требовалъ отъ своихъ послѣдователей. Но, проповѣдуя самостоятельность, Ушинскій въ то же время далеко не былъ сторонникомъ самонадѣянности, въ этой крайности его нельзя было никогда упрекнуть.

Завѣты Ушинскаго педагогамъ можно въ общемъ ясно формулировать словами Некрасова:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте. Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Педагогъ, проникнутый идеями Ушинскаго будетъ бодро итти впередъ, не пожалѣетъ трудовъ и усилій для своего святого дѣла, и онъ дѣйствительно посѣетъ тѣ сѣмена добра и правды, которыя, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, неизбѣжно должны уменьшить сумму человѣческихъ страданій, уничтоживъ дикость, грубость и необузданность нравовъ.

Тотъ, кто окажется въ силахъ проникнуться взглядами Ушинскаго на педагогическое дѣло и его требованія, тотъ сдѣлаетъ школу свою „мастерской гуманности“, гдѣ не только учатъ дѣтей грамотѣ, но и вырабатываютъ изъ нихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ общества.

Идеи Ушинскаго безсмертны для нашей родины. Онѣ заставляютъ бодро смотрѣть впередъ, онѣ способны поддержать надежду на болѣе свѣтлое будущее, заставляютъ человѣка труженика сильнѣе воодушевляться вѣрою въ возможность болѣе скрасить и озарить свой жизненный путь.

Н. Грунскій.

Методика письма.

Введеніе.

Понятіе о письмѣ; положительныя качества письма: графическая правильность, четкость, или разборчивость, чистота, красота; скорость; орѳографическая правильность; грамотность; сознательность, содержательность и логичность, или толковость.

Слово *письмо* употребляется въ нѣсколькихъ значеніяхъ: 1) въ значеніи *письмена, буквы, азбука* (у этого народа нѣтъ своего письма, т. е. письменныхъ знаковъ для передачи рѣчи); 2) въ значеніи *дѣйствіе* (знаетъ письмо, т. е. умѣетъ писать); 3) въ значеніи *написанное* какими-нибудь письменами, буквами (изъ буквъ слагается письмо, т. е. слова); 4) въ значеніи *передача мыслей* на какомъ-либо письменномъ матеріалѣ.

Про положительныя качества письма въ первомъ значеніи говорятъ: графически правильное, четкое, или разборчивое, чистое, красивое, или каллиграфическое; во второмъ: скорое; въ третьемъ: орѳографически правильное, или просто орѳографическое, правописное, грамотное; и наконецъ въ четвертомъ: сознательное, содержательное, толковое.

Качества письма въ значеніи *письмена, буквы* въ нашемъ языкѣ обозначаются однимъ словомъ *чистописаніе*, въ греческомъ *каллиграфія**). Уроки чистописанія, или каллиграфіи, и предназначаются тому, чтобы научить графической правильности, четкости, чистотѣ и красотѣ. Эти качества весьма важны для читающаго, потому что графическая правильность и четкость облегчаютъ и ускоряютъ процессъ чтенія и этимъ даютъ возможность лучше слѣдить за ходомъ мыслей написаннаго; а опрятность и красота доставляютъ удовольствіе и этимъ способствуютъ возбужденію умственной дѣятельности.

---

*) Со словомъ „каллиграфія“ должно соединять такое же понятіе какъ и со словомъ „чистописаніе“. Терминъ „каллиграфія“ на первый планъ выдвигаетъ красоту письма, терминъ „чистописаніе“ — опрятность.

Для пишущаго имѣетъ большое значеніе скорость письма, потому что умѣнье писать скоро даетъ возможность при меньшей затратѣ силъ и времени написать гораздо больше.

И для пишущаго, и для читающаго весьма важно, чтобы письмо въ значеніи обозначенія словъ буквами было орѳографическимъ*), общепринятымъ, т. е. чтобы всѣ писали слова такъ, какъ принято, а не такъ, какъ произносятъ ихъ, напримѣръ: его, а не ево; конечно, а не канешна; городского, а не гарадцкова и т. п.

Общепринятое (орѳографическое) письмо иногда называютъ грамотнымъ. Если вдуматься въ выраженія, въ которыхъ употребляются слова: „орѳографическій" и „грамотный", то, повидимому, можно усмотрѣть слѣдующее: въ однихъ случаяхъ оба выраженія имѣютъ тожественное значеніе, въ другихъ нѣсколько различное, напримѣръ, письмо съ ошибками противъ знаковъ препинанія, съ неправильными этимологическими формами словъ (мост*овъ*, дѣ*ловъ*, сып*ять*, перемѣ*нють*), съ неправильными синтаксическими оборотами (смѣется *съ* нея; читая такое произведеніе, у читателей невольно являéтся желаніе) называютъ безграмотнымъ, а не орѳографически неправильнымъ. Слова: „безграмотный", „грамотный" по созвучію со словомъ „грамматическій", вѣроятно, стали употреблять, когда желаютъ обратить вниманіе на погрѣшности противъ грамматики. И дѣйствительно, между словами: „орѳографическій" и „грамотный" слѣдовало бы дѣлать различіе и не употреблять ихъ, какъ тожественныя.

Едва ли будетъ парадоксомъ, если сказать, что орѳографія почти всегда враждебна фонетикѣ (одной изъ частей грамматики), напримѣръ, буквенный составъ словъ: *голова, церковь, коробка* не согласенъ съ звуковымъ: *галава, церькофь, каропка*; наоборотъ грамотностью письма можно назвать лишь тѣ стороны его, которыя всецѣло подчиняются требованіямъ грамматики, а послѣднимъ письмо подчиняется лишь въ синтаксическихъ сочетаніяхъ и въ пунктуаціи (разстановка знаковъ препинанія).

Орѳографическое письмо важно для пишущаго потому, что, если всегда писать слова одинаково, то письмо ихъ почти обращается въ меха-

*) Орѳографическій, какъ извѣстно, значитъ правильно написанный. По разнымъ обстоятельствамъ наше письмо съ разсматриваемой стороны во многихъ случаяхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо правильнымъ, не слѣдуетъ одному принципу. Мы пишемъ сумѣть, исчезнуть и т. п. не потому, что такъ слѣдуетъ писать, что это правильно, а потому, что со времени Грота, неправильно, къ сожалѣнію, понимавшаго принципы нашего письма, такъ принято писать. Кромѣ того, орѳографическую правильность нужно отличать отъ графической правильности. Первая должна удовлетворять правиламъ орѳографіи, вторая — каллиграфіи (чистописанія). Слово *чѣлавек* написано совершенно правильно съ калиграфической стороны и совершенно неправильно съ орѳографической; наоборотъ, это же слово можно написать вполнѣ правильно въ орѳографическомъ отношеніи и неправильно въ каллиграфическомъ.

ническій навыкъ, не требующій или мало требующій участія мысли, а это дѣлаетъ её свободной для безпрепятственной работы надъ тѣмъ, что пишется. Для читающаго орѳографическое письмо еще болѣе важно, потому что такое письмо ускоряетъ и облегчаетъ пониманіе написаннаго, съ чѣмъ каждый согласится, если вспомнитъ, съ какимъ трудомъ мы понимаемъ или даже и совсѣмъ не понимаемъ написаннаго малограмотными людьми, пишущими слова такъ, какъ они ихъ произносятъ, а не такъ, какъ принято. Для насъ непонятна даже такая простая фраза, принадлежащая между прочимъ генералу Сухозанету, не привыкшему къ общепринятому письму: „Сумлеваюсъ, штопъ кюлю успелъ оболванить“ *).

Кромѣ того, литературный языкъ, не сдерживаемый общепринятымъ письмомъ, дѣлалъ бы такое быстрое движеніе не въ развитіи, конечно, а въ раздѣленіи на множество говоровъ, что въ концѣ концовъ образованнымъ людямъ такъ же нельзя было бы понимать другъ друга, какъ теперь простолюдинъ великороссъ не понимаетъ простолюдина малоросса.

Неудивительно поэтому, что всѣ попытки у насъ и въ Западной Европѣ сдѣлать орѳографію согласной съ произношеніемъ оканчиваются неудачей. Словомъ, желаніе сдѣлать письмо фонетическимъ, т. е. соотвѣтствующимъ произношенію каждаго пишущаго, свидѣтельствуетъ о непониманіи выгодъ, какія приноситъ общепринятое письмо, и невыгодъ, какія получились бы при отсутствіи его.

При общепринятомъ письмѣ есть возможность съ извѣстнымъ буквеннымъ составомъ слова ассоціировать извѣстное представленіе или понятіе, вслѣдствіе чего то и другое становится нагляднѣе, яснѣе, осязательнѣе. Если справедливо, что нѣтъ мысли безъ языка, то должно также признать справедливымъ, что нѣтъ вполнѣ ясной мысли безъ общепринятаго письма. Туманно и неопредѣленно носящаяся въ головѣ мысль становится болѣе ясной и опредѣленной, когда мы постараемся изложить ее письменно. Кромѣ того, общепринятое письмо въ значительной степени содѣйствуетъ усвоенію языка, лучше сказать, измѣнчивую, трудно уловимую и ясно не представляемую звуковую форму языка заковываетъ въ устойчивую, легко воспринимаемую и ясно представляемую буквенную.

Правда, правописаніе дается съ большимъ трудомъ, особенно когда неумѣло ему учатъ и пренебрегаютъ имъ, но это нисколько не умаляетъ его громаднаго значенія, и потому не должно вызывать противъ него нападокъ. Даже въ томъ случаѣ, если правописаніе отличается крупными недостатками съ научной точки зрѣнія, то и тогда оно все же несравненно лучше письма разнобразнаго. Такъ

*) т. е. сомнѣваюсь, чтобы къ іюлю успѣлъ оболванить.

напримѣръ, со времени введенія руководства Грота по правописанію письмо словъ *сумѣть. сузить, отучить* считается правописнымъ; но съ научной точки зрѣнія оно неправильно, потому что противорѣчитъ ихъ морфологическому составу и произношенію. Однако лучше, если всѣ будутъ писать *сумѣть, сузить, отучить,* чѣмъ одни будутъ писать *сумѣть,* а другіе *съумѣть,* третьи *суметь,* четвертые *съуметь.*

Словомъ, какъ бы ни было затруднительно усвоеніе общепринятаго письма, но усвоить его нужно. Можно желать упрощенія правописанія, но ни подъ какимъ видомъ нельзя желать, чтобы письмо не было общепринятымъ, и чтобы каждый писалъ, какъ ему вздумается.

Указанныя до сихъ поръ качества письма касаются 1) или внѣшней стороны — графической правильности, четкости, чистоты и красоты буквъ; 2) или времени, употребляемаго на письмо — быстроты; 3) или соотвѣтствія его установившемуся обычаю въ употребленіи тѣхъ или иныхъ буквъ въ словахъ и соотвѣтствія языку, грамматической его правильности. Остается еще сказать о трехъ важнѣйшихъ качествахъ письма, безъ которыхъ перечисленныя рѣшительно не имѣютъ никакого разумнаго основанія. Это — сознательность, содержательность и логичность, или толковость, письма. На какой бы ступени обученія письму учитель ни стоялъ, онъ ни на минуту не долженъ забывать объ этихъ качествахъ письма. Какъ только учащіеся приступили къ письму словъ, учащій обязанъ заботиться, чтобы они писали только такія слова, къ которымъ относятся вполнѣ сознательно, т. е. чтобы соединяли съ ними надлежащее представленіе или понятіе. Но мало заботиться объ одной лишь сознательности того, что дѣти пишутъ, необходимо еще, чтобы все, что они пишутъ, непремѣнно было содержательнымъ. О содержательности письма нужно больше заботиться, чѣмъ о содержательности чтенія хотя бы уже по одному тому соображенію, что письмо требуетъ несравненно больше времени и затраты силъ и энергіи. Кромѣ того, то, что мы пишемъ, прочнѣе усвоивается и дольше сохраняется въ памяти, чѣмъ то, что читаемъ, а потому для письма должно выбирать возможно болѣе цѣнный матеріалъ по содержанію. Всего этого, конечно, крайне трудно достигать, особенно на первыхъ порахъ обученія письму, но во всякомъ случаѣ нужно стремиться къ указанному идеалу *).

Еще труднѣе достигать послѣдняго — наивысшаго качества письма — логичности. Но какъ бы трудно ни было достиженіе этого качества, всякая школа, даже начальная съ трехзимнимъ обу-

*) Въ своей книжкѣ „Русская рѣчь, чтеніе и письмо", Вып. I, по мѣрѣ силъ и разумѣнія старался достигнуть его.

[illegible]

[illegible]

Чтобы научить [illegible] письму, [illegible] учитель [illegible] знать [illegible] [illegible] что же тогда нужно, чтобы научить всѣхъ [illegible] письму — [illegible] [illegible] самыя простыя и безъ [illegible] обученія письму [illegible] природой [illegible] и [illegible] способностей. [illegible] метода [illegible] на страницахъ Русской школы [illegible] обученіе чистописанію, [illegible] и [illegible] подробно [illegible] вопросы [illegible]. [illegible] школами. Въ которыхъ [illegible] обученіе письму исключительно [illegible] особенно [illegible] съ [illegible] стороны. [illegible] его [illegible] лучше [illegible] болѣе простые, доступные способы обученія письму [illegible] тщательной обработки [illegible] вопросы объ обученіи чистописанію, [illegible] и [illegible]. Что касается вопросовъ обученія пунктуаціи и [illegible] письму, то разработка ихъ пока въ [illegible] состояніи.

Обученіе чистописанію и скорописи.

А.

...ловія, способствующія достиженію четкости, красоты и чистоты письма. ...ловія, способствующія достиженію скорости письма. Зависимость четкости и ...орости письма отъ направленія и отъ начертанія буквъ (шрифта, формы буквъ).

О графической правильности буквъ нѣтъ надобности говорить, стоитъ лишь подражать начертанію ихъ, принятому въ прописяхъ.

Четкость, или разборчивость, письма достигается слѣдующими ...ачествами буквъ:

а) *прямизной*, т. е. вертикальнымъ направленіемъ основныхъ буквенныхъ элементовъ къ строкѣ;

б) *толщиной* и *округлостью*, необходимыми для легкаго и быстраго схватыванія ихъ глазами; при высотѣ буквъ около 3 миллиметровъ и ширинѣ чуть меньше высоты, буквы становятся почти круглыми, и это дѣлаетъ ихъ легко распознаваемыми и придаётъ имъ красоту; толщина нажимовъ должна быть раза въ три больше волосной линіи;

в) *своеобразной типичностью*, т. е. возможно рѣзкимъ различіемъ между буквами.

Относительно соединенія буквъ въ словахъ надо сказать, что разстояніе между буквами непремѣнно должно быть нѣсколько больше, чѣмъ разстояніе между элементами буквъ.

Кромѣ того, чтобы письмо было вполнѣ четкимъ, не нужно допускать очень мелкаго и небрежнаго письма буквъ, вслѣдствіе котораго нѣкоторыя буквы получаютъ одинаковую форму: и, к, н, п; т, ш, ж; о, а; ъ, ь.

Подъ чистотой письма разумѣютъ отсутствіе какихъ-либо помарокъ, пятенъ и т. п. Этому качеству у насъ придавали столь громадное значеніе, что отъ него получила названіе та сторона письма, которая должна обладать внѣшними качествами: графической правильностью, четкостью, красотой. Другіе придали важнѣйшее значеніе послѣднему качеству и назвали по нему совокупность всѣхъ внѣшнихъ качествъ — каллиграфіей, т. е. красивымъ письмомъ.

ченіемъ, должна ставить его конечной цѣлью обученія письму (въ значеніи письменнаго изложенія своихъ или чужихъ мыслей), потому что въ современной жизни каждый членъ общества нуждается въ навыкѣ умѣло, логично изложить свои или чужія мысли. Между тѣмъ (horribile dictu) наше общество еще таково, что приходитъ въ ужасъ не отъ того, что написанное безтолково, нелогично, а отъ того, что въ немъ встрѣтилась орѳографическая погрѣшность; вслѣдствіе этого всякая школа, начиная съ низшей и кончая высшей, прежде всего и больше всего заботится о томъ, чтобы не пропустить въ письмѣ ошибки противъ орѳографіи.

Изъ сказаннаго о письмѣ видно, что отъ него требуется очень много: оно должно быть графически правильнымъ, четкимъ, чистымъ, красивымъ, скорымъ, орѳографическимъ, грамотнымъ (когда это не вопреки орэографіи), сознательнымъ, содержательнымъ и толковымъ.

Чтобы научить одному орѳографическому письму, нужны, по мнѣнію профессора Брандта, открытія какого-нибудь педагогическаго генія. Что же тогда нужно, чтобы научить всѣмъ указаннымъ качествамъ письма? — Искреннее желаніе добросовѣстно, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, выработать самый простой и безхитростный способъ обученія письму, соотвѣтствующій природѣ письма и особенностямъ дѣтскихъ способностей. Мысль о таковомъ способѣ давно преслѣдуетъ автора предлагаемаго руководства, и онъ уже печатно говорилъ на страницахъ „Русской школы" о томъ, какъ обучать чистописанію, скорописи и орѳографіи; подробно останавливался на разработкѣ вопроса о диктовкѣ. Наблюденія надъ инородческими школами, въ которыхъ примѣненіе существующихъ способовъ обученія письму (исключительно орѳографіи) особенно чувствительно съ отрицательной стороны, постоянно побуждали его искать лучшіе, возможно болѣе простые, доступные способы обученія письму. Наиболѣе тщательной обработкѣ подверглись вопросы объ обученіи чистописанію, скорописи и орѳографіи. Что касается вопросовъ обученія пунктуаціи и толковому письму, то разработка ихъ пока въ зачаточномъ состояніи.

I.

Обученіе чистописанію и скорописи.

А.

Условія, способствующія достиженію четкости, красоты и чистоты письма. Условія, способствующія достиженію скорости письма. Зависимость четкости и скорости письма отъ направленія и отъ начертанія буквъ (шрифта, формы буквъ).

О графической правильности буквъ нѣтъ надобности говорить, — стоитъ лишь подражать начертанію ихъ, принятому въ прописяхъ.

Четкость, или разборчивость, письма достигается слѣдующими качествами буквъ:

а) *прямизной,* т. е. вертикальнымъ направленіемъ основныхъ буквенныхъ элементовъ къ строкѣ;

б) *толщиной* и *округлостью,* необходимыми для легкаго и быстраго схватыванія ихъ глазами; при высотѣ буквъ около 3 миллиметровъ и ширинѣ чуть меньше высоты, буквы становятся почти круглыми, и это дѣлаетъ ихъ легко распознаваемыми и придаётъ имъ красоту; толщина нажимовъ должна быть раза въ три больше волосной линіи;

в) *своеобразной типичностью,* т. е. возможно рѣзкимъ различіемъ между буквами.

Относительно соединенія буквъ въ словахъ надо сказать, что разстояніе между буквами непремѣнно должно быть нѣсколько больше, чѣмъ разстояніе между элементами буквъ.

Кромѣ того, чтобы письмо было вполнѣ четкимъ, не нужно допускать очень мелкаго и небрежнаго письма буквъ, вслѣдствіе котораго нѣкоторыя буквы получаютъ одинаковую форму: и, к, н, п; т, ш, ж; о, а; ъ, ь.

Подъ чистотой письма разумѣютъ отсутствіе какихъ-либо помарокъ, пятенъ и т. п. Этому качеству у насъ придавали столь громадное значеніе, что отъ него получила названіе та сторона письма, которая должна обладать внѣшними качествами: графической правильностью, четкостью, красотой. Другіе придали важнѣйшее значеніе послѣднему качеству и назвали по нему совокупность всѣхъ внѣшнихъ качествъ — каллиграфіей, т. е. красивымъ письмомъ.

Красота письма наиболѣе трудно достижимое качество письма. Чтобы прекрасно писать, необходимо имѣть къ этому талантъ, какъ и вообще ко всякому искусству, и постоянно упражняться въ письмѣ. Такъ какъ подобное письмо встрѣчается сравнительно рѣдко, то подъ красотой письма обыкновенно разумѣютъ красоту, достигаемую аккуратнымъ исполненіемъ его, т. е. гладкость линій, ловкость изгибовъ, правильность и соразмѣрность буквъ, прямизну строкъ, одинаковое разстояніе между ними.

Красивому письму скорѣе всего можно научить путемъ подражанія письму прописи, еще лучше письму учителя на доскѣ (если послѣдній умѣетъ красиво писать).

О красотѣ письма, само собой разумѣется, можетъ заботиться только та школа, которая готовитъ учашихся къ такой дѣятельности, гдѣ требуется красота почерка. Изъ школъ начальная, особенно сельская, менѣе другихъ можетъ думать объ этомъ по той простой причинѣ, что она обязана дать учащимся многое другое, несравненно болѣе важное, чѣмъ красота письма.

Сколько бы учитель начальной школы, особенно сельской, ни заботился о красотѣ письма, трудъ его не принесетъ пользы, потому что ученики, по выходѣ изъ школы, или совсѣмъ не пишутъ, или пишутъ очень рѣдко, а каллиграфія, какъ и всякое искусство, можетъ поддерживаться только постояннымъ упражненіемъ. Кромѣ того, для нея нужны развитой глазомѣръ и гибкость пальцевъ, чѣмъ не обладаютъ люди, занимающіеся физической работой.

Если отъ начальной школы нельзя требовать, чтобы она учила красивому письму, то во всякомъ случаѣ отъ нея непремѣнно нужно требовать, чтобы она учила чистому и четкому письму.

Къ чистому письму можно пріучить учащихся только постояннымъ и неуклоннымъ наблюденіемъ и требованіемъ, чтобы все, что они пишутъ, писали опрятно, безъ помарокъ. Неопрятно написанное должно быть переписываемо до тѣхъ поръ, пока не будетъ написано, какъ слѣдуетъ. Чтобы облегчить дѣтямъ достиженіе чистоты письма, необходимо дать имъ слѣдующія указанія: они должны брать на перо немного чернилъ, переворачивать написанную страницу лишь тогда, когда чернила на ней засохнутъ; неправильно написанное слово не замарывать, а одинъ лишь разъ перечеркнуть*). Школа даже должна позаботиться о томъ, чтобы воспитать у дѣтей твердое убѣжденіе, что неразборчивое и грязное письмо есть неуваженіе къ другимъ, что написавшій небрежно и неряшливо даетъ право составить о немъ нехорошее мнѣніе.

*) Нѣкоторые учителя требуютъ брать въ скобки неправильно написанныя слова; такъ не слѣдуетъ поступать, потому что принято въ нѣкоторыхъ случаяхъ брать слова въ скобки, напримѣръ, при поясненіи одного слова другимъ.

Несмотря на столь строгое требованіе, предъявляемое къ внѣшней сторонѣ письма, начальная школа поступитъ неразумно, если она отведётъ особые уроки для чистописанія, — неразумно, во-первыхъ, потому, что она располагаетъ слишкомъ короткимъ временемъ для ученья, вслѣдствіе этого особые уроки чистописанія являются въ ней излишней роскошью; во-вторыхъ, потому, что въ начальныхъ школахъ съ однимъ учителемъ дѣти и безъ того очень много пишутъ; въ третьихъ, потому, что всякая письменная работа должна быть написана опрятно, четко и скоро. По мнѣнію нѣкоторыхъ, особые уроки чистописанія скорѣй вредны, чѣмъ полезны, такъ какъ поселяютъ въ дѣтяхъ мысль, что только на урокахъ чистописанія нужно писать старательно и аккуратно, а на другихъ можно писать какъ-нибудь.

Рядомъ съ обученіемъ „чистому" письму должно обучать и скорому письму.

Скоро можно писать въ томъ случаѣ, если письмена (буквы) будутъ обладать такими качествами:

а) *наклономъ* основныхъ буквенныхъ элементовъ вправо такъ, чтобы они съ направленіемъ строки составляли уголъ въ 45°—50°; при такомъ наклонѣ рука должна дѣлать менѣе всего мускульнаго напряженія, а потому она будетъ писать буквы быстрѣе и не такъ скоро уставать;

б) *возможно простой формой* буквъ и при томъ такой, чтобы въ словахъ буквы можно было связывать одну съ другой, не отнимая руки отъ бумаги;

в) *тонкостью* и *мелкостью* буквъ; первое качество буквъ менѣе утомляетъ руку и даетъ возможность быстрѣе писать ихъ; а второе требуетъ меньше времени для начертанія буквъ.

Кромѣ указанныхъ качествъ, быстротѣ письма отчасти можетъ содѣйствовать и то, чтобы каждый звукъ имѣлъ одно лишь начертаніе, а не два или три, какъ, напримѣръ, буквы:

ж, ж; к, к; k; д, д, д.

При разныхъ обозначеніяхъ одного звука нѣсколькими письменными знаками, рука не пріобрѣтаетъ навыка быстро, совершенно механически обозначать его (звукъ) привычнымъ знакомъ, но должна останавливаться и колебаться, какой изъ двухъ или трехъ знаковъ выбрать.

Кромѣ указаннаго, развитію навыка въ быстротѣ письма могутъ содѣйствовать упражненія въ письмѣ подъ тактъ. Но съ обученіемъ

письму подъ тактъ большинство учителей не умѣетъ справиться, какъ слѣдуетъ. Вмѣсто письма подъ тактъ можно употреблять другой гораздо болѣе цѣлесообразный пріемъ для развитія навыка въ быстротѣ письма: учитель пишетъ на доскѣ что-нибудь изъ прочитаннаго; написанное*) произноситъ по слогамъ и требуетъ, чтобы всѣ учащіеся непремѣнно написали слогъ въ то время, когда онъ его произноситъ. На первыхъ порахъ учитель произноситъ медленно, протяжно; потомъ онъ темпъ произношенія все ускоряетъ и ускоряетъ, пока, наконецъ, не пріучитъ дѣтей къ возможной для нихъ быстротѣ письма. Развивать у дѣтей быстроту письма необходимо возможно раньше, потому что, какъ показываютъ наблюденія, тѣ дѣти, которыя въ младшихъ классахъ пишутъ хорошо, но медленно, въ старшихъ начинаютъ писать скверно, когда отъ нихъ потребуютъ быстраго письма.

Когда учащіеся вполнѣ уже овладѣютъ орѳографіей, быстроту письма можно развивать требованіемъ, чтобы учащіеся успѣвали записывать то, что говоритъ учитель. Французскіе ученики необыкновенно быстро пишутъ главнымъ образомъ потому, что они съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ записывать содержаніе уроковъ со словъ учителя.

При разсмотрѣніи вопроса обученія четкому и скорому письму нельзя обойти молчаніемъ слѣдующаго вопроса: то, что полезно для руки, вредно для глаза (для четкости); и наоборотъ, что удобно для пишущаго, непригодно для читающаго.

Почти всѣ качества письма, способствующія скорописи (наклонъ буквъ, тонкость и мелкость ихъ) гигіеничны для руки пишущаго, но вредны для глазъ какъ пишущаго, такъ и читающаго. Всѣ качества, способствующія четкости письма, гигіеничны для зрѣнія пишущаго и читающаго, но невыгодны для руки пишущаго, особенно невыгодно для нея вертикальное направленіе буквъ, потому что тогда она скорѣе устаетъ. Если бы съ полной увѣренностью можно было сказать, что прямое письмо полезнѣе для зрѣнія, что при прямомъ письмѣ пишущій лучше сохраняетъ правильную посадку, чѣмъ при косомъ, тогда поневолѣ пришлось бы отдать предпочтеніе прямому письму передъ косымъ. Но такъ какъ наблюденія категорически не подтверждаютъ этого, то число сторонниковъ прямого письма стало уменьшаться. Въ послѣднее время явилось мнѣніе, что наиболѣе цѣлесообразно полукосое письмо, т. е. такое, въ которомъ наклонъ градусовъ 15 — 20 отъ перпендикуляра.

Изъ сказаннаго о наклонѣ буквъ видно, что вопросъ этотъ пока остается открытымъ. Ближе всего къ истинѣ, вѣроятно, тѣ, которые сущность дѣла видятъ не въ томъ или иномъ направленіи

---

*) Написанное или оставляется на доскѣ или стирается.

буквъ, а въ строгости надзора за положеніемъ пишущаго. Только постоянный надзоръ можетъ предохранить пишущихъ дѣтей отъ искривленія позвоночнаго столба и отъ крайняго приближенія глазъ къ тетради. Къ крайнему прискорбію, наши учителя мало обращаютъ вниманія на неправильное положеніе учащихся во время письма.

По свидѣтельству Е. Янжулъ, американцы, повидимому, совершенно равнодушно относятся къ вопросу о прямомъ или косомъ почеркѣ, которымъ такъ много занимаются у насъ и въ Германіи. Обезпечивши ребенку правильную мебель, указавши ему, какъ надо сидѣть, чтобы меньше всего уставать при писаніи, они очевидно считаютъ свою задачу исполненною и предоставляютъ ребенку самому выработать себѣ наиболѣе удобный для скорописи почеркъ, всё равно, будетъ-ли онъ ставить буквы прямо или косо или полукосо. Въ послѣднемъ едва ли правы американцы. Человѣкъ долженъ вырабатывать въ себѣ не тѣ навыки, къ которымъ онъ случайно приспособляется, а тѣ, которыя признаны разумными и цѣлесообразными. Поэтому, если бы прочно установилось мнѣніе относительно цѣлесообразности какого-либо направленія буквъ, то и слѣдовало бы обучать наиболѣе цѣлесообразному.

Съ вопросами о четкости и скорости письма тѣсно и неразрывно связанъ вопросъ о шрифтѣ письма. Къ сожалѣнію, шрифтъ нѣкоторыхъ нашихъ буквъ таковъ, что при скорописи они легко принимаютъ форму другихъ, и письмо вслѣдствіе этого становится нечеткимъ (ш, т, м; н, и, к; о, а; ъ, ь). Для скорописи начертаніе нѣсколькихъ нашихъ буквъ тоже весьма непригодно (Ш, Т, Ж, Х, Ф, Ц, Щ, Б, Т и другихъ). Въ виду этого давно уже ведутся попытки къ упрощенію шрифта, но пишущіе такъ сильно свыкаются съ усвоеннымъ въ дѣтствѣ шрифтомъ, что трудно перейти имъ къ новому, хотя бы и болѣе простому.

Недавно Заказкавская учительская семинарія весьма энергично заботилась, а, можетъ быть, и теперь заботится о распространеніи упрощеннаго шрифта *). Нахожу нелишнимъ познакомить съ нимъ тѣмъ болѣе, что въ Кавказскомъ учебномъ округѣ онъ успѣлъ уже распространиться въ значительной степени.

Въ подтвержденіе основательности желанія упростить шрифтъ Вересовъ, предсѣдатель комиссіи по установленію письменнаго шрифта въ Закавказской учительской семинаріи, говоритъ: „Давно слѣдуетъ усвоить намъ ту точку зрѣнія на письмо, съ которой всякая буква хороша, если она легко пишется и читается; и тѣмъ она лучше, чѣмъ легче пишется при удовлетворительной четкости. Пусть пишу-

*) См. слѣдующую страницу.

щій направляетъ всѣ свои усилія лишь на развитіе скорости письма. Увеличеніе скорости письма, достигаемое усовершенствованіемъ письменнаго шрифта, — не уменьшая четкости и не увеличивая напряженности письменнаго труда — есть чистый выигрышъ времени, сбереженіе человѣческой жизни!“

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд,
Ее, Жж, Зз, Ии,
Іі, Кк, Лл, Мм, Нн,
Оо, Пп, Рр, Сс, Тт,
Уу, Фф, Хх, Цц,
Чч, Шш, Щщ, ъ, ы, ь,
Ѣѣ, Ээ, Юю, Яя, Ѳѳ.

„Забота о правильности, чистотѣ, гигіеничности и экономіи почерка“, пишетъ директоръ этой же семинаріи г. Словинскій въ своей объяснительной запикѣ къ экспонатамъ, представленнымъ на Парижскую выставку 1900 года, „представится совершенно основательной и насущной, если обратиться къ статистикѣ: напримѣръ, воспитанникъ семинаріи списываетъ:

1) въ младшемъ приготовит. классѣ	280	четв.
2) въ старшемъ	306	„
3) въ первомъ классѣ	189	„
4) во второмъ	201	„
5) въ третьемъ	537	„
Всего	1513	четв.,

т. е. въ среднемъ при 186 учебныхъ дняхъ въ году каждый ученикъ ежедневно пишетъ 1, 7 четверти листа.

Полагая, что въ среднемъ на четверть листа письма въ работахъ нашихъ учениковъ требуется до 40 минутъ, заключаемъ, что въ теченіе семинарскаго курса воспитанникъ пишетъ 822 часа: это такая цыфра, которая должна заставить задуматься надъ лишними штрихами. Такое количество работы, хорошо или плохо исполненной, несомнѣнно должно отразиться на характерѣ учащихся. Несомнѣнно, что употребить 822 часа на плохое небрежное исполненіе письменныхъ работъ въ юные годы — значитъ положить прочное основаніе навыку дурно, небрежно работать."

И въ самомъ дѣлѣ, если сравнить большія буквы распространенныхъ въ настоящее время прописей съ большими буквами, практикуемыми въ Закавказской учительской семинаріи, то нельзя не согласиться съ доводами г. Словинскаго и нельзя не сочувствовать тому, чтобы во всѣхъ школахъ былъ введенъ упрощенный шрифтъ, принятый въ названной семинаріи или иной, въ которомъ начертаніе буквъ было бы возможно болѣе красивымъ и простымъ, а также такимъ, чтобы въ словахъ всѣ буквы можно было писать, не отнимая руки. Хорошо было бы вмѣсто *ж, т* ввести болѣе простыя буквы.

Б.

Классная мебель и письменныя принадлежности.

Чтобы разсмотренныя въ предыдущей главѣ качества письма возможно лучше были достигнуты, необходимо приспособить къ росту пишущаго столъ и стулъ и дать пригодныя письменныя принадлежности.

Во многихъ школахъ и до настояшаго времени существуетъ еще самая антигигіеническая мебель: длинные, высокіе, совершенно несоотвѣтствующіе росту учащихся столы съ горизонтальной верхней доской и длинныя, высокія, узкія, не соединенныя со столомъ скамейки, вслѣдствіе чего скамейки то слишкомъ близко придвигаются къ столу, то слишкомъ далеко отодвигаются отъ него; послѣднее очень вредно вліяетъ на правильность сидѣнья во время письма. Но въ настоящее время мало-по-малу даже въ сельскія школы начи-

наютъ проникать двухмѣстныя парты, т. е. столы, соединенные со скамейками для двухъ учащихся. Учителю нужно пользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и оказывать свое воздѣйтвіе на то, чтобы парты устраивались соотвѣтственно росту учащихся.

На основаніи данныхъ относительно анатомическаго устройства человѣческаго тѣла, измѣреній роста и взаимнаго отношенія длины отдѣльныхъ членовъ тѣла къ длинѣ всего тѣла отъ подошвы до верхушки головы, дознано, что пишущій правильно можетъ сидѣть на партѣ, устроенной такимъ образомъ:

1) Высота задняго края стола парты надъ сидѣньемъ (дифференція) опредѣляется приблизительно разстояніемъ локтя свободно опущенной руки отъ скамейки и должна равняться $^1/_7$ роста съ прибавленіемъ для мальчиковъ 2 сант., а для дѣвочекъ 3 сант., что составляетъ для мальчиковъ — 15,7 % роста, а для дѣвочекъ — 16,4 % (Эрисманъ).

2) Наклонъ стола долженъ быть въ 12—13 градусовъ.

3) Ширина наклоненной части доски стола должна быть не менѣе длины писчаго листа, а горизонтальная — 10 сант.

4) Длина стола на одно лицо должна равняться $^5/_{12}$ роста, или двойной длинѣ предплечья.

5) Высота скамьи надъ поломъ и подножкой должна равняться $^2/_7$ роста, или длинѣ голени съ прибавленіемъ высоты каблуковъ (2—3 сант.).

6) Ширина скамьи или глубина сидѣнья должна равняться $^1/_5$ роста, или не менѣе $^2/_3$ длины голени.

7) Разстояніе въ горизонтальномъ направленіи между обращеннымъ къ учащемуся краемъ стола и переднимъ округленнымъ краемъ скамьи (дистанція) безусловно должно быть отрицательнымъ, то есть, передній край скамьи долженъ на нѣсколько сант. подходить подъ задній край стола. Этому очень важному требованію вполнѣ можетъ удовлетворить только парта, у которой столъ и скамья соединены между собой неподвижно.

8) Высота спинки должна быть такой, чтобы спинка подпирала крестецъ (крестцовая спинка) и имѣла форму или горизонтальнаго бруска шириною въ 7—8 сант., или вертикальной доски, шириной не уже 15 сант. Желательно, чтобы поясничная спинка послѣдняго типа продолжалась въ слегка наклонную назадъ спинку, соотвѣтствующую очертаніямъ спины, доходящую приблизительно до середины лопатокъ.

9) Спинка должна отстоять отъ задняго края стола по горизон-

тальному направленію на столько же, на сколько отстоитъ задній край стола по вертикальному направленію отъ сидѣнія (то есть на величину дифференціи). Въ партахъ назначенныхъ для дѣвочекъ, разстояніе спинки отъ задняго края стола должно быть на 2 сант. шире. Въ виду того, что въ начальныхъ школахъ обыкновенно обучаются дѣти обоего пола, необходимо соблюдать послѣднее требованіе по отношенію ко всѣмъ партамъ.

10) Столъ долженъ имѣть помѣщеніе для книгъ, не мѣшающее колѣнямъ.

11) Столъ долженъ имѣть подножку.

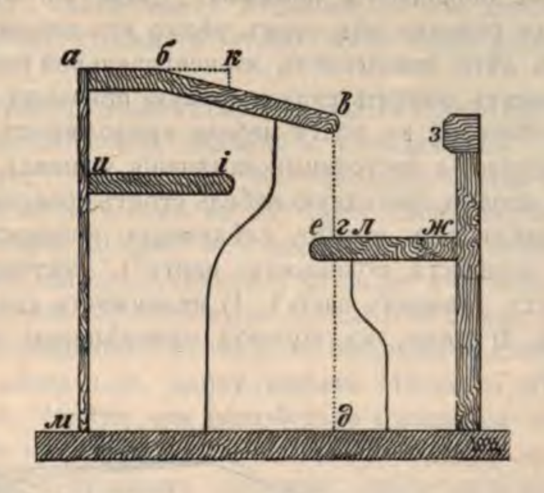
Научныя соображенія и наблюденія показали, что учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ достаточно раздѣлить по росту на VII—VIII группъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы дѣти, отличающіяся другъ отъ друга въ ростѣ не болѣе, чѣмъ на 10 сант., образовали одну группу, напримѣръ: ученики ростомъ отъ 109 до 119 сант. составятъ одну группу, ростомъ отъ 120 до 130 слѣдующую группу и т. д.

Для каждой такой группы заказываются парты одного и того же размѣра, номера или типа. Такимъ образомъ для среднихъ учебныхъ заведеній необходимо заказывать парты семи-восьми номеровъ или типовъ; для народныхъ училищъ трехъ-четырехъ типовъ и т. д. Число учебныхъ столовъ каждаго номера или типа, которое необходимо заказывать для даннаго учебнаго заведенія, опредѣляется на основаніи измѣреній роста учащихся въ этомъ учебномъ заведеніи, и на основаніи распредѣленія ихъ на указанныя группы. Изслѣдованія 51 народной школы Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, обработанныя докторомъ Г. И. Ростовцевымъ, показали, что для народныхъ школъ этого уѣзда и губерніи число каждаго типа двухмѣстныхъ партъ, начиная съ самаго малаго размѣра, можно опредѣлить, если половину общаго числа учениковъ раздѣлить пропорціонально цифрамъ 2 : 7 : 5 : 1. Напримѣръ, если въ учебномъ заведеніи находится 300 учащихся, то для нихъ требуется 150 двухмѣстнымъ партъ, изъ которыхъ 20 должны соотвѣтствовать первому самому низшему по размѣрамъ типу партъ, 70 партъ — второму типу, 50 партъ — третьему типу и 10 партъ — четвертому типу.

Размѣры партъ должны удовлетворять требованіямъ слѣдующей таблицы, составленной проф. Эрисманомъ:

Типъ или номеръ партъ.	Ростъ учащихся въ сантиметрахъ и вершкахъ.		Высота стола.				Дифференція.		Высота сидѣнья.		Ширина наклонной части доски стола.		Дистанція.		Высота спинки надъ сидѣньемъ.		Разстояніе спинки отъ задняго края парты.		Ширина горизонтальнаго бруска, образующаго спинку.		Глубина ящика для книгъ.		Длина двухмѣстной парты.	
			Передній край.		Задній край.																			
	Сантим.	Вершки.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.	Сант.	Верш.
I	109—119	24,5—26,7	56,5	12,7	48,5	10,9	18,5	4,2	30	6,7	40	9,0	—5	—1,1	18,5	4,2	18,5	4,2	7	1,6	25	5,8	110	24,7
II	120—130	27,0—29,2	62,0	13,9	54,0	12,2	20,0	4,5	34	7,7	40	9,0	—5	—1,1	20,0	4,5	20,0	4,5	7	1,6	25	5,8	110	24,7
III	131—141	29,4—31,8	67,5	15,2	59,5	13,4	21,5	4,8	38	8,6	40	9,0	—5	—1,1	21,5	4,8	21,5	4,8	8	1,8	30	6,8	120	27,0
IV	142—152	32,0—34,2	73,0	16,4	65,0	14,6	23,0	5,2	42	9,5	40	9,0	—5	—1,1	23,0	5,2	23,0	5,2	8	1,8	30	6,8	120	27,0
V	153—163	34,4—36,7	78,5	17,6	70,5	15,9	24,5	5,5	46	10,4	40	9,0	—5	—1,1	24,5	5,5	24,5	5,5	8	1,8	30	6,8	120	29,2
VI	164—174	36,9—39,2	85,0	19,1	76,0	17,1	26,0	5,8	50	11,3	45	10,1	—5	—1,1	26,0	5,8	26,0	5,8	8	1,8	35	7,9	130	29,2
VII	175 и больше.	39,4 и больше.	91,0	20,5	82,0	18,5	28,0	6,3	54	12,2	45	10,1	—5	—1,1	28,0	6,3	28,0	6,3	8	1,8	35	7,9	130	29,2

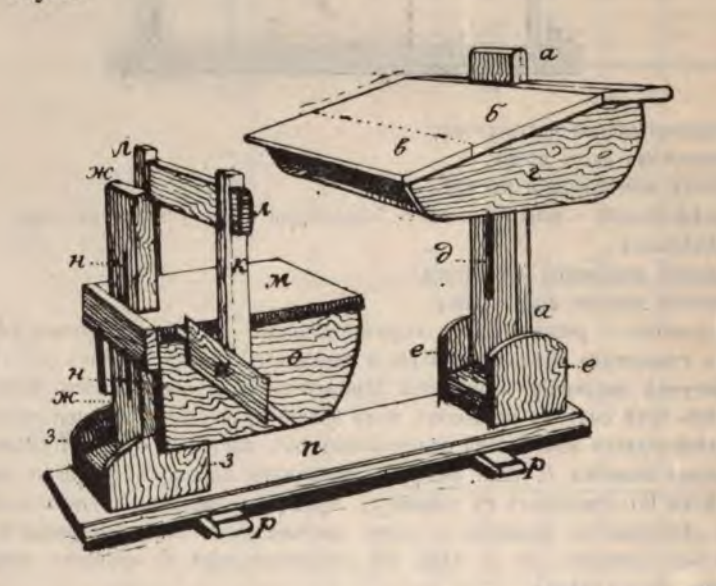
Схематическій рисунокъ парты съ обозначеніемъ ея частей и условныхъ размѣровъ.



аб—горизонтальная часть стола;
бв—наклонная часть стола;
кбв—уголъ, измѣряющій наклонъ стола;
вг—дифференція — высота задняго, обращеннаго къ учащемуся, края стола надъ сидѣньемъ;
ам—высота передняго края стола;
вд—высота задняго края стола;
ге—дистанція — разстояніе въ горизонтальномъ направленіи между обращеннымъ къ учащемуся краемъ стола (*в*) и переднимъ краемъ сидѣнья (*е*). На данномъ рисункѣ дистанція называется отрицательной и обозначается знакомъ —, такъ какъ край сидѣнья подходитъ подъ задній край стола; отрицательная дистанція здѣсь будетъ измѣряться разстояніемъ (*ге*); дистанція будетъ нулевой и обозначается знакомъ *0*, если сидѣнье отодвинуть вправо на столько, что край сидѣнья (*е*) совпадаетъ съ точкой *г*; наконецъ, дистанція будетъ положительной и обозначается знакомъ +, если сидѣнье еще болѣе отодвинуто отъ стола вправо (наприм, до *л*), такъ что перпендикуляръ *вд* пройдетъ впереди передняго края сидѣнья;
гд—высота сидѣнья или скамьи;
жз—высота спинки;
вз—разстояніе отъ спинки до задняго края стола;
еж—глубина сидѣнья;
ці—глубина книжной полки.

Всѣ указанныя въ таблицѣ размѣры при выполненіи заказа должны быть точно соблюдены, такъ какъ достаточно измѣнить размѣръ какой либо одной части, оставивъ неизмѣнными остальныя, чтобы сдѣлать парту совершенно неправильной. Чаще другихъ подвергается измѣненію обыкновенно дистанція, а именно изъ отрицательной превращается въ положительную — вслѣдствіе этого вся парта дѣлается сь гигіенической точки зрѣнія непригодной, такъ какъ на ней посадка учениковъ остается неправильной.

При домашнемъ обученіи, на мебель, за которой пишутъ дѣти, совершенно не обращаютъ вниманія. Даже въ интеллигентныхъ состоятельныхъ семьяхъ объ этомъ рѣдко кто заботится, вслѣдствіе чего въ семьѣ дѣти привыкаютъ къ неправильной посадкѣ во время письма, приносятъ пріобрѣтенную дурную привычку въ школу, гдѣ и на приспособленной къ росту мебели продолжаютъ сидѣть неправильно, несмотря на постоянныя замѣчанія учащихъ. Между тѣмъ дать ребенку вполнѣ пригодную мебель стоитъ совершенные пустяки. Предлагаю заказывать столяру слѣдующую приспособленную мной для всякаго возраста подвижную парту*), состоящую изъ слѣдующихъ трехъ главныхъ частей: 1) подвижного стола, 2) подвижного стула и 3) доски, къ которой прикрѣплены ножки (стойки) стола и стула.



Верхняя доска стола состоитъ изъ трехъ досокъ — горизонтальной, наклонной *б*, откидной *в*; всѣ онѣ длиной 80 сант., шириной — первая 15, вторая 30, третья 15. Въ горизонтальной доскѣ продѣлывается такое отверстіе, чтобы въ него прошла стойка *а*, на которую надѣвается верхняя часть стола. Стойка стола, высотой 80 сант., шириной 18, толщиной 4, вдѣлывается въ четыреугольный брусокъ; для бо́льшей прочности къ бруску и стойкѣ прибиваются подножки *е*; брусокъ четырьмя большими винтами съ гайками привинчивается къ нижней доскѣ; въ стойкѣ дѣлается отверстіе *д*, по ко-

*) Идея этой парты заимствована мною у проф. Брандта; сдѣланы лишь такія измѣненія, которыя способствуютъ большой простотѣ, прочности и дешевизнѣ.

торому ходитъ винтъ, придерживающій верхнюю часть стола на любой высотѣ. Гайка винта вдѣлывается въ деревяшку, чтобы гайка не портила стойки, и чтобы легко было навинчивать гайку на винтъ.

Стойка стула отъ стойки стола отличается только высотой (54 сант.).

Стулъ состоитъ изъ сидѣнья *м* и подвижной спинки. Длина сидѣнья 42 сант., ширина 40. Къ боковымъ частямъ стула *о* прибиты брусочки подъ угломъ въ 45^0 такъ, чтобы верхніе концы ихъ были на разстояніи 40 сант. отъ передняго края сидѣнья; по нимъ вверхъ и внизъ двигается спинка, состоящая изъ брусковъ *и* шириной 6 сант., длиной 18; столбиковъ *к*, высотой 28 сант.; горизонтальнаго бруска *л*, шириной 10 сант.; въ брускахъ *и* сдѣланы желобки.

Нижняя доска *п* въ длину имѣетъ 116 сант., въ ширину 32, въ толщину 4. Чтобы она устойчивѣе стояла на полу, подъ нея поддѣлываются подножки *р*.

Устроенная указаннымъ образомъ парта отличается большой прочностью. За ней можно посадить и 4-лѣтняго ребенка и 20-лѣтняго рослаго юношу. Изъ сосновыхъ досокъ она стоитъ отъ 5 до 6 рублей.

Кромѣ гигіеническихъ требованій, парты должны еще удовлетворять требованіямъ педагогическимъ и техническо-хозяйственнымъ.

Съ педагогической точки зрѣнія къ партамъ предъявляются слѣдующія требованія. — 1) При разсаживаніи на парты и при оставленіи партъ ученики не должны безпокоить сосѣдей, что достижимо только при одно — и двухмѣстныхъ партахъ.

2) Парты съ отрицательной дистанціей должны позволять учащимся свободно вставать, безъ шума и безпокойства сосѣдей, не заставляя ихъ сходить съ мѣстъ или же выходить въ проходъ между партами.

3) Переходъ отъ отрицательной дистанціи къ положительной долженъ совершаться легко и безшумно, безъ всякаго безпокойства для учениковъ или учителя.

4) При пользованіи партой не должно быть никакого шума или помѣхи для преподаванія.

Со стороны техническо-хозяйственной парты должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) парты должны быть возможно дешевыми;

2) парты должны быть по устройству прочными, чтобы не вызывать значительныхъ расходовъ на ремонтъ;

3) парты должны быть устроены настолько просто, чтобы ихъ могли сдѣлать мѣстные мастера.

При сопоставленіи гигіеническихъ требованій съ педагогическими и хозяйственными слѣдуетъ прійти къ заключенію, что для учебныхъ

заведеній, богатыхъ средствами, не трудно заказать парты, вполнѣ удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ гигіены и педагогики, потому что можно не стѣсняться расходами. Такія учебныя заведенія могутъ заказать англійскія или американскія одномѣстныя парты съ металлическими частями, парты Шенка, Ростовцева и другія.

Для учебныхъ заведеній небогатыхъ, но имѣющихъ достаточныя средства, выборъ классной мебели уже значительно суживается. Для нихъ можно рекомендовать двухмѣстныя парты съ отрицательной дистанціей, которая измѣняется въ положительную откидываніемъ части доски стола кверху: напримѣръ, популярную въ Россіи парту профессора Эрисмана. Такъ какъ откидная часть производитъ шумъ, то лучше ее не дѣлать. При такой партѣ учащіеся во время вставанія должны выходить изъ-за парты.

Для учебныхъ заведеній съ очень ограниченными средствами до настоящаго времени не предложено вполнѣ удовлетворительной системы партъ; по этой причинѣ и для нихъ приходится рекомендовать тѣ же парты, которыя указаны для школъ съ достаточными средствами. Кромѣ того, можно указать на парты съ постоянной отрицательной дистанціей, устраиваемыя по образцу двухмѣстной парты Реттига, не имѣющей совершенно подвижныхъ частей. Не нужно забывать, что какъ бы ни были хорошо устроены парты, но учащіеся могутъ неправильно сидѣть на нихъ, если учителя, съ своей стороны, не будутъ строго наблюдать за правильнымъ разсаживаніемъ учащихся по партамъ, соотвѣтственно ихъ росту, и за правильной ихъ посадкой во время классныхъ занятій*).

Рядомъ съ указаніемъ, какъ должна быть устроена школьная парта, слѣдуетъ сказать, какова должна быть классная доска. Въ настоящее время и богатыя, и бѣдныя школы, за весьма рѣдкими исключеніями, имѣютъ плохія, дорого стоющія (отъ 4 до 15 руб.) деревянныя доски. Доски эти черезъ два-три года перекрашиваются, что опять таки стоитъ отъ 1 до 2 и 3 рублей. Кромѣ дороговизны, деревянныя доски имѣютъ и другіе недостатки: онѣ даютъ трещины, коробятся, тверды для письма, оставляютъ слабый слѣдъ отъ мѣла, требуютъ напряженнаго нажима, отъ чего и у сильнаго человѣка рука скоро устаетъ, а дѣти и женщины крайне затрудняются дѣлать нажимы; при нажимѣ мѣлъ ломается и крошится. Всѣхъ этихъ неудобствъ лишена доска, сдѣланная изъ линолеума. Къ сожалѣнію, пока въ продажѣ не встрѣчается линолеумъ совершенно чернаго

*) Объ устройствѣ парты сказано, согласно „Наставленію для снабженія учебныхъ заведеній правильно устроенной мебелью", изданному министерствомъ народнаго просвѣщенія.

цвѣта; и потому приходится довольствоваться линолеумомъ темнозеленаго цвѣта, подходящаго къ черному.

Доска, приготовленная изъ линолеума, стоитъ въ два-три раза дешевле деревянной, а если принять въ соображеніе, что она можетъ служить десятки лѣтъ, не требуя никакой покраски, тогда дешевизна ея, сравнительно съ деревянной, увеличится во много разъ. Кусокъ линолеума въ 6 футовъ длиной и $2^1/_3$ фута (1 ар.) шириною въ Юрьевѣ стоитъ 1 руб. 87 коп. Если взять кусокъ длиной въ 6 футовъ и $3^1/_2$ фута шириной ($1^1/_2$ ар.), тогда такой кусокъ обойдется 2 руб. 80 коп. Этотъ кусокъ можетъ быть прибитъ къ стѣнкѣ и образуетъ большую классную доску, а большая классная доска — огромное удобство. И это удобство дается всего лишь за 2 руб. 80 коп.! Для того, чтобы написанное было видно всѣмъ сидящимъ въ классѣ, передъ доской, прибитой къ стѣнѣ, слѣдуетъ дѣлать подмостки.

Если по какой либо причинѣ линолеумъ неудобно прибить къ стѣнѣ, тогда нужно сдѣлать грубую не покрашенную деревянную доску, набить на нее линолеумъ и укрѣпить на подставкѣ. Даже такая доска будетъ стоить дешевле крашеной деревянной. Существующія доски можно исправить набивкой на нихъ линолеума.

Несмотря на удобство и дешевизну досокъ изъ линолеума, едва ли у насъ найдутся школы, имѣющія ихъ. За прочность ихъ смѣло можно поручиться, такъ какъ опытъ, произведенный въ школахъ города Юрьева и въ минист. школахъ Юрьевскаго I района, далъ прекрасные результаты.

Въ начальныхъ школахъ, особенно бѣдныхъ, въ очень большомъ употребленіи грифельныя доски. Для зрѣнія грифельныя доски безспорно вредны, потому что трудность различать написанное грифелемъ и необходимость сильно нажимать грифель при писаніи заставляютъ ребенка нагибаться и принимать во время письма самое неправильное положеніе. Съ другой стороны, на первыхъ порахъ невозможно давать дѣтямъ въ руки и пера, потому что, какъ показываетъ опытъ, это способствуетъ порчѣ почерка. Изъ затрудненія можно выйти такимъ образомъ: на первыхъ порахъ пусть дѣти упражняются на грифельныхъ доскахъ, при чемъ учитель заботится о томъ, чтобы грифель былъ возможно мягче, и чтобы дѣти сидѣли возможно ровнѣе; какъ только дѣти пріобрѣтутъ навыкъ въ правильномъ письмѣ буквъ, учитель заставляетъ писать ихъ на бумагѣ сначала мягкимъ карандашомъ, а потомъ уже и перомъ. Въ американскихъ школахъ перо дается учащимся только къ концу перваго года ученія и даже въ началѣ второго, смотря по успѣху въ умѣньи писать. Для письма карандашомъ слѣдуетъ брать шероховатую бумагу, такъ какъ на ней карандашъ отчетливѣе пишетъ, а для письма перомъ необходимо брать

гладкую бумагу, такъ какъ только на такой бумагѣ перо можетъ двигаться легко и свободно.

Орудія письма (ручка, карандашъ, грифель) должны быть по крайней мѣрѣ въ три раза тоньше большого пальца пишущаго. Это, повидимому, неважное обстоятельство предохраняетъ пальцы отъ излишняго напряженія и способствуетъ тому, чтобы учащійся больше заботился о лучшемъ письмѣ. Кромѣ того, перо, карандашъ и грифель непремѣнно должны быть мягкими, чтобы во время нажима не дѣлать большихъ напряженій, препятствующихъ скорости и красотѣ письма.

Слѣдуетъ писать черными чернилами и отнюдь не допускать цвѣтныхъ, потому что онѣ очень дурно дѣйствуютъ на зрѣніе. По той же причинѣ нельзя давать и глянцевитой бумаги.

Говоря о томъ, каковы должны быть письменныя принадлежности, нельзя обойти молчаніемъ тетрадей, снабженныхъ такъ называемой графической сѣткой, и тетрадей съ готовымъ письмомъ блѣдными чернилами или съ обозначеніемъ буквъ пунктиромъ.

Графическая сѣтка составляется изъ горизонтальныхъ линій, показывающихъ направленіе строки и высоту буквъ, косыхъ (или прямыхъ, полукосыхъ), показывающихъ то или иное направленіе буквъ и линій, надстрочныхъ и подстрочныхъ, показывающихъ, до какого предѣла можно вести элементы буквъ, выходящихъ изъ строкъ. Иногда еще проводятъ междустрочныя линіи для показанія, до какого мѣста вести волосныя линіи.

Тетрадь, снабженная всѣми этими линіями, представляетъ собою что-то похожее на лабиринтъ; своей пестротой она портитъ зрѣніе пишущихъ, а сложностью и запутанностью отвлекаетъ вниманіе отъ самаго письма.

Изъ горизонтальныхъ линій можно допускать только строчныя; между косыми или вертикальными разстояніе должно быть по возможности шире. Онѣ, кромѣ того, должны быть хорошо видимыми, чтобы пишущему не было надобности присматриваться къ нимъ и для этого нагибаться. Какъ только дѣти привыкнутъ къ письму, косыя и вертикальныя линіи должны быть оставлены, потому что онѣ парализуютъ самостоятельное развитіе глазомѣра, столь необходимаго во время письма буквъ: чѣмъ раньше начнется это самостоятельное развитіе его, тѣмъ лучше. Нѣкоторые методисты совѣтуютъ учить письму безъ всякихъ линій, но это — крайность.

Ни подъ какимъ видомъ нельзя давать тетрадей, въ которыхъ учащіеся пишутъ по готовому, блѣдными чернилами написанному письму. Такія тетради развиваютъ въ дѣтяхъ небрежное отношеніе къ письму и убиваютъ въ нихъ самостоятельность. Если письмо на подобныхъ тетрадяхъ будетъ продолжаться долго, то съ увѣрен-

ностью можно сказать, что пишущій никогда не научится писать хоть сколько нибудь сносно. То же самое нужно сказать о тетрадяхъ съ обозначеніемъ формы буквъ пунктиромъ.

Къ сожалѣнію, многіе даже образованные люди считаютъ приведенныя требованія мелочами, не заслуживающими вниманія. Къ крайнему удивленію, извѣстный врачъ-гигіенистъ Виреніусъ говоритъ: „Извѣстно, что когда не желаютъ или не умѣютъ взяться за дѣло, то всегда хватаются за мелочи и стараются ограничиться мѣропріятіями, имѣющими самое отдаленное отношеніе къ дѣлу, но имѣющими видъ мѣропріятій основныхъ, существенныхъ. То же случилось и съ гигіеною школы и учащихся" („Р. Ш." 1902 г. № 5).

Г. Виреніусъ не принимаетъ въ соображеніе одного очень простого обстоятельства. Отъ школы можно и даже должно прежде всего требовать минимума. Въ ея власти позаботиться о классной мебели, правильномъ освѣщеніи, о почеркѣ, о чернилахъ, о тетрадяхъ и тому подобныхъ мелочахъ, но тѣмъ не менѣе оказывающихъ вліяніе на здоровье и успѣшность учащихся.

Едва ли поэтому основательно пренебрегать указанными, пусть даже, мелочами и ожидать, „когда основныя положенія тѣлеснаго воспитанія будутъ поняты, признаны и проводимы въ жизнь учащихся такъ, какъ указываютъ новѣйшая наука и опытъ лицъ, знакомыхъ съ природою ребенка, съ физіологіей его и психологіей, а не случайные совѣты и указанія какихъ-нибудь узкихъ спеціалистовъ той или другой области медицины или педагогіи; когда не гг. каллиграфы, не гг. окулисты будутъ спасать учащихся отъ близорукости и исправленія позвоночника, а спеціалисты по школьной гигіенѣ, знакомые не съ однимъ почеркомъ, но со всею совокупностью тѣлесной, умственной и нравственной обстановки школы, ученія и учащихся".

Попеченіе о почеркѣ письма, классной мебели и т. д. нисколько не мѣшаетъ заботиться объ основныхъ положеніяхъ тѣлеснаго воспитанія, а между тѣмъ, безъ сомнѣнія, благотворно отразится на пишущемъ и его письмѣ, особенно въ то время, когда онъ только что принимается за это трудное для него дѣло.

В.

Какъ должно сидѣть во время письма и какъ держать орудіе письма.

Во время письма учащіеся должны:

1) держать верхнюю часть туловища прямо, опираясь на позвоночникъ, который въ свою очередь поддерживается поясничной спинкой;

2) держать не приподнимая оба плеча на одной высотѣ и параллельно краю стола;

3) не опираться грудью на край стола;

4) держать глаза отъ книги или тетради на разстояніи 35—40 сант. и наклонять голову только слегка для образованія необходимаго угла зрѣнія;

5) держать предплечья, но не локти, на столѣ;

6) опираться на полъ или на подножку всей ступней, при чемъ голень должна имѣть отвѣсное положеніе, а бедро должно быть согнутымъ подъ прямымъ угломъ *).

По отношенію къ источнику свѣта, пишущій непремѣнно долженъ сидѣть лѣвой стороной; въ противномъ случаѣ тѣнь отъ пера и руки будетъ мѣшать письму. Солнечные лучи ни въ коемъ случаѣ не должны падать на бумагу при письмѣ. Лампа не должна стоять вблизи пишущаго, потому что согрѣтый воздухъ вредно вліяетъ на зрѣніе.

Орудіе письма (карандашъ, грифель, ручку съ перомъ) должно поддерживать тремя пальцами такъ, чтобы оно лежало на среднемъ пальцѣ, немного согнутомъ; указательный палецъ долженъ лежать сверху орудія письма и не быть согнутымъ, какъ это часто дѣлаютъ пишущіе; большой палецъ, нѣсколько согнутый, поддерживаетъ орудіе письма съ третьей стороны; безыменный пригибается къ ладони, чтобы не мѣшалъ свободному движенію трехъ пальцевъ, держащихъ орудіе письма; на кончикъ мизинца должна опираться кисть руки.

Положеніе письменнаго матеріала (тетради, грифельной доски) должно сообразоваться съ направленіемъ буквъ: при косомъ направленіи въ 45° тетрадь или доска кладется то же подъ угломъ въ 45°; при полукосомъ — въ 15°, при прямомъ — параллельно краю стола.

Г.

Первоначальныя письменныя упражненія; элементы буквъ, буквы, письмо словъ.

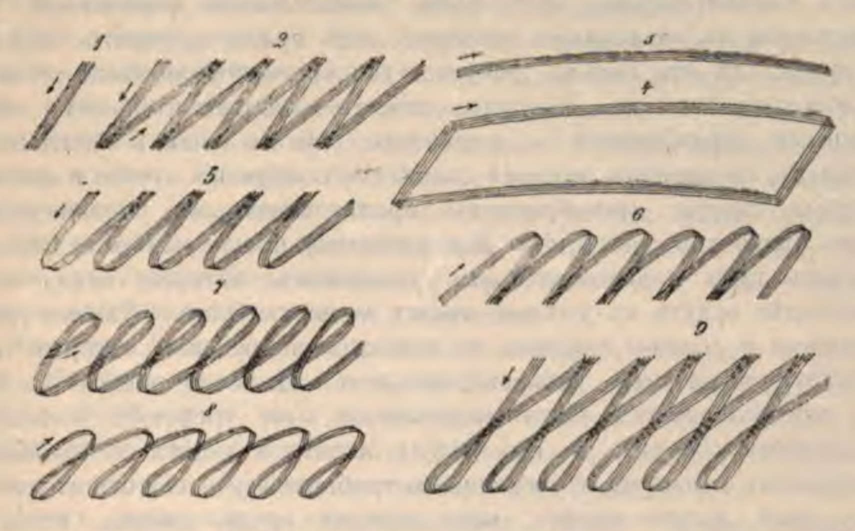
До сихъ поръ разсмотрѣно, что такъ или иначе касается вопроса о письмѣ; теперь остаётся сказать, какъ учить письму — сразу ли приступить къ обученію письму буквъ и словъ, какъ нѣкоторые совѣтуютъ, или же письму словъ должны предшествовать подготовительныя упражненія и, если должны, то какія именно.

Въ прежнее время къ письму буквъ и словъ долго подготовляли упражненіями въ писаніи элементовъ буквъ; въ настоящее время большинство **) рекомендуетъ начинать съ такихъ подготовительныхъ

*) Приведенныя наставленія взяты изъ названнаго раньше „Наставленія".

**) Изъ нашихъ педагоговъ, кажется, одинъ только Паульсонъ отрицалъ ихъ необходимость и совѣтовалъ начинать обученіе процессу письма прямо съ буквъ и притомъ безъ всякихъ линій. Едва ли можно слѣдовать этому совѣту по той причинѣ, что письмо буквъ есть очень трудное и сложное дѣло, а всякое дѣло, особенно съ дѣтьми, должно начинать съ простого и по возможности легкаго, постепенно подготовляя къ сложному и трудному.

упражненій, которыя способствуютъ развитію гибкости пальцевъ и кисти руки. Эти упражненія легче всего производить мягкимъ



карандашомъ на бумагѣ и только въ крайности можно допускать грифель и грифельную доску.

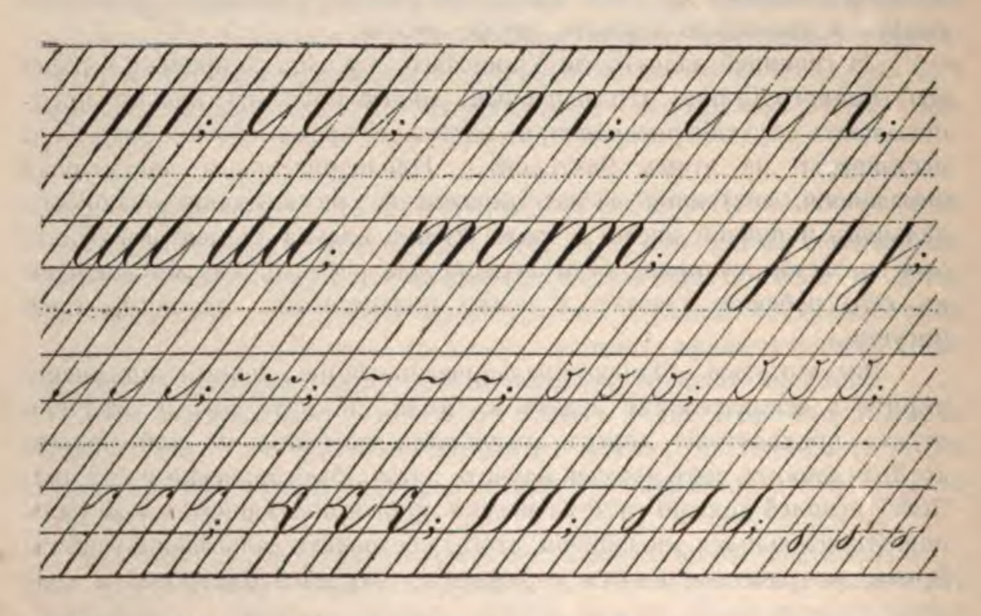
На этихъ непринужденныхъ*) упражненіяхъ необходимо продержать учащихся до тѣхъ поръ, пока они не привыкнутъ правильно сидѣть и правильно держать орудіе письма.

За границей задолго до Ушинскаго, а у насъ со времени выхода его „Родного Слова" (годъ первый) многіе обученію письму предпосылаютъ обученіе рисованію; въ настоящее время особенно энергично настаиваетъ на этомъ Вахтеровъ. Предварительныя письменныя упражненія, состоящія 1) изъ упражненій, развивающихъ гибкость пальцевъ и ручной кисти, а также 2) изъ письма элементовъ буквъ, онъ считаетъ скучными, безцѣльными для ребенка, безсмысленными въ его, ребенка, глазахъ и менѣе интересными для него, чѣмъ рисунки.

Все это такъ. Однако предварительныя письменныя упражненія вѣрнѣе и основательнѣе ведутъ къ цѣли, поэтому имъ и слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ рисунками, особенно въ той школѣ, которая ставитъ себѣ задачей научить писать быстро, четко и красиво. Волей-неволей должно систематически пройти послѣдовательный рядъ подготовительныхъ упражненій, чтобы обезпечить дальнѣйшій успѣхъ. Время, потраченное на эти упражненія, окупится быстротой и кра-

*) Непринужденными называю ихъ потому, что они производятся свободнымъ движеніемъ пальцевъ безъ всякихъ нажимовъ и безъ особенной тщательности. Взяты они изъ прописи Андреева.

сотой письма впослѣдствіи. Такова ужъ природа всякаго умѣнья (ремесла) и искусства, что успѣхъ въ нихъ достигается рядомъ скучныхъ, однообразныхъ, часто очень утомительныхъ упражненій. По отношенію къ начальнымъ школамъ, гдѣ нужно дорожить каждой минутой, гдѣ отъ письма требуется только, чтобы оно было четкимъ и довольно бѣглымъ, излишнее увлеченіе подготовительными письменными упражненіями — крайность. Но въ нашихъ начальныхъ школахъ, со времени введенія совмѣстнаго обученія чтенію и письму, учителя скорѣе пренебрегаютъ предварительными упражненіями, чѣмъ злоупотребляютъ ими. Для начальной школы наиболѣе цѣлесообразны такія подготовительныя упражненія, которыя наилучше и наискорѣе ведутъ къ умѣнью писать элементы буквъ. Такими упражненіями и должно признать тѣ немногія упражненія, которыя способствуютъ развитію гибкости пальцевъ. Даже то обстоятельство, что они исполняются чисто механически и не требуютъ большого напряженія, говоритъ въ ихъ пользу, потому что дѣти съ бо́льшимъ вниманіемъ отнесутся къ исполненію требованій учителя относительно того, какъ должно сидѣть, какъ держать орудіе письма, тетрадь. Учителю тоже будетъ больше возможности слѣдить за учащимися. При рисованіи вниманіе учениковъ всецѣло поглощается рисункомъ; самое же важное въ первоначальномъ обученіи письму — умѣнье



сидѣть и пользоваться принадлежностями письма — останется въ пренебреженіи. Нужно также принять въ соображеніе и то, что на рисункахъ подготовлять къ письму болѣе затруднительно, почему

немногіе учителя сумѣютъ хорошо справиться съ этой задачей. При домашнемъ обученіи или въ тѣхъ школахъ, гдѣ позволяетъ время и умѣнье учащаго, можно занять дѣтей и рисованіемъ.

Какъ только учащіеся станутъ сидѣть, держать орудіе письма и тетрадь правильно, учитель показываетъ имъ, какъ писать элементы буквъ. Писаніе элементовъ буквъ можно допустить или по косымъ или по вертикальнымъ и полукосымъ линейкамъ сначала карандашомъ, а потомъ перомъ. Элементы буквъ нужно писать какъ можно дольше. Умѣнье писать ихъ почти обусловливаетъ умѣнье писать буквы.

Чрезвычайно важно пріучить дѣтей писать буквы и слова, не отнимая отъ бумаги безъ надобности пера, а къ этому нужно подготовить на связно написанныхъ элементахъ.

Элементы буквъ учитель пишетъ возможно тщательнѣе и красивѣе. Во время письма молчитъ, чтобы своею рѣчью не отвлекать вниманія дѣтей и дать имъ возможность всецѣло сосредоточиться на производимыхъ имъ движеніяхъ. Написавъ нѣсколько разъ одинъ и тотъ же элементъ, учитель заставляетъ дѣтей писать его.

Опытъ показываетъ, что молчаливое письмо гораздо скорѣе приводитъ къ успѣшнымъ результатамъ, чѣмъ письмо, сопровождаемое рѣчью — описаніемъ элементовъ буквъ или самыхъ буквъ. Это вполнѣ понятно и съ психологической точки зрѣнія. Письмо есть соединеніе зрительныхъ и мускульныхъ впечатлѣній, поэтому на нихъ и должно быть сосредоточено все вниманіе *); слуховыя впечатлѣнія мѣшаютъ полному и безпрепятственному воспріятію первыхъ. Приведенное требованіе, само собой разумѣется, не исключаетъ необходимости дать наименованія буквеннымъ элементамъ: палочки; палочки, загнутой сверху; палочки, загнутой снизу; палочки, загнутой сверху и снизу и т. д.

Когда учащіеся научатся болѣе или менѣе удовлетворительно писать указанные раньше элементы буквъ, учитель начинаетъ учить ихъ писать сначала строчныя буквы и соединять ихъ въ слова въ такой постепенности:

1) п, а, папа.
2) л, о, лапа, пола.
3) и, пила, липа.
4) м, мама, лампа.
5) т, толпа, лопата.
6) ш, шило, пиши.
7) с, сало, масло.
8) й, шей, лей, мой.
9) н, нога, сани.
10) ю, юла, мою.
11) р, рама, сарай.
12) у, уши, луна.
13) д, дуга, удила.
14) ь, ноготь, ладонь.

*) По написанному элементу нужно нѣсколько разъ провести пальцемъ.

15) ы, пыль, мыло.
16) е, ель, олень.
17) в, ворона, сова.
18) х, ходули, лохань.
19) ф, фонарь, графинъ.
20) ж, жолудь, рожь.
21) ч, часы, лучина.
22) ъ, чанъ, ушатъ.
23) ё, ёжъ, осёлъ.
24) ѣ, лѣсъ, полѣно.
25) ц, цѣпъ, улица.
26) щ, щель, лещъ.
27) к, кочерга, щетка.
28) б, бобъ, бобы.
29) я, ягода, ступня.
30) і, линія, линіи.
31) э, этотъ столъ, эта доска.
32) ѳ, каѳедра.
33) з, зубъ, гвоздь.
34) эта каѳедра, это перо.

Послѣ усвоенія учащимися письма строчныхъ буквъ, учитель приступаетъ къ ознакомленію ихъ съ прописными въ такомъ порядкѣ:

1) И. Имя. Иванъ.
2) Ш. Шуба. Шапка.
3) Щ. Щётка. Щипцы.
4) Ц. Цѣпъ. Цѣпь.
5) А. Анна. Августъ.
6) Л. Левъ. Лошадь.
7) М. Макъ. Мука.
8) О. Олень. Оселъ.
9) Ѳ. Ѳедотъ. Ѳедоръ.
10) С. Сани. Сѣдло.
11) Э. Эмма. Эрастъ.
12) Х. Ходули. Хомутъ.
13) Ж. Жукъ. Журавль.
14) Г. Гусь. Голубь.
15) П. Перо. Пила.
16) Т. Темя. Туловище.
17) Р. Рѣпа. Рѣдька.
18) В. Вилы. Вилка.
19) Б. Бокалъ. Бутылка.
20) І. Іосифъ. Іоаннъ.
21) Н. Ножъ. Ножикъ.
22) Ѣ. Ѣмъ. Ѣду.
23) Ю. Юрій. Юлій.
24) К. Котъ. Котенокъ.
25) Ф. Фока. Флоръ.
26) У. Утка. Утенокъ.
27) Ч. Чашка. Чанъ.
28) Я. Яйцо. Яйца.
29) Е. Ель. Ели.
30) Ё. Ёжъ. Ёршъ.
31) З. Зубъ. Зубы.
32) Д. Домъ. Домикъ.

Умѣніемъ писать прописныя буквы и соединять ихъ со строчными въ словахъ и заканчивается обученіе письму — чистописанію. Теперь необходимо сказать, какъ научить дѣтей тому, чтобы они при писаніи *словъ употребляли тѣ именно буквы, какія принято.*

II.

Обученіе правописанію.

А.

Предварительныя свѣдѣнія, необходимыя для пониманія того, каковы должны быть орѳографическія упражненія: 1) отношеніе правильнаго произношенія словъ къ правописанію; 2) отношеніе звуковъ русскаго языка къ буквамъ русской азбуки; 3) участіе слуховой, зрительной, мускульной и рѣчевой памяти въ усвоеніи правописанія; 4) значеніе орѳографическихъ правилъ и отношеніе къ нимъ грамматики.

Обученіе правописанію въ настоящее время находится въ самомъ плачевномъ положеніи. На обученіе тратится очень много тяжелаго труда и учащимися и учащими, а между тѣмъ повсюду слышны жалобы, что не только окончившіе курсъ низшихъ учебныхъ заведеній, но и среднихъ не умѣютъ орѳографически писать.

Чтобы возможно удовлетворительнѣе рѣшить вопросъ, какъ должно обучать орѳографіи, необходимо прежде всего вникнуть въ отношеніе правильнаго произношенія словъ къ правописанію и въ отношеніе звуковъ языка къ буквамъ азбуки.

Въ однихъ случаяхъ правильное произношеніе находится въ непримиримой враждѣ съ правописаніемъ, напримѣръ: чиво—чего, гарадскова галавы — городского головы, штоп — чтобъ, канешна — конечно, безпешный—безпечный, сивотни—сегодня и т. д.

Въ другихъ случаяхъ правильное произношеніе словъ нисколько не помогаетъ правильному письму ихъ. Съ этимъ каждый согласится, если вспомнитъ, что рѣдко въ какомъ словѣ, встрѣчающемся въ рѣчи, нѣтъ буквъ *ѣ* или *е*, употребленія которыхъ произношеніемъ опредѣлить невозможно, что въ тысячахъ словъ встрѣчаются буквы *ѳ* и *ф*, произношеніе которыхъ совершенно тожественно; что масса словъ пишется съ удвоенными согласными, неуловимыми для слуха *), что не поддается правилу употребленіе буквъ *о* и *ё*, тоже-

---

*) Комиссія и коммерція, прогрессъ и интересъ, конопляный, дупляный, медвяный, медяный, съ одной стороны, и деревянный, оловянный, стеклянный — съ другой

ственныхъ въ произношенiи послѣ шипящихъ*). Кромѣ того, есть множество словъ, при письмѣ которыхъ необходимо даже вступать въ борьбу съ логическими требованiями. Такъ, напримѣръ, если мы пишемъ *послѣзавтра*, то по аналогiи намъ хочется писать *дозавтра*, но оказывается, что необходимо писать *до завтра*. Другiе примѣры: *устраивать* (строй), *уговаривать* (уговоръ), *упрашивать* (просить), *оспаривать* (споръ), но *усвоивать* (свой); *расчетъ, расчесть*, но *разсчитать, разсчитывать; сверху, снизу, вверху, внизу*, но *къ верху, къ низу; вначалѣ, сначала*, но *въ концѣ, съ конца; по необходимости, по принужденiю, по преимуществу, на вылетъ, при встрѣчѣ*, но *поневолѣ, посрединѣ, навстрѣчу; внаймы*, но *въ службу* при существительныхъ наймы и служба; *на ряду, на ходу, на цыпочкахъ*, но *впотьмахъ* (при существит. потьмы); *въ бреду*, но *вслухъ, втупикъ* (тупикъ); *досуха, досыта*, но *до нельзя, до тла* и т. д. Въ оправданiе приведенныхъ противорѣчiй нельзя привести никакихъ ни грамматическихъ, ни логическихъ соображенiй! **)

Если обратимся къ вопросу, въ какомъ отношенiи находятся звуки нашего языка къ буквамъ нашей азбуки***), то найдемъ слѣдующее:

1) согласные твердые ($б^ъ$, $в^ъ$, $г^ъ$, $д^ъ$ и т. д.) и согласные мягкiе ($б^ь$, $в^ь$, $г^ь$, $д^ь$ и т. д.) обозначаются одной буквой, а не двумя; напр., звуки: $б^ъ$ и $б^ь$ обозначаются буквой б; твердое и мягкое произношенiе согласныхъ буквъ узнается по слѣдующимъ за ними гласнымъ и безгласнымъ: ъ, ь, напр., баня — $б^ъ$ а $н^ь$ а, объяснить;

2) звукъ *ф* обозначается двумя буквами: ф и ѳ — Фока, Ѳома;

3) звукъ *и* обозначается буквами и, i: Иванъ, Iоаннъ, миръ, мiръ;

---

*) Желтый, жесткiй, желчь, печенка, шелкъ, счетъ рядомъ съ жолобъ, жолудь (хотя есть слово желудковый), обжора, обжогъ, шорохъ, трущоба. Данное Гротомъ правило относительно употребленiя этихъ буквъ не выдерживаетъ критики. Онъ говоритъ — *о* нужно писать въ открытыхъ слогахъ: шо-рохъ, шо-потъ, обжо-ра; въ закрытыхъ е: жест-кiй, шелкъ, счетъ.

Въ словахъ: шом-полъ, шор-никъ, шос-се — закрытые слоги, однако самъ же онъ пишетъ *о*, а въ словахъ: еще, ще-голь — открытые, однако онъ пишетъ *ё*.

**) Въ одной экзаменной диктовкѣ, въ которой встрѣчаются слова *вмѣсто* и *вмѣру* въ значенiи нарѣчiй, одни дѣти написали *въ мѣсто* и *въ мѣру*, другiя *въ мѣсто* и *вмѣру*, третьи *вмѣсто* и *въ мѣру*, четвертыя *вмѣсто* и *вмѣру*. Но такъ какъ Гротъ въ своемъ Справочномъ словарѣ забылъ помѣстить *вмѣру*, то учитель два раза подчеркнулъ *вмѣру* и вмѣсто тройки поставилъ двойку. Дѣти расплачиваются за то, что пишутъ, руководясь аналогiей: по аналогiи со словомъ *вмѣсто*, пишутъ *вмѣру*.

***) Правильнѣе, конечно, было бы сказать: „къ буквамъ сокращенной церковно-славянской азбуки".

4) звукъ *э* послѣ согласныхъ мягкихъ обозначается буквами е, ѣ: вᵇэрба — верба, вᵇэра — в*ѣ*ра;

5) каждый изъ слоговъ: *йа, йо, йу, йи,* обозначается не двумя, а одной буквой: я, ё, ю, и *);

6) слогъ *йэ* обозначается двумя буквами е, ѣ: *йэль* — *ель йэхать* — *ѣхать*.

Имѣя въ виду сказанное объ отношеніи правильнаго произношенія словъ къ правописанію и звуковъ къ буквамъ, постараемся сначала разсмотрѣть, какія изъ внѣшнихъ чувствъ могутъ содѣйствовать усвоенію правописанія.

Со времени Ушинскаго, исходившаго изъ ложнаго положенія, будто „огромное большинство словъ въ языкѣ пишется такъ, какъ выговаривается", стали исключительно пользоваться слухомъ **).

Способъ списыванія, требовавшій запоминанія буквеннаго состава словъ, былъ подвергнутъ строжайшему осужденію, признанъ механическимъ, притупляющимъ умъ: обратились къ письму по слуху, къ такъ называемому письму подъ диктовку. Этотъ способъ обученія правописанію былъ признанъ и теперь еще большинствомъ признается наиболѣе цѣлесообразнымъ, ибо онъ, по мнѣнію его сторонниковъ, требуетъ со стороны пишущаго размышленія и самостоятельности: ученикъ сказанное учителемъ предложеніе долженъ сначала разложить на составляющія его слова, слова на слоги, слоги на звуки, и звуки обозначить соотвѣтствующими имъ буквами.

Если бы должно было писать слова такъ, какъ они произносятся, если бы буквы азбуки находились въ строгомъ соотвѣтствіи со звуками языка, тогда умѣнія разлагать слова на соотвѣтствующіе звуки было бы вполнѣ достаточно для правописанія, но, какъ было сказано, ни того, ни другого у насъ нѣтъ, а потому навыкъ писать слова по слуху, на основаніи производимаго надъ ними звукового анализа, въ большинствѣ случаевъ приноситъ вредъ, а не пользу. На первыхъ порахъ, пока пишутся слова, звуковой составъ коихъ сходенъ съ буквеннымъ, звуковой анализъ пригоденъ; благодаря ему дѣти чуть ли не съ первыхъ уроковъ самостоятельно могутъ писать слова подъ диктовку. Это обстоятельство побуждало и теперь еще побуждаетъ многихъ педагоговъ усиленно обращать вниманіе на звуковой анализъ словъ. И теперь еще въ руководствахъ встрѣчается самое враждебное, какое только можно придумать для правописанія, правило: „Пиши, какъ

*) Нѣкоторые впрочемъ думаютъ, что буквы: я, ё, ю, и, е, ѣ обозначаютъ не слоги, а особые нераздѣльные звуки, что звукъ *я* не тождественъ слогу *йа*.

**) Хорошій, ясный выговоръ слова, такой, чтобы каждый изъ звуковъ, составляющихъ слово, былъ слышенъ, и чуткое ухо въ различеніи этихъ звуковъ, — училъ Ушинскій, — вотъ главныя основанія правописанія.

слышишь." Учитель, давшій такое правило и подтвердившій его двумя, тремя примѣрами (въ родѣ словъ *папа, мама, рука, нога*), черезъ нѣкоторое время не стѣснялся диктовать такимъ образомъ: „Пайдемъ гулять въ гарацкой сатъ." Если учащіеся напишутъ такъ, какъ слышатъ, ихъ упрекаютъ въ безграмотности, ставятъ плохія отмѣтки. Сознавъ очевидную несообразность приведеннаго требованія, Д. Тихомировъ сталъ рекомендовать, чтобы диктовали слова такъ, какъ они написаны, т. е., добраго, синяго, голова, борона и проч., а не доброва, синева, галава, барана. Къ сожалѣнію, и этотъ благой совѣтъ мало пригоденъ, во-первыхъ, потому что никакое произношеніе не можетъ указать учащимся, гдѣ писать *е* и *ѣ*, *ф* и *ѳ*, а *е* и *ѣ* встрѣчаются на каждомъ шагу; во-вторыхъ, потому что привычное произношеніе пишущаго беретъ перевѣсъ надъ временнымъ произношеніемъ диктующаго, почему первый пишетъ такъ, какъ привыкъ произносить слово, а не такъ, какъ второй диктуетъ. Въ справедливости этого убѣждаютъ ежедневныя наблюденія. Послѣ прочтенія статьи „Козелъ," помѣщенной въ Родномъ словѣ Ушинскаго (годъ 2-ой, стр. 4), учитель, устно сдѣлавъ сравненіе козла съ собакой и коровой и обративъ вниманіе на орѳографію словъ: козелъ, собака и корова, заставилъ письменно изложить сказанное. Большая часть учениковъ писала: „С*а*бака меньш*и* к*а*зла, а к*а*зелъ меньш*и* к*а*ровы." Фразу: „Миръ и тишина наступили въ Россіи, когда Кіевскимъ княземъ сдѣлался Владиміръ Мономахъ," продиктованную по приведенному рецепту, одна изъ учениць написала: „Миръ и тиш*е*на наступили въ Р*а*ссіи, ка*х*та к*и*вскимъ княземъ *з*делался Владиміръ Ман*а*махъ." Написано это уроженкой не Москвы, а города Глухова, говоръ котораго не принадлежитъ къ акающимъ. До чего велика сила привычнаго произношенія видно изъ того, что учащіеся при выходѣ изъ средне-учебныхъ заведеній пишутъ: эт*а*го, обе*с*печить, в*ы*ду вм. выйду, в*и* вм. вы, люб*ы*мый вм. любимый, в*и*толкать вм. вытолкать (послѣднія три ошибки постоянно встрѣчаются въ учебныхъ заведеніяхъ Черниговской губерніи, благодаря своеобразному произношенію этихъ словъ).

Совѣтъ Тихомирова можетъ принести нѣкоторую пользу лишь въ томъ случаѣ, если диктовать по слогамъ, указывая при этомъ предварительно трудныя для правописанія слова. Но на такого рода диктовку идетъ много времени; указаніе, какъ написать въ томъ или иномъ случаѣ, не всегда приводитъ къ цѣли; слыша произносимыя по слогамъ слова, дѣти пишутъ ихъ не цѣликомъ, а по слогамъ. Кромѣ того, подобный способъ диктованія мало пригоденъ еще и потому, что какъ только будетъ сдѣланъ переходъ къ быстрому самостоятельному письму, то навыкъ писать по слуху и даетъ себя чувствовать какъ разъ не въ пользу правописанія. Насколько опасно

для правописанія обращеніе къ слуховымъ воспріятіямъ, можетъ каждый провѣрить на себѣ лично, — стоитъ только начать писать слова, производя надъ ними звуковой анализъ. Какъ бы ни былъ твердъ въ орѳографіи производящій опытъ, въ скоромъ времени онъ начинаетъ поддаваться коварному воздѣйствію слуховыхъ впечатлѣній и станетъ дѣлать ошибки фонетическаго происхожденія въ затруднительныхъ мѣстахъ. Слухъ оказываетъ помощь лишь тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опасности для правописанія. Тамъ-же, гдѣ грозитъ правописанію хоть малѣйшая опасность, онъ, подобно злому демону, коварно нашептываетъ совсѣмъ не то, что нужно: лехкій, скольскій, здѣланный и т. д.

Отрицательныя стороны обученія правописанію по слуху давно уже были замѣчены Шереметевскимъ. Исходя изъ положенія, что при письмѣ нельзя вѣрить уху, онъ энергично возсталъ противъ обученія орѳографіи по слуху — противъ охватившей всѣхъ маніи къ диктовкамъ, производимымъ притомъ въ большинствѣ случаевъ самымъ безразсуднымъ образомъ: многіе изъ учащихъ умышленно диктуютъ слова, рѣзко выдѣляя особенности произношенія: х*а*р*а*шо пр*а*йтис*ь* п*а* палямъ в*а* время всход*афъ* м*а*л*а*дой озими; скор*а* ска*с*ка сказывае*ца*, да не скор*а* дѣла дѣлае*ца*. По мнѣнію Шереметевскаго, въ усвоеніи орѳографіи долженъ участвовать глазъ, а не ухо, почему онъ и рекомендуетъ обученіе ей на первыхъ порахъ исключительно путемъ списыванія. И дѣйствительно, если принять въ соображеніе, что зрительныя впечатлѣнія отличаются наибольшею ясностью и раздѣльностью, а главное устойчивостью и наглядностью, то громадное значеніе зрѣнія для орѳографіи, какъ знанія, пріобрѣтаемаго посредствомъ этого органа, станетъ вполнѣ очевиднымъ. Прибавимъ къ этому, что при усвоеніи какихъ бы то ни было знаній, зрительныя впечатлѣнія доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ другія впечатлѣнія, даже больше, чѣмъ слуховыя, по той простой причинѣ, что они лучше сохраняются, и мысль легче съ ними справляется*). Насколько важно зрѣніе для усвоенія орѳографіи, можетъ служить подтвержденіемъ то обстоятельство, что глухонѣмые, при крайней умственной неразвитости, дѣлаютъ значительные успѣхи въ правописаніи. Важность зрительныхъ впечатлѣній при усвоеніи правописанія подверждаетъ и примѣръ старой школы, въ которой оно не изучалось, а, такъ сказать, воспринималось зрительно.

Объ этомъ, между прочимъ, говоритъ Кремлевъ въ статьѣ: „Мытарства одного купца на письменныхъ экзаменахъ“: „Въ старину не было никакихъ диктантовъ. Ученикъ проходилъ русскую

---

*) Нѣкоторые лучше сохраняютъ слуховыя впечатлѣнія, но, какъ мы уже видѣли, слухъ или врагъ орѳографіи, или безсиленъ помочь ей.

грамматику, почти не упражняясь практически въ орѳографіи, — переходилъ изъ класса въ классъ, не зная диктантовъ, и достигалъ, наконецъ, старшихъ классовъ. Здѣсь онъ сразу становился лицомъ къ лицу съ практикою правописанія: изучалась риторика, и ему задавались описанія и повѣствованія. Онъ обращалъ главное вниманіе на изложеніе мыслей въ своихъ сочиненіяхъ, но начиналъ поневолѣ всматриваться и въ правописаніе, и выходя изъ учебнаго заведенія, по окончаніи курса, удовлетворялъ орѳографическимъ требованіямъ своего времени. Такимъ образомъ въ старину орѳографія усвоялась навыкомъ, сама собой, постепенно, безъ шуму, безъ крику, безъ двоекъ и единицъ." („Р. Шк." 1898 г. № 12, стр. 53).

Возможность подобнаго усвоенія орѳографіи подтверждается и современными наблюденіями. Одинъ изъ американскихъ педагоговъ, Дж. Фарнгамъ, обратился къ своимъ знакомымъ съ такимъ вопросомъ: „Когда вы сомнѣваетесь въ правописаніи какого-либо слова, какимъ образомъ удостовѣряетесь въ его правописаніи?" Почти всѣ спрашиваемые отвѣтили ему въ такомъ родѣ: „Я пишу это слово и смотрю, такъ ли оно глядитъ, какъ слѣдуетъ, и согласно этому опредѣляю его орѳографію".

Какъ ни очевидна польза зрительныхъ впечатлѣній и вредъ слуховыхъ для правописанія, все-таки и теперь еще многіе педагоги предпочитаютъ обученіе правописанію по слуху. А. Флёровъ, опираясь на изслѣдованія психіатровъ, утверждающихъ, что этапными пунктами на главномъ пути, по которому передаются въ мозгу раздраженія во время письма, являются центры: 1) представленій предметовъ, 2) звуковыхъ ощущеній, 3) движеній органовъ рѣчи, 4) зрительныхъ образовъ словъ и 5) наконецъ, движеній пишущей руки, — пришелъ къ слѣдующему непоколебимому выводу, долженствующему отнынѣ *устранить* существовавшія до сихъ поръ противорѣчія и колебанія и *лечь въ основу* всякой разумной методики правописанія, а именно: „Необходимо не только не разъединять слухъ и зрѣніе при обученіи правописанію, какъ дѣлаетъ нынѣшняя методика, слѣдуя по стопамъ Шереметевскаго, а, наоборотъ, связывать слуховыя, говородвигательныя и зрительныя ощущенія съ письмомъ" (Пед. Сбор. 1904 г. № 6, стр. 42). По объясненію г. Флерова, процессъ звукового письма происходитъ слѣдующимъ образомъ: при возникновеніи въ сознаніи, допустимъ, представленія *лѣса*, въ памяти прежде всего возникаетъ звуковой образъ русскаго слова *лѣсъ*, затѣмъ совершаются минимальныя движенія органовъ рѣчи, далѣе произносится зрительный образъ этого слова и, наконецъ, совершаются движенія пишущей руки, которая выводитъ одну букву за другой по указаніямъ ощущеній внутренняго выговора слова и его зрительнаго образа (Тамъ же,

стр. 43). Постараемся сдѣлать то, что говоритъ г. Флеровъ: представимъ *лѣсъ,* вызовемъ въ памяти звуковой образъ русскаго слова л'эс, совершимъ минимальныя движенія органовъ рѣчи, воспроизведемъ зрительный образъ этого слова. Какой зрительный образъ? Тотъ ли, который отвѣчаетъ звуковому *л'эс,* или же тотъ, который принятъ нашимъ правописаніемъ *лѣсъ?* Воспроизведемъ первый и совершимъ движенія пишущей руки, которая выведетъ одну букву за другой по указаніямъ ощущеній внутренняго выговора слова и его зрительнаго образа, и получимъ: *л'эс;* получимъ то, что въ нашемъ современномъ правописаніи совершенно не допустимо, но что дѣйствительно согласно было бы съ изслѣдованіями психіатровъ, если бы буквенный составъ словъ отвѣчалъ звуковому. Если же воспроизведемъ второй зрительный образъ *лѣсъ,* то онъ не соотвѣтствуетъ звуковому образу *л'эс,* а слѣдовательно и движеніямъ органовъ рѣчи. Словомъ, благое желаніе г. Флерова устранить существующія противорѣчія и колебанія, не только не устраняются имъ, напротивъ усиливаются. Флеровъ можетъ возразить, что онъ разумѣетъ правописные образы словъ. Если такъ, тогда вся его теорія еще меньше имѣетъ права на цѣлесообразность: разъ у пишущаго есть правописный образъ слова, то какой смыслъ связывать этотъ образъ съ звуковымъ, сплошь и рядомъ съ нимъ несогласнымъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что въ усвоеніи орѳографіи важнѣйшую роль играютъ мускульныя впечатлѣнія. Приватъ-доцентъ Нечаевъ даже думаетъ, что моторный (мускульный) видъ словесныхъ образовъ долженъ играть болѣе существенную роль при диктовкѣ, чѣмъ слуховой и зрительный (Соврем. экспер. псих., стр. 203). Еще большее значеніе мускульному чувству въ дѣлѣ усвоенія правописанія приписываетъ Кремлевъ. По его мнѣнію, рука (т. е. мускульное чувство) лучше знаетъ, какъ писать, чѣмъ голова (Р. Ш: 1898 г. № 12, стр. 53).

Съ этими мнѣніями нельзя согласиться, такъ какъ при громадномъ количествѣ словъ, употребляемыхъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, на пріобрѣтеніе такого навыка не достаточно было бы постояннаго упражненія въ теченіе всей человѣческой жизни. На утвержденіе Кремлева, что его выручаетъ рука въ затруднительныхъ случаяхъ, можно возразить, что вполнѣ грамотные люди во время записыванія лекцій или сосредоточенія ума на изложеніи мыслей дѣлаютъ грубѣйшія ошибки въ самыхъ употребительныхъ словахъ, писанныхъ ими безчисленное множество разъ*). Возлагать большія надежды на мускульные навыки руки нельзя еще и потому, что

---

*) Ссылка на писарей, по одному навыку пишущихъ правильно, не можетъ служить возраженіемъ, потому что они грамотны въ узкой области словъ и обращаютъ вниманіе исключительно на орѳографію словъ.

дѣти съ хорошею мускульною памятью встрѣчаются очень рѣдко, гораздо рѣже, чѣмъ съ хорошо развитымъ слухомъ или зрѣніемъ. Но и пренебрегать ими нельзя, такъ какъ они тѣсно и неразрывно соединены съ зрительными впечатлѣніями, которыя дѣйствительно имѣютъ большое значеніе въ усвоеніи правописанія.

Особенно важное значеніе для правописанія пріобрѣтаютъ зрительныя и мускульныя впечатлѣнія, когда они соединяются съ рѣчевыми, т. е., когда мы до письма или во время письма называемъ буквы, составляющія слово. Называніе буквъ заставляетъ обратить на нихъ большее вниманіе, а это способствуетъ лучшему запоминанію ихъ.

Однако, какъ бы мы разумно ни пользовались указанными впечатлѣніями, усвоеніе правописанія было бы крайне затруднительнымъ, если бы не пользовались орѳографическими правилами; послѣднія въ высшей степени облегчаютъ и ускоряютъ усвоеніе его; напримѣръ, знаніе правила, что буква і пишется передъ гласными и согласной й, даетъ возможность писать правильно всѣ слова съ этой буквой и такимъ образомъ устраняетъ необходимость заучивать правописаніе множества словъ.

Знаніе правилъ, что въ префиксахъ, за исключеніемъ мѣстоименнаго *нѣ* (нѣкто, нѣкоторый, нѣсколько), въ суффиксахъ*), кромѣ глагольнаго *ѣ,* въ именныхъ флексіяхъ, кромѣ дательнаго и предложнаго падежей и сравнительной степени полнаго окончанія, *ѣ* не пишется, въ значительной степени облегчаетъ усвоеніе правописанія нѣсколькихъ тысячъ словъ. Учащійся, знакомый съ морфологическимъ составомъ словъ, будетъ правильно писать даже такія трудныя въ орѳографическомъ отношеніи слова, какъ *оцѣпенѣніе:* послѣ *ц* напишетъ *ѣ,* потому что это коренное *ѣ,* послѣ *п — е,* потому что это такъ называемое бѣглое *е,* послѣ *н* то же *ѣ,* потому что это глагольный суффиксъ (оцѣпенѣть); на концѣ *е,* потому что это окончаніе именительнаго падежа.

Существительныя *затменіе, одобреніе* напишетъ черезъ *е,* потому что они образованы отъ глаголовъ *затмить, одобрить,* а существительныя *видѣніе, зрѣніе* напишетъ черезъ *ѣ,* потому что они происходятъ отъ глаголовъ *видѣть, зрѣть.*

По той же причинѣ вѣрно напишетъ черезъ *ѣ* въ суффиксѣ даже слова: *повелѣніе, впечатлѣніе, вожделѣніе* при всемъ искушеніи написать ихъ черезъ *е* по аналогіи со словами: *благоволеніе,*

---

*) Къ сожалѣнію, въ словахъ *свирѣль* и *апрѣль* суффиксъ *ѣл* пишется черезъ *ѣ.* Объ этихъ словахъ нужно сказать, какъ объ исключеніи. Раньше и въ словѣ купѣль писали *ѣ,* но Гротъ по аналогіи со словами колыбель, гибель, обитель, коростель, свиристель пишетъ *е.* Странно, почему по той же аналогіи не писать свирель, апрель?

стремленіе, томленіе, глумленіе, изумленіе, преступленіе, ослѣпленіе, разграбленіе, ослабленіе, выздоровленіе и многими другими*). Не затруднится также учащійся писать и множество прилагательныхъ, образованныхъ отъ несклоняемаго причастія съ суффиксомъ *ѣл,* а тѣмъ болѣе причастій съ суффиксами *ѣвш* и *ѣнн,* напримѣръ: *оцѣпенѣлый, зрѣлый, спѣлый, горѣлый, ослабѣлый, окоченѣлый, окаменѣлый, окостенѣлый* и другія; *оцѣпенѣвшій, созрѣвшій, поспѣвшій, пригорѣвшій* и другія; *видѣнный, презрѣнный, претерпѣнный, заподозрѣнный, разсмотрѣнный,* но *крашеный, ослабленный, купленный,* потому что образованы отъ глаголовъ: *красить, ослабить, купить.*

Кто знаетъ, что корень *вѣр* пишется черезъ *ѣ*, тотъ вѣрно напишетъ много словъ, происходящихъ отъ этого корня: вѣра, вѣрный, вѣрность, довѣренность, довѣритель, довѣрчивый, довѣріе, недовѣріе, увѣренный, повѣренный, повѣрка, повѣрочный, повѣрить, увѣрить, завѣрить и др.

Приведенные примѣры, полагаю, вполнѣ подтверждаютъ справедливость раньше сказаннаго, что орѳографическія правила въ высшей степени облегчаютъ усвоеніе правописанія. Одни изъ нихъ произвольно придуманы, хотя бы, напримѣръ, правила относительно употребленія буквы і, прописныхъ буквъ, замѣны буквы з буквой с въ префиксахъ: из, воз, раз, низ, передъ отзвучными согласными (испачкать, искалѣчить) и, напротивъ, сохраненія з въ префиксахъ без, чрез передъ тѣми же согласными (безполезный, чрезполосный); другія тѣсно связаны съ грамматическими данными, напримѣръ: правила, касающіяся правописанія окончаній (флексій), суффиксовъ, корней, префиксовъ; правописанія словъ по ихъ синтаксическому значенію (судя по тому, что онъ . . . .; онъ не пришелъ, потому, что . . . .); употребленія знаковъ препинанія. Хотя грамматика и можетъ оказать большое содѣйствіе правописанію (стоитъ только умѣло воспользоваться ею въ его интересахъ), но ей до правописанія рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Она изучаетъ звуковой и морѳологическій составъ словъ, составъ предложенія и сочетанія предложеній. Звуковой составъ словъ, какъ было указано выше, сплошь и рядомъ не совпадаетъ съ буквеннымъ, почему въ этомъ отношеніи услугами грамматики (фонетики) нельзя пользоваться для орѳографіи. Напротивъ, знаніе морфологическаго состава словъ можетъ оказать помощь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда звуковой составъ

*) Нельзя не упомянуть при случаѣ о недостаткѣ Справочнаго указателя Грота, въ которомъ помѣщены приведенныя слова, хотя въ орѳографіи ихъ не затруднится тотъ, кто знаетъ указанное раньше правило. Между тѣмъ множество другихъ словъ, орѳографія которыхъ сомнительна, не помѣщено.

слова разнится отъ буквеннаго. На примѣрѣ: „Нѣсколько французскихъ перебѣжчиковъ поспѣшно ѣхали на прекрасной лодкѣ по медленно текущей рѣкѣ“ — постараемся провѣрить справедливость этого.

Н*ѣ*сколько — *ѣ* въ мѣстоименномъ префиксѣ.

Французскихъ — хотя слышится францу*сс*кихъ (корень *француз*), *з*, которое передъ *с* въ произношеніи уподобляется ему, въ письмѣ сохраняется, какъ коренное.

Переб*ѣжч*иковъ — хотя слышится перебѣщиковъ, но такъ писать нельзя, потому что корень *бѣж*, суффиксъ *чикъ*; въ *пере—е*, потому что это префиксъ; въ *бѣж—ѣ* коренное: *бѣж* — смягченный корень *бѣг*.

Посп*ѣ*шно — *ѣ* коренное.

*Ѣ*хало — *ѣ* коренное.

Пр*е*красной — *е* въ префиксѣ.

Ло*д*кѣ — хотя слышится ло*т*кѣ; корень *лод* очевиденъ передъ гласной — лодокъ; звонкое *д* измѣняется въ глухое *т* передъ глухимъ *к*.

М*е*дл*е*нно — первое *е* коренное, второе суффиксное.

Т*е*кущ*е*й — первое *е* коренное, второе въ окончаніи причастія.

Р*ѣ*к*ѣ* — первое *ѣ* коренное, второе — окончаніе предложнаго падежа.

Изъ приведеннаго примѣра ясно видно, насколько важно знать морфологическій составъ словъ и взаимное отношеніе между ними.

Изъ него же (т. е. примѣра) слѣдуетъ, сколько грубыхъ ошибокъ было бы сдѣлано, если бы положиться на слуховыя впечатлѣнія (перебѣщиковъ, французсскихъ, лоткѣ, тикущей). Приведенный примѣръ можетъ также служить подтвержденіемъ того, что для письма большинства словъ: нѣсколько, перебѣжчиковъ, поспѣшно, ѣхало, прекрасной, лодкѣ, медленно, текущей, рѣкѣ, т. е. почти для письма всѣхъ словъ фразы самое отчетливое и ясное произношеніе безсильно подсказать, гдѣ писать *е*, а гдѣ *ѣ*. На этомъ же примѣрѣ можно видѣть, какъ трудно было бы усвоить правописаніе приведенныхъ словъ даже съ помощью зрительной, мускульной и рѣчевой памяти.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ нужно видѣть эту фразу, чтобы по зрительной памяти правильно воспроизвести всѣ слова; сколько разъ нужно ее писать, чтобы рука по навыку писала *лодкѣ*, а не *лоткѣ* или *лотке*, *рѣкѣ*, а не *реке* или *рикѣ* или *рѣке* или *рекѣ*. Можетъ ли даже образоваться этотъ навыкъ, если рука должна писать тысячи словъ, возвращаясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ черезъ весьма значительные промежутки времени, а иногда черезъ цѣлые годы! Прибавимъ къ этому, что слухъ, какъ уже было раньше замѣчено, подобно злому демону, постоянно сбиваетъ съ толку руку, осо-

бенно у тѣхъ, которые привыкли къ звуковому анализу. Развѣ рука, при всемъ своемъ навыкѣ, подъ воздѣйствіемъ слуха, не стремится написать збиваетъ, и только знаніе морфологическаго состава этого слова спасаетъ отъ грубой орѳографической ошибки.

Значеніе знанія грамматики (синтаксиса) для умѣнія правильно ставить знаки препинанія такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ подтвержденіяхъ.

Однако какъ ни велико значеніе грамматики (морфологіи и синтаксиса) для орѳографіи и пунктуаціи, нельзя торопиться, какъ это дѣлаютъ, съ обученіемъ первой ради послѣднихъ: во первыхъ, потому, что грамматическія данныя мало развитыми дѣтьми совершенно не усвоиваются; во-вторыхъ, потому, что при начальномъ обученіи орѳографіи можно обойтись и безъ грамматики. Кромѣ того, даваемыя орѳографическія правила, особенно тѣ, которыя связаны съ грамматическими, не понятными дѣтямъ, смѣшиваются ими и не столько помогаютъ въ правописаніи, сколько вредятъ. Наблюдательные преподаватели не мало удивляются тому обстоятельству, что пока дѣти не знаютъ орѳографическаго правила, не нарушаютъ его; когда же узнаютъ, начинаютъ нарушать. Причина понятна: до правила пишутъ по навыку; узнавъ правило, начинаютъ примѣнять его кстати и не кстати. Такъ, напримѣръ, до сообщенія правила, что предлогъ пишется отдѣльно отъ имени (въ столъ, изъ класса, объ уголъ) и вмѣстѣ съ глаголами (встать, изгнать, обвести) пишутъ, какъ слѣдуетъ; послѣ сообщенія, начинаютъ писать: въ сталъ, изъ гналъ, объвелъ, вклассъ.

Въ виду этого обстоятельства, на первыхъ порахъ обученіе правописанію должно вести исключительно путемъ запоминанія буквеннаго состава словъ*); потомъ, если развитіе дѣтей позволяетъ,

*) Англичане и американцы, правописаніе которыхъ почти не подчиняется никакимъ правиламъ, только такимъ образомъ и усвоиваютъ свою орѳографію. По словамъ Е. П. Ковалевскаго и Поспѣлова, усвоеніе орѳографіи происходитъ у нихъ такъ: „Для того, чтобы изучить правописаніе, существуютъ уроки spelling (орѳографіи), на которыхъ ученики, имѣя передъ собой открытыя книги, вслухъ, по звукамъ (нужно буквамъ), называютъ каждое слово. Часто spelling произносится хоромъ, и затѣмъ ученики пишутъ выученныя слова. Такимъ образомъ выученныхъ словъ набирается все болѣе и болѣе. Въ нѣкоторыхъ школахъ эти уроки spelling безконечны, очень однообразны и неинтересны. Ученики списываютъ цѣлые столбцы словъ, написанныхъ учителемъ на черной доскѣ, и заучиваютъ наизусть. Но если учитель толково ведетъ дѣло, то эти уроки, какъ говорятъ американскіе педагоги, могутъ приносить большую пользу. Чѣмъ чаще ученикъ видитъ передъ глазами правильно написанное слово, тѣмъ менѣе шансовъ, что онъ сдѣлаетъ ошибку. Въ общемъ, при посѣщеніи американскихъ школъ, получается впечатлѣніе, что дѣти пишутъ довольно правильно, и ошибки у нихъ встрѣчаются рѣдко; правда, дѣтямъ даютъ предложенія, составленныя только изъ такихъ словъ, которыя они хорошо изучили. Если ученикъ

можно перейти къ орѳографическимъ правиламъ, сначала не связаннымъ съ грамматическими, а потомъ къ правиламъ, основаннымъ на грамматическихъ данныхъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ нужно стараться избѣгать грамматическихъ терминовъ и опредѣленій (такъ какъ они отличаются значительною отвлеченностью, а потому и недоступностью для дѣтей) и обставлять грамматико-орѳографическія правила возможно болѣе конкретной обстановкой; такъ, напримѣръ, правила о правописаніи окончаній существительныхъ нѣтъ надобности связывать съ ученіемъ о падежахъ, совершенно недоступнымъ для дѣтей, а пользоваться лишь вопросами, какъ это и сдѣлано въ главѣ „Орѳографическія упражненія".

Подведемъ итогъ сказанному и сдѣлаемъ выводы.

Русское правописаніе усвоивается съ большимъ трудомъ по двумъ причинамъ: 1) слова произносятся иначе, чѣмъ пишутся; 2) звуки языка не находятся въ соотвѣтствіи съ буквами азбуки; вслѣдствіе этого слуховыя впечатлѣнія вредятъ правописанію; напротивъ, впечатлѣнія зрительныя, мускульныя и рѣчевыя въ значительной степени содѣйствуютъ ему. Благодаря тому, что русскій языкъ прозрачно морфологиченъ, знаніе морфологіи его даетъ возможность многія явленія правописанія подвести подъ правила, а послѣднія весьма облегчаютъ и ускоряютъ усвоеніе его. Поэтому при обученіи правописанію всегда должно помнить слѣдующее:

Необходимо диктовать слова такъ, чтобы произношеніе не мѣшало, а по мѣрѣ возможности способствовало правописанію; ни подъ какимъ видомъ нельзя допускать, чтобы дѣти видѣли, а тѣмъ болѣе написали хоть одно слово неправописно; за каждое такое слово учащій долженъ считать отвѣтственнымъ прежде всего самого себя и принять мѣры къ недопущенію неправильно написанныхъ словъ; необходимо возможно лучше знакомить съ правописаніемъ морфологическихъ частей слова.

(Какъ достигнуть этого, указывается ниже).

Въ виду большого значенія рѣчевой памяти для усвоенія орѳографіи, орѳографическія упражненія должны быть *устными* и *пись-*

не знаетъ, какъ написать то или другое слово, то американскіе педагоги говорятъ, что лучше дать ему посмотрѣть въ словарь, чѣмъ позволить написать съ ошибкой. Въ одинъ урокъ дѣти заучиваютъ орѳографію не болѣе двухъ, трехъ словъ; выучить наизусть правописаніе почти всѣхъ словъ болѣе чѣмъ затруднительно. Часъ въ день едва хватаетъ для изученія правильнаго письма. Spelling, какъ ежедневные уроки, длятся во все продолженіе курса, и даже ученики высшихъ школъ еще нуждаются въ постоянномъ зубреніи орѳографіи (Народное образованіе въ С. Ш. С. А.).

менными, при чемъ правописаніе однихъ словъ усвоивается безъ всякихъ правилъ *), правописаніе другихъ съ помощью правилъ.

Теперь можно перейти къ вопросамъ, каковы должны быть орѳографическія упражненія, и какъ они должны быть ведены. Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, необходимо отдѣльно сказать о диктовкѣ, потому что она по своему отношенію къ другимъ орѳографическимъ упражненіямъ занимаетъ исключительное положеніе.

Б.

Диктовка.

1. Положеніе вопроса о диктовкѣ.

Въ методикѣ русскаго языка едва-ли есть болѣе неопредѣленный вопросъ, какъ вопросъ о диктовкѣ. Ушинскій считаетъ ее преждевременной въ первые два года ученья и допускаетъ только на третьемъ году (Рук. къ препод. по Р. Сл., ч. II, стр. 113). Д. И. Тихомировъ совѣтуетъ начинать диктовки съ перваго же года ученья (Азбука правописанія. Стр. XVI.). Мнѣніе Тихомирова одержало верхъ и получило самое широкое распространеніе. Его „Азбука правописанія“ (Сборникъ для диктовки) разошлась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и вызвала массу подражаній; появилось множество сборниковъ диктантовъ Смирновскаго, Покровскаго, Ольшамовскаго, Некрасова, Лубенца и т. д. и т. д. Въ самый разгаръ увлеченія диктовками (въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія) раздался весьма авторитетный голосъ Шереметевскаго, энергично возставшаго противъ охватившей рѣшительно всѣхъ (не однихъ только педагоговъ) „диктантоманіи.“

Еще болѣе энергичнымъ противникомъ диктовки (провѣрочной) выступилъ А. Флеровъ. Въ статьѣ „Несовмѣстимость диктовки съ истинными задачами преподаванія отечественнаго языка“ онъ говоритъ: „Имѣя возможность въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдать результаты диктовки, я пришелъ къ выводу, что этотъ методическій пріемъ отдаляетъ ученика отъ цѣли его усилій; если же иной разъ, послѣ громадной затраты времени и труда на безчисленный рядъ ежедневныхъ диктовокъ, и получаются нѣкоторые успѣхи въ грамотности, то это вопреки диктовкѣ, какъ таковой, существенныя черты которой сводятся къ тому, что ученикъ ставится въ необходимость

*) Напримѣръ, ни подъ какія правила и объясненія нельзя подвести, почему *послѣзавтра, сверху снизу,* и т. п. пишутся вмѣстѣ, а *до завтра, къ верху, къ низу* и т. п. отдѣльно; почему *оловянный* пишется черезъ два н, а *конопляный* черезъ одно, хотя произносятся совершенно тожественно и съ ударенiемъ на *яный*.

дѣлать ошибки, послѣ чего сосредоточиваютъ его вниманіе на ошибочномъ начертаніи: эти успѣхи получаются благодаря единственно тому, что при диктовкѣ ученику все же приходится видѣть передъ глазами и правильныя начертанія словъ (Пед. Сбр. 1901 г. № 8, стр. 105).

Г-жа Янжулъ въ статьѣ „Чѣмъ отличается американская школа отъ русской" называетъ диктовку ловлей въ орѳографическихъ ошибкахъ, испытаніемъ въ правописаніи, а не упражненіемъ въ немъ (Вѣст. воен. 1897 г. № 2, стр. 50).

На совершенную безполезность и даже вредъ диктовки указываетъ и проф. Томсонъ, посвятившій цѣлую книгу вопросу теоріи правописанія и методологіи преподаванія его. Онъ говоритъ: „Благодаря извѣстнымъ внѣшнимъ удобствамъ и кажущейся съ внѣшней стороны цѣлесообразности, диктовки служатъ главнымъ средствомъ усвоенія правописанія. На самомъ дѣлѣ диктовка не только не годна для этого, но она не можетъ даже служить для провѣрки грамотности.

При диктовкѣ (все равно что при переводахъ на иностранный языкъ) учащійся напишетъ вѣрно только то, что онъ знаетъ. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ писать. Чего онъ не знаетъ, то напишетъ вѣрно только случайно. Если же случайно невѣрно, то получаетъ и невѣрныя зрительныя и руководительныя ощущенія.

Но всякое ощущеніе, какъ бы оно ни было слабо, оставляетъ слѣдъ въ памяти, который при благопріятныхъ условіяхъ можетъ оказаться дѣйствительнымъ. Слѣдовательно, написавъ разъ слово невѣрно, ему предстоитъ въ будущемъ уже двойная работа: запомнить вѣрное и забыть невѣрное впечатлѣніе. Что въ такомъ случаѣ пріобрѣтается посредствомъ диктовки? Лучшее закрѣпленіе въ памяти уже извѣстнаго и въ значительной степени ошибочныя написанія неизвѣстныхъ словъ.

При писаніи подъ диктовку можно невѣрно написать и то, что уже извѣстно: морфологическое письмо замѣняется фонетическимъ. Такъ какъ историческія орѳографіи всѣ болѣе или менѣе морфологическія, особенно русская, то ясно, что усиленными занятіями одной диктовкой можно и изъ грамотнаго, особенно если грамотность не вполнѣ прочно усвоена, какъ обыкновенно бываетъ у учащихся, превратиться въ неграмотнаго, т. е. можно постепенно замѣнить правильное писаніе посредствомъ неправильнаго. Только вмѣшательство учителя, заставляющаго многократно переписывать исправленныя ошибки и сознательно запоминать ихъ, ослабляетъ это вредное вліяніе диктанта и даетъ возможность извлекать даже нѣкоторую пользу изъ диктовокъ. Но во что это обходится? Диктовать безъ вреда для грамотности учащихся можно только то, что они напишутъ безусловно вѣрно".

Таковы воззрѣнія педагоговъ на диктовку. Англійская и американская школы почти не знаютъ диктовки: тутъ списываютъ или заучиваютъ буквенный составъ словъ; наша, французская и нѣмецкая пока еще на сторонѣ защитниковъ ея*). У насъ и у французовъ безграмотность учащихся разсматривается, какъ слѣдствіе недостатка диктовокъ, и для исправленія ея настоятельно требуется диктовка.

Указанныя, исключающія другъ друга, воззрѣнія на диктовку происходятъ вслѣдствіе односторонняго взгляда на нее и главнымъ образомъ отъ непониманія того, какое отношеніе ея къ другимъ орѳографическимъ упражненіямъ.

2. Различіе диктовки по цѣлямъ, достигаемымъ ею.

По цѣлямъ, которыя достигаются при диктовкѣ, она можетъ быть *сколіографической, орѳографической* и *повѣрочной.*

а) *Сколіографическая диктовка.*

Диктующій изъ книги для чтенія или изъ сборника диктантовъ выбираетъ статью, произноситъ слѣдующія одна за другою фразы, а учащіеся пишутъ ихъ. При такой диктовкѣ учащіеся, особенно на первыхъ порахъ, обыкновенно дѣлаютъ тьму самыхъ непозволительныхъ ошибокъ. Напр., ученица приготовительнаго класса подъ диктовку пишетъ: *Дѣнѣшка рубль бѣрижотъ;* ученикъ 3-го отд. город. училища: *Изъ деревеъ спали листя; въ природе перемѣна пизышла* (вм. произошла) *такая.* Въ инородческихъ школахъ подъ диктовку пишутъ такъ: „У отнои мадери былу два сына. Штрсему ис нихъ былу вошемъ лѣтъ, а младжему сиштъ. Они быль вѣшма топры и па*ш*лузныи и т. д. Слово *еще* въ эстонскихъ школахъ подъ диктовку пишутъ: естсо, яесдцо. Словомъ, письмо подъ диктовку выходитъ такимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда можно исправить, оно представляетъ красныя пятна на черномъ фонѣ. Часто исправить нѣтъ воможности, и учитель перечеркиваетъ продиктованное и пишетъ внизу: „нельзя поправить."

Несмотря на столь очевидную несообразность подобныхъ диктовокъ, учитель, однако, вѣритъ въ чудодѣйственное значеніе ихъ. Да и какъ ему не вѣрить: диктовки рекомендуются программами, диктовку прежде всего даетъ пріѣхавшій ревизоръ. И вотъ онъ добросовѣстно истязаетъ и себя, и дѣтей диктовками, которыя дѣтей

---

*) „Во время пропускаемыхъ по какой-либо случайной причинѣ уроковъ и тѣмъ же предметомъ не замѣщаемыхъ," гласитъ Инструкція преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, „слѣдуетъ въ младшихъ классахъ заниматься повѣрочнымъ диктантомъ."

пріучаютъ къ изуродованному письму словъ; а его самого доводятъ до одурѣнія за исправленіемъ тетрадей. Когда же ему станетъ не въ силу исправленіе вслѣдствіе того, что нельзя разобрать написаннаго, онъ перечеркиваетъ продиктованное и внизу пишетъ: „См." или „непонятно", „нельзя поправить". До сѣдыхъ волосъ доживаетъ учитель, и никогда и въ голову не приходитъ ему дерзкая мысль охулить подобную диктовку, и чѣмъ онъ усерднѣе и добросовѣстнѣе, тѣмъ больше диктуетъ и — увы — тѣмъ болѣе не достигаетъ результатовъ, а если и достигаетъ, то не благодаря диктовкамъ, а другимъ письменнымъ упражненіямъ. Учителя думаютъ, что поправка ошибокъ будетъ содѣйствовать лучшему усвоенію правильнаго письма, но и это заблужденіе: какъ бы учитель добросовѣстно ни исправлялъ ошибокъ въ такихъ диктовкахъ, сколько бы разъ учащіеся ни переписывали неправильно написанныхъ словъ, — усовершенствованіе въ орѳографіи почти не подвигается, потому что первое ошибочное начертаніе такъ прочно запечатлѣвается въ сильно воспріимчивомъ дѣтскомъ мозгу, что потомъ нельзя его вытравить ни грознымъ подчеркиваніемъ, ни объясненіемъ, ни многократнымъ правильнымъ письмомъ*).

Въ виду того, что разсматриваемый видъ диктовки неизбѣжно сопровождается ошибками, онъ съ полнымъ основаніемъ долженъ быть отнесенъ не къ орѳографическимъ, а къ сколіографическимъ упражненіямъ, т. е. упражненіямъ, ведущимъ къ неправильному письму, „кривописанію," почему такая диктовка и должна быть названа *сколіографической*.

У насъ подобную диктовку обыкновенно называютъ повѣрочною, но это недоразумѣніе. Такая диктовка ничего общаго не должна имѣть съ настоящей повѣрочной диктовкой (О ней см. ниже). Особенно сколіографической она становится тогда, когда диктуютъ или что-либо мало-понятное, или умышленно произносятъ слова съ рѣзкимъ отличіемъ отъ того, какъ они пишутся; напримѣръ, слишкомъ отчетливо произносятъ неударное *о*, какъ *а* (харашо). Что у насъ въ большинствѣ случаевъ практикуются сколіографическія диктовки, легко убѣдиться изъ просмотра тетрадей любого учебнаго заведенія.

*) Агаповъ объясняетъ это иначе. Онъ говоритъ: „Можно думать, что въ головѣ ребенка создаются какія-то своеобразныя правила письма, которымъ онъ неуклонно слѣдуетъ, измѣняя ихъ лишь съ трудомъ и часто опять къ нимъ возвращаясь; можно думать, что правила эти закрѣплены главнымъ образомъ зрительною памятью еще тогда, когда первые опыты ребенка въ письмѣ не были тотчасъ же тщательно исправлены знающими лицами и поселили въ немъ увѣренность, что написанное ошибочно — написано правильно; все остальное сдѣлала привычка". (Пед. Сборн. 1900 г., № 8.). Едва ли можетъ быть рѣчь о какихъ-то своеобразныхъ правилахъ, создающихся въ головѣ ребенка, когда дѣло идетъ о простыхъ слуховыхъ или зрительно-мускульныхъ впечатлѣніяхъ.

Какъ ни безразсудна подобная диктовка, какъ ни безполезна она для той цѣли, къ которой учащій стремится, однако едва-ли скоро настанетъ время ея исчезновенія. Она вошла въ плоть и кровь общества и учащихъ. Съ ней такъ сроднились, такъ сжились, что рѣшительно не замѣчаютъ ея недостатковъ. А между тѣмъ, изъ-за нея проливаются учащимися цѣлые слезные потоки; не мало горя и страданія несутъ изъ-за нея родители и сами же учащіе.

б) Орѳографическая диктовка.

Учитель сначала произноситъ фразу (диктуетъ), а потомъ или самъ говоритъ, или учениковъ спрашиваетъ, какъ должно ее написать, а гдѣ можно дать объясненіе, объясняетъ, почему такъ должно писать, а не иначе. И только тогда, когда ученики узнаютъ, какъ и почему такъ, а не иначе должно писать, заставляетъ ихъ записать продиктованную фразу. Очень трудное слово предварительно пишется на доскѣ. Такая диктовка называется *предупредительной, объяснительной, обучающей, статарной. Предупредительной* она называется потому, что учитель предупреждаетъ учащихся, какъ должно писать; *объяснительной,* потому что рядомъ съ предупрежденіемъ даются объясненія въ тѣхъ случаяхъ, когда можно сказать, почему именно такъ должно писать, а не иначе; *обучающей* она можетъ быть названа потому, что сопровождается ученіемъ, какъ должно орѳографически правильно писать; названіе *статарной* она получила за то, что при диктованіи дѣлаются остановки для спрашиванія, какъ писать слово, и для объясненій, почему оно такъ пишется. Послѣднее названіе встрѣчается въ старыхъ пособіяхъ по правописанію. Теперь оно оставлено и вполнѣ основательно.

Характеръ объяснительной предупредительная диктовка принимаетъ главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, если диктуются примѣры на усвоенныя орѳографическія правила.

Изъ опредѣленія предупредительной диктовки видно, что учащій пользуется при ней всѣми средствами, необходимыми для усвоенія орѳографіи, а именно: сначала разсматриваетъ диктуемую фразу съ грамматической стороны, если въ этомъ есть надобность; указываетъ буквенный составъ затруднительнаго въ орѳографическомъ отношеніи слова (рѣчевая память) и, наконецъ, все сказанное учащіеся закрѣпляютъ зрительнымъ и мускульнымъ впечатлѣніемъ. Кромѣ того, она пріучаетъ, чтобы учащійся не поддавался слуховымъ впечатлѣніямъ, подсказывающимъ иногда не то, что требуется, и писалъ такъ, какъ должно.

Въ виду всего этого разсматриваемый видъ диктовки справедливо можетъ быть названъ *орѳографическимъ, орѳографической дик-*

товкой и можетъ быть признанъ вполнѣ цѣлесообразнымъ ороографическимъ упражненіемъ.

Она должна быть ведена такъ, чтобы учащіеся не сдѣлали ни одной ошибки; особенно полезной она будетъ въ томъ случаѣ, если, кромѣ указанныхъ требованій, соблюдать еще и слѣдующія, предъявляемыя М. Ольшамовскимъ, а именно: 1) чтобы диктуемое заключало въ себѣ извѣстныхъ формъ вполнѣ достаточно для пріобрѣтенія навыка въ письмѣ ихъ; 2) чтобы учащіеся во время диктанта были вполнѣ внимательны и съ интересомъ относились къ работѣ; 3) чтобы учащіеся находились въ спокойномъ состояніи духа, т. е. не боялись получить неудовлетворительной отмѣтки; 4) чтобы преподаватель диктовалъ не слишкомъ быстро и не торопилъ учениковъ скорѣе окончить работу.

Веденіе ороографической диктовки такъ, чтобы учащіеся не дѣлали ошибокъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ правильной постановки ороографическихъ упражненій и выдержки со стороны учителя. Если учащій неуклонно будетъ слѣдовать сдѣланнымъ указаніямъ, то предъявляемое требованіе можетъ быть выполнено, и предупредительная диктовка обратится въ одно изъ могущественныхъ средствъ усвоенія ороографіи, а предупредительная и повѣрочная дедуктивная (см. о нихъ ниже), кромѣ того, станутъ средствомъ развитія дедуктивной способности мышленія.

в) Повѣрочная диктовка.

Она состоитъ въ томъ, что учащій провѣряетъ, усвоили ли учащіеся ороографію или тѣхъ словъ, которыя они писали во время объяснительной диктовки, или тѣхъ, которыя они списывали съ книги.

За эти цѣли она и названа *повѣрочной (провѣрочной)*. Ее можно назвать также *экзаменной*.

Къ повѣрочной диктовкѣ учитель долженъ прибѣгать не для того, чтобы учить ороографіи, а для того, чтобы узнать, можно ли перейти къ новому ороографическому упражненію.

Изъ самого названія „провѣрочная диктовка“ видно, что пользоваться ею можно изрѣдка, что она нужна не столько для учащихся, сколько для учащаго. Для учащихся повѣрочная диктовка имѣетъ то значеніе, что пріучаетъ ихъ къ припоминанію и къ самостоятельному пользованію сообщеннымъ ороографическимъ правиломъ. Однако, если учащій повѣрочной диктовкой будетъ пользоваться преждевременно, т. е. поторопится дать ее, когда учащіеся не усвоили достаточно ороографическаго упражненія и надѣлаютъ ошибокъ, то эта диктовка будетъ уже не повѣрочной, а сколіографической.

Какъ производить такую диктовку, хорошо объ этомъ говоритъ Д. И. Тихомировъ: „Учитель повторяетъ продиктованный примѣръ нѣ-

сколько разъ, заставляетъ повторить одного-двухъ учениковъ, и только послѣ этого, ученики, обдумавъ напередъ всѣ встрѣчающіеся въ примѣрѣ случаи правописанія, начинаютъ писать. Такъ какъ на первое время трудно этого достигнуть вслѣдствіе постоянной торопливости дѣтей, происходящей у нихъ отъ боязни забыть диктуемое, то учитель употребляетъ нѣкоторыя дисциплинарныя мѣры, ставящія ученика въ невозможность отступать отъ выполненія необходимыхъ требованій; когда учитель произноситъ примѣръ, въ это время перья лежатъ на столѣ, и ученики только слушаютъ учителя. Примѣръ сказанъ, ученики повторили, — взять перья и писать! — и тутъ уже не допускается ни вопросовъ со стороны учениковъ, ни повторенія диктуемаго со стороны учителя. Кто написалъ, тотъ тотчасъ же долженъ положить перо и спокойно дожидаться повѣрки примѣра. Важно на первое время пріучить къ такому порядку, а потомъ, когда ученики привыкнутъ, уже легче будетъ поддержать этотъ порядокъ, не придется для этого и тратить времени.“ (Азбука правописанія. Стр. XVIII.)

Если во время диктовки встрѣтится длинная фраза, тогда, по совѣту Тихомирова, слѣдуетъ поступить такимъ образомъ: „примѣръ отъ начала до конца произноситъ учитель, повторяютъ ученики, а потомъ, когда дѣти усвоятъ по крайней мѣрѣ содержаніе примѣра, учитель диктуетъ его по словамъ, наблюдая при этомъ, чтобы слова не произносились имъ въ то время, когда ученики пишутъ, а только по написаніи продиктованнаго прежде слова.“

При диктовкѣ, по совѣту того же педагога, непремѣнно нужно избѣгать слѣдующаго недостатка: „Не успѣетъ учитель произнести нѣсколькихъ словъ изъ диктуемой фразы, какъ ученики уже начинаютъ писать, а потомъ послѣ написанія двухъ-трехъ словъ останавливаются и спрашиваютъ учителя или своихъ товарищей: *что писать дальше?* Понятно, что при этомъ ученики мѣшаютъ другъ другу и не имѣютъ возможности сосредоточить должнаго вниманія на диктуемомъ.“

Этотъ недостатокъ легко вкореняется, но съ трудомъ искореняется, а потому нужно употребить всѣ усилія, чтобы не допустить его. При томъ способѣ веденія орѳографическихъ упражненій, какой рекомендованъ ниже, съ этимъ недостаткомъ едва ли придется имѣть дѣло, потому что на первыхъ порахъ диктуется только то, что учащіеся неоднократно списывали и усвоили.

Такова диктовка, если разсматривать ее со стороны тѣхъ цѣлей, которыя достигаются при ней.

3. Различіе диктовки по процессу умственной дѣятельности.

Если обратить вниманіе на процессъ умственной дѣятельности, который происходитъ во время письма подъ диктовку, то придется различать диктовку *аналитическую, синтетическую* и *дедуктивную*.

а) Аналитическая диктовка.

Строго говоря, процессъ письма требуетъ аналитическо-синтетической умственной дѣятельности, а именно: нужно сначала разложить слово на звуки, потомъ для звуковъ припомнить соотвѣтствующія имъ буквы и затѣмъ произвести звуко-буквенный синтезъ. (Устное слово *рама* разлагается на звуки: *р—а—м—а*; для звуковъ припоминаются соотвѣтствующія имъ буквы: р—а—м—а, и тутъ же происходитъ звуко-буквенный синтезъ). Но такъ какъ послѣ анализа слова на звуки синтезъ ихъ только возвращаетъ къ тому, что было анализировано, то главною умственною дѣятельностью является аналитическая. Въ виду этого и диктовку, сопровождаемую анализомъ рѣчи, можно назвать просто *аналитической*, вмѣсто аналитическо-синтетической.

Аналитическая диктовка можетъ быть аналитическая *звуковая* и аналитическая *буквенная*.

Аналитическая *звуковая* производится слѣдующимъ образомъ: учитель произноситъ слово по-книжному (т. е. голова, а не галава), заставляетъ учащихся разложить его на звуки, а потомъ написать. На первыхъ ступеняхъ обученія письму необходимо спрашивать, какими буквами они обозначатъ звуки. Если бы мы писали такъ, какъ говоримъ, какъ подсказываетъ нашъ слухъ, то учащіеся вполнѣ овладѣвали бы механизмомъ письма въ два-три мѣсяца. И тогда значеніе аналитической диктовки было бы громадно. Но если принять въ соображеніе указанное раньше несоотвѣтствіе между правильнымъ произношеніемъ и правописаніемъ, между звуками и буквами, то невозможность звуковой диктовки и вредъ, приносимый ею, станутъ вполнѣ очевидны. Производя звуковой анализъ слова *легкія*, получимъ звуки: *ль-о-х-к-і-й-а*, а между тѣмъ нужно писать *легкія*. Учащіеся, привыкнувъ писать подъ звуковую аналитическую диктовку, слова: лобъ, ножъ, хлѣбъ, напишутъ: *лопъ, ношъ, хльэпъ*. Слѣдовательно, тѣ, которые пользуются звуковой аналитической диктовкой, даютъ въ руки учащимся то средство (навыкъ писать по звуковому анализу), которое впослѣдствіи становится источникомъ ошибокъ фонетическаго происхожденія: здѣлать, Манамахъ, кахта (когда) и т. п.

Аналитическую *буквенную* диктовку на первыхъ порахъ должно производить слѣдующимъ образомъ: учитель пишетъ слово на доскѣ, спрашиваетъ, изъ какихъ буквъ оно состоитъ, закрываетъ слово и заставляетъ писать дѣтей. На дальнѣйшей ступени учитель не пишетъ словъ, а только спрашиваетъ, изъ какихъ буквъ оно состоитъ. Значитъ, аналитическая буквенная диктовка по цѣли можетъ быть только орѳографической. Ни сколіографической, ни повѣрочной она быть не можетъ.

б) Синтетическая диктовка.

Синтетическая диктовка можетъ быть синтетической *звуковой* (или буквенной) и синтетической *слоговой*.

Синтетическая звуковая диктовка происходитъ такъ: учитель ясно и отчетливо произноситъ звуки какого-нибудь слова и предлагаетъ ученикамъ назвать то слово, которое составляютъ произнесенные имъ звуки. Послѣ этого ученики пишутъ его.

Само собой разумѣется, что эта диктовка примѣнима къ весьма ограниченному числу словъ, а именно, только къ тѣмъ словамъ, звуковой составъ которыхъ совпадаетъ съ буквеннымъ: рама, папа, мама, лапа, баба и т. п.

Къ словамъ, въ составъ которыхъ входятъ мягкіе слоги, она не примѣнима; звуки: нь, а, нь, а составляютъ слово, которое должно писать буквами: н, я, н, я.

Синтетическая буквенная диктовка состоитъ въ томъ, что учитель диктуетъ буквы какого-либо слова, ученики пишутъ ихъ и потомъ читаютъ.

Такъ какъ письмо требуетъ аналитическо-синтетической умственной дѣятельности, то подобныя диктовки мало пригодны.

Синтетической слоговой диктовка становится въ томъ случаѣ, если учитель диктуетъ слова по слогамъ: ня-ня, дя-дя, пи-ла, си-ла и т. п. Такая диктовка возможна послѣ того, какъ учащіеся основательно усвоили письмо слоговъ. Строго говоря, такой диктовка должна быть во все время обученія орѳографіи, съ тою лишь разницей, что на первыхъ порахъ между слогами должно дѣлать болѣе длинныя паузы, а потомъ едва замѣтныя; благодаря этому звуковой составъ ихъ будетъ приближаться къ буквенному: до-ро-га-я мо-я по-друж-ка, вмѣсто: дарагая мая падружка, какъ обыкновенно произносятъ. Но ни въ коемъ случаѣ нельзя дѣлать слишкомъ длинныхъ паузъ между слогами, по причинѣ, указанной въ предыдущей главѣ. Синтетическая слоговая диктовка въ значительной степени содѣйствуетъ правильному письму словъ. Она умѣстна при предупредительныхъ диктовкахъ, потому что во многихъ случаяхъ такого произношенія словъ вполнѣ достаточно, чтобы они были написаны пра-

вильно. Но она неумѣстна при повѣрочныхъ, когда нужно убѣдиться, насколько прочно усвоена орѳографія.

в) Дедуктивная диктовка.

Дедуктивная диктовка можетъ слѣдовать только послѣ изученія какого-либо орѳографическаго правила, выведеннаго путемъ индукціи изъ примѣровъ (какъ это дѣлать см. „Орѳографическія упражненія"). — Чтобы орѳографическое правило, выведенное индуктивно изъ примѣровъ, не прошло безслѣдно, нужно закрѣпить его въ памяти учащихся практическимъ примѣненіемъ. Средствомъ для этого и служитъ дедуктивная диктовка, при которой учащійся долженъ уже примѣнить усвоенное правило. Она можетъ быть предупредительной и повѣрочной.

Дедуктивной диктовкой слѣдуетъ пользоваться не только во время веденія орѳографическихъ упражненій, но и послѣ прекращенія ихъ, съ цѣлью повторенія и лучшаго закрѣпленія въ памяти орѳографическихъ правилъ.

Послѣ усвоенія какого-либо орѳографическаго правила дедуктивная предупредительная диктовка производится до тѣхъ поръ, пока учитель не убѣдится, что учащіеся привыкли примѣнять его, и послѣ этого даетъ дедуктивную повѣрочную.

Изъ всѣхъ диктовокъ это самая трудная, но въ то же время самая небходимая и полезная какъ для усвоенія орѳографіи, такъ и для развитія и укрѣпленія дедуктивной способности мышленія.

Въ виду того, что при дедуктивной диктовкѣ вниманіе должно быть сосредоточено на письмѣ тѣхъ словъ, которыхъ касается данное орѳографическое правило, дедуктивную диктовку можно производить *полно* и *сокращенно*.

Полная диктовка: ученикъ пишетъ все диктуемое; сокращенная: изъ диктуемаго пишетъ только тѣ слова, которыя относятся къ усвоенному орѳографическому правилу.

Сокращенная диктовка производится такъ: положимъ, дано правило относительно измѣненія звука *з* въ *с* въ префиксахъ: *из, воз, раз, низ.* Правило нужно закрѣпить предупредительной диктовкой. Для сокращенія времени учитель требуетъ писать только слова съ указанными приставками. Сокращенная диктовка полезна въ томъ отношеніи, что она заставляетъ ученика всецѣло сосредоточить вниманіе на словахъ, относящихся къ данному правилу.

Вмѣсто письменныхъ диктовокъ г. Б. совѣтуетъ пользоваться устными въ слѣдующемъ восходящемъ порядкѣ: 1) ученикъ диктуетъ по книгѣ: т. е. оправдываетъ правильно написанное, 2) диктуетъ выученное наизусть, 3) диктуетъ учитель, а ученикъ указываетъ сомнительное и объясняетъ. На первой ступени ученикъ, смотря

въ книгу, указываетъ все сомнительное и оправдываетъ написанное. Нужно научить находить сомнительное *безъ всякихъ пропусковъ.* Одно объясняетъ самъ ученикъ, другое объясняетъ учитель, а ученикъ только долженъ толково повторить объясненное; дѣло учителя дать вновь или найти тѣ знанія, на которыхъ можно основать объясненіе. На второй ступени ученикъ объясняетъ выученное наизусть. Объясненія при этомъ совершаются такъ же, какъ и на первой ступени. Написаніе однихъ словъ ученикъ хорошо запомнилъ, правописаніе другихъ помнитъ смутно: здѣсь нужно болѣе усилій, чтобы, опредѣливъ сомнительное, найти правильное написаніе и оправдать его. На третьей ступени ученикъ не имѣетъ даже смутнаго представленія о надлежащемъ написаніи, — онъ идетъ дедуктивно отъ правила; затрудняется дѣло еще тѣмъ, что учитель произноситъ слова не „по-книжному." Такая диктовка служитъ скорѣе повѣркою результатовъ, достигнутыхъ на первыхъ двухъ ступеняхъ. (Р. Ш. 1900 г. № 78, стр. 879).

Если принять въ соображеніе, что слово для закрѣпленія зрительныхъ впечатлѣній имѣетъ большое значеніе, что орѳографія — знаніе, а не искусство, какъ нѣкоторые думаютъ (Шереметевскій, Кремлевъ и другіе), то придется признать смыслъ за подобными устными диктовками, лучше сказать, за подобными устными орѳографическими упражненіями, не сопровождаемыми письменными.

Таковы виды диктовки по процессу умственной дѣятельности. Теперь посмотримъ, какъ должно диктовать, и какъ долго можетъ продолжаться диктовка.

4. Способъ и продолжительность диктованія.

Правила, какъ диктовать, должно раздѣлить: 1) на *общія,* т. е. касающіяся всѣхъ диктовокъ и 2) на *частныя,* т. е. касающіяся одного какого-либо вида диктовки. Частныя правила были указаны при разсмотрѣніи каждаго вида диктовки. Остается сказать относительно общихъ.

Пока диктуются отдѣльныя слова, хорошо слѣдовать совѣту С. Миропольскаго. „Каждое отдѣльное слово," говоритъ онъ, „должно произносить внятно, но *по одному разу,* потому что повтореніе слова нѣсколько разъ будетъ пріучать дѣтей къ невнимательности; зная, что продиктованное слово они еще услышатъ, и притомъ не разъ, они будутъ разсчитывать на эту помощь и будутъ слушать лѣниво, разсѣянно. Остановка и повтореніе умѣстны только тамъ, гдѣ есть дѣйствительная трудность.

При переходѣ къ предложеніямъ, необходимо пользоваться указаніями педагога Шиллера: „Не слѣдуетъ диктовать слишкомъ скоро, потому что иначе ученикъ принужденъ былъ бы нарушать правила чистописанія и, кромѣ того, ему не хватало бы спокойствія и сосредоточенности, необходимыхъ для *припоминанія*. Съ другой стороны, диктантъ не долженъ быть слишкомъ медленнымъ; не слѣдуетъ и по нѣскольку разъ повторять сказанное. Въ общемъ можно рекомендовать сначала громко, отчетливо и медленно сказать цѣлое предложеніе, при чемъ ученики должны только воспринимать и обдумывать, но не писать. Затѣмъ, если предложеніе сложно, то еще разъ повторяются его отдѣльныя части, при чемъ ученики пишутъ ихъ. При простыхъ же предложеніяхъ обыкновенно достаточно бываетъ произнести только одинъ разъ. Во время диктовки ни одинъ ученикъ не долженъ предлагать вопросовъ, оставляя въ крайнихъ случаяхъ пробѣлы, потому что только при такомъ веденіи дѣла всѣ ученики пріучаются внимательно относиться къ диктовкамъ. Окончивъ послѣднее предложеніе, учитель долженъ еще разъ медленно и отчетливо прочесть все, при чемъ ученики могутъ пополнить оставленные ими пробѣлы“ *).

Къ сказанному нахожу необходимымъ добавить: 1) каждую диктовку нужно начинать съ красной строки; 2) относительно знаковъ препинанія должно поступать такъ: учащій не говоритъ, гдѣ какой знакъ надо ставить, а спрашиваетъ: есть-ли какая-либо связь между написанной фразой и той, которую онъ сейчасъ продиктовалъ? Если есть, то учащіеся ставятъ точку или другой какой-либо знакъ, соотвѣствующій ихъ связи; если нѣтъ, то точку и тире; 3) если учитель диктуетъ статью, состоящую изъ нѣсколькихъ частей, то всякій разъ напоминаетъ, когда начинается красная строка; 4) когда учащіеся разовьются настолько, что сами въ состояніи будутъ раздѣлить диктуемую статью на части, учитель поступаетъ такимъ образомъ: прочитываетъ ее всю цѣликомъ, спрашиваетъ, на сколько частей она можетъ быть раздѣлена; 5) на дальнѣйшей ступени онъ только предварительно читаетъ, но не спрашиваетъ о дѣленіи на части: учащіеся сами должны это сдѣлать; 6) въ томъ и другомъ случаѣ для диктовки даются объясненныя раньше статьи, и только на послѣдней ступени обученія орѳографіи диктуются статьи, предварительно не объясненныя.

Во время диктовки хорошо еще соблюдать слѣдующій совѣтъ М. Ольшамовскаго. „Если вы диктуете статью“, говоритъ онъ, „то попробуйте, продиктовавъ 2—3 предложенія, обратить вниманіе уча-

*) „Руководство къ практ. педаг.“ Шиллера было напечатано въ журналѣ „Гимназія“; не помню, за какой годъ.

щихся на то или другое не совсѣмъ понятное слово, на требующее объясненія выраженіе — и вы увидите, какъ просіяютъ дѣтскіи лица, и съ какимъ вниманіемъ будутъ послѣ того писать всѣ учащіеся, даже лѣнивые и небрежные ученики. Въ другомъ случаѣ, прежде чѣмъ диктовать статью, скажите учащимся нѣсколько словъ объ авторѣ ея или о томъ, почему эта статья интересна, какими достоинствами она отличается, а если въ ней есть красота поэтическихъ образовъ, прочитайте ее выразительно дѣтямъ — и вы будете вознаграждены за потерю 2—4 минутъ времени усиленнымъ вниманіемъ своихъ слушателей. Въ этихъ же видахъ не слѣдуетъ постоянно диктовать отдѣльныя изреченія, не связанныя между собою по смыслу, а нужно заботиться о томъ, чтобы отдѣльныя изреченія чередовались со статьями.

Вопросъ, когда писать диктовку и какъ долго ее писать, зависитъ отъ того, какая она — предупредительная или повѣрочная.

Что касается предупредительной диктовки, то она требуетъ такой же умственной дѣятельности, какъ и занятіе по другимъ предметамъ, а потому нѣтъ никакой надобности ставить ее въ какія-либо особыя условія, не исключая даже предупредительной дедуктивной.

Относительно повѣрочной разсматриваемый вопросъ нѣсколько осложняется: экспериментальныя данныя показываютъ, что въ повѣрочныхъ диктовкахъ ученики меньше дѣлаютъ ошибокъ на первыхъ порахъ и больше на послѣднихъ, что непродолжительная диктовка пишется равномѣрно, а въ продолжительной къ концу диктовки учащіеся дѣлаютъ всё больше и больше ошибокъ.

Таковы факты, однако они не помѣшали прив.-доц. Нечаеву высказать слѣдующее мнѣніе: „Диктовка (повѣрочная) можетъ служить испытаніемъ прочности знаній ученика и нѣкоторой мѣркой силы полученныхъ навыковъ. А это показываетъ намъ, какъ слѣдуетъ относиться къ вопросу о продолжительности повѣрочной диктовки и выборѣ для нея подходящаго времени. Для этого, разумѣется, нельзя давать опредѣленныхъ правилъ, требуя, напр., чтобы провѣрочная диктовка происходила только на первыхъ урокахъ и продолжалась не болѣе получаса. Все дѣло въ томъ, что именно желаютъ провѣрить диктовкой и въ какого рода прочности полученныхъ знаній желаетъ убѣдиться учитель. Если вопросъ касается лишь того, достаточно ли ученики запомнили только что объясненное правило для того, чтобы можно было перейти къ ряду систематическихъ упражненій въ его примѣненіи, то, въ этомъ случаѣ (когда къ прочности данныхъ знаній предъявляется minimum требованій) диктовка должна быть *очень краткой* (можетъ быть, даже менѣе 10 минутъ) и для нея должно быть выбрано время, когда ученики чувствуютъ себя наиболѣе свѣжими. Но иное дѣло, если во-

8*

просъ касается *окончательной* провѣрки результатовъ школьнаго обученія, если учитель хочетъ рѣшить, не пора ли совершенно оставить извѣстный видъ упражненія, какъ вполнѣ уже использованный. Въ этомъ случаѣ мнѣ представляются цѣлесообразными именно *продолжительныя* провѣрочныя диктовки и не только въ началѣ уроковъ, но и въ самомъ концѣ ихъ. Вѣдь, не можетъ же школа признать своимъ идеаломъ только такого рода грамотность, которая обнаруживается лишь утромъ послѣ кофе, и не далѣе, какъ въ теченіе полчаса работы*)!"

Едва ли кто не согласится съ этимъ вполнѣ основательнымъ соображеніемъ.

Нужно помнить, что ни предупредительной, ни тѣмъ болѣе повѣрочной диктовкамъ нельзя отводить самостоятельнаго мѣста среди письменныхъ упражненій. Диктовки можно разсматривать лишь какъ спутницъ орѳографическихъ письменныхъ упражненій. Онѣ могутъ быть даваемы только послѣ извѣстнаго ряда орѳографическихъ упражненій.

Какъ вести предупредительную и повѣрочную диктовки, въ связи съ орѳографическими письменными упражненіями, указано въ слѣдующей главѣ.

В.

Орѳографическія упражненія.

Какъ только учащіеся научатся писать и соединять строчныя и прописныя буквы въ слова, учитель приступаетъ къ обученію правописанію, строго наблюдая, чтобы все было написано такъ, какъ принято. Ни подъ какимъ видомъ нельзя допускать ни одного неправильнаго навыка, потому что навыки искоренять чрезвычайно трудно. Въ виду этого учитель съ первыхъ же уроковъ обученія правописанію долженъ пріучать учащихся соблюдать даже мелочи, принятыя въ письмѣ, такъ, напримѣръ: красную строку начинать немного отступая отъ края доски; первое слово писать съ большой буквы; если послѣ слова поставлена точка, то слѣдующее начинать съ большой буквы.

Для первоначальнаго обученія правописанію необходимо брать тѣ слова, которыя уже были читаны по книгѣ для чтенія. Это нужно дѣлать въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) при обученіи правописанію всё вниманіе учащихся и учащаго должно быть обращено на то, какъ написать слово или предложеніе, а не на значеніе

---

*) Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія, стр. 217.

ихъ, поэтому естественно брать для этого уже извѣстное, а не то, что требуетъ объясненія и пониманія; 2) прочитанное непремѣнно должно быть возможно чаще повторяемо, — повтореніе путемъ чтенія слишкомъ однообразно и надоѣдливо; а потому прочитанное цѣлеобразно повторять путемъ переписыванія по истеченіи нѣсколькихъ недѣль. Когда дѣти ознакомились со всѣми печатными буквами и прочли относящіяся къ нимъ слова и выраженія, научились уже писать всѣ строчныя и прописныя буквы, учитель даетъ для правописанія слова, начиная съ перваго параграфа читаемой книги и соблюдая при этомъ такую постепенность: 1) на первыхъ порахъ пишетъ слова на доскѣ, соединяя ихъ въ какія либо группы, одни отдѣляя запятыми, другія точками, напримѣръ: Папа, мама. Кора, корка. Нитки и ленты. Перо и вилка и т. п. При соблюденіи этого требованія у дѣтей самъ собой разовьется навыкъ начинать красную строку съ прописной буквы, послѣ запятой писать строчную букву, а послѣ точки прописную.

За списываньемъ съ доски можно перейти къ списыванью съ книги. Чтобы списыванье съ книги сдѣлать полезнымъ упражненіемъ, необходимо подготовить къ нему. Подготовка должна состоять въ слѣдующемъ: учитель пишетъ на доскѣ одно изъ тѣхъ словъ, которыя уже были списаны съ доски, положимъ *папа* и требуетъ отъ учащихся, чтобы они внимательно присмотрѣлись къ его буквенному составу, послѣ чего онъ закрываетъ слово чѣмъ нибудь и заставляетъ написать его по памяти. Когда дѣти напишутъ, учитель открываетъ его и даетъ возможность провѣрить, правильно ли они написали. Подобныя упражненія должно продолжать до тѣхъ поръ, пока учащіеся не привыкнутъ быстро схватывать буквенный составъ словъ.

Рядомъ съ указаннымъ упражненіемъ учитель пріучаетъ учащихся писать подъ диктовку писанныя уже слова. Къ письму словъ подъ диктовку необходимо пріучать возможно скорѣе, такъ какъ навыкъ писать слова подъ диктовку облегчаетъ списыванье съ книги. Только послѣ пріобрѣтенія двухъ указанныхъ навыковъ (умѣнья запоминать буквенный составъ слова и умѣнья переводить звуковой составъ на буквенный) можетъ быть дано списыванье съ книги. Списыванье съ книги можетъ быть полезнымъ упражненіемъ лишь въ томъ случаѣ, если дѣти будутъ списывать слова не по буквамъ, а по памяти, какъ при списываньи съ доски закрытыхъ словъ. Чтобы достигнуть этого, непремѣнно нужно предпослать списыванью съ книги указанные два вида письменныхъ упражненій и, кромѣ того, на первыхъ порахъ давать для списыванья съ книги только тѣ слова, которыя уже были списаны съ доски и написаны подъ диктовку. Все это неуклонно нужно продѣлать, чтобы списыванье съ книги было легкимъ

упражненіемъ, чтобы ребенокъ, прочитавъ слово, смогъ написать его по памяти, не засматривая въ книгу; въ противномъ случаѣ списыванье будетъ совершенно безполезной и мучительной работой. Учитель во что бы то ни стало долженъ добиться указаннаго способа списыванья, твердо помня, что трудъ его щедро вознаградится, такъ какъ подобное списыванье на первыхъ ступеняхъ есть самый надежный и доступный способъ обученія правописанію. Если припомнимъ что было раньше сказано объ отношеніи произношенія словъ къ правописанію и о значеніи зрительной, рѣчевой и моторной памяти въ дѣлѣ усвоенія правописанія, то поневолѣ придется согласиться съ этимъ. Кромѣ того, указанный способъ списыванья требуетъ со стороны малолѣтнихъ учащихся большой умственной дѣятельности — нужно *внимательно присмотрѣться* къ слову или выраженію, *запомнить* его буквенный составъ, *припомнить* и *написать* буквы въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ запечатлѣлись въ памяти; такимъ образомъ, подобное списыванье должно содѣйствовать развитію *вниманія, запоминанія, припоминанія* и *воспроизводящаго воображенія.**) Прибавимъ къ этому, что списываніе рядомъ съ обученіемъ правописанію даетъ полную возможность вести обученіе чистописанію. Пока идетъ списываніе съ доски, учащіеся видятъ образцы красиваго письма. Когда же они переходятъ къ списыванію съ книги, учитель, если онъ занимается съ однимъ отдѣленіемъ, можетъ слѣдить за ихъ положеніемъ, за красотой и правильностью письма.

Казалось бы, сколько нибудь разумно веденное списываніе не должно возбуждать никакихъ сомнѣній въ своей цѣлесообразности. Однако относительно него и до сихъ поръ существуютъ самые разнообразные, даже прямо противоположные взгляды. Одни говорятъ, что только списываніемъ можно научиться правильному письму; другіе не признаютъ за нимъ никакой пользы для достиженія этой цѣли, а третьи считаютъ его даже вреднымъ письменнымъ упражненіемъ, видя въ немъ механическую работу, притупляющую умственныя способности дѣтей. Враги списыванія обыкновенно ссылаются на слѣдующія слова Ушинскаго: „Переписка не только не даетъ головѣ

*) Могутъ возразить — но не мышленія. Правда, но съ этимъ поневолѣ необходимо примириться. Развитіе указанныхъ умственныхъ способностей такъ же важно, какъ и развитіе мышленія. Мышленіе съ успѣхомъ можетъ развиваться въ томъ случаѣ, если развиты вниманіе и воображеніе.

Диктовки также не развиваютъ мышленія да, кромѣ того, при неумѣломъ веденіи пріучаютъ къ безграмотности и совершенно непроизводительно отнимаютъ время у учащихся и учащихъ. Рекомендуемый мною способъ списыванія, развивая указанныя столь важныя умственныя способности, вѣрно ведетъ въ то же время и къ умѣнью ореографически правильно писать.

развивающей работы, но, напротивъ, мѣшаетъ ей работать гораздо болѣе, чѣмъ рубка дровъ, ходьба или какая бы ни была другая, чисто физическая дѣятельность, отчего отличные писаря, съ самаго дѣтства занимающіеся этой работой, отличаются замѣчательнымъ тупоуміемъ" (Рук. къ преп. по Род. Сл. ч. II, стр. 108). Замѣчаніе Ушинскаго о перепискѣ будетъ справедливо въ томъ случаѣ, если заставлять учащихся посвящать на нее очень много времени. Списываніе четверть или полчаса въ теченіе дня не можетъ дѣйствовать притупляющимъ образомъ, а между тѣмъ оно, какъ было уже сказано, при разумномъ пользованіи имъ является чуть-ли не единственнымъ средствомъ усвоенія орѳографіи на первыхъ порахъ обученія. Указаніе Ушинскаго на писарей крайне неудачно, потому что всякое однообразное занятіе дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ, особенно на дѣтей и юношей. Ежедневное списываніе въ теченіе 20—30 минутъ не притупитъ дѣтей, но дастъ имъ возможность научиться орѳографически-правильно писать. — Списываніе можно давать, какъ самостоятельную работу. Это тоже положительная его сторона.

Враждебное отношеніе къ списыванью привело къ частымъ диктовкамъ и къ письму по картинкамъ. Какіе результаты получаются при диктовкахъ (конечно, сколіографическихъ), уже сказано. Нужно сказать о письмѣ по картинкамъ. Здѣсь усвоенію неправильнаго письма еще болѣе широкій просторъ. При диктовкѣ ученикъ прислушивается къ произношенью учителя и сообразно съ нимъ старается написать. При письмѣ по картинкамъ онъ руководится своимъ собственнымъ произношеньемъ, которое, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ бываетъ весьма неправильно, почему и дѣлаетъ ужаснѣйшія ошибки. Особенно гибельно отражается подобный родъ письменнаго упражненія на письмѣ инородцевъ. Они (напр., эстонскія дѣти) пишутъ супа вм. шуба, мадлу вм. метла, скавъ вм. шкафъ, пожаръ вм. базаръ, аспитная тоска вм. аспидная доска, конюсна тершитъ лосадий (переводъ съ эстонскаго на русскій), вм. въ конюшнѣ стоятъ лошади; сасавой мастеръ побраляѣтъ сасы, вм. часовой мастеръ поправляетъ часы. Въ виду такого обстоятельства, письмо по картинкамъ слѣдуетъ признать крайне несостоятельнымъ письменнымъ упражненіемъ. Его нельзя рекомендовать даже въ томъ случаѣ, если подъ рисунками будутъ подписи, потому что рисунокъ мѣшаетъ пишущему сосредоточить свое вниманіе на буквенномъ составѣ словъ. Несмотря на столь очевидные факты, буквари переполнены картинками для подобныхъ письменныхъ упражненій, а Вахтеровъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ осуждаетъ „списываніе съ книги" и рекомендуетъ связывать первоначальныя письменныя упражненія съ рисунками. Свое осужденіе списыванія и рекомендацію письма въ связи съ рисунками онъ основываетъ на

соображеніяхъ, что 1) „обученіе правописанію должно начинаться съ того естественнаго процесса, съ какого ребенокъ начинаетъ изученіе устной рѣчи (т.-е. съ созерцанія предмета)“; 2) что „ничто не разрушаетъ въ такой мѣрѣ естественной связи между словомъ и его содержаніемъ (т.-е. представленіемъ или понятіемъ), какъ списываніе съ книги и другія упражненія (?), употребительныя во многихъ школахъ“. Эти мысли Вахтеровъ высказываетъ потому, что ребенокъ при подобнаго рода упражненіяхъ имѣетъ дѣло только со словами, что онъ часто совсѣмъ не думаетъ о предметѣ, выражаемомъ словомъ, которое онъ пишетъ. „Зачѣмъ ему знать, — говоритъ онъ, — что за предметъ такой чайка, если главное его вниманіе обращено на то, чтобы послѣ *ч* не поставить *я*, а надъ *и* не пропустить краткаго знака, если въ его работѣ ничто не побуждаетъ его вспомнить о содержаніи словъ, которыя онъ выписываетъ? Нельзя забывать, что на первыхъ порахъ правописаніе слова представляетъ для него столько трудностей, что поглощаетъ все его вниманіе безъ всякаго остатка“ („Русск. Шк.“, 1899 г., № 7-й, стр. 284).

Отъ всѣхъ этихъ, повидимому, очень основательныхъ соображеній Вахтеровъ долженъ былъ бы отказаться, если бы вспомнилъ требованіе методикъ, что для списыванія и другихъ письменныхъ упражненій должно давать только то, что раньше объяснено. Письмо знакомыхъ словъ даетъ возможность съ большимъ вниманіемъ отнестись къ запоминанію буквеннаго состава словъ, что, собственно говоря, и служитъ цѣлью письменныхъ упражненій. А чтобы со словами были соединены представленія и понятія, дѣло не письменнаго упражненія, а объяснительнаго чтенія. Вахтеровъ самъ говоритъ, что „на первыхъ порахъ правописаніе представляетъ для ребенка столько трудностей, что поглощаетъ все его вниманіе безъ всякаго остатка“. Находящійся передъ глазами рисунокъ нѣсколько препятствуетъ тому, чтобы запечатлѣть правильное письмо слова. Вахтеровъ, желая основать свои письменныя упражненія на физіологическихъ и психологическихъ данныхъ, въ этомъ случаѣ идетъ противъ основного требованія психологіи, говорящей о сосредоточеніи вниманія, какъ главнѣйшемъ условіи успѣха во всякой умственной работѣ.

Письмо по рисункамъ можетъ быть полезнымъ только въ томъ случаѣ, если воспользоваться примѣненнымъ въ моей книгѣ (Русская рѣчь, чтеніе и письмо. Вып. I) способомъ: въ ней рисунки не разбросаны, а соединены по группамъ, и при каждомъ рисункѣ поставлена цифра; соотвѣтствующая рисунку цифра поставлена и при словѣ, называющемъ его; во время письма учащійся, смотря на рисунокъ, долженъ припомнить требуемое слово, долженъ воспроизвести буквенный составъ послѣдняго (на урокѣ чтенія оно было прочитано нѣсколько разъ) и потомъ написать; если учащійся по-

чувствуетъ, что онъ не представляетъ ясно буквеннаго состава, то по цифрѣ найдетъ нужное слово и напишетъ какъ слѣдуетъ. Чтобы сказанное ясно представлялось, привожу примѣръ:

Воронка (1). Подносъ (2). Бокалъ (3). Бутылка (4). Графинъ (5). Банка (6). Блюда (7,7). Кранъ (8). Стаканъ (9). Вино (10). Картофель (11). Вода (12).

Указанный рисунокъ даетъ возможность составить слѣдующія предложенія: На подносѣ бокалъ, графинъ и банка. Графинъ стоитъ посреди подноса, между бокаломъ и банкой; банка направо отъ графина; бокалъ налѣво отъ графина. Вино льется изъ бутылки въ бокалъ. Вода льется изъ крана въ стаканъ. Бутылка въ рукѣ. Подъ рукой пустое блюдо. Направо отъ подноса блюдо съ картофелемъ.

Принимая въ соображеніе все сказаное о списываніи, признаемъ его вполнѣ цѣлеобразнымъ орѳографическимъ упражненіемъ и включимъ въ число письменныхъ упражненій даже на первой ступени обученія правописанію. Такимъ образомъ, на этой степени должно пользоваться слѣдуюшими письменными упражненіями: 1) учитель пишетъ слова на доскѣ, ученики присматриваются, какъ онъ пишетъ и стараются сами точно также написать; учитель слѣдитъ, чтобы ученики начинали красную строку съ большой буквы, послѣ запятой писали слово съ малой, а послѣ точки съ большой; 2) черезъ нѣкоторый промежутокъ времени учитель снова пишетъ на доскѣ тѣ же слова, закрываетъ ихъ, ученики пишутъ закрытыя слова по памяти; 3) рядомъ съ этимъ упражненіемъ учитель диктуетъ написанныя раньше слова; 4) черезъ нѣкоторый промежутокъ времени учи-

тель даетъ для списыванья съ книги тѣ же слова. Послѣ всѣхъ этихъ упражненій учитель можетъ допустить провѣрочную диктовку, произнося слова съ едва замѣтнымъ раздѣленіемъ на слоги. Если ученики напишутъ продиктованныя слова безошибочно, то приступаетъ къ слѣдующему уже болѣе сложному письменному упражненію, а именно — пріучаетъ списывать краткія словесныя выраженія, напримѣръ: Это — вилка. Это — палка. Мѣлъ на рукѣ. Мѣлъ на полу. Прямая палка. Кривая палка и т. п. (См. мою книгу „Русская рѣчь, чтеніе и письмо". Вып. I.) Переходъ отъ списыванья и письма отдѣльныхъ словъ по памяти къ списыванью и письму по памяти выраженій необходимо облегчить тѣмъ, чтобы въ выраженіи одно изъ словъ было уже раньше написаннымъ. За списываньемъ съ доски и письмомъ по памяти должно слѣдовать письмо ихъ подъ предупредительную диктовку, потомъ списыванье ихъ съ книги и, наконецъ, провѣрочная диктовка.

Такимъ же точно образомъ ведется и дальше обученіе правописанію съ той лишь разницей, что выраженія усложняются. Когда же дѣти значительно окрѣпнутъ въ правописаніи, учитель оставляетъ первое упражненіе — списыванье съ доски и начинаетъ прямо со второго; написанное на доскѣ и закрытое ученики пишутъ по памяти, потомъ списываютъ съ книги и наконецъ пишутъ подъ диктовку, предупредительную и провѣрочную то, что списывали съ книги.

Параллельно съ приведенными упражненіями, къ концу перваго года и въ началѣ второго нужно давать такія, которыя выполнялись бы учащимся по данному образцу, въ силу одной лишь подражательности, напримѣръ, по образцу слова кольцо учащіеся должны написать пал-то, пис-мо, прос-ба, тес-ма, сер-га, тюр-ма, т-ма, свад-ба, женит-ба, бул-онъ, почтал-онъ, батал-онъ. Другіе образцы будутъ приведены въ моей „Русской рѣчи, чтеніи и письмѣ". Къ этого рода упражненіямъ учащій долженъ подготовить учащихся: онъ первые два-три образца пишетъ на доскѣ, обращаетъ вниманіе учащихся на букву, которая должна быть найдена ими въ приведенныхъ словахъ; заставляетъ одного изъ нихъ написать пропущенную букву вмѣсто черты: *пальто*, потомъ стираетъ вписанныя буквы и требуетъ, чтобы учащіеся въ тетрадкахъ написали приведенныя слова.

На дальнѣйшей ступени обученія правописанію, приблизительно на второмъ году, обученіе ему должно состоять: 1) изъ списыванья съ книги безъ предварительнаго письма на доскѣ; 2) изъ письменныхъ отвѣтовъ на вопросы, исчерпывающіе содержаніе прочитанной и списанной статьи, описывающей какую нибудь картину; 3) изъ письменныхъ отвѣтовъ подъ диктовку на тѣ же вопросы или вопросы болѣе общаго характера (это провѣрочная диктовка); 4) изъ упраж-

ненiй на самыя элементарныя орѳографическiя правила и 5) наконецъ изъ подражательныхъ письменныхъ упражненiй.

Чтобы дать болѣе ясное представленiе о первыхъ трехъ письменныхъ упражненiяхъ, приведу конкретный примѣръ, взятый изъ приготовляемой къ печати книги: „Русская рѣчь, чтенiе и письмо". Вып. II. Въ ней будутъ находиться изображенiе и описанiе внутренности крестьянской избы.

Крестьянская изба. 1. Войдемъ въ крестьянскую избу. Въ правомъ переднемъ углу божница; божница уставлена и увѣшана иконами; передъ иконами стоитъ лампадка; за одну изъ иконъ воткнута верба; сверху божницы по сторонамъ ея свѣшивается вышитое полотенце. Налѣво отъ божницы, на передней стѣнѣ, три иконы — одна большая, двѣ малыя; направо отъ божницы, на правой стѣнѣ, два портрета — портретъ Государя Императора Николая Александровича и портретъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Что находится въ правомъ переднемъ углу? — Чѣмъ уставлена и увѣшана божница? — Что виситъ передъ иконами? — Что воткнуто за одну изъ иконъ? — Какъ свѣшивается полотенце съ божницы? — Сколько иконъ направо отъ божницы, на передней стѣнѣ? — Какiя онѣ? — Сколько портретовъ направо отъ божницы, на правой стѣнѣ? — Кого изображаютъ эти портреты?

2. Посреди избы простой четереугольный столъ, покрытый скатертью. На столѣ большой самоваръ съ чайникомъ, стаканы, блюдца, хлѣбъ, ножъ. Съ правой стороны стола на скамейкѣ сидитъ крестьянинъ съ длинной черной бородой. Онъ пришелъ со двора, снялъ съ себя кафтанъ, положилъ его на скамейку, стоящую передъ столомъ, а зонтикъ приставилъ къ скамейкѣ. На дворѣ онъ прозябъ и теперь съ удовольствiемъ пьетъ горячiй чай. Ему стало жарко, и онъ снялъ съ себя поясъ. Съ лѣвой стороны стола босикомъ стоитъ молодая женщина. Она наклонила голову внизъ, опустила глаза и внимательно слушаетъ, что ей говоритъ мать, сидящая за столомъ Послѣдняя смотритъ на нее сердито.

Что стоитъ посреди избы? — Чѣмъ онъ покрытъ? — Что находится на столѣ? — Кто сидитъ съ правой стороны стола? — Какая у него борода? — Откуда онъ пришелъ? — Что онъ сдѣлалъ? — Что онъ теперь дѣлаетъ? — Кто стоитъ съ лѣвой стороны стола? — Что она сдѣлала? Что она дѣлаетъ? — Какъ смотритъ на нее мать?

3. Въ лѣвомъ переднемъ углу избы помѣщается огромная печь. На печи сидитъ старикъ съ сѣдой бородой и сѣдыми густыми волосами. Онъ плететъ лапоть и въ то же время добродушно посматриваетъ на сына, пьющаго чай. Передъ печкой молодая красивая дѣвушка, сидя на скамейкѣ, прядетъ. Лѣвой рукой она тянетъ

съ кудели нитку, а правой ногой вертитъ колесо прялки. Она очень занята своей работой и ни на кого не смотритъ.

Что помѣщается въ лѣвомъ переднемъ углу? — Кто сидитъ на печи? — Какіе у него борода и волосы? — Что онъ дѣлаетъ? — Какъ онъ посматриваетъ на крестьянина, пьющаго чай? — Кто сидитъ передъ печкою? Что она дѣлаетъ? — Какой рукой она тянетъ волокно съ кудели? — Какой ногой приводитъ въ движеніе колесо прялки? — Какъ она занята своей работой? — Изъ чего это видно? (Она ни на кого не смотритъ).

4. Въ правомъ переднемъ углу, подъ божницей, на лавкѣ сидитъ женщина среднихъ лѣтъ. Она держитъ на колѣняхъ маленькаго ребенка. Передъ ней на полу стоитъ колыбелька. Въ колыбелькѣ спалъ ребенокъ. Онъ проснулся, сталъ плакать. Мать взяла его на руки, покормила и теперь съ любовью смотритъ на свое дорогое дитя. Впереди матери мальчикъ лѣтъ 8-ми вьетъ веревочку, которую онъ прикрѣпилъ къ ключу комода. На комодѣ лампа, зеркало и корзинка. Въ корзинкѣ клубокъ нитокъ.

Кто сидитъ на скамейкѣ въ правомъ переднемъ углу? — Кого она держитъ на колѣняхъ? — Что стоитъ передъ ней? — Кто спалъ въ колыбелькѣ? — Что онъ сдѣлалъ? — Что мать сдѣлала? — Что дѣлаетъ мальчикъ? — Къ чему онъ прикрѣпилъ ее? — Что на комодѣ?

5. Вблизи мальчика расположилась семья кошекъ. Кошка-мать принесла своимъ дѣтямъ пойманную мышь. Два котенка съ удивленіемъ смотрятъ на нее. Кошка трогаетъ мышку лапой: она хочетъ, чтобы мышка побѣжала. Когда мышка побѣжитъ, котята станутъ ловить ее. Третій котенокъ, сидя на скамейкѣ за кафтаномъ, съ любопытствомъ смотритъ. Онъ не видитъ, что принесла мать. Лежащій на скамейкѣ кафтанъ мѣшаетъ ему видѣть. Когда онъ узнаетъ, въ чемъ дѣло, онъ спрыгнетъ со скамейки и прибѣжитъ поиграть бѣдной мышкой вмѣстѣ съ другими котятами.

Кого принесла кошка? — Какъ котята смотрятъ на мышку? — Зачѣмъ кошка лапой трогаетъ мышку? — Что станутъ дѣлать котята, когда мышка побѣжитъ? — Что дѣлаетъ третій котенокъ? — Что онъ сдѣлаетъ, когда увидитъ мышку?

6. Въ крестьянской избѣ самая простая мебель: четыреугольный деревянный столъ, комодъ, пять скамеекъ, лавка, колыбель. Столъ стоитъ посреди избы; комодъ у правой стѣны; три скамейки стоятъ вокругъ стола; двѣ скамейки на лѣвой сторонѣ избы, лавка у передней стѣны; колыбель передъ лавкой. Въ крестьянской избѣ довольно много посуды: самоваръ, чайникъ, стаканы, блюдца, чугунъ, горшокъ, кринка, котелъ, ушатъ, рукомойникъ, кастрюля, сковорода. Въ избѣ есть и орудія: ухватъ, кочерга, терка, пестъ, поварешка, чумичка (или шумовка).

У лѣвой стѣны находится ушатъ на трехъ высокихъ ножкахъ. Выше ушата на колышкѣ виситъ рукомойникъ. Изъ рукомойника надъ ушатомъ крестьяне умываются. Надъ рукомойникомъ полочка, а на полочкѣ кусокъ простого мыла. Мыломъ моютъ руки. Направо отъ рукомойника виситъ утиральникъ; имъ вытираютъ мокрыя руки и лицо.

Повыше рукомойника и полочки висятъ стѣнные часы съ двумя гирями и маятникамъ. Противъ часовъ въ противоположной стѣнѣ окно. По сторонамъ окна занавѣски, а на подоконникѣ горшокъ съ цвѣткомъ.

Назови мебель, находящуюся въ крестьянской избѣ! — Назови посуду, находящуюся въ избѣ! — Назови орудія! (кочерга, ухватъ, поварешка, чумичка, терка, пестъ).

Для провѣрки, усвоено ли правописаніе словъ, относящихся къ описанію крестьянской избы, учитель даетъ повѣрочную диктовку, заставляя учащихся письменно отвѣтить на нѣкоторые изъ вопросовъ, при чемъ вопросы можно ставить въ томъ видѣ, въ какомъ они приведены, или въ измѣненномъ*).

---

*) Къ августу 1906 г., кромѣ названной картинки, будутъ изданы слѣдующія: 1) крестьянскій дворъ и окружающія его постройки, 2) село, 3) городъ, 4) сельская, почтовая и желѣзная дороги, 5) садъ и огородъ, 6) обработка поля, 7) жатва, 8) лугъ, 9) лѣсъ и его обработка, 10) рѣка, 11) море.

Предполагается еще издать картины, изображающія: 1) горную страну, 2) зимнія развлеченія, 3) подвалъ, 4) рынокъ, 5) гостиную, 6) булочную, 7) портняжную, 8) сапожную, 9) столярнуюи 10) кузнечную.

Если бы по какимъ-либо обстоятельствамъ не вышли проектируемыя картины, то взамѣнъ ихъ можно воспользоваться картинами Вальтера, изданными Шрейберомъ въ Есслингенѣ. Картины Вальтера раздѣляются на три части. Изъ 30 картинъ первой части нужно выписывать слѣдующія двадцать: die Bauernstube (крестьянская комната), die städtische Stube (городская комната), die ländische Küche (деревенская кухня), der Keller (погребъ), Hof, Scheune und Stall (дворъ, хлѣвъ и конюшня), der Garten zur Zeit der Bestellung (Садъ во время обработки), der Garten zur Zeit der Ernte (садъ во время сбора плодовъ), das Dorf (деревня), das Feld zur Zeit der Bestellung (поле во время обработки), das Feld zur Zeit der Ernte (поле во время жатвы), der Marktplatz (рынокъ), der Strassenverkehr (движеніе на улицѣ — городской), das Wasser (вода, изображеніе рѣки), die Wiese (лугъ), die Post und die Eisenbahn (почтовая и желѣзная дороги), der Wald und seine Ausnutzung (лѣсъ и его употребленіе), der Wald und seine Bewohner (лѣсъ и его обитатели), Winterfreuden (зимнія развлеченія), das Hochgebirge (горная страна), das Meer (море). Всѣ эти 20 картинъ стоятъ съ пересылкой не болѣе 1 руб. 40 коп. или 1 руб. 50 коп. Совѣтую не наклеивать ихъ, а обложить синей плотной папкой, во-первыхъ, потому, что наклейка 20 картинъ обходится около 2 руб., тогда какъ 20 листовъ папки

Рядомъ съ разсмотрѣнными тремя видами письменныхъ упражненій, изъ которыхъ только послѣдній требуетъ участія учителя, учитель начинаетъ знакомить учащихся съ наиболѣе элементарными и необходимыми правилами орѳографіи. Правила должны осмыслить нѣкоторыя явленія въ области правописанія и значительно облегчить многія трудности усвоенія его. До сихъ поръ учащіеся лишь по памяти писали одни слова съ большой буквы, другія съ малой; въ однихъ случаяхъ **и**, — въ другихъ **і**, хотя и произносятъ обѣ буквы одинаково; въ однихъ случаяхъ **е**, въ другихъ **ѣ**, не замѣчая никакой разницы въ ихъ произношеніи; пишутъ *лобъ* и *снопъ,* но произносятъ *лопъ* и *снопъ* и т. п. Теперь нужно болѣе или менѣе осмыслить все это. Такъ, напримѣръ, прежде чѣмъ приступить къ орѳографическому правилу относительно употребленія большихъ буквъ въ словахъ, необходимо дать понятіе о заглавіи, красной строкѣ и собственномъ имени. Въ первыхъ двухъ случаяхъ учитель указываетъ заглавія и красныя строки въ разныхъ статьяхъ, обращаетъ вниманіе на ихъ внѣшніе признаки: заглавіе пишется сверху статьи, бо́льшими буквами, чѣмъ статья; красная строка начинается немного дальше, чѣмъ другія строки. Чтобы у учащихся составилось понятіе о собственномъ имени, учитель проситъ ихъ назвать свои имена, фамиліи, названія города, деревни, рѣки. Послѣ этого учитель беретъ одну изъ прочитанныхъ статей, въ которой есть собственныя имена, и спрашиваетъ учащихся, гдѣ стоитъ боль-

---

стоитъ менѣе 50 коп.; во-вторыхъ, потому, что при наклейкѣ картонъ часто ломается, и картина портится, при папкѣ же этого не бываетъ. Такимъ образомъ за 2 руб. школа можетъ пріобрѣсти 20 раскрашенныхъ картинъ, изображающихъ окружающую насъ жизнь и служащихъ превосходнымъ матеріаломъ для упражненій въ языкѣ и письмѣ.

Къ сожалѣнію, нашимъ школамъ эти картины совершенно неизвѣстны. У насъ пока по богатымъ школамъ распространяются картины Фену, цѣной по 2 руб. каждая безъ наклейки, и плохія картины Леше, по $1^1/_2$ р. каждая, тоже безъ наклейки; картинами Вальтера можно быть недовольнымъ по двумъ причинамъ: онѣ нѣсколько малы, и нѣкоторыя изъ нихъ изображаютъ чуждую намъ жизнь. Первый недостатокъ даетъ себя чувствовать только въ многолюдныхъ школахъ; что касается второго, то можно возразить, что окружающую жизнь можно изучать и безъ картинъ, а съ чужой можно познакомиться хотя бы по картинамъ. Если же принять во вниманіе главную цѣль, которая должна быть преслѣдуема на урокахъ родного языка — упражненіе въ устной и письменной рѣчи, то послѣдній недостатокъ почти стушевывается.

Указанный недостатокъ особенно чувствителенъ по отношенію къ картинамъ, изображающимъ крестьянскую комнату, крестьянскій дворъ, деревню. Неудачны нѣсколько по исполненію картины, изображающія море, почтовую и желѣзную дороги.

шая буква. Ученики должны отвѣтить: большая буква стоитъ въ началѣ заглавія, въ началѣ красной строки, послѣ точки, въ собственномъ имени. Сдѣланный выводъ записывается на классной доскѣ и въ тетрадяхъ. Потомъ берется другая изъ прочитанныхъ статей, и учитель требуетъ, чтобы ученики отвѣтили, почему такое-то слово написано съ большой буквы. Дальше слѣдуютъ предупредительная и провѣрочная диктовки на усвоенное правило.

Чтобы перейти къ дальнѣшимъ орѳографическимъ правиламъ, необходимо предварительно познакомить учащихся съ дѣленіемъ буквъ на группы.

Учитель пишетъ на доскѣ буквы: **а, о, у, ы, э. я, ё, ю, и, (і), е, ѣ, и,** говоритъ, что эти буквы называются *гласными;* буквы **б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, р, п, с, т, ф, х, ч, ц, ш, щ, ѳ** — *согласными,* потому, что въ названія ихъ входитъ гласная буква: бе, ве, ге, де, эмъ, энъ, и т. п.; буквы: **ъ, ь** — *безгласными,* такъ какъ онѣ не обозначаютъ никакого звука (гласа).

По усвоеніи учащимися приведеннаго дѣленія буквъ, учитель пишетъ на доскѣ, учащіеся въ тетрадяхъ слѣдующія слова:

рама	**н**осъ	**л**уна	**б**ылъ	порт**м**о**н**э
*р*яса	*н*ёсъ	*л*юди	*б*илъ	край*н*е, вчер*н*ѣ.

Учитель съ особенной отчетливостью и выразительностью читаетъ сначала одинъ слова сверху внизъ: ррама — рряса и т. д.; а потомъ вмѣстѣ съ учениками хоромъ. Ученики должны замѣтить разницу въ чтеніи подчеркнутыхъ согласныхъ. Учителю остается только сказать, что каждая согласная буква произносится *твердо* и *мягко.*

Послѣ этого учитель заставляетъ обратить вниманіе, передъ какими гласными согласныя произносятся твердо и передъ какими мягко. Потомъ дѣлается и записывается выводъ: согласныя буквы произносятся твердо передъ гласными: а, о, у, ы, э; — мягко передъ гласными: я, ё, ю, и, (і), е, ѣ; поэтому гласныя: а, о, у, ы, э называются твердыми гласными, а гласныя: я, ё, ю, и, (і), е, ѣ, — мягкими гласными.

Переписывается статья, въ которой учащіеся подчеркиваютъ твердыя гласныя; на слѣдующемъ урокѣ переписывается другая статья, въ которой учащіеся должны подчеркнуть мягкія гласныя; на третьемъ въ переписанной статьѣ должны быть двумя чертами обозначены твердыя гласныя, одной — мягкія. Слѣдуетъ заставить прочесть переписанныя статьи и отмѣтить твердое и мягкое произношеніе согласныхъ какъ передъ гласными, такъ и передъ безгласными; послѣднія съ этой стороны имѣютъ такое же значеніе, какъ и гласныя, почему не безъ основанія называются *полугласными.*

Ознакомленіемъ съ гласными нужно воспользоваться для сообщенія правилъ относительно употребленія буквы **і** передъ гласными и согласной **й**, а также относительно употребленія гласныхъ: **а, о, у, е, ё, і, и, (і), ѣ**, послѣ **ж, ч, ш, щ, г, к, х.**

Читается статья, дѣлается наблюденіе, передъ какими буквами стоитъ буква **і**, записывается правило: буква **і** употребляется передъ всѣми гласными и передъ согласной **й**, а также въ словахъ міръ (въ значеніи *земной шаръ, народъ*), мірской, мірянинъ, мірянка; буква **и** передъ гласными сохраняется въ слѣдующихъ словахъ: пятиаршинный, шестиаршинный, пятиугольный, семиугольный, восьмиугольный, девятиэтажный и т. п.

По усвоеніи правила даются примѣры, изъ которыхъ учащіеся должны выписать слова съ буквой **і** и подчеркнуть слѣдующую за ней букву. Пріобрѣтенное знаніе закрѣпляется предупредительной и повѣрочной диктовками. Всѣ приведенныя здѣсь правила будутъ помѣщены во II вып. „Русской рѣчи, чтеніи и письмѣ". Тутъ же будутъ помѣщены и примѣры къ нимъ для письменныхъ упражненій. Этими же примѣрами учащій можетъ возпользоваться для предупредительныхъ и повѣрочныхъ диктовокъ.

Что касается употребленія гласныхъ: **а, о, у, е, ё, и (і), ѣ** послѣ **ж, ч, ш, щ, г, к, х**, то должно признать вреднымъ даваемое обыкновенно правило, что послѣ нихъ нельзя писать **я, ю, ы**, а вмѣсто нихъ **а, у, и.** Подобныя правила только сбиваютъ съ толку, и дѣти сплошь и рядомъ пишутъ какъ разъ тѣ буквы, которыхъ нельзя писать, такъ какъ у нихъ перепутывается воспоминаніе о томъ, что можно и чего нельзя. Чтобы привести дѣтей къ сознанію, какія буквы нужно писать послѣ указанныхъ буквъ, учитель пишетъ на доскѣ слѣдующія слова: *жара, жукъ, жолудь, кружокъ, жена, жиръ, кожа, кожѣ, на кожѣ.* Ученики дѣлаютъ выводъ, что послѣ **ж** въ срединѣ словъ пишутся гласныя **а, у, о, ё, е, и,** а въ концѣ словъ на вопросы: кому, чему, гдѣ —**ѣ.** Послѣ этого учитель говоритъ, что только такія буквы можно писать и послѣ **ч, ш, щ, г, к, х.** Дается предупредительная диктовка на слова или предложенія, въ которыхъ встрѣчаются эти буквы; формулируется и записывается правило: послѣ буквъ: **ж, ч, ш, щ, г, к, х** пишутся **а, у, о, ё, и,** а въ концѣ словъ на вопросы: кому, чему, гдѣ —**ѣ**, а также въ словахъ: кѣмъ, чѣмъ.

Исключеніе. Въ иностранныхъ словахъ послѣ названныхъ согласныхъ могутъ стоять **ю, я,** напр.: Гюго, Гюи, Кювье, гяуръ, Кяхта (деревня).

На слѣдующемъ урокѣ орѳографіи это правило повторяется, дается статья для списыванья съ тѣмъ, чтобы учащіеся подчеркнули гласныя послѣ поименованныхъ согласныхъ.

Правила относительно употребленія ударныхъ и неударныхъ гласныхъ: **а, о, е, и, я** могутъ оказать услугу въ столь рѣдкихъ слу-

чаяхъ, что не стоитъ ихъ и усвоивать. Тутъ нужно полагаться лишь на запоминаніе правописанія словъ съ этими гласными. Чтобы возможно лучше упрочить это запоминаніе, необходимо при письмѣ произносить подобныя слова по слогамъ протяжно: бооо—роо—на, чаа—сы, пее—ро, яяй—цо, и. т. п., а не барана, чесы, пиро, ийцо, обращать вниманіе на ихъ правописаніе и почаще писать.

Важно также усвоеніе правила относительно употребленія согласныхъ буквъ, обозначающихъ звучные звуки: **б, в, г, д, з, ж.** Въ русскомъ языкѣ вслѣдствіе того, что во многихъ словахъ выпали гласные звуки, произошло противоестественное стеченіе согласныхъ звуковъ: звучные встрѣтились съ отзвучными (глухими): **п, ф, к, х, т, с, ш** и уподобились имъ въ звучности, т. е. стали отзвучными. Такому же измѣненію они подверглись и въ концѣ словъ, когда глухіе гласные звуки, обозначаемые въ глубокой древности буквами: **ъ, ь,** перестали произноситься, исчезли изъ языка. Ясно распознаваемые звучные звуки: **б, д, з, г,** въ словахъ: *короб(о)ка, лод(е)ка, (ладья лодейщикъ), повоз(о)ка, Бог(о)* обратились въ отзвучные: **п, т, с, х,** когда гласные послѣ нихъ исчезли, и они встрѣтились съ отзвучными согласными или же очутились въ концѣ словъ (коропка, лотка, повоска, Бохъ). Чтобы научить учащихся правильному употребленію буквъ, обозначающихъ звучные и отзвучные звуки, въ сомнительныхъ случаяхъ, необходимо развить у нихъ привычку измѣнять слова съ этими звуками такъ, чтобы послѣ сомнительнаго согласнаго стоялъ гласный звукъ. Съ этой цѣлью учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ рядъ словъ съ пропущенными сомнительными согласными: про? ка, то? ка, коро? ка, но? ти, селё? ка, у? ка, сколь?-кій, распи? ка, но? ка, поду? ка, зу? ъ, сно? ъ, гвоз? ь, кос? ь, коло? ъ, во? ъ, клю? ъ, што? ъ, арбу? ъ, но? ъ, экипа? ъ, шала? ъ, дру? ъ, ду? ъ, горо? ъ, моло? ъ.

Учитель заставляетъ учащихся измѣнить слова такъ, чтобы послѣ искомой согласной была гласная. Когда согласная найдена, слово записывается въ тетради. Послѣ этого вполнѣ будетъ понятнымъ и усвоеннымъ относящееся сюда правило: прежде чѣмъ написать сомнительную звучную или отзвучную букву, нужно измѣнить слово такъ, чтобы послѣ нея была гласная.

Относительно употребленія буквъ: **ф** и **ѳ** нельзя дать правила, почему слова чаще всего встрѣчающіяся нужно запомнить, а въ сомнительныхъ случаяхъ необходимо обращаться къ справочному словарю. Справочный словарь, хотя бы такой, какъ Покровскаго, стоющій всего 25 коп., долженъ находиться у каждаго учащагося. Нужно пріучить учащихся, чтобы они непремѣнно обращались къ словарю, разъ не увѣрены въ томъ, какъ должно быть написано слово. Пора

оставить способъ улавливанія учащихся въ ошибкахъ, нужно перейти къ способу обученія.

Усвоенныя орѳографическія правила необходимо повторять на прочитанныхъ и объясненныхъ статьяхъ такимъ образомъ: учитель заставляетъ учащихся объяснить правописаніе того или иного слова; черезъ два-три дня та же статья дается для переписки; черезъ нѣсколько дней изъ той же статьи учитель диктуетъ фразы, измѣняя лица, числа, падежи, если можно; диктовка можетъ быть предупредительная или повѣрочная — полная или сокращенная. Благодаря указанному пріему, учащіеся будутъ повторять прочитанныя статьи и усвоенныя правила, пріобрѣтутъ прочный навыкъ примѣнять послѣднія къ дѣлу. О выгодѣ и цѣлесообразности пользованія прочитанными статьями вмѣсто набранныхъ отовсюду или искусственно подогнанныхъ фразъ, по большей части непонятныхъ и неинтерессныхъ по своей отрывочности, и говорить нечего. Въ своей „Русской рѣчи, чтеніи и письмѣ" я сопровождаю орѳографическія правила незначительнымъ числомъ примѣровъ для списыванія, предупредительной и повѣрочной диктовокъ только для того, чтобы правило сдѣлать, такъ сказать, болѣе конкретнымъ, чтобы связать съ нимъ нѣсколько примѣровъ и такимъ образомъ лучше закрѣпить его въ памяти учащихся. Кромѣ того, они напечатаны такъ, что учащійся безъ помощи учителя самостоятельно можетъ воспользоваться ими для примѣненія усвоеннаго правила.

Послѣ ознакомленія съ вышеприведенными орѳографическими правилами, можно приступить къ указаннымъ ниже письменнымъ упражненіямъ, въ которыхъ письмо по памяти соединяется съ письмомъ по подражанію.

Учитель заставляетъ, положимъ, перечислить домашнихъ птицъ. Дѣти называютъ, учитель пишетъ на доскѣ:

Домашнія птицы: куры, гуси, утки, индѣйки.

Послѣ этого онъ заставляетъ дѣтей обратить вниманіе, какъ написано на доскѣ, потомъ закрываетъ написанное и требуетъ, чтобы они точно такъ-же написали въ тетрадяхъ. Дальше дѣти перечисляютъ дикихъ птицъ, учитель записываетъ.

Чтобы закрѣпить въ памяти орѳографію писанныхъ словъ, повторить усвоенное и пріучить къ самостоятельнымъ письменнымъ упражненіямъ, надо продѣлать слѣдующія устныя и письменныя упражненія. Первое упражненіе. Учитель требуетъ, чтобы ученики изъ перечисленыхъ птицъ: орелъ, коршунъ, ласточка, сова, кукушка, дятелъ, соловей, воробей, курица, индѣйка — подъ цифрой 1) написали названія дикихъ птицъ, а подъ цифрой 2) — названія домашнихъ.

Второе упражненіе. Учитель спрашиваетъ: какая птица коршунъ? Ученики отвѣчаютъ: коршунъ — птица дикая. Предложеніе это

учитель записываетъ на доскѣ, закрываетъ, ученики пишутъ его въ тетрадяхъ.

Дальше учитель пишетъ на доскѣ, положимъ, слѣдующія названія птицъ: Курица — ? Соловей — ? и т. д.

Учащіеся сначала устно отвѣчаютъ, а потомъ записываютъ свои отвѣты.

Для подобныхъ устныхъ и письменныхъ упражненій можно брать какой угодно подходяшій для дѣтскаго развитія матеріалъ. Предлагаю сообщать тотъ и въ такомъ порядкѣ, какъ это сдѣлано въ названной раньше книгѣ (В. II). Приведенный въ ней матеріалъ можно признать весьма полезнымъ и для усвоенія, и для логическаго мышленія. Учащіеся знакомятся съ болѣе отвлеченными родовыми понятіями путемъ раздѣленія ихъ на конкретныя частныя; чтобы отнести частное понятіе къ родовому, нужно въ сильной степени проявить самодѣятельность, вниманіе и сосредоточенность. Матеріалъ этотъ представляетъ интересъ и въ орѳографическомъ отношеніи, такъ какъ знакомитъ съ правописаніемъ наиболѣе употребительныхъ въ жизни словъ. Приведены названія только такихъ предметовъ, о которыхъ говорилось на урокахъ чтенія. Такимъ образомъ рекомендуемыя письменныя упражненія, кромѣ указаннаго значенія, будутъ еще способствовать лучшему усвоенію прочитаннаго.

Исполненіе указанныхъ письменныхъ упражненій настолько должно развить учащихся, что можно перейти къ правиламъ для правописанія морфемъ (основы, окончанія, корня, суффикса, префикса), но прежде чѣмъ сдѣлать это, необходимо познакомить дѣтей съ различіемъ словъ по числамъ, дать понятіе объ измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ словахъ и о самыхъ морфемахъ.

Учитель пишетъ на доскѣ, положимъ, слова: ученикъ, глазъ, волосъ, голубь, рука, нога, перо, зерно, яйцо и спрашиваетъ, что обозначаютъ эти слова — одинъ или много; получивъ отвѣтъ, учитель сверху окончаній единственнаго числа пишетъ окончанія множественнаго и спрашиваетъ, что обозначаютъ слова: ученики, глаза, волоса и т. д. Получивъ отвѣтъ, учитель записываетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ: Одни слова обозначаютъ одинъ предметъ, единственное число; другія слова обозначаютъ много предметовъ, множественное число. Послѣ этого дается прочитанная статья для переписыванія и для подчеркиванія словъ едиственнаго числа чертой, а множественнаго двумя чертами.

Чтобы научить учащихся узнавать измѣняемыя и неизмѣняемыя слова, учитель диктуетъ имъ, положимъ, такія фразы:

Бѣдная птица сегодня заперта въ клѣткѣ.
Бѣдныя птицы сегодня заперты въ клѣткахъ.
Бѣдную птицу сегодня заперли въ клѣтку.
Бѣдныхъ птицъ сегодня заперли въ клѣтки.

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ примѣровъ дѣти безъ труда сдѣлаютъ выводъ, что слова: *бѣдная, птица, заперта, клѣткѣ* измѣняютъ свою форму, свой видъ; а слова: *сегодня, въ* остаются безъ измѣненія. Первыя называются *измѣняемыми,* вторыя *неизмѣняемыми*.

Дальше нужно обратить вниманіе учащихся, что измѣняемыя слова состоятъ изъ двухъ частей — основы и окончанія, что основа въ свою очередь можетъ состоять или изъ одного только корня или изъ корня и суффикса, или изъ корня и префикса, или наконецъ изъ корня, суффикса и префикса и даже изъ корня съ нѣсколькими суффиксами и префиксами. Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности давать опредѣленія морфемъ и входить въ какія-либо подробности о нихъ. Цѣлесообразно говорить объ этомъ можно съ учащимися, достигшими уже значительной степени умственнаго развитія. Здѣсь учитель ограничивается лишь тѣмъ, что путемъ навыка старается довести учащихся до умѣнья раздѣлять измѣняемыя слова сначала на основу и окончаніе, а потомъ раздѣлять основу, если она, кромѣ корня, содержитъ въ себѣ другія морфемы.

Для указанія пріема, какъ дѣлить измѣняемыя слова на основу и окончаніе, учитель берётъ, допустимъ, слѣдующіе примѣры:

1) Рыб|^{ы}а плава|^{ютъ}етъ, птиц|^{ы}а лета|^{ютъ}етъ, змѣ|^{и}я полза|^{ютъ}етъ.

2) Сѣд|^{ые}ой старик|^{и}ъ тащ|^{атъ}итъ невод|^{а}ъ въ лодк|^{и}у.

3) Эт|^{и}а красив|^{ыя}ая дик|^{ія}ая коз|^{ы}а убит|^{ы}а жесток|^{ими}имъ охотник|^{ами}омъ.

4) Эт|^{ихъ}у красив|^{ыхъ}ую дик|^{ихъ}ую коз|^{ъ}у убил|^{и}ъ жесток|^{іе}ій охотник|^{и}ъ.

Въ приведенныхъ формахъ единственное число замѣняется множественнымъ, окончанія пишутся сверху окончаній единственнаго и потомъ тѣ и другія отдѣляются вертикальной чертой.

Учитель спрашиваетъ на сколько частей раздѣлены измѣняемыя слова и пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ: измѣняемыя слова дѣлятся на двѣ части: одна изъ нихъ называется *основой*, другая *окончаніемъ**).

---

*) Относительно дѣленія словъ на части и названія этихъ частей существуютъ разныя мнѣнія. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи г. Прядкина: „Изъ методики русской грамматики: правила употребленія знаковъ препинанія“ и т. д. находимъ слѣдующее раздѣленіе и термины:

1. **Представка** (префиксъ)	2. **Корень**	3. **Окончаніе** (Приставка, наставка, аффиксъ)	
		неизмѣняемое, словообразовательные, или производственные, звуки (вставка, суффиксъ)	*измѣняемое* (флексія)

Въ переписанной статьѣ учащіеся сначала устно, потомъ письменно (вертикальной чертой) дѣлятъ измѣняемыя слова на основу и окончаніе. Эти упражненія необходимо производить до тѣхъ поръ, пока учащіеся не навыкнутъ безошибочно производить дѣленіе измѣняемыхъ словъ на основу и окончаніе. При исполненіи этого требованія ученики невольно должны будутъ обращать вниманіе на окончанія и запоминать правописаніе ихъ. Одна изъ статей, въ которыхъ было произведено дѣленіе измѣняемыхъ словъ на основу и окончаніе, диктуется съ тѣмъ, чтобы учащіеся самостоятельно, безъ помощи учителя, раздѣлили слова на основу и окончаніе.

Чтобы въ совершенствѣ ознакомить учащихся съ правописаніемъ окончаній, необходимо раздѣлить послѣднія на группы и знакомить съ правописаніемъ каждой группы въ отдѣльности.

Къ первой группѣ относятся окончанія, отвѣчающія на вопросы: кто, что, кого, чего, кому, чему, кого, что, кѣмъ, чѣмъ, (о, въ, на, при) комъ, чемъ. Это — окончанія существительныхъ.

Ко второй — окончанія, отвѣчающія на вопросы: сколько, сколькихъ, сколькимъ, сколькими, (о, въ, на, при) сколькихъ. Это — окончанія числительныхъ.

Къ третьей — окончанія, отвѣчающія на вопросы: какой, какая, какое, какого, какой, какому, какой, какимъ, какою, (о, на, въ, при) какомъ и какой; какіе, какія, какихъ, какимъ, какими, (о, въ на, при) какихъ. Это — окончанія прилагательныхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. собственно прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ и причастій *).

---

14 названій для выраженія 4 понятій!

Кромѣ того, измѣняемое слово прежде всего мыслится нами состоящимъ изъ основы и окончанія — флексіи: основа, какъ нѣчто устойчивое, постоянное, болѣе или менѣе неизмѣнное; окончаніе — флексія, какъ измѣняющееся. Дальше, за терминомъ *окончаніе* укрѣпилось понятіе какъ объ измѣняемой части слова (флексіи); измѣнять это рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній; самый терминъ нѣсколько неудаченъ — не указываетъ на сущность понятія (измѣняемость); замѣна его иностраннымъ тоже не вполнѣ удобна, потому что слово *флексія* имѣетъ два значенія.

Въ виду сказаннаго считаю наиболѣе пригоднымъ дѣлить измѣняемыя слова и употреблять термины нижеслѣдующимъ образомъ:

1. **Основа**			2. **Окончаніе**
префиксъ	корень	суффиксъ	

*) Числительныя порядковыя, какъ доказывается въ моей брошюрѣ „Обученіе грамматикѣ“, должны быть отнесены къ прилагательнымъ; причастія тоже безъ особой натяжки можно считать прилагательными.

Къ четвертой — окончанія, отвѣчающія на вопросы: что я дѣлаю, что ты дѣлаешь, что онъ дѣлаетъ, что мы дѣлаемъ, что вы дѣлаете, что они дѣлаютъ; что я дѣлалъ и т. д. Это — окончанія глаголовъ.

Примѣчаніе. Приведенные термины пригодятся при изученіи грамматики. Если учащіеся научатся по вопросамъ различать окончанія существительныхъ, числительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ, то имъ не трудно потомъ будетъ распознавать и самыя существительныя, числительныя, прилагательныя и глаголы.

Прежде чѣмъ приступить къ правописанію окончаній существительныхъ, необходимо познакомить учащихся съ понятіями: *одушевленный предметъ, неодушевленный предметъ, мужескій родъ, женскій родъ, средній родъ.*

Ознакомленіе съ первыми двумя понятіями достигается простымъ указаніемъ на предметы одушевленные и неодушевленные, при чемъ передъ первыми учитель пріучаетъ ставить вопросы: кто, кого и т. д.; передъ вторыми — что, чего и т. д. Чтобы ознакомить съ послѣдними тремя учитель пишетъ на одной сторонѣ названія мужчинъ: Ѳёдор*ъ(а)* *), Филипп*ъ(а)*, Авел*ь(я)*, Игор*ь(я)*, Ѳеодосі*й(я)*, Меѳоді*й(я)*; на другой — названія женщинъ: Ѳёкл*а(ы)*, Серафим*а(ы)*, Эсфир*ь(и)*, Рахил*ь(и)*, Агаѳі*я(и)*, Ѳеофані*я(и)*. Учитель спрашиваетъ, кого называютъ первыми именами, кого вторыми. Получивъ отвѣтъ, что первыми именами называютъ мужчинъ, вторыми женщинъ, учитель требуетъ обратить вниманіе на окончанія тѣхъ и другихъ и выписываетъ одни подъ именами мужчинъ: ъ(а), ь(я), й(я); другія подъ именами женщинъ: а(ы), я(и), ь(и).

Дальше учитель говоритъ, что всѣ слова на ъ(а), ь(я), й(я) кажутся намъ какъ бы названіями мужчинъ, названіями мужескаго рода, напримѣръ: дубъ(а), кленъ(а), якорь(я), каравай(я), а слова на а(ы), я(и), ь(и) кажутся какъ бы названіями женщинъ, названіями женскаго рода, напримѣръ: берёза(ы), сосна(ы), ель(и), дыня(и).

Слова на о(а) — кольцо(а), крыло(а), перо(а); на е(я), ё(я) — ожерелье(я), подполье(я), ружье(я), бѣлье(я), не кажутся ни названіями мужескаго рода, ни названіями женскаго рода. Слова на (о)а, е(я), ё(я) принято называть словами средняго рода.

Послѣ всего этого учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ: Слова на ъ(а), ь(я), й(я) — мужескаго рода; слова на а(ы), я(и), ь(и) — женскаго рода; слова на о(а), е(я), ё(я) — средняго рода.

---

*) Въ виду невозможности различать родъ по окончаніямъ одного именительнаго падежа словъ на *ь*, нужно пріучать дѣтей употреблять каждое слово съ окончаніями именительнаго и родительнаго падежей. Такой навыкъ даетъ возможность безъ особаго правила вѣрно писать существительныя съ шипящими передъ окончаніями: мечъ(а), течь(и), ножъ(а), рожь(и).

Сообщенныя правила должны быть закрѣплены въ памяти слѣдующими устными и письменными упражненіями: 1) назвать, потомъ выписать изъ прочитанной статьи наименованія одушевленныхъ предметовъ; 2) назвать и выписать наименованія неодушевленныхъ предметовъ; 3) назвать и выписать слова мужескаго рода и т. д. Для указанныхъ упражненій хорошо пользоваться названными раньше картинами.

Теперь можно приступить къ ознакомленію съ правописаніемъ окончаній по падежамъ, не называя, конечно, падежей *), а ставя лишь падежные вопросы. Чтобы учащіеся возможно лучше усвоили правописаніе окончаній необходимо продѣлать рядъ устныхъ и письменныхъ упражненій съ окончаніями каждаго падежа. Такъ какъ съ окончаніями именительнаго и родительнаго падежей учащіеся уже ознакомились, то слѣдуетъ перейти къ окончаніямъ сначала винит., а потомъ предложнаго, дательнаго и творительнаго падежей **). Винительный падежъ необходимо поставить сейчасъ же за именительнымъ и родительнымъ, потому что онъ, кромѣ словъ на а(ы), я(и), своими окончаніями въ однихъ случаяхъ сходенъ съ первымъ, въ другихъ со вторымъ ***).

Правописаніе окончаній предложнаго падежа должно слѣдовать за правописаніемъ винительнаго и предшествовать правописанію окончаній дательнаго, чтобы легче было оттѣнить разницу въ окончаніяхъ винительнаго и предложнаго (въ столъ и въ столѣ, на воду и на водѣ, о колѣно и о колѣнѣ, на море и на морѣ) и сходство въ окончаніяхъ предложнаго и дательнаго падежей въ словахъ женскаго рода (къ рѣкѣ и на рѣкѣ, по водѣ и въ водѣ, къ землѣ и при землѣ, къ двери и на двери).

Для упражненій необходимо брать предложенія, въ которыхъ въ винительномъ падежѣ, преимущественно съ предлогомъ, употреблено какое либо слово, представляющее затрудненіе въ правописаніи конечныхъ буквъ, напримѣръ, слова со звучными звуками на концѣ (зубъ, кровь и т. п.), слова съ шипящими на концѣ (мечъ, хрящъ и т. п.), слова съ конечнымъ звукомъ э (море, поле и т. п.), при этомъ передъ каждымъ словомъ съ окончаніемъ винительнаго

---

*) Осмысленное ознакомленіе съ падежами можетъ быть только при изученіи синтаксиса.

**) Объ окончаніяхъ звательнаго падежа нѣтъ никакой надобности говорить. О звательномъ падежѣ можетъ быть рѣчь только при изученіи синтаксиса.

***) Говорю: „въ однихъ случаяхъ, въ другихъ случаяхъ“ вм. въ одушевленныхъ съ родительн., въ неодушевленныхъ съ именительн., такъ какъ многія одушевленныя имена въ винительномъ сходны съ именительн., а нѣкоторыя неодушевленныя съ родительнымъ, напримѣръ: мать, дочь, лань и др., покойникъ, мертвецъ, истуканъ, идолъ и др.

падежа ставится одинъ изъ вопросовъ: кого, что, въ кого, на кого, во что, на что, куда и другіе.

Примѣчаніе. Чтобы дать возможность самостоятельно примѣнять къ дѣлу усвоенныя правила, я помѣщаю примѣры для усвоенія окончаній въ своей книгѣ для чтенія (Русск. рѣчь, чтеніе и письмо, Вып. II). Помѣщенными здѣсь примѣрами можно пользоваться для предупредительной и повѣрочной диктовокъ, для списыванія съ примѣненіемъ самими учащимися усвоенныхъ правилъ.

Для упражненій въ правописаніи окончаній на вопросы: о комъ, о чемъ, въ комъ, въ чемъ, на чемъ, при чемъ нужно остановиться главнымъ образомъ на словахъ, кончающихся на ь, е, ё, й.

Изъ окончаній на вопросы: кому, чему, къ кому, къ чему, по кому, по чему особеннаго вниманія при обученіи правописанію заслуживаютъ окончанія: *ѣ* и *и* въ словахъ на а, я, ь *(и)*.

Изъ окончаній на вопросы: кѣмъ, чѣмъ, съ кѣмъ, съ чѣмъ, подъ кѣмъ, подъ чѣмъ, надъ кѣмъ, надъ чѣмъ необходимо остановиться на окончаніяхъ въ словахъ на жъ, чъ, шъ, щъ, жа, ша, ща, ь (и).

Перейдемъ къ правописанію окончаній числительныхъ, отвѣчающихъ на вопросы: сколько, сколькихъ, (о, въ, на, при) сколькихъ, сколькимъ, сколькими.

Къ словамъ, отвѣчающимъ на приведенные вопросы, принадлежатъ слѣдующія: пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ, пятьсотъ, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ, девятьсотъ, одинъ (одна, одно), два, три, четыре, сорокъ, девяносто, сто, двѣсти, триста, четыреста, двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро, полтора, полтретья.

Всѣ эти числительныя по окончаніямъ можно раздѣлить на три группы: 1) числительныя на ь, 2) числительныя на ъ, 3) числительныя съ разными окончаніями.

Числительныя на ь при вопросахъ: сколькихъ, сколькимъ, (о, въ, на, при) сколькихъ имѣютъ окончаніе *и;* при вопросѣ: сколькими *-ью;* не достаетъ пят*и* человѣкъ; шест*и* ученикамъ поставлены хорошія отмѣтки; на двѣнадцат*и* скамейкахъ сидятъ двадцать четыре ученицы; запертъ сем*ью* замками.

Числительныя на ъ состоятъ изъ двухъ словъ, измѣняющихъ свои окончанія: у меня пят*ь*десят*ъ* рублей; у него нѣтъ пят*и*десят*и* рублей; къ пят*и*десят*и* рублямъ прибавь двадцать; онъ говоритъ о пят*и*десят*и* рубляхъ; наполни мой кошелекъ пят*ью*десят*ью* рублями; я проѣхалъ шест*ь*сот*ъ* верстъ; онъ еще не прошелъ шест*и*сот*ъ* верстъ; шест*и*ст*амъ* верстамъ до тысячи не достаетъ

четыр*ехсотъ;* мы живемъ въ шест*истахъ* верстахъ отъ Москвы; онъ проѣхалъ шест*ьюстами* верстами больше, чѣмъ я.

Числительныя третьей группы имѣютъ разныя окончанія, а потому усвоеніе ихъ окончаній представляетъ значительныя затрудненія. На вопросъ *сколькихъ* они имѣютъ такія окончанія: одн*ого*; одн*ой*, дв*ухъ*, тр*ехъ*, (четырехъ), сорок*а* (девяност*а*, ста), дву*хсотъ* (тр*ехсотъ*, четыр*ёхсотъ*), пятер*ыхъ* и т. д. — На вопросы (о, въ, на, при) *сколькихъ:* (о, въ, на, при) одн*омъ*, одн*ой*, дв*ухъ*, тр*ехъ*, сорок*а*, дв*ухстахъ*, дво*ихъ*, четыр*ехъ*. На вопросъ *сколькимъ:* одн*ому*, одн*ой*, дв*умъ*, тр*емъ*, сорок*а*, дв*умстамъ*, дво*имъ*, четвер*ымъ*. На вопросъ *сколькими:* одн*имъ*, одн*ой*, дв*умя*, тр*емя*, четыр*ьмя*, сорок*а*, дв*умястами*, дво*ими*, четвер*ыми*.

Для усвоенія правописанія окончаній, отвѣчающихъ на вопросы: *какой, какая, какое,* и т. д., нѣтъ надобности брать предложеніе, — можно ограничиться словесными выраженіями, въ родѣ: косолапый медвѣдь, косоглазый заяцъ и т. д.

Рядомъ съ этимъ нужно остановиться на измѣненіи окончаній *ый* и *аго* въ *ой* и *ого* подъ удареніемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ предупредительной диктовкѣ, касающейся приведенныхъ окончаній, учащіеся должны усвоить правило: вопросъ *какіе* ставится передъ словами мужскаго рода, вопросъ *какія* передъ словами женскаго и средняго родовъ; нужно спрашивать: какіе медвѣди? какія щуки? какія кольца? и отвѣчать: косолапые медвѣди, зубастыя щуки, золотыя кольца.

Правописаніе окончаній, отвѣчающихъ на вопросы: чей, чья, чье и т. д. усвоивается такимъ же образомъ.

Изъ окончаній, отвѣчаюшихъ на вопросы: *что дѣлаю* и т. д., *что дѣлалъ, что сдѣлалъ,* необходимо остановиться главнымъ образомъ на тѣхъ, которыя имѣютъ частицы: *ся, сь.*

Такъ какъ употребленіе окончаній **е** и **ѣ** представляетъ большія затрудненія, то еще разъ остановимся на нихъ, чтобы учащіеся въ совершенствѣ уяснили себѣ ихъ употребленіе. Раздѣливъ доску на двѣ равныя части, учитель пишетъ примѣры, изъ которыхъ учащіеся должны вывести правило.

Солнце свѣтитъ.	Дай Васѣ яблоко.
Портной сшилъ платье.	Принеси мнѣ тетрадь.
Камень свалился въ море.	Бѣги къ дядѣ.
Не смотри на солнце.	Въ морѣ соленная вода.
Войдемъ въ подземелье.	На солнцѣ есть темныя пятна.

Изъ данныхъ примѣровъ учащіеся дѣлаютъ выводъ: въ словахъ отвѣчающихъ на вопросы: что, куда, на что, во что — на концѣ пи-

шется **е***); а въ словахъ, отвѣчающихъ на вопросы: кому, чему, гдѣ, (къ кому, о комъ, при комъ, по комъ, на комъ) — пишется на концѣ **ѣ**.

Послѣ этого учитель сначала диктуетъ только такіе примѣры, въ которыхъ слова со звуковъ **е** на концѣ отвѣчаютъ на вопросы: что, кому, чему, спрашивая каждый разъ учащихся, какъ они напишутъ эти слова и почему.

Предупредительная диктовка. Ожерелье стóитъ дорого. Принеси дѣдушкѣ воды. Возьми себѣ грушу. Сердце сильно бьется. Крестьянинъ пашетъ поле.

Повѣрочная диктовка. Тучи закрыли солнце. Я принесъ бабушкѣ стулъ. Дѣвочка разбила зеркальце. Платьице виситъ въ шкапу. Землемѣръ мѣряетъ поле. Мама подарила Машѣ куклу.

Когда дѣти будутъ правильно писать подобныя фразы, учитель диктуетъ примѣры, въ которыхъ слова съ звукомъ *э*, отвѣчаютъ на вопросы: куда, гдѣ, на что, въ чемъ. Отецъ поѣхалъ въ поле. На полѣ много рабочихъ. Войдемъ въ ущелье. Въ ущельѣ стоитъ домикъ. Муха сѣла на платье. На платьѣ сидитъ муха. Не смотри на солнце.

Повѣрочная диктовка. На морѣ была страшная буря. Онъ смотрѣлъ на море. Дѣти побѣжали въ училище. Въ училищѣ былъ шумъ. На этомъ кладбищѣ много могилъ. Покойника понесли на кладбище. Скотъ выгнали на пастбище. Заяцъ лежалъ въ логовищѣ.

За этимъ письменнымъ упражненіемъ слѣдуетъ дать предупредительную диктовку на тѣ-же слова, но чтобы они отвѣчали на вопросы дательнаго, винительнаго и предложнаго падежей съ разными предлогами. Вѣрочка прибѣжала къ нянѣ. Птичка прыгаетъ по клѣткѣ. Воробей сидитъ на вѣткѣ. При матери добро, при солнышкѣ тепло. Онъ не побоялся ночью идти черезъ кладбище. Къ дядѣ пріѣхали гости. За ожерелье заплатили очень дорого. Это поле отдано подъ пастбище. По улицѣ шелъ бѣдный старикъ. Въ этой сказкѣ говорится про зеркальце царевны.

Повѣрочная диктовка. За терпѣнье даетъ Богъ спасенье. Къ тетѣ пришелъ докторъ. Птицы перелетѣли черезъ море. Этотъ домъ отданъ подъ училище. Мать погладила Ваню по головкѣ. Разскажи мнѣ про это чудовище. Дѣти живутъ при отцѣ и матери.

Для полнаго закрѣпленія правилъ, гдѣ нужно въ концѣ словъ писать **е** и **ѣ**, слѣдуетъ дать предупредительную и провѣрочную диктовки на всѣ приведенные случаи.

---

*) Само собой разумѣется, что тутъ подразумѣваются только тѣ слова, которыя имѣютъ на концѣ звукъ э съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ. Чтобы сдѣлать правило покороче, можно помириться съ нѣкоторою неточностью его.

Предупредительная диктовка. Она была одѣта въ рубище. Мальчикъ сломалъ удилище. Они отправились на пепелище. Туловище слона громадно. По дорогѣ ѣхалъ всадникъ. Странникъ вошелъ въ жилище отшельника. Невѣстѣ надѣли вѣнокъ на голову. Въ шубѣ завелась моль.

Повѣрочная диктовка. По улицѣ гнали стадо въ поле. За платье заплатили десять рублей. Ученики спѣшили въ училище. На пожарищѣ еще былъ дымъ. Чудовище находилось въ подземельѣ. Хорошо птичкѣ въ золотой клѣткѣ, но еще лучше на зеленой вѣткѣ. Охотникъ гладилъ собаку по спинѣ и головѣ.

Отъ правописанія окончаній необходимо перейти къ правописанію основъ. Такъ какъ основа представляетъ собой или одинъ лишь корень, или корень въ соединеніи съ префиксомъ или суффиксомъ, то правописаніе основы вполнѣ опредѣляется правописаніемъ составляющихъ ее частей. Но прежде чѣмъ приступить къ правописанію ихъ, необходимо научить дѣтей раздѣлять основы на составныя части. Достигается это такимъ образомъ. Учитель приводитъ слова, положимъ, съ корнями: *крас, уч, вѣр* и по подсказу учащихся сначала разлагаетъ ихъ на основу и окончаніе:

	крас		а		уч		у		вѣр		а
	крас	от	а		уч	еник	ъ	до	вѣр	і	е
	крас	авиц	а		уч	ениц	а		вѣр	ност	ь
	крас	авец	ъ		уч	ител	ь		вѣр	н	ый
	крас	ив	ый		уч	еническ	ій	до	вѣр	чив	ый
	крас	н	ый		уч	ительск	ій		вѣр	и	ть
пре	крас	н	ый		уч	ені	е		вѣр	ова	ть
	крас	и	ть		уч	и	ть	с	вѣр	и	ть
за	крас	и	ть	на	уч	и	ть	за	вѣр	и	ть
пере	крас	и	ть	об	уч	а	ть	в	вѣр	и	ть
по	крас	и	ть	пере	уч	ива	ть	про	вѣр	и	ть
по	крас		ь	за	уч		и	по	вѣр		ь

Учитель читаетъ слова перваго столбца и спрашиваетъ, сходны ли слова по смыслу. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продѣлываетъ то же со словами второго и третьяго столбцовъ, подчеркивая сходныя части основы и требуя усвоить слѣдующее: часть основы, дѣлающая слова сходными по смыслу, называется корнемъ; часть основы, находящаяся передъ корнемъ, называется префиксомъ (представкой), а часть основы, находящаяся между корнемъ и окончаніемъ, называется суффиксомъ. Послѣ этого учитель заставляетъ указать основы, состоящія 1) изъ одного лишь корня, 2) изъ корня и суффикса, 3) изъ корня и префикса, 4) изъ корня, суффикса и префикса. Дальше даются слова, которыя должны быть вертикаль-

ной чертой раздѣлены на составныя морфологическія части: бѣл|ый, бѣл|изн|а, по|бѣл|и|ть, бѣл|уг|а, бѣл|ьм|о, бѣл|ок|ъ; цар|ь, цар|иц|а, цар|евич|ъ, цар|ств|о, цар|ствова|ть, про|цар|ствова|ть; стол|ъ, пре|стол|ъ, пре|стол|ьн|ый; воз|ъ, воз|и|ть, пере|воз|ить, пере|вез|ти, от|вез|ти, по|воз|ка, из|воз|чик|ъ, пере|воз|чик|ъ; нос|и|ть, в|нос|и|ть, под|нос|и|ть, под|нос|ъ, нос|ильщик|ъ.

Необходимо также познакомить учащихся съ измѣненіями корней, чтобы при правописаніи они не смущались встрѣчающимися измѣненіями. О такихъ мало замѣтныхъ измѣненіяхъ, какъ смягченіе твердаго согласнаго въ мягкій (напримѣръ: вѣр^{ъ}а, вѣр^{ь}ить), не стоитъ говорить. Нужно лишь обратить вниманіе на тѣ случаи, когда въ корнѣ гласный или согласный звукъ переходитъ въ другой или же совсѣмъ выпадаетъ: укра*с*ить, укра*ш*ать; ру*к*а, ру*ч*ка; ду*х*ъ, ду*ш*а; бѣ*г*ать, бѣ*ж*ать; дру*г*ъ, дру*з*ья; х*од*ить, расх*аж*ивать; сп*о*ръ, осп*а*ривать; гов*о*рить, угов*а*ривать; *гор*ѣть, грѣть.

Послѣ сообщенія приведенныхъ предварительныхъ знаній можно приступить къ правописанію префиксовъ, суффиксовъ и корней.

Сначала нужно познакомить съ правописаніемъ префиксовъ: *пре, пере, без, чрез, нѣ.* Приводятся примѣры. Міръ прекрасенъ. Заяцъ перебѣжалъ дорогу. Помоги безпомощному. Чрезмѣрный трудъ вреденъ. Нѣсколько дней идетъ дождь. — Горизонтальной чертой префиксы отдѣляютъ отъ корней; дѣлается выводъ: *въ префиксѣ* ***нѣ*** *пишется* ***ѣ****, въ остальныхъ* ***е.***

Повѣрочная диктовка. Престолъ находится въ алтарѣ. Предлинной хворостиной мужикъ гналъ гусей въ городъ продавать. Перестань разговаривать! Перепиши это! Онъ чрезвычайно обрадовался твоему приходу. Теперь безполезно ловить рыбу. Нѣсколько богатырей нѣкогда пріѣхали въ Кіевъ.

Дальше даются примѣры, въ которыхъ встрѣчаются префиксы: *из, воз (вз), низ, раз.*

из*д*охнуть	ис*к*алѣчить, ис*п*ачкать
воз*ж*игать	вос*п*итать, вос*т*окъ
вз*д*охнуть	вс*х*одить, вс*к*очить
низ*в*ергать	нис*х*одить, нис*п*адать
разгнѣваться	рас*ш*атать, рас*ф*рантиться
	рас*ц*ѣловать, рас*ч*есать, рас*щ*епить

Изъ приведенныхъ примѣровъ учащіеся должны сдѣлать выводъ, что въ префиксахъ: *из, воз* (*вз*), *низ, раз* **з** переходитъ въ **с** передъ отзвучными согласными: **к, п, т, х, ш, ф,** а также передъ **ц, ч, щ,** потому что въ ихъ составъ входятъ отзвучные: **ц** состоитъ изъ *тс,* **ч** изъ *тьш*, **щ** изъ *шч.*

Тутъ-же нужно указать, что префиксъ *раз* (рас) переходитъ въ *роз*(рос),если на него падаетъ удареніе: ро́здыхъ, ро́зыскъ, ро́зыгрышъ, ро́спись, ро́сказни, ро́зговѣнье, ро́звальни.

Относительно префиксовъ *без* и *чрез* нужно твердо замѣтить, что они *никогда* не измѣняются: безтолковый, чрезполосный.

Предупредительная и повѣрочная диктовки должны закрѣпить усвоенныя правила.

Что касается употребленія префиксовъ *пере, пре* и *при,* то относительно правописанія ихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что префиксъ *пре* въ однихъ словахъ имѣетъ такое-же значеніе, какъ и *пере: преступникъ*=переступившій законъ, прервать=*перервать, предать*=передать; въ другихъ показываетъ превосходство предмета, качества, дѣйствія: *престолъ, премудрость, преимущество, превосходство; прекрасный, прелестный, прегорькій, превратный.* Префиксъ *при* иногда употребляется вмѣсто *пре,* напр., *прикрасить, призадуматься, притупить.* Остается, значитъ, слова съ префиксами *пре* и *при* волей-неволей запомнить*).

Перейдемъ къ орѳографіи суффиксовъ. Суффиксовъ очень много, и орѳографія ихъ дается съ большимъ трудомъ. Остановимся на труднѣйшихъ и чаще всего встрѣчающихся.

Прежде всего учащіеся должны усвоить, что въ суффиксахъ, кромѣ полнаго суффикса сравнительной степени и глагольнаго суффикса ѣ и производныхъ отъ него, ѣ не пишется**) Въ справедливости этого учащіеся должны убѣдиться на разсмотрѣніи хотя бы слѣдующихъ словъ: куп*ецъ*, торгов*ецъ*, учит*ель*, куп*ель*, корост*ель*, орѣш*екъ*, руч*ень*ка, бол*енъ*, вид*енъ*, естеств*енн*ый, солом*енн*ый,

---

*) Данное г. Петровымъ объясненіе этихъ префиксовъ или, какъ онъ называетъ ихъ, предлоговъ, нахожу неудачнымъ. „Предлогъ *пере,* — говоритъ онъ, — сокращается въ *пре;* надо отличать его отъ предлога *при.* Предлогъ *при* показываетъ приближеніе, присоединеніе къ чему-нибудь: вода прибываетъ, приставка, призрѣть сироту (придти къ нему на помощь); предлогъ-же *пре* показываетъ движеніе черезъ что-нибудь, соединяетъ въ себѣ понятіе и о препятствіи, бывающемъ при движеніи черезъ что-нибудь, выражаетъ также и остановку, или пребываніе, преодолѣніе препятствій, превосходство (преступникъ — который переступилъ законъ), пребываю (остаюсь) навѣки преданнымъ вамъ, презирать труса (т.-е. какъ-бы *черезъ* него смотрѣть, не замѣчая даже его присутствія)" (Этимологія, стр. 110).

**) Противъ даннаго правила могутъ возразить, что въ нѣкоторыхъ суффиксахъ существительныхъ пишется ѣ, напримѣръ, въ словахъ: желѣзо, телѣга, змѣй, калѣка, колѣно, полѣно. Въ приведенныхъ словахъ суффиксы уже срослись съ корнемъ и ихъ должно считать, въ силу такъ называемой морѳологической абсорпціи, составной частью корня, а не суффиксами. Если кто не согласенъ съ этимъ по научнымъ соображеніямъ, то долженъ согласиться по педагогическимъ. Въ словахъ: *апрѣль* и *свирѣль* нужно или считать суффиксъ *ѣл* сросшимся съ корнемъ, или, какъ было раньше замѣчено, обозначать его буквами *ел.*

ма*лень*кій, бѣ*лёшенекъ*, бли*же*, чащ*е*, но добр*ѣе*, добр*ѣйш*ій, вид*ѣ*ть, вид*ѣні*е, вид*ѣнн*ый, вид*ѣвш*ій, оцѣпен*ѣ*ть, оцѣпен*ѣні*е, оцѣпѣн*ѣвш*ій, оцѣпенѣлый.

Примѣчаніе. Суффиксъ сравнительной степени иногда теряетъ послѣдній слогъ, тогда получаются формы: *бол*ѣ, *мен*ѣ, *дол*ѣ, *дал*ѣ, *заран*ѣ.

Письмо возможно большаго количества словъ съ приведенными суффиксами путемъ списыванія, подъ предупредительную и повѣрочную диктовку окончательно должно укрѣпить учащихся въ умѣньи правильно писать слова съ этими суффиксами (См. Русскую рѣчь чтеніе и письмо. Вып. II).

Изъ суффиксовъ существительныхъ большое затрудненіе для правописанія представляетъ суффиксъ *щик*.

Чтобы выяснить, когда можно употреблять *щик*, а когда нельзя, слѣдуетъ поступить такъ. Пишутся на одной сторонѣ доски слова: тюремщикъ, заемщикъ, наемщикъ, вѣстовщикъ, вѣсовщикъ, гробовщикъ, красильщикъ, на другой — разносчикъ, доносчикъ, переписчикъ, извозчикъ, приказчикъ, нагрузчикъ, перебѣжчикъ. Ученики выдѣляютъ корни въ тѣхъ и другихъ словахъ и убѣждаются, что хотя во всѣхъ словахъ слышится *щик*, но только въ первыхъ *щик* служитъ суффиксомъ; во вторыхъ-же суффиксъ не *щик*, а *чик*.

Къ приведеннымъ словамъ хорошо прибавить слѣдующія: денщикъ, каменщикъ, поставщикъ, заказчикъ, разсказчикъ, перевозчикъ, переводчикъ, переплетчикъ, объѣздчикъ. Тутъ кстати обратить вниманіе, что отъ словъ: *по—мѣст—ье, с—ыск—ать, ям—ск—ой* образуются существительныя съ суффиксомъ *ик*, предъ которымъ *ст* и *ск* обратились въ *щ*, почему получились слова: *помѣщикъ, сыщикъ, ямщикъ*.

Въ произношеніи смѣшиваются суффиксы: *ик* и *ек*. Изъ примѣровъ:

гвоздикъ, гвоздика	ножикъ, ножика	орѣшекъ, орѣшка	колышекъ, колышка
домикъ, домика	дождикъ, дождика	камешекъ, камешка	барашекъ, барашка

дѣлается выводъ, что суффиксъ *ик* сохраняется при измѣненіи словъ, суффиксъ *ек* теряетъ *е*. Отсюда слѣдуетъ, что, при встрѣчѣ съ суффиксами *ик* и *ек*, нужно измѣнить слово, и тогда легко узнать, какой изъ нихъ писать.

То же самое нужно сказать и относительно словъ съ суффиксами: *чик* и *чек* — самоварчикъ, чика; голубочекъ, чка. Изъ примѣровъ:

рученька	ручонка	маменька	лошаденка
ноженька	ножонка	Машенька	шубенка
душенька	душонка	Сашенька	избенка

дѣлается выводъ, что суффиксъ *еньк* нужно писать въ ласкательныхъ именахъ, а *енк* въ презрительныхъ и уменьшительныхъ.

Въ прилагательныхъ необходимо обратить вниманіе на правописаніе слѣдующихъ суффиксовъ: *н, ьн, ен, енн, ян, янн, анн, ск, еньк, охонек, ехонек, ешенек* и глагольномъ суфиксѣ *ѣл*.

Суффиксъ *н*, присоединенный къ корню, окончивающемуся звукомъ *н*, образуетъ прилагательное съ двумя *н*; конь — конный сонъ — сонный, истина — истинный, осень — осенній, весна — весенній, пѣна — пѣнный, равнина — равнинный, средина — срединный и другія.

Суффиксы: *ьн, ен, н* чередуются въ прилагательныхъ: больной — боленъ, сильный — силенъ, видный — виденъ, бѣдный — бѣденъ, дурной — дуренъ, мутный — мутенъ, красный — красенъ, равный — равенъ.

Усвоеніе правописанія прилагательныхъ съ суффиксомъ *енн* возможно лишь путемъ запоминанія; въ сомнительныхъ случаяхъ необходимо обращаться къ словарю, такъ какъ этотъ суффиксъ часто употребляется безъ всякой видимой причины, напримѣръ въ прилагательныхъ: соломенный, буквенный, клюквенный и т. п.

Что касается суффиксовъ: *ян, янн, анн*, то употребленіе ихъ, вопреки утвержденію Грота, тоже не подчиняется никакимъ правиламъ, и волей — неволей должно усвоивать прилагательныя съ ними. Умѣнье правильно употреблять суффиксы: *ян* и *янн* можно облегчить усвоеніемъ пяти прилагательныхъ съ суффиксомъ *янн*: деревянный, жестянный (но жестяной мастеръ), оловянный, стеклянный, сафьянный. Въ остальныхъ употребляется суффиксъ *ян*: серебряный, конопляный и другія.

Относительно суффикса *ск* учащіеся должны замѣтить, что съ предшествующими ему коренными: *к, ч, ц* онъ обращается въ *цк*, въ остальныхъ случаяхъ сохраняется: турокъ — турецкій, ткачъ — ткацкій, нѣмецъ — нѣмецкій, но французъ — французскій, шведъ — шведскій, солдатъ — солдатскій.

Правописаніе прилагательныхъ съ суффиксами: *еньк, охонек, ехонек, ешенек* должно быть усвоено письмомъ возможно большаго числа примѣровъ.

Запоминаніе орѳографіи прилагательныхъ съ глагольнымъ суффиксомъ *ѣл* можетъ быть облегчено объясненіемъ, что эти прилагательныя имѣютъ тотъ же суффиксъ, что и глаголы въ прошедшемъ времени: зрѣлъ — зрѣлый, спѣлъ — спѣлый, окаменѣлъ — окаменѣлый, окоченѣлъ — окоченѣлый и т. п.

Изъ глагольныхъ суффиксовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ суффиксы: **и** и **ѣ**, такъ какъ правильное употребленіе ихъ ведетъ къ умѣнью правильно писать множество словъ, напримѣръ, знаніе что въ глаголѣ *видѣть* суффиксъ **ѣ**, а въ глаголѣ *рѣшить* суффиксъ **и**, даетъ возможность безошибочно писать слѣдующія слова: видѣніе,

видѣлъ, видѣвшій, видѣвъ, видѣнный; рѣшеніе, рѣшилъ, рѣшившій, рѣшивъ, рѣшенный и множество производныхъ отъ нихъ.

Правильное употребленіе глагольныхъ суффиксовъ: *ова, ева, ыва, ива* представляетъ столько затрудненій, что при встрѣчѣ съ ними лучше всего справиться въ словарѣ.

Отъ суффикса *ева* нужно отличать сложный суффиксъ *ѣва* со вставочнымъ *в*. Послѣдній суффиксъ представляетъ собой осложненіе суффикса *ѣ;* заболѣ-*в*-*а*-ть, одолѣвать, загрубѣвать, поспѣвать, созрѣвать и др.

Остается сказать о правописаніи корней. Изъ нихъ затрудненіе для правописанія представляютъ тѣ, которые имѣютъ звукъ э, обозначаемый двумя буквами: е и ѣ. Такъ какъ словъ, имѣющихъ въ корнѣ букву ѣ гораздо меньше, чѣмъ словъ, имѣющихъ **е**, то предметомъ изученія избираются первыя. Раньше безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій заставляли заучивать ихъ. Когда заучиванье наизусть впало въ немилость, стали придумывать всевозможныя средства къ тому, чтобы или обойтись безъ заучиванія, или, по крайней мѣрѣ, хоть какъ нибудь облегчить усвоеніе ихъ. Фоминъ составилъ книжечку, способствующую тому, чтобы слова съ *ѣ* въ корнѣ были усвоеваемы въ пословицахъ и изреченіяхъ при помощи списыванія. Проф. Богородицкій рекомендуетъ основанный на звуковомъ составѣ словъ способъ узнаванія, когда писать въ корнѣ слова *ѣ* и когда *е* (Очерки по языковѣдѣнію и языку, стр. 94 и слѣд). Учитель В. М. Козырь практикуетъ слѣдующій остроумный способъ, помогающій дѣтямъ легко и быстро запоминать слова съ буквой ѣ. Такъ, напримѣръ, для запоминанія словъ съ этой буквой въ корнѣ послѣ *м,* онъ рисуетъ мальчика, пускающаго бумажнаго *змѣя;* вблизи мальчика извивается *змѣя;* возлѣ него стоитъ мѣшокъ съ *мѣтой,* рядомъ съ мѣшкомъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Потомъ составляется такое описаніе: „Смѣлый Еремѣй пускаетъ змѣя; вблизи Еремѣя извивается змѣя; возлѣ него стоитъ мѣшокъ съ мѣтой; мѣшокъ мѣняется за мѣдныя деньги.“

Усвоеніе словъ съ буквой ѣ по способу Фомина требуетъ слишкомъ много времени и въ концѣ долженъ сводиться къ тому, чтобы учащіеся все-таки *запоминали* слова съ этой буквой. Введеніе пословицъ и изреченій въ разнаго рода учебныя пособія по русскому языку заслуживаетъ жестокаго упрека. Пословицы представляютъ собой въ самомъ сжатомъ видѣ выраженное міровоззрѣніе того или иного народа. (Правда свѣтлѣе солнца. Чему быть, того не миновать. Береги денежку про черный день. Мірская молва, что морская волна и т. п). Онѣ совершенно неинтересны для дѣтей и остаются непонятны имъ даже послѣ разъясненій, къ сожалѣнію, по большей части неясныхъ и запутанныхъ. Такъ какъ многіе учащіе

затрудняются объяснить ихъ, то и оставляютъ безъ объясненій. Даже въ случаѣ, когда учитель умѣло ведетъ объясненія, послѣднія отнимаютъ такъ много времени, что главная цѣль, съ которой приведены пословицы, не достигается. Прибавимъ ко всему этому, что многія пословицы или потеряли уже для насъ свое значеніе, или выражаютъ нежелательныя сентенціи.

Въ способѣ, рекомендуемомъ проф. Богородицкимъ, учителя начальныхъ школъ, пожалуй и городскихъ, не разберутся. Кромѣ того, его способъ опредѣленія буквы ѣ въ корнѣ требуетъ такъ много напряженнаго и продолжительнаго размышленія, что едва ли кто станетъ пользоваться имъ на практикѣ. И въ самомъ дѣлѣ пишущему надо припомнить правило, при какомъ фонетическомъ составѣ слова можно написать въ корнѣ букву ѣ, при какомъ нельзя; надо подбирать такія слова, чтобы на звукъ *э* падало удареніе, чтобы этому звуку предшествовалъ мягкій согласный, а за нимъ слѣдовалъ твердый. Способъ учителя Козыря безспорно облегчаетъ усвоеніе словъ съ буквой *ѣ*, но зато уноситъ воображеніе учащихся къ картинамъ, съ которыми связаны слова, и отвлекаетъ вниманіе пишущаго отъ прямой цѣли — сосредоченія мысли на томъ, что пишется. Посмотримъ, напримѣръ, на состояніе мысли пишущаго, усвоившаго слова съ буквой *ѣ* по этому способу, при письмѣ хотя бы такой фразы: „Смѣлость замѣтна во всѣхъ поступкахъ Александра Великаго". Сосредоточенію вниманія на приведенной фразѣ будетъ мѣшать представленіе смѣлаго Еремѣя, пускающаго бумажнаго змѣя вблизи извивающейся возлѣ него змѣи и мѣшка съ мѣтой, мѣняемаго за мѣдныя деньги.

Итакъ, каждый изъ разсмотрѣнныхъ пріемовъ усвоенія словъ съ буквой *ѣ* въ корнѣ имѣетъ свои недостатки. Наиболѣе цѣлесообразнымъ должно признать способъ, о которомъ коротко упоминается мной въ „Обученіи письму" и о которомъ подробно говоритъ г. Прядкинъ въ книгѣ: „Изъ методики русскаго языка." Въ теченіе своей многолѣтней практики онъ не заставлялъ школьниковъ заучивать ни пресловутые стихи изъ словъ съ буквою ѣ, ни списка словъ съ этою буквою, и все-таки его ученики всего менѣе дѣлали ошибки въ данной области правописанія. Чтобы не было затрудненія въ написаніи ѣ въ корняхъ, г. Прядкинъ совѣтуетъ взять два-три слова изъ той или другой семьи словъ, но словъ такихъ, которыя даютъ возможность и дѣтямъ легко понять смыслъ коренныхъ звуковъ. Для примѣра онъ опредѣляетъ смыслъ коренныхъ звуковъ, хоть такихъ: *бѣд-*, *свѣт-*. Слова: бѣднякъ, побѣда, убѣдить говорятъ о томъ, что для одного человѣка бѣда заключается въ томъ, что у него недостаетъ средствъ для насущнаго; другой терпитъ бѣду, горе потому, что онъ побѣжденъ: лишенъ свободы, крова, одежды; третій видитъ бѣду, непріятность, досаду въ томъ,

10

что его убѣдили, т. е. заставили при помощи слова отказаться отъ своего взгляда, мнѣнія, убѣжденія, принять вмѣсто этого мысль, истинность которой ему доказали. Отсюда: всѣ слова, въ которыхъ встрѣчаются коренные звуки *бѣд, бѣжд,* говорятъ или о бѣдѣ матеріальной, или о бѣдѣ душевной. Слова съ коренными звуками *свѣт-, свѣщ-, свѣч-,* говорятъ о дѣйствіяхъ, состояніяхъ, качествахъ, свойствахъ предметовъ, являющихся причиною, источникомъ, поводомъ для проявленія названныхъ дѣйствій, состояній, напр.: свѣтить посвѣтить, освѣщеніе, свѣча, подсвѣчникъ и т. д.

Для ознакомленія съ частями слова г. Прядкинъ беретъ корни словъ съ буквою ѣ, напр., корень *вѣд,* пишетъ его на доскѣ, проситъ учащихся подыскивать слова съ этими коренными звуками и подписываетъ подъ корнемъ, а дѣти списываютъ написанное на доскѣ въ особыя тетрадки, напримѣръ, берутся коренные звуки: *вѣд, вѣс* (с=д)— *вѣщ* (щ=с-т), и подъ ними пишутся производныя слова; при этомъ коренные звуки подчеркиваются.

		(д)	(д)
вѣд-	**вѣд-**ѣ-н-і-*е*	**вѣс-**	**вѣщ-** (= **вѣс-т-**)
вѣд-*ь*	С-**вѣд-**ѣ-н-і-*е*	**вѣс-**т-*ь*	Из-**вѣщ-**а-*ть*
За-по-**вѣд-***ь*	Не-**вѣд-**ѣ-н-і-*е*	Из-**вѣс-**т-і-*е*	За-**вѣщ-**а-*ть*
Ис-по-**вѣд-***ь*	Прав-о-**вѣд-**ѣ-н-і-*е*	Из-**вѣс-**т-н-*ы-й*	На-**вѣщ-**а-*ть*
За-кон-о-**вѣд-***ъ*	**вѣд-**а-*ть*	**вѣс-**т-н-ик-*ъ*	У-**вѣщ-**а-*ть*
За-кон-о-**вѣд-**ѣ-н-і-*е*	За-**вѣд-**у-*ю*	. . . .	У-**вѣщ-**а-н-і-е
	За-**вѣд-**ова-*ть*		У-**вѣщ-**ева-*ть*

Для сознательнаго распознаванія дѣтьми созвучныхъ корней ведется бесѣда, приблизительно такая.

Дѣти, отъ этого ли корня слова: *вед*-у, и *вес*-ти, при-вед-у, при-вес-ти; с-вед-у, с-вес-ти, с-вед-е́-н-і-е? — Нѣтъ. —

Что значитъ слово *вѣд*-ать? — Знать. —

А слова — вед-у, вес-ти, напр., въ выраженіи: вести лошадь, корову? — Эти слова значатъ — вести предметъ одушевленный съ одного мѣста на другое. —

Да, корень *вед* значитъ — силою заставить другой предметъ сойти съ мѣста и итти, куда его поведутъ; а корень *вѣд* вообще означаетъ пріобрѣтать знанія при помощи памяти, мышленія и воображенія, — хранить въ душѣ эти знанія, имѣть знанія. Значеніе коренныхъ звуковъ представками, производственными звуками измѣняется, что видно изъ слѣдующаго: общее значеніе корня *вѣд* — измѣнено, напр., въ словѣ запо*вѣдь*; слово запо*вѣдь* говоритъ только о тѣхъ свѣдѣніяхъ, знаніяхъ, *заповѣдяхъ,* которыя заповѣдалъ (далъ возможность знать) Богъ людямъ, давъ законъ свой.

Знаніе учащимися смысла коренныхъ звуковъ даетъ имъ возможность не смѣшивать звучащіе одинаково корни и правильно писать произведенныя отъ нихъ слова сознательно, т.-е. знать части

словъ, ихъ написаніе. Занятіе подобнымъ словопроизводствомъ лучше всего дѣлать въ концѣ урока, минутъ за 10, за 15 до звонка. Работа эта оживляетъ дѣтей: каждый изъ учащихся старается подыскать хоть одно слово съ тѣми или другими коренными звуками. Въ теченіе учебнаго года въ I кл. можно постепенно, не спѣша, разучить слова съ буквою ѣ въ корняхъ и на этомъ же матеріалѣ познакомить дѣтей съ составомъ слова, и тогда они въ состояніи будутъ называть семьи словъ отъ корней съ другими гласными звуками. Тетради со словами, въ которыхъ пишется ѣ, будутъ для учениковъ справочникомъ на все школьное время. Если ученикъ сдѣлаетъ ошибку въ словѣ съ буквою ѣ, ему можно предложить посмотрѣть ту или другую семью словъ съ буквою ѣ въ корнѣ, а еще лучше переписать эту семью, и зрительная память, а также самый механизмъ письма („сама рука напишетъ") несомнѣнно помогутъ ему не дѣлать подобныхъ ошибокъ въ другой разъ.

Къ сказанному г. Прядкинымъ можно прибавить лишь совѣтъ производить отъ корней слова по группамъ: сначала глаголы, потомъ прилагательныя и наконецъ, существительныя. Это будетъ не только способствовать усвоенію словъ съ буквой ѣ, но и пріучать распредѣлять слова по логическимъ категоріямъ. Такъ, напримѣръ, отъ корня *бѣг* можно образовать:

а) глаголы: бѣгать, бѣгаю, бѣгалъ, бѣгающій, бѣгавшій, бѣгая; прибѣгать, убѣгать, забѣгать, подбѣгать, вбѣгать и др.; бѣжать, бѣгу, бѣжалъ, бѣги, бѣгущій, бѣжавшій, прибѣжать, перебѣжать убѣжать, отбѣжать и др.;

б) прилагательныя: бѣглый, бѣговой;

в) существительныя: бѣгъ, побѣгъ, набѣгъ, бѣгство, бѣглецъ, бѣглянка, перебѣжчикъ, убѣжище, прибѣжище и др.

Особенное затрудненіе представляютъ корни, сходные по произношенію, напр.: *вид, вѣд, вед, свѣт, свят*, и др., ихъ слѣдуетъ изучать одинъ за другимъ, чтобы рѣзче отпечатлѣвалась разница словъ, производимыхъ отъ нихъ. Возьмемъ корни: *вид, вѣд, вед.*

Глаголы съ корнемъ *вид:* видѣть, видать, виднѣться, свидѣться, повидать, увидать и др.

Глаголы съ корнемъ *вѣд:* вѣдать (знать), повѣдать, заповѣдать, увѣдомить, освѣдомить, отвѣдать, перевѣдаться и др.

Глаголы съ корнемъ *вед:* вести, ввести, навести, перевести, повести, завести, отвести и др.

Существительныя съ корнемъ *вид:* видѣніе, сновидѣніе, привидѣніе, сновидецъ, свидѣтель, свидѣтельство и др.

Существительныя съ корнемъ *вѣд:* вѣдѣніе, невѣдѣніе, всевѣдѣніе, свѣдѣніе, вѣдомство, вѣдомость, вѣдьма, невѣжа (вм. невѣда), невѣжество, невѣжда, вѣсть (вм. вѣ[illegible]), совѣсть, повѣсть, извѣстіе, по-

вѣстка, вѣсточка, вѣщатель (вм. вѣстатель), вѣщунъ. вѣщунья и др.; сложныя слова: законовѣдѣніе, природовѣдѣніе, народовѣдѣніе, естествовѣдѣніе, землевѣдѣніе и др.

Существительныя съ корнемъ *вед:* веденіе, поведеніе, приведеніе, заведеніе, введеніе, наведеніе и др.

Послѣ ознакомленія съ правописаніемъ морфологическихъ частей слова, можно приступить къ весьма полезнымъ устнымъ и письменнымъ упражненіямъ, состоящимъ въ томъ, чтобы отъ какого-нибудь корня образовать слова сначала съ разными префиксами, потомъ съ суффиксами существительными, прилагательными, глагольными.

Напримѣръ, глаголъ *нести* можетъ быть соединенъ съ слѣдующими префиксами: *вз-, в-, вы-, до-, за-, об-, от-, пере-, под-, по-, при-, про-, роз-, с-, у- нести.*

Чтобы значеніе глагола *нести* съ разными префиксами было понятнѣе, нужно составлять выраженія, подобныя слѣдующимъ: взнести что-нибудь на гору., вынести что-нибудь изъ дому, внести что-нибудь въ домъ, донести что-нибудь до города, занести что-нибудь съ собой и т. д.

Послѣ указанныхъ устныхъ и письменныхъ (на доскѣ) упражненій съ глаголомъ *нести* учащіеся могутъ то-же сдѣлать въ своихъ тетрадяхъ съ глаголомъ *везти.*

Полезны слѣдующія устныя и письменныя упражненія: къ какому-нибудь префиксу придумать или существительныя, или прилагательныя, или глаголы. Эти упражненія интересны, развиваютъ мышленіе, укрѣпляютъ пониманіе частей рѣчи.

Придумать глаголы съ префиксомъ *при: приходить, привозить* и т. д.

Придумать существительныя съ тѣмъ-же префиксомъ: *приходъ* и т. д.

Придумать прилагательныя съ тѣмъ-же префиксомъ: *привозный, приказный, приближенный, прилежный, прибрежный, приморскій* и т. п.

Придумать существительныя съ префиксами: *пра, па: праотецъ прадѣдушка, падчерица, пасынокъ, пахолка* и др.

Придумать прилагательныя съ префиксомъ *пре: превосходный*, и т. д.

Точно также придумываются разныя существительныя, прилагательныя и глаголы съ однимъ и тѣмъ-же суффиксомъ.

Для этихъ упражненій представляютъ особенный интересъ тѣ суффиксы, съ которыми соединено опредѣленное значеніе.

Къ такимъ суффиксамъ могутъ быть отнесены суффиксы существительныхъ: *тел, ост, ств* и др.; суффиксы прилагательныхъ — уменьшительныхъ: *оват, еват;* ласкательныхъ: *оньк, еньк;* увеличи-

тельныхъ: *ахонек, ехонекъ, еше, нек, аст, ист*, суффиксы глаголовъ: *ну, ов (ев), ыв (ив)**).

Послѣ указанныхъ упражненій можно перейти къ образованію разныхъ частей рѣчи отъ одного и того же корня посредствомъ присоединенія къ нему суффиксовъ, напримѣръ: царь, царица, царевичъ, царство, царствованіе, воцареніе; царскій, царевъ, царицынъ, царевичевъ, царственный, царствовать, воцариться, процарствовать, царить, воцарить.

Приведенныя грамматико-орѳографическія упражненія слѣдуетъ сопровождать слѣдующими видами списыванія съ книги:

1) выписать слова съ *ѣ* въ корнѣ;

2) выписать или существительныя, или прилагательныя, или глаголы съ префиксомъ;

3) выписать или существительныя, или прилагательныя, или глаголы съ суффиксами;

4) выписать существительныя съ окончаніями един. ч. или множ., прилагательныя, отвѣчающія на одинъ изъ вопросовъ.

Сказаннаго объ обученіи правописанію на первыхъ порахъ вполнѣ достаточно. Остальное (правописаніе мѣстоименій, нарѣчій, мѣстонарѣчій **), предлоговъ, союзовъ, междометій) должно быть усвоено или попутно съ прохожденіемъ грамматики, или послѣ, такъ какъ объ этихъ частяхъ рѣчи въ отдѣльности возможно говорить лишь при изученіи грамматики, синтаксиса. Послѣ ознакомленія съ ихъ правописаніемъ кстати давать слѣдующія письменныя упражненія:

1) выписать предложенія, въ которыхъ предлоги употреблены съ винит. падежомъ, съ предложнымъ, съ творительнымъ, съ дательнымъ;

2) переписать статью съ измѣненіемъ временъ, т. е. вм. настоящаго поставить прошедшее или будущее; или съ измѣненіемъ, гдѣ можно, чиселъ: вм. един. поставить множ. и наоборотъ.

Хорошо также пользоваться тѣми упражненіями, которыя рекомендуетъ А. Флеровъ. Такъ, напримѣръ, при разборѣ стихотворенія Майкова „Весна" онъ совѣтуетъ заставить выписать или подчеркнуть существительныя, которыми обозначается весна, прилагательныя, отличающія свойства весны, глаголы, указывающіе на дѣйствіе зимы. При изученіи, положимъ, стихотворенія Майкова „Пастухъ", можно заставить учениковъ выписать: выраженія, заключающія одно и то

---

*) Значительное число словъ съ приведенными суффиксами будетъ помѣщено въ книгѣ: „Русская рѣчь, чтеніе и письмо."

**) Мѣстонарѣчія — слова, употребляемыя вмѣсто нарѣчій: когда, тогда, тамъ, туда, оттуда, откуда и т. п.

же слово, но съ различными оттѣнками смысла: а) *въ* съ предложнымъ падежомъ: „пасетъ *въ* горахъ“ (= среди горъ); „купидонъ *въ* широкой шляпѣ“ (= голова купидона прикрыта широкой шляпой); „много-ль капель *въ* синемъ морѣ?“ (= изъ сколькихъ капель влаги *состоитъ* море?); б) *съ* при различныхъ падежахъ: „съ козьимъ мѣхомъ“ (= *имѣя* козій мѣхъ), „*съ* минуту“ (*около* минуты). „*съ* неба“ (= *съ высоты* неба); 2) слова одного корня, но съ различнымъ объемомъ значеній: „застрѣлилъ“ (здѣсь изъ ружья, хотя вообще можно и стрѣлою) и „стрѣлы“; „счетъ“ — здѣсь въ смыслѣ „сосчитыванія“, ближе по значенію къ глаголу „считать“, чѣмъ къ глаголу „счесть“;

3) выраженія, заключающія слова различныхъ корней, но близкихъ значеній (синонимы): „онъ *смѣется* (сдержанно) — всѣ *хохочутъ*“ (громко); „но о чемъ же смѣхъ и *говоръ*“ (безпорядочный сначала)? *рѣчь* (послѣдовательный разсказъ) о чемъ?“ Подбираются и сопоставляются изъ различныхъ, изученныхъ уже произведеній, въ связи съ уясненіемъ правописанія, существительныя на *ніе* и неопредѣленное наклоненіе соотвѣтствующаго глагола: напримѣръ, объяв*леніе* — объяв*ить*, но появ*леніе* — появ*иться*, убі*еніе* (царевича Дмитрія въ Угличѣ) — уб*ить*, но бі*еніе* сердца — сердце бьется (*биться*); разруш*еніе* — разруш*ить* и разруш*иться*, приви*дѣніе* — приви*дѣться* и т. д. („Педаг. Сборъ.“ 1901 г. № 8, стр. 119).

Весьма большое затрудненіе представляетъ умѣнье правильно писать слова: нѣкто, нѣчто; никто, ничто; некого, нечего; некогда, никогда, нѣкогда; негдѣ, нѣгдѣ (гдѣ-то).

Для ознакомленія съ ними можно предложить слѣдующій способъ: привести примѣры, гдѣ бы встрѣчались эти слова, объяснить значеніе ихъ, заставить написать примѣры и заучить наизусть; черезъ нѣкоторые промежутки повторять ихъ до тѣхъ поръ, пока учащіеся станутъ безошибочно употреблять приведенныя слова. Для усвоенія наизусть предлагаю слѣдующіе примѣры, взятые у Н. Тимоѳеева:

Онъ хотѣлъ сдѣлать *нѣчто*, но будучи боленъ, *ничего* сдѣлать не могъ и отъ *нечего* дѣлать только думалъ; *нѣкто* вошелъ въ домъ, но *никого* тамъ не встрѣтилъ, т. к. *некого* было встрѣтить: домъ былъ пустъ; *нѣкогда* жилъ помѣщикъ, которому *некогда* было заниматься своимъ хозяйствомъ, а потому онъ *никогда* имъ и не занимался; ему *негдѣ* было достать денегъ, потому онъ *нигдѣ* земли и не купилъ, хотя для своей покупки *нѣгдѣ* (-гдѣ-то) землю и намѣтилъ.

Подведемъ итогъ сказанному объ орѳографическихъ упражненіяхъ. На всѣхъ ступеняхъ обученія правописанію должно примѣнять запоминаніе буквеннаго состава словъ (путемъ чтенія, названія буквъ, составляющихъ слово, списыванія), но не по буквамъ, а по цѣлымъ словамъ и выраженіямъ, такъ какъ правописаніе множества словъ только такимъ образомъ и можетъ быть усвоено. Нужно также на

всѣхъ ступеняхъ обученія правописанію пользоваться диктовкой, но не сколіографической, а орѳографической. Къ орѳографическимъ правиламъ можно перейти лишь на второй ступени, сопровождая каждое изъ нихъ достаточнымъ количествомъ диктовокъ — дедуктивныхъ предупредительныхъ и дедуктивныхъ повѣрочныхъ. Орѳографія существительныхъ, числительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ должна быть усвоена по указаннымъ причинамъ до прохожденія грамматики; орѳографія остальныхъ частей рѣчи при прохожденіи или послѣ него. Это требованіе значительно измѣняетъ къ лучшему постановку обученія орѳографіи и грамматикѣ: не нужно спѣшить съ обученіемъ дѣтей послѣдней и дѣлать её служительницей первой; напротивъ, можно поторопиться съ усвоеніемъ необходимѣйшихъ орѳографическихъ правилъ и подготовить съ помощью ихъ къ болѣе сознательному изученію грамматики. Для орѳографическихъ упражненій позволительно давать только то, что было прочитано и объяснено. Послѣднее требованіе съ особенной строгостью должно быть соблюдаемо на первыхъ порахъ обученія правописанію. Никогда и ни подъ какимъ видомъ нельзя диктовать фразъ въ родѣ слѣдующихъ: *Мы сѣли подъ ели, ѣли сѣмена ели. Росъ въ полѣ макъ, пришелъ Магъ и сжалъ макъ. Мужики рубили дрова, а домой привезли траву. Я ѣлъ супъ и сломалъ зубъ.* Если бы подобныя фразы кто-либо сталъ употреблять въ обыкновенномъ разговорѣ, то, конечно, его сочли бы поврежденнымъ умственно; въ школѣ же онѣ почитаются однимъ изъ лучшихъ средствъ обученія правописанію.

Свое изложеніе объ обученіи правописанію заканчиваю пожеланіемъ, чтобы учащіе на неправильное письмо смотрѣли не какъ на результатъ тупости и разсѣянности учащихся, а какъ на результатъ своего собственнаго неумѣнья обучать правописанію. Само собой разумѣется, что это требованіе относиться лишь къ орѳографическимъ упражненіямъ. Въ упражненіяхъ самостоятельнаго письменнаго изложенія своихъ или чужихъ мыслей ошибки противъ орѳографіи неизбѣжны, особенно въ томъ случаѣ, если они начаты слишкомъ рано — на второмъ году обученія. Въ подобныхъ упражненіяхъ на ошибки нужно смотрѣть снисходительно, ради исключительной необходимости и полезности самыхъ упражненій.

За недостаткомъ мѣста въ „Сборникѣ“ не говорю, какъ обучать пунктуаціи, письменной рѣчи, какъ вести исправленіе письменныхъ упражненій. Надѣюсь сказать объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

(28 ноября 1803 -- 15 іюля 1873)

Столѣтняя годовщина со дня рожденія Тютчева въ значительной степени оживила интересъ къ этому оригинальному представителю русской поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ русской политической мысли: за новымъ собраніемъ его сочиненій, появившимся нѣсколько ранѣе столѣтняго юбилея[1]), послѣдовало опубликованіе матеріаловъ для его жизнеописанія, письма его къ разнымъ лицамъ, неизданныя стихотворенія и разнаго рода статьи и замѣтки, имѣвшія цѣлью освѣтить ту или другую сторону творчества Тютчева или пополнить и объяснить отдѣльныя части его біографіи — въ дополненіе къ извѣстному труду И. С. Аксакова[2]), представляющему, по своимъ общимъ достоинствамъ, богатству матеріала, яркости освѣщенія, глубокимъ обобщеніямъ и блеску изложенія одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской критико-біографической литературы. Высокія литературныя достоинства этого труда имѣли, однако же, и свои неблагопріятныя послѣдствія: онъ надолго закрѣпилъ за Тютчевымъ нѣкоторыя черты его жизни, характера и дѣятельности, которыя не находятъ себѣ полнаго подтвержденія въ позднѣе сдѣлавшихся извѣстными біографическихъ и литературныхъ матеріалахъ. Особеннаго вниманія въ этомъ послѣднемъ отношеніи заслуживаютъ труды В. Я. Брюсова, вызванные главнымъ образомъ появленіемъ послѣдняго изданія сочиненій Тютчева и упомянутой столѣтней годовщиной[3]).

---

1) Сочиненія Ѳ. И. Тютчева. Стихотворенія и политическія статьи. Съ портретомъ и снимкомъ съ рукописи автора. Изд. 2, исправленное и дополненное. Спб. 1900. На это изданіе — впрочемъ, весьма не совершенное и вовсе не критическое — мы будемъ дѣлать ссылки въ послѣдующемъ изложеніи.

2) Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Біографическій очеркъ И. С. Аксакова. Русскій Архивъ 1874 № 10; 2 изданіе: М. 1886.

3) О собраніи сочиненій Ѳ. И. Тютчева. Библіографическія замѣтки. Русскій Архивъ 1898 № 10. — По поводу новаго изданія сочиненій Ѳ. И. Тютчева. Русскій Архивъ 1900 № 3. — Изъ писемъ Ѳ. И. Тютчева (къ женѣ Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ

Наша задача будетъ заключаться, въ данномъ случаѣ, въ краткомъ обзорѣ какъ стараго, такъ и новаго біографическаго и литературнаго матеріала о Тютчевѣ и въ установленіи нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обобщеній, къ которымъ этотъ матеріалъ даетъ возможность.

I.

Жизнь и характеристика личности.

По своему происхожденію Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству, и въ семьѣ его велось преданіе о „выѣздѣ" въ отдаленныя времена ихъ родоначальника изъ Италіи. Отецъ будущаго поэта, считая въ своей родословной цѣлый рядъ „служилыхъ людей" средняго ранга и преимущественно военныхъ, самъ былъ обыкновеннымъ гвардіи поручикомъ и, женившись на Е. Л. Толстой, держалъ, по выходѣ въ отставку, открытый и гостепріимный домъ въ Москвѣ, гдѣ Тютчевы жили по зимамъ, проводя лѣто большею частію въ своемъ родовомъ селѣ Овстугѣ, Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи. Девяти лѣтъ отъ роду, Ѳ. И. (род. 23 ноября 1803) испыталъ впечатлѣнія Отечественной войны, когда семья Тютчевыхъ нашла себѣ убѣжище въ Ярославлѣ; дѣтскія забавы своего возраста Ѳ. И. дѣлилъ со своимъ братомъ Николаемъ, съ которымъ, несмотря на разницу въ наклонностяхъ и въ жизненной судьбѣ, его связывали въ теченіе всей ихъ жизни самая тѣсная привязанность и дружба. Въ домѣ Тютчевыхъ господствовалъ, по обычаю той эпохи, французскій языкъ, и первыми наставниками мальчика были главнымъ образомъ иностранцы. Но среди нихъ былъ и одинъ замѣчательный русскій юноша, С. Е. Раичъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ своими переводами съ латинскаго и итальянскаго и имѣвшій несомнѣнное вліяніе на раннее пробужденіе литературныхъ наклонностей Ѳ. И., который, благодаря своему учителю, скоро вошелъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми представителями тогдашней литературы: 30 марта 1818 года, не имѣя еще и 15-ти лѣтъ отъ роду, Тютчевъ былъ почтенъ, за свой стихотворный переводъ „Посланіе Горація къ Меценату", званіемъ члена-сотрудника недавно передъ тѣмъ основаннаго „Общества Любителей Россійской Словесности". Хотя ни отецъ, ни мать Тютчева не имѣли прямыхъ отношеній къ литературѣ, однако въ ихъ патріархальномъ домѣ ли-

---

Тютчевой, за годы 1847—1871). Русскій Архивъ 1898 № 12, 1899 №№ 2. 3. 4. 5. 6. 8. 9. 11. — Письма Ѳ. И. Тютчева къ П. Я. Чаадаеву. Русскій Архивъ 1900 № 11. — Некрасовъ и Тютчевъ. Русскій Архивъ 1900 № 2. — Къ юбилею Ѳ. И. Тютчева (Новыя стихотворенія Тютчева; его записочки; статья „Легенда о Тютчевѣ"). Новый Путь 1903 № 11. — Ѳ. И. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни (за годы 1803—1844). Русскій Архивъ 1903 №№ 11. 12.

тераторы той эпохи были желанными гостями, и, напр., знакомство Θ. Ив-ча съ В. А. Жуковскимъ принадлежитъ къ числу раннихъ семейныхъ его воспоминанiй, нашедшее себѣ болѣе чѣмъ черезъ полвѣка поэтическiй отзвукъ въ одномъ изъ предсмертныхъ стихотворенiи Тютчева[1]).

Литературныя знакомства Θ. Ив-ча еще болѣе расширились по поступленiи его осенью 1818 года въ университетъ, на словесное отдѣленiе философскаго факультета, когда онъ продолжалъ поддерживать съ одной стороны сношенiя съ С. Е. Раичемъ и его молодыми друзьями-литераторами, а съ другой — въ домѣ его родителей стали бывать нѣкоторые изъ профессоровъ университета и въ числѣ ихъ самъ А. Θ. Мерзляковъ.

Изъ университетскихъ товарищей Тютчева наиболѣе яркiя воспоминанiя сохранилъ о немъ М. П. Погодинъ, бывшiй старше его на одинъ курсъ и тоже близко стоявшiй къ интересамъ литературы. Особенно сблизились товарищи лѣтомъ 1820 года, когда Погодинъ жилъ учителемъ въ домѣ князя И. Д. Трубецкого, въ ихъ подмосковномъ Знаменскомъ, а Тютчевы жили по сосѣдству, въ селѣ Троицкомъ. Молодые люди вели оживленныя бесѣды на самыя разнообразныя темы религiознаго, философскаго, историческаго и литературнаго характера; касались и вопросовъ современной политики. „Тютчевъ прекрасный молодой человѣкъ“, записалъ тогда въ своемъ Дневникѣ Погодинъ. „Смотря на Тютчевыхъ, думалъ о семейственномъ счастiи. Если бы всѣ жили такъ просто, какъ они!“ [2]) Погодинъ передаетъ, что Тютчевъ въ университетскiе годы не обнаруживалъ наклонности къ постоянной, усидчивой работѣ; его вниманiе разбрасывалось на самые разнообразные предметы; въ аудиторiи, на лекцiяхъ Каченовскаго, онъ писалъ эпиграммы на знаменитаго профессора. Вмѣстѣ съ этимъ, Тютчевъ отвѣтилъ на распространившуюся въ обществѣ въ 1820 году оду Пушкина „На вольность“ стихами, въ которыхъ, сочувствуя свободолюбивымъ мечтамъ поэта, давалъ ему однако же такой, характерный для 17-лѣтняго юноши, совѣтъ:

Воспой и силой сладкогласья
Разнѣжь, растрогай, преврати
Друзей холодныхъ самовластья
Въ друзей добра и красоты!
Но гражданъ не смущай покою
И блеска не мрачи вѣнца,
Пѣвецъ! подъ . . . парчею
Смягчай, а не тревожь сердца! [3])

1) Сочиненiя, 367—368.

2) Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I. 70—71.

3) Въ такомъ видѣ напечатано это стихотворенiе, согласно рукописному подлиннику, у В. В. Каллаша: Ежегодникъ Коллегiи Павла Галагана. VII. Кiевъ 1902, стр. 60—61.

Несочувствіе Тютчева серьезному лирико-обличительному настроенію въ поэзіи и даже просто скептицизму мысли выразилось у него въ стихотвореніи 13 декабря 1821 года, посвященномъ А. Н. Муравьеву[1]), хотя, съ другой стороны, онъ далеко не раздѣлялъ, напримѣръ, уже въ эту пору, религіозныхъ воззрѣній старшаго поколѣнія. Весною 1821 года Тютчевъ окончилъ университетскій курсъ, а въ февралѣ слѣдующаго 1822 года поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ. Предназначенный, т. о., къ прохожденію дипломатической карьеры, онъ вскорѣ сдѣлалъ рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи, отправившись, при содѣйствіи своего родственника, графа А. И. Остермана-Толстого, въ Мюнхенъ, на службу при тамошнемъ русскомъ посольствѣ.

Дипломатическая служба и жизнь Тютчева за границей продолжались цѣлые 22 года, прерываемые лишь сравнительно рѣдкими поѣздками въ Россію. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти годы, въ лучшую пору жизни Тютчева, окончательно сформировали его обликъ, какъ человѣка, мыслителя и поэта, со всѣми его достоинствами и недостатками.

Относительно заграничной жизни Тютчева, біографъ его и до сихъ поръ не располагаетъ достаточной полнотою матеріала. Напримѣръ, вопросъ о степени отъединенности Тютчева за это время отъ обстоятельствъ и впечатлѣній русской жизни рѣшается въ литературѣ о Тютчевѣ далеко не единодушно: по весьма распространенному мнѣнію, впервые выраженному И. С. Аксаковымъ, эта удаленность Тютчева отъ русской жизни была очень значительна и должна вызывать удивленіе тому, какимъ образомъ онъ могъ сформировать себѣ столь цѣльное, русское по направленію, міровоззрѣніе въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ, такую привязанность къ русскому поэтическому слову; другое мнѣніе, напротивъ, утверждаетъ[2]), что разъединенность эта не была столь сильной, что и за границей Тютчевъ нерѣдко видѣлъ русскихъ людей, пріѣзжавшихъ туда лѣчиться (братья Кирѣевскіе) или служившихъ съ нимъ (князь И. С. Гагаринъ), или путешествовавшихъ за границей и жившихъ тамъ болѣе или менѣе продолжительное время (напр., В. А. Жуковскій); кромѣ того, при немъ находился его старый дядька, изъ крѣпостныхъ, Николай Хлоповъ, живой образчикъ простого русскаго народа, да и пребываніе Тютчева въ Россіи во время поѣздокъ туда, не было столь непродолжительно, какъ это изображено у Аксакова; наконецъ, онъ читалъ за границею русскія книги. Эти возраженія во многомъ,

1) Сочиненія, 16—17.

2) Новый Путь 1903 № 11, стр. 20—25.

конечно, справедливы, и дѣйствительно снимаютъ съ установленной Аксаковымъ „легенды о Тютчевѣ“ нѣкоторыя условныя черты; однако не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти то живыя, то книжныя впечатлѣнія отъ русской дѣйствительности не могли бы быть достаточны, чтобы держать Тютчева въ непрерывной нравственной связи съ Россіей, если бы въ немъ самомъ не было глубочайшихъ, внутреннихъ основъ для такого единенія, внѣ наличности которыхъ самое тѣсное внѣшнее общеніе остается безъ послѣдствій для внутренняго міра человѣка и характера его дѣятельности.

Служба Тютчева въ качествѣ сверхштатнаго чиновника и потомъ второго секретаря при нашей дипломатической миссіи въ Мюнхенѣ продолжалась съ 1822 по 1836 годъ; въ концѣ 1836 года онъ переведенъ былъ на дипломатическую же службу въ Туринъ, гдѣ она закончилась для него весьма непріятно, вслѣдствіе самовольной отлучки его изъ столицы Пьемонта въ Швейцарію лѣтомъ 1839 года: въ результатѣ этого поступка для Тютчева было повелѣніе оставить службу и лишеніе придворнаго званія; послѣ того, Тютчевъ опять поселился въ Мюнхенѣ, вплоть до своего окончательнаго переселенія въ Россію осенью 1844 года. Личная жизнь Тютчева была ознаменована за это время двукратной женитьбой, оба раза на иностранкахъ: сначала, въ 1827 году, на Эмиліи-Элеонорѣ Петерсонъ, урожденной графинѣ Ботмеръ, а потомъ, въ 1839 году, послѣ ея смерти, на баронессѣ Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ Дернгеймъ, урожденной баронессѣ Пфеффель — женщинѣ замѣчательнаго ума и красоты, сдѣлавшейся спутницей всей дальнѣйшей жизни Тютчева, научившейся по-русски, чтобы понимать стихи своего мужа, немало содѣйствовавшей собиранію біографическаго и литературнаго матеріала о немъ, послѣ смерти Ѳ. И., и скончавшейся въ Россіи 17 апрѣля 1894 года.

Семейныя связи Тютчева поставили его въ тѣсныя отношенія къ извѣстнымъ кругамъ мѣстной баварской аристократіи въ Мюнхенѣ, а интересъ къ литературнымъ занятіямъ и къ текущимъ вопросамъ политической и общественной жизни Европы и Россіи пополнилъ для него этотъ кругъ знакомствомъ съ выдающимися представителями науки и литературы: изъ нихъ особенно надо упомянуть здѣсь Шеллинга и Гейне. Шеллингъ, бывшій тогда профессоромъ въ Мюнхенѣ, по словамъ П. В. Кирѣевскаго, отзывался съ большимъ сочувствіемъ о Тютчевѣ, цѣня въ немъ особенно его высокое образованіе [1]), а Гейне называлъ Ѳ. И. „лучшимъ изъ своихъ мюнхенскихъ друзей“ и, ища въ 1828 году мѣста профессора литературы въ Мюнхенскомъ университетѣ, обращался къ содѣйствію

---

1) Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, I. 201.

Тютчева, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Гейне къ Тютчеву, отъ 11 ноября 1828 года, изъ Флоренціи [1]).

Живя за границей, Т. не проявилъ особой склонности къ посѣщенію другихъ мѣстъ Западной Европы, внѣ связи съ мѣстами своей дипломатической службы. Въ августѣ и сентябрѣ 1833 года совершилъ онъ — и то съ дипломатическимъ порученіемъ — поѣздку на Іоническіе острова. Но за то въ Россію ѣздилъ Ѳ. И. четыре раза, и каждый разъ въ отпускъ. Первая поѣздка его относится ко второй половинѣ 1825 года, когда онъ пробылъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ, принималъ участіе въ литературныхъ дѣлахъ своего товарища М. П. Погодина, но въ знаменательный день 14 декабря, кажется, въ Петербургѣ не былъ; однако онъ отозвался на это событіе стихотвореніемъ „Декабристамъ", въ которомъ несочувственно отнесся къ ихъ дѣятельности [2]). Въ это же время Погодинъ замѣтилъ въ своемъ Дневникѣ: „Говорилъ съ Тютчевымъ объ иностранной литературѣ, о политикѣ, объ образѣ жизни тамошнемъ. Мечетъ словами, хотя и видно, что тамъ не слишкомъ много занимался дѣломъ. Онъ пахнетъ Дворомъ. Отпустилъ мнѣ много остротъ. Въ Россіи канцеляріи и казармы. Все движется около кнута и чина" [3]). Вторая поѣздка совершена была въ теченіе лѣта и осени 1830 года; отзвукомъ впечатлѣній отъ нея явились, между прочимъ, стихотворенія „Песокъ сыпучій по колѣни" и „Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля", а также „На взятіе Варшавы" [4]). Третье путешествіе совершено было осенью 1837 года; сопоставленіе впечатлѣній отъ заграничной природы съ суровой русской осенью вызвало тогда у поэта стиховореніе „Давно ль, давно ль, о югъ блаженный"; тогда же, м. б., написано и стихотвореніе „29 января 1837 года" (на смерть А. С. Пушкина) [5]). Четвертая поѣздка, имѣвшая мѣсто осенью 1843 года, совершена была Т-вымъ для устройства своихъ служебныхъ дѣлъ, въ виду рѣшеннаго имъ переселенія съ семьей въ Россію; до отъѣзда изъ Мюнхена Тютчевы съѣздили въ Парижъ, и затѣмъ уже направились въ Россію, куда и прибыли въ октябрѣ 1844 года.

Ѳ. И. Тютчевъ, оставивши Россію въ юношескомъ возрастѣ, съ умомъ, открытымъ для новыхъ впечатлѣній жизни, но и съ извѣстнымъ нравственнымъ фондомъ, вынесеннымъ изъ нѣдръ патріархальной семейной среды, вернулся въ отечество уже въ болѣе чѣмъ

---

1) Heinrich Heine's Autobiographie. Nach seinen Werken, Briefen und Gesprächen herausgegeben von G u s t a v K a r p e l e s. Berlin 1888, стр. 242—243. Ср. „Русскій Архивъ" 1875 № 1, стр. 128.

2) Сочиненія, 38—39.

3) Б а р с у к о в ъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, I. 310.

4) Сочиненія, 74—76. 82—83.

5) Сочиненія, 117—118. 111—112.

зрѣлые годы жизни, съ совершенно сложившейся духовной организаціей. Эта организація вмѣщала въ себя, съ одной стороны, плоды самаго тѣснаго и живого соприкосновенія съ иноземной культурой въ высшихъ, индувидуалныхъ и общественныхъ, формахъ ея проявленія, а съ другой — глубокую симпатію къ Россіи, ея простому народу, ея исторической судьбѣ, кореннымъ ея, моральнымъ и политическимъ, идеаламъ. Тютчевъ въ эту пору совмѣщалъ въ себѣ образчикъ высоко образованнаго европейца и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденнаго носителя своеобразныхъ, совершенно русскихъ вѣрованій и идеаловъ. Къ тому же онъ былъ уже въ это время не безызвѣстнымъ въ Россіи поэкомъ, а передъ самымъ переселеніемъ въ Россію, изданной въ 1844 году французской брошюрой „Lettre à M. le d-r Gustave Kolb, rédacteur de la Gazette Universelle" выступилъ и въ качествѣ политическаго писателя, съ широкими горизонтами и оригинальнымъ взглядомъ на міровое политическое положеніе Россіи. При всемъ своемъ европеизмѣ, Т., послѣ стольких лѣтъ жизни за границей, несомнѣнно тяготился дальнѣйшимъ пребываніемъ внѣ родины, безъ опредѣленныхъ служебныхъ и общественныхъ обязанностей, безъ связи и участія въ той внутренней культурной работѣ, которая въ ту пору совершалась въ Россіи, не смотря на продолжавшійся внѣшній гнетъ правительственной власти. Въ самомъ дѣлѣ, между Россіей, которую покинулъ Т. въ 1822 году и Россіей 1844 года была огромная разница. Продолжавшіеся отголоски Отечественной войны, событія 14 декабря 1825 года, успѣхи науки (Карамзинъ) и особенно литературы (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій), усиленная выработка общественныхъ и политическихъ идеаловъ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ (западники — какъ Чаадаевъ, славянофилы — какъ Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ) — все это усложняло и расширяло культурныя условія жизни въ Россіи, окрыляло молодое поколѣніе къ дѣятельности, питало надежду на пробужденіе Россіи отъ духовнаго сна и удивительнымъ образомъ содѣйствовало оживленію русскаго общества; жизнь въ интеллигентныхъ тругахъ въ Россіи была въ эту пору напряженной и интересной.

Однако, явившись въ Россію, Т. не сталъ въ ряды передовыхъ дѣятелей ея поступательнаго движенія, не принялъ энергическаго участія въ той созидательной общественной работѣ, которая подготовила эпоху начальныхъ лѣтъ царствованія Александра II; онъ ограничился службой и литературой.

Устройство служебныхъ дѣлъ не потребовало со стороны Тютчева особенныхъ усилій. Получивъ всѣ прежнія служебныя права и званія, онъ, немедленно по пріѣздѣ, былъ зачисленъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, а въ началѣ 1846 г. назначенъ былъ состоять по особымъ порученіямъ при государственной канцеляріи; въ 1848 году онъ назначенъ былъ, кромѣ того,

старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1857 году — предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры, и въ этой должности остался до конца жизни [1]). Особаго усердія къ прохожденію своей служебной карьеры Т. не проявлялъ, и большая часть времени во второй половинѣ его долгой жизни уходила на поддержаніе связей въ придворныхъ кругахъ и среди представителей литературы [2]), въ неоднократныхъ и иногда продолжительныхъ поѣздкахъ за границу; литературнымъ занятіямъ оставлялось сравнительно немного времени. Тѣмъ не менѣе, въ жизни русскаго общества 1840—70 годахъ Т. представлялъ интересную и оригинальную фигуру. Высшіе умственные интересы являлись у него преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ содержаніемъ жизни. Глубокій самостоятельный умъ, тонкая наблюдательность и блестящее остроуміе дѣлали общество Т. драгоцѣннымъ, а пренебреженіе ко многимъ условностямъ жизни еще болѣе выдѣляли его въ высшихъ общественныхъ кругахъ обѣихъ столицъ; его глубокомысленныя остроты, его феноменальная разсѣянность были предметомъ разговоровъ и порождали анекдоты. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весьма скромные по объему результаты литературной дѣятельности Т-ва, которой онъ отдавался только урывками и случайно, совершенно не находятся въ соотвѣтствіи съ огромными размѣрами его умственныхъ дарованій, со способностью къ глубокому поэтическому вдохновенію, съ широтой и ясностью мысли; большею частію качества эти не нашли себѣ прочнаго закрѣпленія и были растрачены среди друзей, знакомыхъ и поклонниковъ. Причины этого обстоятельства лежали, какъ намъ кажется, въ самой натурѣ Тютчева, не отличавшейся, при всѣхъ своихъ блестящихъ природныхъ данныхъ, стремленіемъ и навыкомъ къ постоянной продуктивной работѣ: обстоятельства происхожденія и матеріальная обезпеченность тоже не могли содѣйствовать проявленію и развитію подобныхъ качествъ; все ему давалось очень легко и не вызывало особыхъ усилій воли; позднѣйшій біографъ, на основаніи живыхъ преданій, устанавливаетъ и еще одну причину — безграничное обожаніе Тютчевымъ женщинъ, на которое уходило у него много времени и душевыхъ силъ [3]).

---

1) Въ числѣ его подчиненныхъ въ комитетѣ были также поэты А. Н. Майковъ и Я. П. Полонскій. Первый изъ нихъ очень тепло и сочувственно вспоминалъ о Тютчевѣ въ эту пору: С. И. Уманецъ. Изъ воспоминаній объ А. Н. Майковѣ, „Историческій Вѣстникъ“ 1897 № 5, стр. 468.

2) Объ этомъ воспоминанія князя П. В. Мещерскаго: „Воспоминанія“, ч. (Спб. 1897), стр. 324—327, ч. II (1898), стр. 197—204; Гр. С. Д. Шереметевъ: „Князь П. А. Вяземскій“, Русскій Архивъ 1891 № 4, стр. 499.

3) Ѳ. Т. Къ біографіи Ѳ. И. Тютчева. Ист. Вѣсти. 1903 № 7, стр. 199—201.

Годы второй половины жизни Тютчева, проведенные въ Россіи, богато иллюстрируются для біографа недавно опубликованными его письмами къ женѣ, Э. Ѳ. Тютчевой; они писаны то изъ разныхъ мѣстъ Россіи, особенно изъ Москвы и Петербурга, то изъ заграницы и содержатъ въ себѣ указанія не только на внѣшніе факты, но и на настроеніе ихъ автора, на его задушевныя мысли и чувства. Приведемъ оттуда нѣсколько отрывковъ.

Отъ 29 іюля 1847 года, изъ Карлсруэ, послѣ упоминанія о видѣнныхъ предметахъ и лицахъ, переставшихъ уже интересовать его: „Въ глубинѣ моего нынѣшняго настроенія господствуетъ убѣжденіе, подтверждаемое безпрестанно, что я отжилъ мое время и ничто въ настоящемъ мнѣ собственно не принадлежитъ. Я снова увидалъ эти мѣста, но они уже не тѣ. Какъ мнѣ забыть, что когда я пріѣзжалъ сюда въ первый, во второй, въ третій разъ, я еще былъ молодъ, а теперь я старъ . . . и одинокъ, очень одинокъ"[1]).

Отъ 3 октября 1853 года, изъ Петербурга, по поводу надвигавшихся политическихъ событій передъ Крымской войной: „Здѣсь, т. е. конечно въ гостиныхъ, безпечность, равнодушіе и тупость умовъ просто феноменальны. Можно сказать, что эти люди во столько же могутъ оцѣнять событія, отъ которыхъ потрясется міръ, во сколько мухи на трехпалубномъ кораблѣ могутъ опредѣлять колебаніе судна"[2]).

О лицахъ офиціальнаго положенія, могшихъ имѣть вліяніе на ходъ событій въ эту тревожную эпоху и даже отчасти ихъ подготовившихъ, Т. отзывается во многихъ мѣстахъ съ большой опредѣленностью и очень рѣзко: „На развалинахъ міра, который обрушится подъ тяжестью ихъ глупостей, они, по роковому закону, останутся жить и умирать въ постоянной безнаказанности ихъ идіотизма. Что за отродье, Боже мой!" (отъ 23 іюля 1854 года, изъ Петербурга). „Бываютъ мгновенія, когда я задыхаюсь въ своемъ безсильномъ ясновидѣніи, какъ заживо погребенный. Больше пятнадцати лѣтъ я непрерывно предчувствовалъ грозную катастрофу, которая роковымъ образомъ должна была закончить всю эту тупость и неразуміе" (отъ 18 августа 1854 года, изъ Петербурга). „Бездѣятельность, которая наложила свою печать на наши политическія дѣла, обнаруживается въ нашемъ военномъ управленіи, да едва-ли и могло быть иначе: ибо подавленіе мысли было руководящимъ правиломъ для правительства въ продолженіе многихъ лѣтъ. Слѣдствія такого порядка не могли быть ограничены и сужены: все захвачено имъ, все испытало гнетъ приниженія, все оглупѣло сразу" (отъ 21 мая 1855 года, изъ Петербурга). „Рѣшительно, счастье не на нашей

1) Русскій Архивъ 1898 № 12, стр. 562.

2) Тамъ же, стр. 566.

сторонѣ, и въ настоящее время правдоподобны и возможны лишь неудачи и ошибки. Въ концѣ концовъ это только справедливо, и было бы совершенно неестественно, если бы тридцать лѣтъ неспособнаго управленія, подкуповъ и злоупотребленій могли привести къ успѣхамъ и славѣ" (отъ 24 сентября 1855 года изъ Петербурга [1]).

Отъ петербургской офиціальности Т. иногда спасался въ Москву, чтобы освѣжить душу: „Я провелъ время здѣсь очень хорошо — писалъ онъ оттуда 4 сентября 1858 года. — Дѣло въ томъ, что за двѣ недѣли я видѣлъ въ Москвѣ больше мыслящихъ людей, чѣмъ въ Петербургѣ за полгода"; но въ другой разъ онъ писалъ изъ Москвы же, отъ 27 апрѣля 1859 года, послѣ одного литературнаго собранія, на которомъ видную роль играли представители столь близкой ему по многимъ чертамъ міровоззрѣнія славянофильской школы: „Москва архилитературный городъ, гдѣ очень серьезно относятся ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя пишутся и читаются. . . Мнѣ было бы совершенно невозможно жить здѣсь, въ этой средѣ, которая столь полна сама собой и не желаетъ слышать никакихъ отголосковъ извнѣ" [2]).

Присутствуя на празднованіи тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ, онъ писалъ оттуда, 16 сентября 1862 года: „Единственно, чего недоставало мнѣ, какъ и многимъ другимъ, это — религіознаго чувства прошлаго; а только оно одно могло придать истинное значеніе этому празднеству . . . У всѣхъ насъ душа слишкомъ усыплена, и вѣдаетъ Богъ, что нужно, чтобы пробудить ее" [3]).

По поводу воспоминаній о былой жизни въ Мюнхенѣ, вызванныхъ встрѣчей съ греческимъ посланникомъ Будурисомъ, помнившимъ Тютчева съ того времени: „Передъ этими воспоминаніями, столь звучными, столь властными надъ прошлымъ, я чувствую себя какъ бы уничтоженнымъ. Я чувствую, что болѣе чѣмъ на три четверти уже погруженъ въ небытіе, которое оставляетъ живыми во мнѣ только ощущенія тоски и томленія" (отъ 14 сентября 1870 года, изъ Петербурга [4]).

Общее міровоззрѣніе Тютчева, какъ оно сложилось къ концу его жизни, характеризовалось глубокой вѣрой въ лучшіе идеалы человѣчества, стремленіемъ къ нравственной свободѣ, высокимъ чувствомъ патріотизма. Стоя много лѣтъ во главѣ завѣдыванія иностранной цензурой въ Россіи, Тютчевъ не разъ имѣлъ возможность

---

1) Русскій Архивъ 1899, № 2 стр. 275. 279; № 3, стр. 506. 520. Ср. еще № 9, стр. 153. 157. 159.

2) Тамъ же, 1899 № 5, стр. 100; № 6, стр. 272.

3) Русскій Архивъ 1899 № 8, стр. 595—596.

4) Тамъ же, № 11, стр. 435.

обнаружить свой просвѣщенный взглядъ на литературу, за которой признавалъ всѣ права на свободное развитіе, а за русскимъ обществомъ право на широкое, чуждое стѣснительной опеки, пользованіе литературными произведеніями Запада. О дѣятельности Тютчева въ цензурномъ вѣдомствѣ не разъ упоминаетъ въ этомъ смыслѣ и съ большой признательностью въ своемъ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко; объ этомъ высказался и самъ Тютчевъ въ остроумномъ „экспромптѣ“ въ октябрѣ 1870 года[1])

Тютчевъ любилъ жизнь и умѣлъ высоко цѣнить ея радости, но нерѣдко, особенно къ концу жизни, на его душу сходило мрачное настроеніе, находившее себѣ выраженіе въ его письмахъ и въ поэтическомъ творчествѣ; иногда онъ самъ говоритъ, по этому поводу, о недостаткѣ въ себѣ религіознаго чувства и объ оторванности отъ крѣпкихъ, патріархальныхъ основъ той жизни, которая была такъ близка ему по воспоминаніямъ дѣтства и юности. При всемъ томъ, Тютчевъ до конца жизни сохранилъ живую воспріимчивость духа, ясность мысли, интересъ ко всему окружающему и любовь къ поэзіи.

Умеръ онъ 15 іюля 1873 года, почти 70 лѣтъ отъ роду.

II.

Литературная дѣятельность.

Количество всего написаннаго Тютчевымъ, въ общей сложности, очень невелико, особенно по соображенію съ долгой жизнью поэта и размѣрами его природныхъ дарованій. Въ самомъ дѣлѣ, если считать всѣ его оригинальныя и переводныя стихотворенія, между которыми нѣтъ ни одного крупнаго, ни одной поэмы или драмы, и большинство состоитъ изъ двухъ-трехъ десятковъ строкъ или и того меньше, то наберется около 400 стихотвореній на всѣ 55 лѣтъ, въ которыя Т. писалъ (1818—1873), т. е. по 7—8 стихотвореній въ годъ, при чемъ проходило иногда по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ, отъ которыхъ нѣтъ ни одного стихотворенія. А между тѣмъ умственная энергія Тютчева до самыхъ послѣднихъ дней жизни поэта била ключемъ; по словамъ близко знавшихъ его, онъ былъ постояннымъ источникомъ живыхъ и глубокихъ наблюденій, блестящаго остроумія. Извѣстно пожеланіе князя П. А. Вяземскаго, чтобы была составлена „Тютчевіана“ — сборникъ остроумныхъ мыслей и изреченій Тютчева въ кругу друзей и знакомыхъ; Д. В. Григоровичъ также говорилъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что „можно было бы составить цѣлый томъ изъ того,

---

1) Сочиненія, 342.

что было сказано Тютчевымъ; томъ этотъ „могъ бы съ успѣхомъ занять мѣсто между сочиненіями извѣстныхъ остроумцевъ прошлаго столѣтія — Шамфора и Ривароля"; иностранныя знаменитости, въ родѣ Гейне, Шеллинга или Варнгагена фонъ-Энзе, оставили свидѣтельства той увлекательности, глубины и блеска, которыми отличались бесѣды Тютчева. Однако все это богатство ума и воображенія не нашло себѣ выраженія въ письмѣ. Еще меньшимъ оказывается количество прозаическихъ писаній Тютчева: тутъ мы имѣемъ всего четыре статьи политическаго содержанія, написанныя въ 1844—1857 годахъ по-французски и напечатанныя, по разнымъ случайнымъ поводамъ, за границей, а четвертая осталась и вовсе не напечатанной при жизни автора, увидѣвъ свѣтъ лишь послѣ его смерти, въ 1873 году. Изъ всего этого не слѣдуетъ, конечно, что Тютчевъ относился равнодушно къ литературной дѣятельности какъ вообще, такъ и примѣнительно къ самому себѣ, но въ условіяхъ его жизни и въ собственной его натурѣ не было въ наличности тѣхъ данныхъ, которыя бы имѣли своимъ результатомъ сколько-нибудь правильный и напряженный литературный трудъ. Относясь вовсе не безразлично къ оцѣнкѣ случайныхъ проявленій своихъ поэтическихъ порывовъ, Тютчевъ однако же совсѣмъ не заботился о своей литературной извѣстности, и въ этомъ отношеніи судьба его литературной карьеры представляется очень интересной.

Какъ уже было указано, начало литературной дѣятельности Тютчева относится къ 1818 году, и позднѣе, въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ, Тютчевъ, живя за границей или пріѣзжая въ Россію, изрѣдка писалъ и отдавалъ свои стихи для печати въ разнаго рода журналы и сборники — большею частію однако же какъ дань дружбы или уваженія къ издателямъ, среди которыхъ у него были старые друзья по его юношескимъ московскимъ связямъ. Однако и за границей оказался человѣкъ, проявившій большой интересъ къ поэтическому творчеству Тютчева и сдѣлавшій серьезный шагъ къ его болѣе широкой литературной извѣстности. Это было князь Ив. Серг. Гагаринъ, племянникъ русскаго посланника въ Мюнхенѣ и сослуживецъ Тютчева, впослѣдствіи извѣстный священникъ ордена іезуитовъ. На чужбинѣ, окруженный иностранцами, Тютчевъ, въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ, въ Мюнхенѣ, охотно дѣлился со своимъ молодымъ, образованнымъ и воспріимчивымъ другомъ плодами своихъ поэтическихъ вспышекъ, и когда въ концѣ 1835 года князь Гагаринъ переѣхалъ въ Петербургъ, то его чрезвычайно удивило, что имя Тютчева почти совершенно неизвѣстно въ русской литературѣ и между русскими читателями. Уступая просьбѣ друга, Тютчевъ выслалъ князю Гагарину нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя тотъ передалъ князю П. А. Вяземскому; Вяземскій показалъ ихъ Жуковскому, а оба

они издававшему въ то время свой „Современникъ“ Пушкину[1]). Часть стихотвореній была помѣщена въ 3 и 4 книжкахъ „Современника“ 1836 года, за подписью „Ѳ. Т.“ и съ обозначеніемъ: „стихотворенія, присланныя изъ Германіи“; въ послѣдующіе годы, до 1840 включительно, напечатаны были П. А. Плетневымъ въ томъ же журналѣ и остальныя стихотворенія Тютчева; однако имя автора, скрытое подъ иниціалами, не смотря на успѣхъ самыхъ стихотвореній, оставалось неизвѣстнымъ. Такъ дѣло съ литературнымъ именемъ Тютчева въ Россіи продолжалось еще почти полтора десятка лѣтъ, не смотря на чрезвычайно сочувственную статью о его стихотвореніяхъ, написанную Н. А. Некрасовымъ въ „Современникѣ“ 1850 года („истинный и прекрасный талантъ, нерѣдко самобытный, всегда граціозный, исполненный мысли и неподдѣльнаго чувства,“ дающій своему обладателю право занять „одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ русской поэзіи“) и на то, что самъ авторъ жилъ уже въ Россіи и вращался въ томъ самомъ обществѣ, изъ котораго многіе знали стихи Ѳ. Т., но не догадывались или не знали, что они принадлежатъ Тютчеву. Только въ 1854 году имя это сдѣлалось извѣстнымъ болѣе широкому кругу читателей и цѣнителей, благодаря И. С. Тургеневу, напечатавшему въ „Современникѣ“ 1854 года какъ старыя, такъ и нѣкоторыя новыя стихотворенія Ѳ. И-ча, которыя тогда же (Спб. 1854) выпущены были, впервые, и отдѣльной книжкой; это изданіе въ „Современникѣ“ Тургеневъ сопроводилъ своей статьей, въ которой призналъ въ Тютчевѣ „одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ, какъ бы завѣщаннаго намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина“, а въ концѣ статьи замѣтилъ, что Тютчевъ „создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть.“

Съ этого времени начинается дѣйствительная литературная извѣстность Тютчева, хотя въ послѣдующіе годы авторъ попрежнему выступалъ въ печати очень рѣдко и случайно, очень мало содѣйствовалъ поддержанію и укрѣпленію своей извѣстноси. Истинно широкой извѣстностью Тютчевъ никогда не пользовался не только вслѣдствіе весьма малаго количества своихъ произведеній, но и по самому ихъ характеру — то удаленному отъ интересовъ живой дѣйствительности, то въ силу утонченной и не всѣмъ доступной художественности нѣкоторыхъ изъ нихъ[2]), то наконецъ въ силу односторонности тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя иногда находили себѣ выраженіе въ его стихотвореніяхъ. За то, послѣднее

1) Свѣдѣнія объ этомъ см. въ перепискѣ между Тютчевымъ и кн. И. С. Гагаринымъ: „Русскій Архивъ“ 1879 № 5, стр. 118—123.

2) Ср. Н. Г. Аммонъ. Нѣсколько мыслей о поэзіи Тютчева. Ж. М. Н. Пр. 1899 № 6, стр. 449—451.

обстоятельство пріобрѣло ему поклонниковъ и цѣнителей въ средѣ славянофильскаго лагеря, напр. въ лицѣ И. С. Аксакова („вся поэзія Т. трепещетъ мыслію и чувствомъ"), какъ еще ранѣе въ 1850-хъ годахъ въ лицѣ А. С. Хомякова („онъ насквозь поэтъ"). Въ 1890-хъ годахъ, когда интересъ къ Тютчеву сдѣлался главнымъ образомъ историческимъ, поэзія его нашла себѣ сочувствіе въ лицѣ Вл. С. Соловьева, оцѣнившаго въ ней не только перлы „чистаго искусства", но и нѣкоторыя симпатичныя ему религіозно-политическія идеи и въ особенности ту таинственность, то своеобразное отношеніе къ мистическому хаосу природы, которое такъ гармонировало съ собственными воззрѣніями и поэтическими вкусами самого знаменитаго философа[1]). Отмѣтимъ тутъ же, что часть стихотвореній Тютчева въ нѣмецкомъ переводѣ была издана въ 1861 году, отдѣльной книжкой, заграницей[2]).

Въ чемъ же заключаются основныя черты поэзіи Тютчева?

Оригинальной особенностью Тютчевскаго творчества является одновременная наличность въ немъ двухъ, повидимому противоположныхъ, элементовъ: непосредственности чувства и глубокой мысли. Согласно идеалу, выраженному Гете, Т. творилъ каждый разъ только по какому-нибудь „случаю", т. е. не принимался за перо, если не имѣлъ къ тому внутренняго побужденія, естественнаго толчка, вызываемаго подъемомъ соотвѣтствующаго поэтическаго настроенія; это обусловило малочисленность его произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ полную поэтическую искренность; съ другой стороны, Т., какъ человѣкъ съ постоянной наклонностью къ теоретической мысли, почти безсознательно давалъ этой послѣдней мѣсто въ своей поэзіи или — точнѣе — въ извѣстные моменты мыслилъ ȯбразами. Вотъ почему Т. вполнѣ заслуживаетъ усвоеннаго за нимъ названія „мыслителя-поэта"; этому сочетанію содѣйствовала также до извѣстной степени и наклонность Тютчева къ введенію въ кругъ поэзіи политическихъ темъ, хотя, конечно, цѣнность его поэзіи лежитъ вовсе не въ этихъ произведеніяхъ.

Не будемъ стремиться устанавливать, принадлежалъ ли Т. къ „Пушкинской плеядѣ" поэтовъ, какъ принято выражаться, или нѣтъ[3]). Дѣло идетъ, конечно, не о качествѣ произведеній обоихъ поэтовъ и не объ ихъ историческомъ значеніи: въ этомъ смыслѣ никто не ста-

---

1) Собраніе сочиненій Вл. С. Соловьева. Т. VI. 463—480.

2) Tjutschew's Lyrische Gedichte. In den Vermassen des Originals, dem. Russ. nachgebildet von H. Noé. München 1861.

3) Въ противоположность общепринятому мнѣнію, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ категорически — и не безъ основанія — возражаетъ противъ этого: „А. С. Пушкинъ", Харьковъ 1900, стр. 330—346.

нетъ сравнивать Тютчева съ Пушкинымъ. По содержанію затронутыхъ Тютчевымъ поэтическихъ темъ, онъ можетъ быть причисленъ къ послѣдователямъ Пушкина лишь въ отношеніи начала своей поэтической дѣятельности, когда трудно было въ Россіи писать стихи, не подражая — сознательно или безсознательно — Пушкину; но потомъ онъ значительно отъ него уклонился, не усвоивъ ни широкихъ общественныхъ воззрѣній великаго поэта, ни глубокаго проникновенія его въ русскую жизнь, ни его напряженности въ работѣ и строгой требовательности къ своему поэтическому труду. На смерть Пушкина Тютчевъ, какъ уже упомянуто, отозвался стихотвореніемъ „29 января 1837“, но отмѣтилъ въ немъ только безвременность утраты и любовь Россіи къ почившему поэту [1]).

Тютчевъ былъ по преимуществу пѣвецъ природы, которая была для его ума раскрытой книгой, а для сердца — существомъ, полнымъ движенія и жизни:

Не то, что̀ мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ [2]).

Въ особенности любилъ онъ живописать переходныя времена года — весну и осень. Вотъ одно изъ стихотвореній, посвященныхъ осени:

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило
Въ послѣдній улыбнется разъ! . . . [3]).

А изъ „весеннихъ“ стихотвореній довольно напомнить „Весеннія воды“, („Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ . . .“), которыя каждый въ дѣтствѣ училъ наизусть [4]).

---

1) Сочиненія, 111—112.
2) Соч., 106.
3) Соч., 180.
4) Соч., 85. Ср. стр. 14—15. 34—35. 50. 123—124. 183.

Вотъ затѣмъ — картинка знойнаго лѣтняго дня:

Въ небѣ таютъ облака,
И, лучистая, на зноѣ
Въ искрахъ катится рѣка,
Словно зеркало стальное . . .

Часъ отъ часу жаръ сильнѣй,
Тѣнь ушла къ нѣмымъ дубровамъ,
И съ бѣлѣющихъ полей
Вѣетъ запахомъ медовымъ.

Чудный день! — Пройдутъ вѣка,
Такъ же будутъ въ вѣчномъ строѣ
Течь и искриться рѣка
И поля дышать на зноѣ[1]).

или совершенно Фетовскій „Полдень“:

Лѣниво дышетъ полдень мглистый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ[2]).

Вообще, въ извѣстной части своихъ стихотвореній, посвященныхъ природѣ, Тютчевъ имѣетъ съ Фетомъ много общаго и, подобно ему, является большимъ мастеромъ въ передачѣ душевнаго настроенія при изображеніи природы, съ которой онъ чувствуетъ постоянную и близкую связь. Отсюда является понятнымъ, почему Фетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, почтилъ въ Тютчевѣ „одного изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ“, „самое воздушное воплощеніе поэта, какимъ его рисуетъ себѣ романтизмъ“[3]). Тютчевъ нерѣдко даетъ въ своихъ стихотвореніяхъ своеобразное поэтическое сплетеніе образовъ изъ видимой природы и душевныхъ настроеній:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ на просторѣ;
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой,
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой![4])

1) Соч., 316.
2) Соч., 45.
3) Мои воспоминанія. А. Фета. Ч. II. М. 1890, стр. 3. Болѣе подробно высказался Фетъ о Тютчевѣ, какъ о поэтѣ, въ особой статьѣ, напечатанной въ „Русскомъ Словѣ“ 1859, № 2, стр. 63—84.
4) Соч., 188. Ср. стр. 164. 207. 272.

Въ такихъ стихотвореніяхъ душевное настроеніе поэта какъ бы вставлено имъ въ изображеніе окружающей природы[1]), и если искать для современныхъ импрессіонистовъ родоначальниковъ въ старой литературѣ, то однимъ изъ лучшихъ представителей этого рода будетъ именно Тютчевъ. Однако, тутъ же на лицо и громадная разница: у Тютчева настроеніе нисколько не навязано читателю; оно является само собой, какъ естественный результатъ вдумчиваго и глубокаго отношенія къ природѣ.

Какъ поэтическій изобразитель настроенія, Тютчевъ является намъ въ разныхъ видахъ — то равнодушный[2]), то полный надеждъ на лучшее[3]), то, наконецъ, погруженный въ тоску. Это послѣднее настроеніе возникаетъ въ немъ очень рано. Еще въ 1820-хъ годахъ онъ пишетъ:

„Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни черезъ край,
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай.[4])

Быть можетъ, сначала эта тоска была лишь временной реакціей молодости и жизни; однако потомъ она переходитъ у Тютчева въ то особое пессимистическое душевное настроеніе, съ оттѣнкомъ „міровой скорби“, которое такъ свойственно нѣкоторымъ представителямъ нашей литературы, напр. Тургеневу. Поэтъ тяготится томительнымъ, однообразнымъ ходомъ своей жизни; онъ чувствуетъ себя одинокимъ:

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ;

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ . . .

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился на волѣ,
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы — и погасъ![5])

---

1) Соч., 74. 176. 253. 267.
2) Соч., 174.
3) Соч., 164. 225—226.
4) Соч., 29.
5) Соч., 93.

Душа моя — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годины буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя, элизіумъ тѣней,
Что общаго межъ жизнью и тобою?
Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою? [1])

Это же настроеніе приводить Тютчева и къ созданію стихотворенія „Silentium", одного изъ перловъ нашей лирической поэзіи, въ которомъ съ замѣчательной яркостью выразилось и субъективное настроеніе поэта, гордаго въ своемъ одиночествѣ, и мысль о непереходимости того передѣла, который положенъ между душевнымъ настроеніемъ и обычными, хотя бы и самыми совершенными, способами его выраженія:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Ка́къ сердцу высказать себя?
Другому ка́къ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи! [2])

Однако, въ этомъ настроеніи есть и своеобразное наслажденіе для поэта — правда, эгоистическое. Противовѣсомъ ему являются такія стихотворенія Тютчева, гдѣ онъ проникается чужимъ страданіемъ, чувствуетъ своимъ сердцемъ чужую горькую долю:

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной [3]).

---

1) Соч., 110.
2) Соч., 103—104.
3) Соч., 166.

Сюда же относится и великолѣпное стихотвореніе „Пошли, Господь, свою отраду . . .“, въ которомъ красота построенія соперничаетъ съ глубиной чувства[1]).

Немало стихотвореній посвящено Тютчевымъ женской любви, полныхъ граціи, задушевности и силы. Сначала, въ молодости, любовь представлялась ему лишь какъ наслажденіе. Вотъ очаровательная картинка этого рода, посвященная одному изъ реальныхъ своихъ мюнхенскихъ воспоминаній и обвѣянная вѣрой поэта въ жизнь и въ счастье:

„Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край . . .
День вечерѣлъ. Мы были двое.
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ бѣлѣя,
Руина замка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мглистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой . . .
И солнце, медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла . . .
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью безпечной,
Счастливый провожала день . . .
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.[2])

Потомъ этотъ источникъ радости покрылся для Тютчева оттѣнкомъ грусти, сознанія недолговѣчности всего земного и приближенія къ неизбѣжному концу небытія:

Любовь, любовь — гласитъ преданье —
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ съединенье, сочетанье,
И роковое ихъ сліянье,
И . . . поединокъ роковой.

1) Соч., 177—178.

2) Соч., 26—27.

И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердецъ,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ, наконецъ. [1])

Или:

Въ разлукѣ есть высокое значенье:
Какъ ни люби, хоть день одинъ, хоть вѣкъ, —
Любовь есть сонъ, а сонъ — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А долженъ, наконецъ, проснуться человѣкъ. [2])

Наконецъ, въ кругу поэтическаго творчества Тютчева не могутъ не быть отмѣчены его стихотворенія, посвященныя простому русскому народу, съ которымъ онъ, утонченный европеецъ, чувствовалъ однако же свою близкую, кровную связь.

Кто не знаетъ стихотворенія:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя [3]).

Объ этомъ же народѣ такъ мечталъ въ 1857 году Тютчевъ:

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы . . .
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ . . .
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа . . . [4])

---

1) Соч., 184.
2) Соч., 190.
3) Соч., 216.
4) Соч., 223.

Очевидно, для Тютчева это преклоненіе передъ религіознымъ идеаломъ народа было единственнымъ способомъ опредѣленія своихъ отношеній къ народной средѣ. Эта же своеобразная условность отношенія къ простому русскому народу переносится поэтомъ и вообще на Россію, вызвавъ въ немъ извѣстный афоризмъ:

Умомъ Россіи не обнять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить [1]).

Но это четверостишіе выходитъ уже изъ сферы собственно поэтическаго творчества Тютчева, относясь къ тому отдѣлу его полуполитическихъ стихотвореній, въ которыхъ выражаетъ онъ свои чаянія о будущемъ Россіи, объ ея культурныхъ и политическихъ задачахъ, о способѣ рѣшенія „восточнаго вопроса", о славянствѣ [2]). Мотивы этихъ стихотвореній вполнѣ гармонируютъ съ однородными мотивами въ стихотворныхъ произведеніяхъ славянофиловъ перваго поколѣнія — Хомякова, И. С. Аксакова, Языкова и др. и, не представляя особой цѣнности въ поэтическомъ отношеніи, являются лишь матеріаломъ для характеристики общественныхъ и политическихъ воззрѣній Тютчева: въ этихъ воззрѣніяхъ онъ примыкалъ къ лучшимъ представителямъ первоначальнаго славянофильства, т. е. того направленія въ нашей общественной жизни, которое немало содѣйствовало въ свое время освобожденію русской мысли изъ духовнаго рабства передъ Западомъ; выясненію этой стороны взглядовъ Тютчева и посвящена главнымъ образомъ его біографія, написанная И. С. Аксаковымъ.

Болѣе полнымъ образомъ выражены общественно-политическія воззрѣнія Тютчева въ его политическихъ статьяхъ. Первыя три изъ нихъ, по времени написанія, посвящены разработкѣ трехъ важнѣйшихъ вопросовъ западно-европейской политической жизни, имѣвшихъ тогда большой интересъ дла Россіи. Первая, „Россія и Германія", написанная въ 1844 году, трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ въ то время между двумя государствами, при чемъ авторъ съ негодованіемъ указываетъ на враждебное отношеніе къ Россіи со стороны нѣмецкой прессы, не смотря на тѣ важныя и многочисленныя услуги, которыя Россія оказывала Германіи въ самомъ недавнемъ прошломъ. [3]) Вторая статья, „Россія и революція", поданная въ 1848 году, въ видѣ записки, императору Николаю I и напе-

---

1) Соч., 296.

2) Соч., 144. 349—350; 154—155. 156. 157. 168—169; 135—137. 299. 307—309. 310—311. 338—339.

3) Соч., 449—473.

чатанная въ Парижѣ въ 1849 году, разсматриваетъ вопросъ объ отношенiи Россiи къ революцiонному движенiю въ Европѣ и особенно во Францiи, и по поводу этого авторъ указываетъ основныя — съ его точки зрѣнiя — черты русскаго государственнаго склада въ отношенiи къ Западной Европѣ[1]). Въ третьей статьѣ, „Папство и римскiй вопросъ", относящейся къ 1850 году, разсматривается вопросъ объ исторической роли папства въ Западной Европѣ, объ отношенiи его къ преданiямъ вселенской церкви и къ церкви греко-россiйской[2]). Всѣ три статьи должны были войти, какъ отдѣльныя главы, въ проектированное сочиненiе автора „Россiя и Западъ", посвященное, въ основѣ своей, изложенiю политическаго призванiя Россiи. Но планъ этотъ, въ его цѣломъ видѣ, остался не выполненнымъ[3]). Въ настоящее время мысли, выраженныя въ этихъ статьяхъ, уже не имѣютъ практическаго интереса: иныя изъ нихъ опровергнуты, въ той или иной степени, событiями, другiя — напротивъ — свидѣтельствуютъ о политической проницательности автора. Съ внѣшней стороны онѣ, написанныя въ оригиналѣ по-французски, изложены блестяще, съ большой ясностью и силой убѣжденiя. Четвертая статья, написанная въ 1857 году, и тоже по-французски, въ видѣ письма къ князю М. Д. Горчакову, на тему „О цензурѣ въ Россiи", заключаетъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей, для своего времени даже передовыхъ. Вотъ, напр., какъ смотритъ авторъ на вопросъ о свободѣ слова: „Нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненiе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленiе и замѣтное умаленiе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленiе матерiальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченiемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанiя, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущенiе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ . . . Нужно ли въ сотый разъ повторять слѣдующее столь очевидное положенiе: что въ наше время вездѣ, гдѣ свобода пренiй не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто не возможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ"[4]).

---

1) Соч., 474—492.
2) Соч., 493—518.
3) Аксаковъ, И. С., назв. соч., стр. 245—246.
4) Соч., 520—521. 527.

Сводя къ немногимъ словамъ выводы всего предшествующаго изложенія, мы можемъ видѣть, что Ѳ. И. Тютчевъ, безспорно, представляетъ собою интересную фигуру въ области нашей поэзіи и общественной жизни прошлаго столѣтія. Его природныя дарованія значительно превышали то, что онъ сдѣлалъ въ литературѣ, но произошло это не случайно, а въ силу тѣхъ, опять-таки природныхъ, особенностей Тютчева, которыя помѣшали ему быть болѣе продуктивнымъ и болѣе законченнымъ [1]). Отношеніе къ своему литературному труду было у него далеко не равномѣрно: въ то время какъ нѣкоторыя стихотворенія, напр. „Весенняя гроза“, „Silentium“, „Сонъ на морѣ“, передѣлывалъ онъ по нѣскольку разъ, иногда даже послѣ появленія ихъ въ печати, къ другимъ онъ относился съ полной небрежностью, допуская въ нихъ рядъ неудачныхъ словъ, выраженій и оборотовъ, которыхъ бы вполнѣ могъ избѣжать при своемъ умѣніи владѣть стихомъ и при наличности высокаго художественнаго чутья и вкуса [2]). Въ исторіи нашей общественной жизни Т. важенъ былъ какъ носитель лучшихъ литературныхъ преданій своего времени, какъ человѣкъ духовно независимый и не приносившій въ жертву эгоизму или честолюбію возвышенныхъ стремленій своего ума и чувства. Къ жизни народной онъ близко не стоялъ, смотрѣлъ на нее только теоретически, издалека, но носилъ въ своей душѣ трогательное и вполнѣ искреннее сочувствіе къ простому народу. Въ качествѣ поэта, онъ и до сихъ поръ не утратилъ значенія, какъ авторъ

---

1) Интересно отмѣтить тутъ оригинальное мнѣніе А. А. Потебни, который усматривалъ причину малой продуктивности Тютчева также и въ томъ, что онъ владѣлъ одинаково свободно двумя усвоенными имъ съ дѣтства языками — русскимъ и французскимъ. „Что до замѣчательныхъ людей, въ родѣ Тютчева, съ дѣтства усвоившихъ себѣ иностранный языкъ вмѣстѣ съ богатымъ запасомъ содержанія и не потерявшихъ способности производить на отечественномъ языкѣ, то въ нихъ дѣятельность мысли на иностранномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, происходила въ ущербъ не только мысли на отечественномъ, но и общей продуктивности. Въ самомъ Тютчевѣ можно замѣтить узость сферы, обнимаемой его русскимъ языкомъ. Онъ сдѣлалъ бы больше, если бы при томъ же талантѣ и такихъ же занятіяхъ владѣлъ лишь однимъ языкомъ и зналъ другіе лишь ученымъ образомъ настолько, насколько это нужно для возбужденія мысли, идущей по колеѣ родного языка“ („Языкъ и народность“, въ Вѣстникѣ Европы 1895 № 9, стр. 19).

2) Напр. „утихло вкругъ тебя молчанье“: Соч., 30; „сквозь слезъ гляжу“: 52; „сверкаетъ кровь сквозь зелени густой“: 71; „вотъ арфа ея въ обычайномъ углу“: 54; „ужъ солнца раскаленный шаръ съ главы своей земля скатила“: 56; „властью нѣкой обаянны“: 72; „что волнуетъ думку персей молодыхъ“: 100; „о, не тревожь меня укорой справедливой“: 193; „и въ полномъ блескѣ проявленій“: 235; „станъ оправленный въ магнитъ“: 257. Однако ставить все это въ вину Тютчеву — при отсутствіи критически провѣреннаго изданія его сочиненій — пока очень трудно.

нѣсколькихъ превосходныхъ, по содержанію и по формѣ, лирическихъ стихотвореній, посвященныхъ природѣ, любви и русскому народу, и нѣкоторымъ изъ его произведеній, по выраженію Тургенева, быть можетъ, дѣйствительно „не суждено умереть“.

Е. Пѣтуховъ.

Къ вопросу о расширеніи курса русской словесности въ гимназіяхъ.

Въ №№ 7 и 8 „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ напечатана „Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Нар. Пр., 11 апрѣля 1905 года“, содержащая въ себѣ докладъ особой Комиссіи, образованной при Комитетѣ, по вопросу о расширеніи курса русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду того, что Ученый Комитетъ, предавая гласности означенную выписку, имѣлъ, между прочимъ, цѣлію „вызвать критическія замѣчанія на предположенія Комиссіи, которыя могли бы, по представленіи ихъ въ Ученый Комитетъ, быть приняты послѣднимъ во вниманіе при окончательномъ обсужденіи вопроса о расширеніи курса русской словесности въ мужскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв.“ *), я желалъ бы въ настоящей замѣткѣ остановиться на нѣкоторыхъ частяхъ опубликованнаго „доклада“.

Единодушно выражаемое въ послѣднее время русскимъ обществомъ, отдѣльными педагогическими корпораціями, спеціалистами — педагогами и печатью пожеланіе, чтобы курсъ русской словесности въ нашихъ гимназіяхъ былъ расширенъ, главнымъ образомъ путемъ введенія въ него нѣкоторыхъ писателей „новѣйшаго періода“ русской литературы, является вполнѣ основательнымъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія, идя на встрѣчу такому пожеланію, безспорно удовлетворяетъ одной изъ насущнѣйшихъ потребностей нашей средней школы; въ пользу этого говорятъ не одни только соображенія общеобразовательнаго характера, не одно высокое качество произведеній русской художественной литературы второй половины XIX вѣка, не одно богатство вложеннаго въ нихъ эстетическаго матеріала, но и необходимость дать школьному юношеству нѣкоторую возможность своевременно ознакомиться, въ правильномъ освѣщеніи и толкованіи,

---

*) Отдѣльный оттискъ „Выписки“, стр. 70. Дальнѣйшія цитаты сдѣланы тоже по этому оттиску.

съ главнѣйшимъ источникомъ недавно господствовавшихъ и отчасти еще доселѣ не отжившихъ въ русской общественной средѣ воззрѣній, настроеній и идеаловъ. Безспорность этого вопроса и съ педагогической, и съ общественной точки зрѣнія устраняетъ всякую необходимость въ какихъ бы то ни было доказательствахъ. Но спрашивается: какъ этого достигнуть? Т. е., какъ измѣнить дѣйствующіе нынѣ учебные планы въ гимназіяхъ 1890 года въ пользу наилучшей постановки преподаванія русской словесности?

Для отвѣта на этотъ вопросъ упомянутая „Выписка" даетъ богатый матеріалъ, цѣнность котораго опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ, что изложенныя въ ней данныя и соображенія явились, въ значительной свой части, результатомъ коллективной работы многихъ педагогическихъ корпорацій, сводомъ мнѣній и пожеланій со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на поставленный вопросъ.

Самымъ значительнымъ результатомъ этой работы является формулировка новой „программы курса русской словесности" для IV—VIII классовъ гимназій.

Программа, сравнительно съ дѣйствующей теперь и, вѣроятно, отживающей свой вѣкъ, значительно расщирена. Принципіально — мы привѣтствуемъ этотъ шагъ, какъ вполнѣ цѣлесообразный въ интересахъ дѣла; предметъ русской словесности въ средне-школьномъ обученіи на столько важенъ въ разныхъ отношеніяхъ, что эту точку зрѣнія комиссіи слѣдуетъ принять даже и въ томъ случаѣ, если бы пришлось, по чисто педагогическимъ мотивамъ, пожертвовать изъ гимназическаго курса чѣмъ-нибудь другимъ. Но въ частностяхъ разработки этой мысли въ комиссіи, какъ она выразилась въ опубликованной „программѣ", я не ко всему могу присоединиться.

Въ курсѣ IV класса схема „элементарныхъ свѣдѣній о составѣ и формѣ литературныхъ произведеній", въ послѣднихъ двухъ пунктахъ, 9 и 10 (стр. 54), должна бы быть редактирована нѣсколько иначе. Именно, пунктъ 9, намъ кажется, лучше обозначить такъ: „Эмпирическое понятіе о лирикѣ, эпосѣ и драмѣ", т. е. лирика должна быть поставлена тутъ прежде эпоса, такъ какъ это болѣе согласно съ добытыми въ послѣднее время наукой результатами о предполагаемой послѣдовательности возникновенія элементарныхъ формъ поэтическаго выраженія. Хотя въ данномъ случаѣ будетъ даваться ученикамъ только „эмпирическое" понятіе, при томъ о произведеніяхъ поэзіи искусственной, однако примѣненіе на дѣлѣ указанной послѣдовательности могло бы оказаться для нихъ не безполезнымъ и впослѣдствіи, при прохожденіи ими въ VIII классѣ болѣе серьезнаго теоретическаго курса. Относительно драмы вопросъ — болѣе трудный и спорный, и потому пока цѣлесообразнѣе оставить ее, по прежней привычной схемѣ, на треть-

емъ мѣстѣ. Въ пунктѣ 10, при перечисленіи „нѣкоторыхъ видовъ стихотвореній и произведеній художественной прозы“, я бы предложилъ внести въ перечень этихъ видовъ нѣкоторое измѣненіе: съ одной стороны, тутъ нѣтъ указанія на обычный видъ лирическаго стихотворенія, которое не будетъ ни басней, ни элегіей, ни балладой и т. д. и на которыя несомнѣнно будутъ сдѣланы ученикамъ указанія по пункту 9-ому; съ другой — напр., понятіе „новеллы“ въ наше время сдѣлалось очень условнымъ и можетъ поставить неопытнаго преподавателя въ затруднительное положеніе при точномъ выполненіи обязательной програмной схемы. Опускать же совершенно подобный перечень, ради трудности точной формулировки, я не находилъ бы цѣлесообразнымъ — въ виду той пользы, которую могутъ оказать начинаюшему преподавателю такія детали программы, особенно при отсутствіи прочной традиціи, закрѣпленной хорошимъ учебникомъ.

Изъ обширной программа курса V класса можно бы кое-что выбросить, безъ ущерба дѣлу. Напр., въ народной словесности поставитъ въ затрудненіе и преподавателя, и учениковъ изученіе современной „частушки“: что можетъ дать этотъ недавно пущенный въ литературный оборотъ и небезынтересный въ этнографическомъ отношеніи матеріалъ 14—15-лѣтнему мальчику въ эстетическомъ отношеніи? или въ какой мѣрѣ онъ познакомитъ его съ народомъ, съ его современнымъ міровоззрѣніемъ, съ его идеалами? Съ другой стороны, „бытовыя пѣсни“ болѣе ранней эпохи въ программѣ чрезвычайно съужены: отмѣчены почти только любовные мотивы. Затѣмъ, какъ ни привлекательны вообще, съ исторической точки зрѣнія, отвлеченія въ сторону литературныхъ обработокъ былины и народной искусственной пѣсни въ XVIII—XIX вв., однако, при обширности подлежащаго изученію основного матеріала, эти рубрики по необходимости могутъ быть заполнены лишь сухимъ перечнемъ названій нѣсколькихъ литературныхъ произведеній и едва ли будутъ много содѣйствовать, въ этомъ видѣ, расширенію знакомства учениковъ съ историческими судьбами мотивовъ русской народной поэзіи въ упомянутыя столѣтія; то же, въ нѣсколько меньшей степени, можно сказать и относительно „искусственной сказки“. Кромѣ того, эти факты найдутъ себѣ болѣе своевременное указаніе въ курсѣ VI класса, подъ рубрикой „народническаго направленія“ въ литературѣ Екатерининской и Александровской эпохи: стр. 62—63. Еще бо̀льшими излишествами страдаетъ „историческій курсъ словесности“ для V класса, обнимающій русскую литературу съ начала и до конца XVII вѣка. Многіе введенные тутъ памятники „церковной“ и „полуцерковной“ письменности XI—XV вѣковъ, безъ сомнѣнія, пропадутъ для школьника 5-го класса. Напр., апокрифы, сами по себѣ богатые литературнымъ содержаніемъ и очень назидательные въ цѣляхъ изученія народныхъ

вѣрованій, міросозерцанія и литературныхъ пріемовъ извѣстной эпохи, покажутся ученикамъ въ этомъ возрастѣ скучными и непонятными: а ихъ тутъ такое множество! Даже привлекательные по заглавію „авантюрные" переводные романы XVI—XVII в. окажутся матеріаломъ чрезвычайно скучнымъ, такъ какъ главнѣйшій ихъ интересъ заключается въ изученіи „бродячихъ" сюжетовъ, переходящихъ изъ одной литературы въ другую, въ стилѣ и вообще литературныхъ пріемахъ, въ языкѣ переводовъ, а не въ чертахъ быта и міросозерцаніи, которыя, въ этомъ видѣ, были въ ту пору еще чужды нашимъ предкамъ, и указанныя литературныя произведенія переходили къ намъ чисто искусственнымъ и при томъ случайнымъ путемъ, совсѣмъ не являясь отраженіемъ живой дѣйствительности; все это интересно, но не для ученика 5-го класса. То же, и еще въ большей мѣрѣ, я сказалъ бы и о „теоріи словесности" XVII вѣка. Поэтому, изъ рубрикъ „церковной и полуцерковной" литературы XI—XV вв. (стр. 57—58) я оставилъ бы въ программѣ лишь немногое и перенесъ бы центръ тяжести въ этой части программы на главнѣйшія произведенія „свѣтской" литературы, а также и церковной, но болѣе или менѣе самостоятельныя, на историческія объясненія общихъ условій развитія литературы, на черты религіозныхъ вѣрованій и быта. Въ особенности заслуживаетъ вниманія для такого изученія переходная эпоха XVI—XVII в., объясняющая очень многое въ литературныхъ и культурныхъ явленіяхъ слѣдующаго за нею XVIII столѣтія. Чтеніе учениками избранныхъ произведеній древней литературы, при основательномъ прохожденіи курса, конечно не можетъ быть вездѣ замѣнено ихъ пересказомъ, и программа, въ принципѣ совершенно правильно, рекомендуетъ это чтеніе „цѣликомъ или въ отрывкахъ, смотря по желанію преподавателей"; но, при значительномъ изобиліи такихъ рекомендованныхъ программой для чтенія произведеній, ученики едва ли будутъ имѣть возможность къ этому — даже при чтеніи „въ отрывкахъ", а вѣдь чтеніе отрывковъ можетъ дать понятіе не столько о литературомъ произведеніи, сколько лишь объ его языкѣ: поэтому, повторяю, кое-что въ этой части программы слѣдовало бы опустить.

При такой программѣ по книжной литературѣ XI—XVII в. и при обязательности пройти всю народную словесность, я положительно не понимаю, когда въ V-мъ классѣ найдется время еще на „подробный разборъ" нѣсколькихъ, перечисленныхъ въ программѣ, произведеній Пушкина, Гоголя, С. Аксакова и Л. Толстого? И что нужно разумѣть тутъ подъ „подробнымъ разборомъ"? Въ интересахъ достиженія поставленной цѣли („веденіе ученическихъ сочиненій, какъ письменныхъ, такъ и устныхъ": стр. 32), было бы, кажется, достаточно прочтеніе этихъ произведеній учениками и лишь провѣрка этого чтенія преподавателемъ.

Курсъ VI класса обнимаетъ собою литературу XVIII в. и начала XIX-го до Пушкина. Въ этой части программы составителю ея впервые пришлось встрѣтиться съ вопросомъ о литературныхъ „направленіяхъ“, которыя онъ и поставилъ въ основу схематическаго дробленія матеріала на части. „Петровскій“ періодъ почти сплошь заполненъ псевдоклассицизмомъ; однако хронологически это не точно, п. ч. всѣ названные тутъ главные представители этого направленія (Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Тредьяковскій) дѣйствовали главнымъ образомъ уже послѣ смерти Петра Великаго; внесеніемъ нѣкотораго внѣшняго измѣненія въ програмную схему слѣдовало бы избѣжать этой неловкости и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько оттѣнить роль царствованія Императрицы Елизаветы въ ходѣ литературныхъ явленій XVIII в. Далѣе, въ Екатерининскій періодъ намѣчены направленія: „псевдоклассическое“, „реалистическое“, „сантиментально-реалистическое“ и „народническое“. Не будемъ спорить объ этихъ опредѣленіяхъ: опытный преподаватель объяснитъ ученикамъ нѣкоторую ихъ условность при разборѣ отдѣльныхъ произведеній или писателей, и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь безспорнымъ въ настоящее время очень трудно. Въ Александровскую эпоху въ этой схемѣ „литературныхъ направленій“ мѣсто „псевдоклассическаго“ занимаетъ „классическое“; но развѣ это было въ самомъ дѣлѣ „направленіе“, равносильное съ сантиментализмомъ, реализмомъ или народничествомъ той эпохи? Затѣмъ, нѣкоторыя рубрики въ программѣ страдаютъ неопредѣленностью, и своимъ слишкомъ общимъ или условнымъ смысломъ могутъ поставить преподавателя съ недоумѣніе — какъ ихъ понимать. Таковы: „культурное содержаніе русской жизни въ Петровскую эпоху; „паѳосъ настроеній“ Ломоносова; „русское общество Елизаветинской эпохи“; „императрица Елизавета — предшественница императрицы Екатерины“ (если авторъ хотѣлъ указать этимъ на бо̀льшую близость ея царствованія, по общему характеру, къ Екатеринѣ, чѣмъ къ Петру, то объ этомъ можно еще спорить); „культурно-историческое содержаніе эпохи“ (Александровской).

Что же касается „подробнаго разбора“ въ этомъ (VI-мъ) классѣ такихъ обширныхъ произведеній, какъ „Евгеній Онѣгинъ“, „Герой нашего времени“, „Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“, то и сюда въ полной мѣрѣ относится аналогичное замѣчаніе, высказанное относительно программы V-го класса: какой это будетъ разборъ, и гдѣ преподаватель найдетъ для него время? и не сдѣлается ли такой разборъ произведеній Пушкина и Гоголя во всякомъ случаѣ лишь поверхностнымъ, въ виду того, что на другой годъ, въ VII-мъ классѣ, предстоитъ ознакомленіе учениковъ дѣйствительно болѣе подробно съ литературной дѣятельностью этихъ писателей?

Курсъ VII класса обнимаетъ дѣятельность Пушкина и Гоголя, а также писателей „Пушкинской школы“ и „Гоголевскаго направленія“, входящихъ уже въ кругъ новѣйшей русской литературы. Програмная схема относительно Пушкина и Гоголя въ томъ видѣ, какъ она составлена, могла бы остаться, по моему мнѣнію, безъ измѣненія, за исключеніемъ двухъ мѣстъ. Именно, на стр. 64 сказано: „Значеніе его (т. е. Пушкина) литературной дѣятельности, какъ завершившей всѣ направленія предшествовавшей русской литературы и намѣтившей содержаніе и направленіе всей послѣдующей“. Неужели въ самомъ дѣлѣ „всей“? Вѣдь, вліяніе Пушкина на послѣдующій за нимъ ходъ русской литературы имѣло и свои предѣлы, какъ хронологическіе, такъ и въ отношеніи содержанія и формы. Затѣмъ, на стр. 65 есть рубрика: „Гоголь и Бѣлинскій, какъ представители двухъ различныхъ міросозерцаній“. Изъ контекста можно, конечно, заключить, что составитель программы имѣлъ въ виду міросозерцаніе Гоголя и Бѣлинскаго въ эпоху „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ и знаменитаго письма по поводу этого произведенія со стороны критика; но изъ данной формулировки такое заключеніе прямо не вытекаетъ и своимъ общимъ характеромъ можетъ подать поводъ къ мысли, будто и вообще Гоголь и Бѣлинскій стояли на двухъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія, тогда какъ въ дѣйствительности была, наоборотъ, такая эпоха въ дѣятельности того и другого писателя, когда они гармонировали другъ съ другомъ и находили одинъ въ другомъ взаимную поддержку.

Далѣе идетъ „новѣйшая литература“, и составленіе программы по ней, въ виду новизны дѣла и самаго существа вопроса, представляло извѣстныя трудности. Въ основу построенія схемы составитель взялъ руководящее положеніе въ русской литературѣ XIX вѣка Пушкина и Гоголя; это слѣдуетъ признать цѣлесообразнымъ. Далѣе, писатели „Пушкинской школы“ распредѣлены на три группы: лириковъ, драматурговъ и романистовъ, а лирики, въ свою очередь, подраздѣлены на „поэтовъ міровой скорби“, поэтовъ „чистаго искусства“ и „поэтовъ-народниковъ“. Въ распредѣленіи поэтическихъ именъ по этимъ, въ общемъ довольно удачнымъ, рубрикамъ не вездѣ можно согласиться съ составителемъ программы. Нѣкоторые писатели (Лермонтовъ, А. Толстой, Островскій) разнесены по разнымъ группамъ; какъ, б. м., ни убѣдительны доводы въ пользу такого пріема по педагогическимъ соображеніямъ, однако историческая точка зрѣнія на дѣятельность этихъ писателей, въ ея цѣломъ, никакъ не можетъ съ этимъ примириться. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ, въ оправданіе этого пріема, указано на „неудобство располагать литературный матеріалъ по именамъ авторовъ“: „сразу нарушится стройность картины, осязательность выводовъ; . . . относительно каждаго писателя придется отдѣльно говорить, какъ онъ реагировалъ на раз-

личныя вліянія, внѣшнія и внутреннія, какъ измѣнялись его взгляды, какъ случайны были его нѣкоторыя произведенія" (стр. 39). Но, съ другой стороны — какова будетъ воспитательная цѣна „стройности картины", если стройность эта искусственная, а картина не отвѣчаетъ дѣйствительности? Къ чему послужитъ „осязательность выводовъ", если эти выводы будутъ имѣть лишь условное значеніе и характеръ? И, наконецъ, что же дѣлать, если въ дѣйствительности многіе наши писатели (да и не одни только наши) реагировали въ своей дѣятельности на различныя внѣшнія и внутреннія явленія и нерѣдко мѣняли свои взгляды? Это было у Пушкина и у Гоголя, и вообще такова была дѣйствительность, и ее нельзя прикрыть никакой искусственной, хотя бы самой стройной, схемой. Да и надо ли къ этому стремиться, хотя бы и съ самыми лучшими педагогическими намѣреніями? Въ силу той же точки зрѣнія, проведенной въ программѣ, Островскій, напр., явится передъ учениками сначала какъ послѣдователь „Пушкинской школы" (въ „Снѣгурочкѣ", „Дмитріи Самозванцѣ" и „Василисѣ Мелентьевой"), а потомъ какъ послѣдователь „Гоголевскаго направленія" (въ „Грозѣ", „Своихъ Людяхъ", „Доходномъ мѣстѣ"). Это не только противорѣчитъ хронологической послѣдовательности въ развитіи литературной дѣятельности Островскаго, такъ какъ послѣднія три произведенія въ общемъ написаны раньше трехъ первыхъ, но отчасти и самому существу дѣла; вѣдь нельзя, въ самомъ дѣлѣ, зависимость Островскаго отъ Гоголя сравнивать съ зависимостью его отъ Пушкина: отъ перваго эта зависимость была гораздо непосредственнѣе и ближе, чѣмъ отъ второго.

Далѣе: въ число поэтовъ „міровой скорби" поставленъ Ѳ. И. Тютчевъ. Это опредѣленіе можетъ внушить не вполнѣ вѣрное представленіе о характерѣ поэтической дѣятельности Тютчева. Если въ немъ и было что-либо напоминающее „міровую скорбь", то развѣ тѣ его немногія стихотворенія, въ которыхъ выразилось или пантеистическое сліяніе съ природой, или т. наз. „лирическая философія хаоса"; въ остальномъ же содержаніи своихъ произведеній Тютчевъ даетъ намъ то любовную лирику въ духѣ лучшихъ традицій Пушкина, то описаніе природы съ философскими обобщеніями, то обработку политическихъ темъ. Повидимому, самъ составитель программы чувствовалъ затруднительность оправдать свое мнѣніе относительно Тютчева прямымъ указаніемъ на его произведенія, предоставивъ ихъ выборъ преподавателю. Кстати: этотъ пріемъ предоставленія выбора отрывковъ или вообще произведеній преподавателю — при детальности програмной схемы въ другихъ частяхъ — является не вполнѣ послѣдовательнымъ. Конечно, не слѣдуетъ лишать преподавателя права и возможности дѣлать, по своимъ соображеніямъ и вкусу, выборъ изъ писателя при прохожденіи курса,

но надо облегчить ему эту задачу указаніемъ на тотъ обширный матеріалъ, изъ котораго бы онъ могъ выбрать: при новизнѣ дѣла, отсутствіи хорошихъ учебниковъ и даже иногда монографій объ отдѣльныхъ авторахъ, преподаватели, я увѣренъ, будутъ за подобныя указанія, дающія имъ однако же свободу въ выборѣ, весьма благодарны.

Нѣкоторыя произведенія, внесенныя въ программу, я бы, по разнымъ соображеніямъ, устранилъ. Напр., изъ Некрасова — „Поэтъ и гражданинъ" и „Орина, мать солдатская", по условности идеи или неопредѣленности смысла; изъ А. Толстого — „Змѣй Тугаринъ", по нѣкоторой условности самаго содержанія и соединенной съ нею трудности комментарія этого стихотворенія для учениковъ; изъ того же автора, какъ драматурга, можно бы удовольствоваться его трилогіей, оставивъ въ сторонѣ „Донъ-Жуана" — тѣмъ болѣе, что знаменитый литературный сюжетъ этого послѣдняго произведенія могъ бы быть затронутъ при изученіи драматическихъ произведеній Пушкина, а на основательное сравненіе въ этомъ случаѣ Пушкина и А. Толстого едва ли будетъ у преподавателя достаточно времени. Наконецъ, подъ рубриками Тургенева и Достоевскаго было бы лучше, думается мнѣ, поставить у перваго — сначала „Рудинъ", а потомъ „Дворянское Гнѣздо" и у второго — сначала „Бѣдные люди", а потомъ „Униженные и Оскорбленные", т. к. обратный порядокъ, принятый въ программѣ и противорѣчащій хронологическому взаимоотношенію этихъ произведеній, не находитъ себѣ оправданія также ни въ ихъ внутренней зависимости между собою, ни въ ихъ художественныхъ достоинствахъ.

Курсъ VIII класса, по программѣ, предположено заполнить съ одной стороны Достоевскимъ и Л. Толстымъ, а съ другой — „теоріей поэзіи". Послѣдній курсъ составленъ въ очень широкихъ рамкахъ, и совершенно справедливо выдвинута на первый планъ историческая его часть. Для меня не совсѣмъ ясно только присоединенное въ концѣ примѣчаніе: „параллельно съ курсомъ теоріи поэзіи читаются и разбираются въ VIII классѣ поименованные выше романы гр. Л. Толстого и Достоевскаго" (т. е. „Дѣтство и Отрочество", „Война и Миръ", „Преступленіе и Наказаніе"). Какъ можно использовать это параллельное чтеніе въ интересахъ дѣла, т. е. въ данномъ случаѣ теоріи поэзіи?. И не пострадаетъ ли отъ этого эстетическая, историческая и философская сторона той пользы, которую безусловно можно ожидать отъ внесенія въ гимназическій курсъ изученія названныхъ перловъ нашей художественной литературы?

Вотъ — въ общихъ чертахъ — все, что я имѣлъ въ виду высказать по поводу министерскаго проекта новой программы. Новизна задачи (въ той части, которая касается новѣйшей литературы), характеръ подлежавшаго обработкѣ матеріала и въ особенности не-

обходимость примирить самыя разнообразныя точки зрѣнія на дѣло обусловливали собою значительную трудность этой работы, подающей, въ различныхъ своихъ деталяхъ, поводъ къ возраженіямъ, измѣненіямъ и поправкамъ. Неизбѣжно, конечно, что въ этихъ возраженіяхъ немало субъективнаго элемента. Поэтому, многое нужно ожидать отъ указаній опыта и отъ доброй воли, знаній и таланта преподавателя. Тутъ я только желалъ бы выразить мысль о полезности, при прохожденіи новѣйшей литературы въ VII и VIII кл., примѣненія лекціоннаго метода преподаванія, на помощь которому непремѣнно должны явиться репетиціи (по прохожденіи извѣстныхъ отдѣловъ) и, если возможно, устройство вечернихъ литературныхъ бесѣдъ, съ самымъ широкимъ участіемъ въ нихъ учениковъ въ роли составителей небольшихъ рефератовъ и оппонентовъ по этимъ рефератамъ. Лекціонный методъ, умѣло примѣняемый, долженъ дать, мнѣ кажется, наиболѣе возможности сдѣлать прохожденіе курса новѣйшей литературы дѣйствительно интереснымъ и сосредоточить вниманіе учениковъ на извѣстныхъ вопросахъ, безъ той разбросанности и дробности впечатлѣнія, которыя обыкновенно сопровождаютъ для ученика обычное прохожденіе предмета по учебнику, при краткихъ объясненіяхъ учителя и дачѣ товарищами то уже извѣстныхъ по учебнику, то прямо ошибочныхъ отвѣтовъ. Конечно, и практика подобнаго метода, и устройство литературныхъ собесѣдованій должны наложить на нашихъ преподавателей русской словесности новыя задачи и новую тяготу на ихъ плечи. Поэтому, безусловно слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы создать такія условія ихъ дѣятельности, которыя могли бы сдѣлать для нихъ привлекательнымъ и этотъ, столь плодотворный и столь необходимый въ реформируемый нынѣ русской школѣ, трудъ. Однако, разрѣшеніе этого вопроса не можетъ входить въ рамки настоящей замѣтки.

Е. Пѣтуховъ.

О проэктируемой Учен. Комитетомъ Мин. Нар. Просв. программѣ русской словесности для средн.-учебныхъ заведеній.

(Отзывъ составленный по предложенію Г. Попечителя Рижскаго Учебн. Округа для представленія въ Учен. Комитетъ Мин. Н. Пр.).

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій нѣсколько разъ видоизмѣнялась программа по русской словесности, мѣнялся даже кореннымъ образомъ взглядъ на цѣль и задачи преподаванія даннаго предмета. Жизнь уже показала, насколько были неосуществимы требованія послѣдней, нынѣ дѣйствующей, программы — изученіе главнымъ образомъ русскаго литературнаго языка; практика заставляла измѣнять эти требованія въ смыслѣ программъ предыдущихъ, отдавая преимущество изученію данныхъ историко-литературнаго характера. Помогали такому измѣненію неясность, неопредѣленность нѣкоторыхъ общихъ фразъ и положеній послѣдней программы. Когда въ 1903 г. Министерство возбудило вопросъ о расширеніи курса новой русской литературы въ VIII клас. мужск. гимназій и VII клас. реальн. учил., то уже указывалось на образовательное и воспитательное значеніе этой литературы, так. обр. выдвигалась другая точка зрѣнія. Работа комиссіи, учрежденной тогда по этому поводу, сослужила службу: она, собственно, уже положила начало ярко выраженному сознанію необходимости пересмотра всей программы. Посланная на разсмотрѣніе различныхъ педагогическихъ, попечительныхъ совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ, работа эта вызвала много вопросовъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ новой русской литературѣ, а относившихся ко всей программѣ рус. словесности. И вотъ собранный так. обр. матеріалъ былъ разсмотрѣнъ особой коммисіей (состоявшей изъ 3-хъ лицъ) Учен. Комитета М. Н. П., которая затѣмъ и представила свою работу, состоявшую изъ двухъ частей: 1) въ общемъ группировка присланнаго матеріала; 2) новыя программы съ объяснительными записками (кромѣ того, объяснительная записка одного изъ

членовъ комитета, г. Сиповскаго). Работа эта и будетъ подвергнута нами разсмотрѣнію.

Если сравнить 1-ю часть работы, представляющую группировку въ общемъ присланнаго матеріала (нужно пожалѣть, что изъ этого матеріала не сдѣланы бóльшія выборки), со 2-й, то можно прійти къ очень важному выводу: въ выработкѣ новыхъ программъ комиссія шла вполнѣ самостоятельнымъ путемъ. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту самостоятельность вполнѣ можно оправдать тѣми противорѣчивыми желаніями, мнѣніями безъ достаточныхъ мотивировокъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло комиссіи, то въ другихъ случаяхъ трудно согласиться съ игнорированіемъ желаній и мнѣній вполнѣ обоснованныхъ. Трудно согласиться также со многими изъ приводимыхъ доказательствъ. Чтобы яснѣе представить и лучше подтвердить эти свои мысли, я постараюсь разсмотрѣть работу комиссіи, разбивъ ее на опредѣленные отдѣлы (иначе приходилось бы повторяться и не оттѣнить главнаго).

1. Относительно курса древней русской словесности. Общее почти желаніе сокращенія этого курса не только не принимается во вниманіе составителями новыхъ программъ, но мы видимъ даже совсѣмъ обратное — курсъ древней словесности увеличивается. Сокращать программу древней словесности ради введенія новѣйшей комиссія находитъ безсмысленнымъ, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ совсѣмъ неподходящему сравненію: „если изъ ботаники вычеркнуть рѣдьку ради ананаса“ (стр. 40). Обращая особенное вниманіе на житія, легенды, повѣсти, выдвигая ихъ, комиссія думаетъ, что благодаря изученію подобныхъ произведеній создастся атмосфера своеобразной поэзіи, которую почувствуютъ ученики, что предъ ними раскроются „необъятные горизонты“, что яснѣе сдѣлаются и явленія новѣйшей русск. литературы, напр., сочиненія Л. Толстого, Достоевскаго . . . (34—35). Вотъ главное доказательство комиссіи, доказательство, апріорность котораго уже выяснена нашей учебной практикой. И если эти произведенія доставляли русскому человѣку неизсякаемый источникъ живой и высокой поэзіи, то нельзя ожидать этого, теперь, да еще для незрѣлаго ученика. „Необъятные горизонты“ могутъ раскрыться передъ человѣкомъ, уже дѣйствительно развитымъ, начитаннымъ, а мальчикъ 5-го класса совершенно не сумѣетъ оцѣнить и понять этотъ матеріалъ, и, не оцѣня его, не донесетъ до того времени, когда будетъ анализировать міросозерцаніе Толстого и Достоевскаго.

Тяжелая, слишкомъ тяжелая атмосфера создастся для нашего школьника, если мы будемъ руководствоваться принципомъ комиссіи: „необходимо оставить (т. е. удержать) всѣ тѣ произведенія, и, кромѣ того, внести такія, въ которыхъ есть зерна поэзіи, есть намекъ на эстетику . . .“ (48).

И въ новой программѣ, мы видимъ, довольно строго проводится этотъ взглядъ: стоитъ лишь посмотрѣть, сколько выпадаетъ на долю ученика 5-го класса труда при ознакомленіи съ произведеніями, въ которыхъ можно найти только „намеки“ на поэзію. Рѣдко на изученіи подобныхъ образцевъ, гдѣ только такіе „намеки“, можно воспитать любовь къ литературѣ.

2. Относительно курса новой русск. литературы. Та точка зрѣнія, которую проводитъ г. Сиповскій (и которой придерживалась комиссія въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ), относительно крайней осторожности въ выборѣ произведеній нов. русск. литературы, или точка зрѣнія, заставлявшая г. Сиповскаго быть даже противъ многихъ произведеній Тургенева, мнѣ совершенно непонятны. Развѣ можно ссылаться на неумѣнье преподавателей, съ одной стороны (43), или, съ другой стор., „на рѣзкую разноголосицу“, которую могутъ вызвать многія произведенія (49) (для примѣра „Отцы и дѣти“ Тургенева; это сочиненіе исключается изъ классной программы, но для домашняго чтенія, по г. Сиповскому, рекомендуются всѣ произведенія Тург., 46). Если говорить о неумѣньи преподавателей, ихъ неподготовкѣ, то почему бы тогда не сослаться и на слова проф. Истрина, приводимыя комиссіей въ другомъ мѣстѣ (21), что теперешнимъ преподавателямъ не откуда почерпнуть вполнѣ научнаго освѣщенія древняго періода словесности. Если г. Сиповскій задается вопросомъ: „подготовлены ли наши учителя къ отвѣтственной роли руководителей юношескихъ сердецъ?“ — и, очевидно, отвѣчаетъ на это отрицательно, то спрашивается, въ качествѣ чего же они являлись и должны быть при прохожденіи древней словесности?

И не было ли, скорѣе, причиной того, что преподаватели русск. словесн. фактически не являлись этими руководителями, отсутствіе прохожденія новой русской лит., которая несомнѣнно сближала бы сердца юношества съ душой преподавателя. Ждать пока исторія новой русск. лит. сдѣлается наукой, когда будутъ введены систематическіе курсы въ университетѣ, конечно, не приходится: это еще слишкомъ далеко. Но, вѣдь, мы же не готовимъ изъ учениковъ научныхъ дѣятелей; слѣдовательно, если произведенія новой русской литературы еще не оцѣнены научной критикой (48), то это не мѣшаетъ ихъ читать, разбирать, а если существуетъ „разноголосица“, то легче и удобнѣе разобраться въ ней при помощи учителя, чѣмъ безъ него.

Такимъ обр., съ одной стороны, вносятся въ програму произведенія, гдѣ только можно подмѣтить „намекъ“ на поэзію, а, съ другой стороны, подъ вліяніемъ различныхъ опасеній, не допускаются въ эту программу перлы поэзіи, при чемъ (судя по запискѣ г. Сиповскаго) при выборѣ произведеній новѣйшей литературы примѣняется

своеобразная точка зрѣнія: вносятся тѣ, „въ которыхъ проповѣдуется христіанская мораль, по скольку она нашла себѣ отраженіе въ міросозерцаніи лучшихъ людей древней Руси, въ лучшихъ людяхъ изъ народа и въ убѣжденіяхъ тѣхъ великихъ русскихъ писателей, которые . . . .“ (44).

Не могу также согласиться съ замѣчаніями г. Сиповскаго относительно того, что нѣтъ необходимости знакомить учениковъ съ русской критикой (45) и съ невнесеніемъ этой послѣдней въ программу. Г. Сиповскій говоритъ, что для школы не имѣетъ значенія изученіе такихъ писателей, которыхъ нужно на каждомъ шагу изобличать или взгляды которыхъ были неустойчивы, ненаучны. Но если при неустойчивости воззрѣній Бѣлинскаго на Пушкина, г. Сиповскій рекомендуетъ вносить попутно отдѣльныя его вѣрныя характеристики и мнѣнія, то спрашивается, не лучше-ли было бы также наряду съ этимъ отмѣтить неустойчивость и охарактеризовать этого или иного критика, дабы ученикъ затѣмъ не увлекся въ другомъ мѣстѣ высказаннымъ невѣрнымъ его мнѣніемъ. Необходимо также и изобличить, если особенно извѣстно, что критикомъ увлекались и теперь могутъ еще увлекаться (напр., Писаревымъ), „на каждомъ шагу“ и не требуется изобличать, т. к. не придется останавливаться на всѣхъ сочиненіяхъ даннаго критика и ихъ какъ бы комментировать.

3. Относительно теоріи словесности. Можетъ наводить на сомнѣніе возможность „создать курсъ, такъ сказать, исторіи философіи и теоріи литературы“ (34). Комиссія даже начерчиваетъ и схему подобнаго, еще не существующаго, курса. Но спрашивается, какъ же можно говорить о введеніи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ области, еще не получившей жизненности, не оформившейся, области, научность которой отрицается нѣкоторыми спеціалистами. (Не могу оправдать того черезчуръ полемическаго тона, который обнаруживается въ замѣчаніяхъ комиссіи противъ мнѣній проф. Истрина). Вспоминаются и возраженія самой же комиссіи о неподготовленности преподавателей относительно новой русск. лит.

4. Относительно народной словесности. Отмѣчая, что имѣется немало коренныхъ недосмотровъ въ „предыдущей программѣ“ словесности, комиссія говоритъ о необходимости отдѣлить народную словесность отъ исторіи литературы. Фактически это отдѣленіе и бывало. Но далѣе комиссія отмѣчаетъ болѣе существенный недостатокъ при прохожденіи народной словесности, а именно, что ученики не выносятъ настоящаго знанія сущности, глубины и многосторонности этой поэзіи. „Кто изъ учениковъ, кончающихъ курсъ, замѣчаетъ комиссія, знаетъ, какъ тѣсно связаны художественно-поэтическія эмоціи простого народа съ жизнью природы, какъ празднуетъ народъ до сихъ поръ традиціонными пѣснями и обрядами

весеннее пробужденіе могучихъ силъ природы?“ (35). Комиссія признаетъ, поэтому, необходимымъ „широкое и основательное“ знакомство съ народной поэзіей, а потому предполагается освѣщать изученіе этой поэзіи этнографическими толкованіями и ввести бо́льшее число произведеній, съ пріурочиваніемъ къ курсу 5-го класса. Но: 1. если просмотрѣть приводимую далѣе программу, то окажется, что она вовсе не обширнѣе, чѣмъ то находится въ нѣкоторыхъ нашихъ учебникахъ (за исключеніемъ развѣ „частушекъ!“); 2. расширеніе курса народной словесности прямо невозможно въ 5-мъ классѣ при всей начерченной программѣ для этого же класса по словесности (до 18 столѣтія, съ прочтеніемъ многихъ произведеній, затѣмъ еще подробный разборъ нѣкоторыхъ произведеній новой лит.); 3. лично не могъ бы согласиться съ пріуроченьемъ „широкаго и основательнаго“ изученія народной словесности къ 5 классу: такая постановка здѣсь не приведетъ къ надлежащимъ результатамъ; затѣмъ мнѣ непонятна тенденція, высказанная вкратцѣ комиссией (32), что это дѣлается „и въ цѣляхъ усвоенія учениками чистой народной рѣчи“: неокрѣпшему еще ученику, думается, рано усвоять эту рѣчь — она будетъ мѣшать формировкѣ его собственной рѣчи.

5. Относительно изложенія словесности. Комиссія находитъ, что проходить исторію лит. въ средне-учебн. зав. немыслимо, что здѣсь должно быть эпизодическое изученіе съ широкимъ историческимъ освѣщеніемъ. И эту точку зрѣнія комиссія проводитъ до извѣстнаго отдѣла лит. Употребляя мѣстами слова „исторія лит.“, комиссія ставитъ эти слова въ кавычки, показывая тѣмъ условность. Но, въ сущности, подъ эпизодическимъ прохожденіемъ съ широкимъ историческимъ освѣщеніемъ подразумѣвается, насколько возможно, исторія литературы. Характерно въ этомъ случаѣ выраженіе комиссіи на 22 стр. „ком. полагаетъ, что курсъ исторіи русск. лит. совершенно необходимъ. . . .“ И дѣля словесность по эпохамъ, комиссія рекомендуетъ проходить полученные так. обр. отдѣлы по жанрамъ. Дѣленіе по жанрамъ проведено также и въ программѣ. Но вопросъ въ томъ, возможно ли, не нарушая цѣльности, связывать исторію и теорію литературы*) и при томъ дѣлать экскурсы въ область западно-европ. лит. При послѣднемъ придется выполнять и ту работу, которая, собственно, отнесена къ VIII классу. И выполненіе по жанрамъ, нарушая цѣльность исторической перспективы, потребуетъ такой затраты времени

*) Впрочемъ, ранѣе (32) ком. говоритъ, что курсы V и VI кл. состоятъ изъ двухъ частей: первая систематическая — историко-литературная, вторая эпизодическая, при чемъ послѣдняя ставится въ связь съ ученич. сочиненіями. Слѣдовательно, здѣсь не совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ, что говорится на 38 стр. и въ программахъ.

(привлекая и работу будущаго), что не удастся выполнить программу. И если комиссія находитъ: „. . . . изъ этого всего видно, какъ неудобно располагать литературный матеріалъ по именамъ авторовъ, — сразу нарушится стройность картины, осязательность выводовъ; произведенія затеряются въ біографическомъ хламѣ....“ (39), то спрашивается, почему до подробностей указана въ программѣ біографія Пушкина? Правда, комиссія могла бы сослаться на свои слова (на 38 стр.), но здѣсь наряду съ необходимостью подробной біографіи Пушкина указана и необходимость біографій Лермонтова и Гоголя, но въ программѣ это не проводится. И мнѣ кажется, что и указанныя слова не оправдываютъ, если стать на основную точку зрѣнія комиссіи, подробностей въ біографіи Пушкина.

Не могу согласиться также съ разъединеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ при прохожденіи словесности. Такъ, въ VI кл. предполагается „подробный“ разборъ ром. Пушкина „Евгеній Онѣгинъ“, между тѣмъ, какъ „Евг. Он.“ входитъ въ курсъ исторіи лит. VII кл. То же самое сказывается и въ программѣ V кл.

Не соглашаясь съ общими точками зрѣнія, проведенными въ новой программѣ, я не останавливаюсь на частностяхъ. „Схематичности“, „стремленія къ ясности“ и „систематичности“, какъ отзывается сама комиссія о характерѣ своей программы, я не нахожу. Одно дѣленіе, напримѣръ, на поэтовъ: міровой скорби, чистаго искусства, народниковъ, драматурговъ, романистовъ и писателей моралистовъ — говоритъ уже противъ этого.

Я не думаю, что тѣ цѣли, которыя поставлены комиссіей, будутъ достигнуты, и мнѣ непонятна крайняя настойчивость комиссіи на проведеніи выработанной ею системы (. . . лишь бы при этомъ не нарушалась система курсовъ . . . 32).

Мнѣ думается, что въ нашихъ средне-учеб. заведеніяхъ нужно обратить вниманіе не на исторію лит., теорію словесности, а на самое литературу. И въ послѣдней нужно проходить образцы не бѣдные идеями и слабые въ художественномъ отношеніи, а наоборотъ — произведенія съ свѣтлыми идеями, художественной правдой, много говорящія молодой душѣ, слѣдовательно, нужно обратить главное вниманіе на прохожденіе и разборъ новой русск. лит. Чуть ли не съ перваго класса можно начать чтеніе и разборъ произведеній этой лит., подчинивъ этому чтенію и сообщеніе грамматическихъ свѣдѣній, а „исторію лит.“ можно бы пройти систематически (но вкратцѣ) въ высшихъ классахъ.

Н. Грунскій.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

DATE DUE			